

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ПОДВИГ МИЛОСЕРДИЯ

В самом начале Великой Отечественной войны (именно так тогда называлась 1-я империалистическая война) императрица Александра Феодоровна (на снимке справа) вместе со своими старшими дочерьми Ольгой (слева) и Татьяной (в центре) стали сестрами милосердия. В Большом Екатерининском Дворце Царского Села был устроен госпиталь для солдат, где они ежедневно работали. Это была не поза, все они окончили полный курс операционных сестер и получили дипломы в Красном Кресте в начале 1915 года (к этому моменту относится фото). Их деятельность, которая послужила примером для тысяч русских женщин-патриоток из среды дворянства и аристократии, продолжалась до конца февраля 1917 года. А уже 21 марта Августейшие сестры милосердия вместе с царской семьей были арестованы как «государственные преступницы». В ночь с 16 на 17 июля 1918 года в доме Н. Н. Ипатьева в Екатеринбурге разыгралась трагедия. Были расстреляны: император Николай II, императрица Александра Феодоровна, их дочери: двадцатитрехлетняя Ольга, двадцатиоднолетняя Татьяна, девятнадцатилетняя Мария и семнадцатилетняя Анастасия, их сын четырнадцатилетний царевич Алексей, доктор Е. С. Боткин, лакей А. Е. Трупп, горничная А. С. Демидова, повар И. М. Харитонов. Это подлое убийство было совершено по инициативе тогдашнего председателя ВЦИК Я. М. Свердлова.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

МГ

1990

12

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

Основан в 1922 году

Москва, ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

Первая страница обложки журнала:
Рис. И. Андреевой

«Молодая гвардия», 1990, № 12, 1—288

Наш адрес:

125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а.
Телефоны редакции: для справок — 285-88-58, 285-56-90, отдел прозы — 285-80-16; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; отдел писем — 285-80-16.

КТО ВИНОВАТ? ЧТО ДЕЛАТЬ?

Александр ЩИПАНЦЕВ

НА ПОРОГЕ КРАХА?

Что нас ждет на потребительском рынке

Прогноз экономиста

Начну со ссылки на авторитеты. Как известно читателям, первые лица страны, соглашаясь провести всенародное обсуждение очередной, майской 1990 года концепции перехода к регулируемой рыночной экономике (в отличие от декабрьской 1989 года плановой рыночной), заявили, что «острота суждений не должна пугать. Народ вправе ставить вопрос так, как считает нужным, и высказать сомнения, которые возникают». К сожалению, народ смог воспользоваться предоставленным ему правом лишь в увеличивающихся и вновь возникающих очередях: теперь уже в ожидании хлеба. Здесь острота суждений достигает накала: «До чего довели страну?.. Что же они... делают с нами? Чего он... показывает нам заграничные огороды, подумал бы о своем? Какой умник довел страну до нищеты? Конечно, умник — дурак так не сможет сделать. Как же нам жить дальше, чем кормить семью? Что же будет завтра?»

Суждения усиливаются жгучими эпитетами и непечатными русскими словами.

Что же на самом деле будет завтра, в 1991 году? Анализ показывает, что экономику страны довели до черты, за которой пропасть и крах. Анализ основан на официальных и реальных материалах, и если в нем будут прорываться эмоции, то они вызваны отчаянием бессилия от того, что мы вновь, как в недавние времена, являемся лишь бессловесным стадом для экспериментальных губительных игр «верхов». И вертят нами как пешками. С той лишь разницей, что позволяют выпускать накапливающийся пар, по пословице: «Когда собака лает — она не кусает». Убежден, что сегодня отмалчиваться — это преступление, расплачиваться за которое придется нашим детям. Тревога за страну, за то, чтобы 1991 год не стал годом голода, заставляет автора воспользоваться

правом, предоставленным высокими лицами, и довести до читателя трагичность положения.

I. СИТУАЦИЯ СЕГОДНЯ — ЗАКОНОМЕРНЫЙ ИТОГ ШАГОВ К РЫНКУ

Что происходит сегодня? Могло ли быть иначе? Можно уверенно сказать: нет. Нынешнее положение в нашей экономике закономерно и является логическим результатом всех сделанных за последние годы шагов к рынку и децентрализации экономики. В целом нынешнее экономическое положение страны характеризуется новым качеством — рыночной стихией. Рыночные отношения, к которым пряником и плетью гонят народ круги, натянувшие на себя маски «демократов» и «левых» радикалов (ибо кто теперь узнает или вспомнит их истинный облик на вакханальном маскараде нашей общественной жизни), дают все более зловещие плоды. Пока ведутся споры о регулируемом рынке, дикий рынок уже вошел в наш дом, опустошает наши кастрюли и кошельки. И чем дольше будут споры, тем разнузданнее будут действия этого рынка.

Но полученные результаты приветствуются победными звуками фанфар, а не ледяным душем вытрезвителя, с помощью которого изгоняют пьяный дурман и возвращают в реальный мир перепившихся гуляк. Более того, они приветствуются все более усиливающейся канонадой выстрелов из всех видов оружия, уносящих сотни человеческих жизней, ради каждой из которых и начата перестройка. Это тоже закономерно: свободные цены рынка бросились на самое беззащитное: жизнь человека.

Сегодняшний кризис в нашей экономике закономерен, он — следствие рыночных отношений в конкретных социально-исторических и экономических условиях и производственного базиса страны. Но следствие рынка не регулируемого, о чем пели «демократические» сирены, а дикого, первобытного, который только и мог вырасти на нашей теперешней почве.

Новые созревающие плоды рыночных отношений выросли практически во всех сферах: и в сельском хозяйстве, и в социальной области, и в культуре, науке, образовании, здравоохранении и т. д. Они еще не достигли полной спелости, но уже уверенно предсказывают выращиваемый для нас урожай кризиса. Вот факты.

Первое: плоды рынка в сфере сельского хозяйства и продовольствия.

Сначала — «фотография» состояния. В текущем году, по имеющимся оценкам, выращен рекордный урожай зерновых: около 300 миллионов тонн. Труд колхозника и природа дали стране шанс для наполнения продовольственного прилавка.

Однако катастрофическая ситуация с уборкой и заготовкой урожая овощей, фруктов, зерновых, обеспечением его сохранности и снабжения населения стала ошеломляющим, но вполне логичным и прогнозируемым шоковым проявлением разрушительных последствий непродуманных шагов к рынку. Заготовка продовольствия на будущий год (365 дней), можно сказать, дезорганизована и сорвана. (Эти строки пишутся в сентябре 1990 года.)

Уборка зерновых и овощей идет с отставанием. К 20 августа было намолочено только 133 миллиона тонн зерна, овощи на 4 сентября убраны лишь на 16 процентах площадей. Хлеб гибнет на полях, открытых токах, транспортных артериях. Велики потери. По самой скромной оценке, они ежедневно составляют миллионы тонн. В заготовительной кампании абсурдные парадоксы. На токах — горы хлеба, а в государственные закрома он идет тонкой струйкой: из 133 миллионов тонн собранного урожая государству на 20 августа передано всего около 40 миллионов тонн (или меньше половины минимального объема). Не хватает техники, но тысячи машин простаивают на полях без запчастей и горючего. Одни элеваторы задыхаются, в другие не везут зерно. В одних регионах и республиках — полно зерна, в других — хлеб начали выдавать по карточкам, многочасовые очереди, драки из-за хлеба. Общенациональные нужды игнорируются. Каждый регион, республика думает только о себе и чихает на соседей и государство. Хлеб, овощи остаются в поле, до потерь никому нет дела. Вагоны под вывоз зерновых не поступают в необходимых количествах, в других местах — используются как склады. Не хватает рабочих рук, уборочные и транспортные средства оказались не подготовлены к жатве. На водных причалах простаивают суда с нефтепродуктами, на других сдерживается погрузка хлеба. Только на речном транспорте, по оценкам специалистов, потери пропускной способности зерна составят более миллиона тонн.

В сельском хозяйстве из-за невозможности собрать урожай перепахивают плантации овощей. Так, только в Воронежском городском агропромышленном объединении овощи погибли на каждом восьмом гектаре. В то же время продажа овощей уменьшилась на четверть.

Характерно положение в Казахстане, житнице страны. В республике на 25 миллионах гектаров степных просторов, по экспертным оценкам, созрело более 30 миллионов тонн элитного зерна. Но для его уборки не хватает 10 тысяч автомобилей, запасы бензина исчисляются днями, нет людей. Тысячи казахстанцев колесят по республикам, побираясь у них бензином, техникой, работниками. В ответ на призывы Казахстана помочь убрать урожай республики отвечают: «Это ваши проблемы». Пытаются нажиться на трудностях Казахстана. Например, Украина за каждого механизатора требует сверх положенного седьмую часть валового сбора зерна.

Снабжение населения продовольствием резко ухудшается. Продажа овощей и фруктов в городах уменьшилась на 25—30 процентов. Поступление сельхозпродуктов в централизованные фонды, несмотря на обильный урожай, идет в еще худшей степени. Произошло снижение производства по важнейшим продуктам питания. Неуклонно уменьшается производство мяса, яиц, растительного масла, консервов. Промышленная выработка мяса снизилась почти во всех республиках. Сокращаются закупки скота и птицы: за полугодие их уменьшили почти половина хозяйства; закупки молока сокращены в 39 процентах хозяйств. Полугодовой план поставок в общесоюзный фонд мяса, мясопродуктов, молока и молокопродуктов сорван: поставлено соответственно 86 процентов и 97 процентов. Сократили продажу овощей хозяйства 12 республик. По сравнению с полугодием 1989 года закуплено овощей на 14 процентов меньше. По состоянию на конец августа в об-

щесоюзный фонд недопоставлено продуктов питания на миллиард рублей.

Уменьшается поголовье скота и птицы, сокращаются их закупки. Происходит большой падеж скота. За 9 месяцев 1990 года пало 2,3 миллиона голов крупного рогатого скота, 6,1 миллиона свиней, 7,2 миллиона голов овец и коз. Страшные цифры.

Факты дестабилизации и ухудшения положения стареют с каждым днем. По сравнению с первым полугодием падение к кризису набирает скорость. В разгар сбора и поступления нового урожая острота ситуации на продовольственном рынке приняла беспрецедентный характер. В некоторых пунктах Калужской области были введены карточки на хлеб (в мирное время!). В Москве за буханкой черного хлеба люди простаивали часами. Мяса почти нет, овощей в госторговле практически не купишь. Продовольственный кризис принимает необратимый характер краха.

В чем же причина создавшегося положения? Нахождение истинных причин должно предопределить и дальнейшие меры по их устранению и предостеречь от ошибок. Первый слой причин, лежащих на поверхности (им в основном оперируют средства массовой информации), сводится к следующим.

Не хватает рабочих рук, недостает горючего и запчастей, уборочная техника и транспортные средства оказались неподготовленными к жатве. Не хватает транспорта, сельхозтехники, отсутствуют достаточные перерабатывающие мощности.

Договорные обязательства на поставку сельхозтехники не выполняются, ее поставка осуществляется ниже уровня прошлого года. Мощности перерабатывающих предприятий не вводятся, в первом полугодии введено в строй лишь 29 процентов от плана.

Устойчиво усиливается тенденция снижения производства техники для сельского хозяйства: тракторов, зерноуборочных комбайнов, кукурузоуборочных машин и др. Даже при этом предприятия сельскохозяйственного машиностроения недодали в первом полугодии свыше полутора тысяч жаток к комбайнам «Дон-1500» и «Нива», заводы Минхимнефтепрома — более миллиона клиновых и вентиляторных ремней и др. В июле, в самую горячую пору страды, восьми союзным республикам не поставлено 150 тысяч тонн бензина, в том числе Украине — 50 тысяч тонн. С другой стороны, имеющееся на нефтеперерабатывающих заводах моторное топливо не вывозилось (Лисичанск, Пермь, Омск, Мозырь, Нижний Новгород, Грозный, Волгоград, Саратов).

Не хватает людей в сельском хозяйстве, так как город перестал помогать деревне.

Но эти внешние причины являются только следствием более глубинных связей, в которых и заключается момент истины, корни проблем. Широко пропагандируются два объяснения. Рыночные «демократы», используя старый набор отработанных штампов, всю вину за кризисные последствия валят на действия «хриплой командно-административной системы», партократию, министерства, ЦК КПСС, «правых», которые мешают развернуться предпринимателям, фермерам, арендаторам, кооператорам, перекупщикам и другим частным собственникам. Это объяснение является дезинформацией, скорее обманом народа, скрывающим истинные причинно-следственные связи. Думается, что приводить его и верить ему можно лишь по двум причинам: или в силу неграмот-

ности, некомпетентности или в целях обмана ради завоевания власти любой ценой, пусть даже и ценой страданий народа. Второе объяснение — обезличенное, безадресное — приводится газетой «Правда»: «Старое в нашем обществе разрушается быстрее, чем создается новое». Кем разрушается? Как будто действует природная стихия. Этот вопрос газета не ставит и ответа не дает, потому что он высветит ответственность тех кругов, что призывают и дальше к безудержному разрушению, несмотря ни на что.

На самом же деле, как показывает анализ фактов, причиной настоящего кризиса является цепь, мягко говоря, ошибочных шагов по разрушению централизованной экономической и управленческой системы, которые открыли все шлюзы диким рыночным отношениям и предопределили сегодняшние результаты. Судите сами.

Ребенку известно, что каждый год наступает лето, осень и пора страды, которая обеспечивает страну продовольствием на целый год. Урожай сам не собирается и не сохраняется по щучьему велению или хотению верховных органов, даже в условиях всеобщего плюрализма и словесного недержания. Никакая «демократическая» речь (если ее даже произносит человек с фамилией Травкин) пока еще не скосила и не сохранила ни одного колоса и не заменила рук крестьянина. Процесс агропромышленного производства охватывает цепь взаимосвязанного комплекса работ: выращивание урожая, его сбор, транспортировку, хранение, переработку и доведение до потребителя. Он включает организацию дела и отработку производственных и материальных связей, материально-техническую подготовку и снабжение во всех звеньях комплекса. Это азбучные истины, но вынужден напомнить о них, так как складывается впечатление, что конструкторы рынка их забывают. Одной из главных предпосылок эффективной и производительной работы сельского хозяйства и продовольственной сферы является его материальный базис, система надежного снабжения и развития инфраструктуры. Это не значит уменьшение роли производственных отношений, но значение материальной основы является преобладающим. Важность этих проблем будет понятна, если учесть, что более 70 процентов всех работ в сельском хозяйстве выполняется вручную, и для ликвидации такого отставания требуется создание и поставка широкого диапазона сельхозтехники в тысячных объемах. Показательный пример: когда американских фермеров, работавших прошлым летом на Кубани, спросили, смогли бы они взять больший урожай с гектара, хозяйствуя здесь вместо совхозов и колхозов, они ответили: «Нет, при вашей технике и обслуживании». А если еще учесть дикое бездорожье в сельской местности, учесть, что глубинки многих регионов страны порушены, нет связи, больниц, и ни жить, ни работать там нормально нельзя?

О важности проблемы материально-технического обеспечения деревни в один голос говорили и говорят все практики сельского хозяйства, председатели колхозов, крестьяне и даже зарождающиеся фермеры. Так, для товарной работы фермерского хозяйства нужен кредит в размере 250—300 тысяч рублей, отоваренный сельхозтехникой и материалами, наличие дорог для вывоза продукции. О важности указанного вопроса говорили и первые лица правительства страны и КПСС. Более того, в решении мартовского 1989 года Пленума ЦК КПСС по сельскому хозяйству вопросы

материально-технического обеспечения деревни и перерабатывающих отраслей промышленности были отмечены как важнейший элемент комплекса мер по реализации продовольственной программы. Решение этой проблемы требовало целенаправленной концентрации общенациональных усилий, централизованного регулирования процесса и создание необходимых хозяйственных и экономических условий. Мировой опыт показывает, что так делается во всех организованных, развитых странах.

Однако что же произошло на самом деле? Решение Пленума партии осталось пустой декларацией, трезвые голоса «практиков-сельхозников» — воплями утопающих, которым еще и навесили камни-ярлыки консерваторов, правых, антиперестройщиков. Все было сделано наоборот. Отсюда растут глубинные корни кризисного процесса последних лет.

Централизованная система материально-технического снабжения была «успешно» разрушена на уровне всех производственных и сельскохозяйственных звеньев. Зона централизованного и планового регулирования и управления практически демонтирована до первобытного состояния и парализована. Особенно это затронуло самые болевые места хозяйственных стыков сфер сельского хозяйства и промышленного производства, все необходимые производственные и организационные связи между городом и деревней, между промышленностью и населением. Перевод производственной сферы на ничем не обузданные рублевые, стихийно-рыночные отношения при самостоятельности предприятий и уничтожении централизованного управления порвал все эти связи и оставил деревню беззащитной и голой перед рыночным рэкетом.

На разрушенные связи между промышленными и сельскими хозяйствами резонансно наложились (и не могли не наложиться) межреспубликанские и межрегиональные рыночные распри и местнические интересы. Топливодобывающие и производящие республики и регионы забирают ресурсы на горючее и материалы себе в ущерб другим, другие — не дают запчасти, третьи — запрещают вывоз продукции за свои пределы. Дикий рынок, в свою очередь, толкает аграрников в коммерцию. Зерно не сдается государству, а продается покупателям побогаче. Прибалтийцы покупают его по 100 рублей за тонну, Молдова — по 50 рублей, а в госторговлю для Ленинграда оно не поступает. В больших количествах зерно скупают кооперативы и продают его даже на Запад. В ожидании повышения цен село копит зерно у себя. Понять это можно: сейчас сдашь зерно по одной цене, а завтра комбикорма и технику будут поставлять ему вдвое дороже. При этом в условиях всесоюзного товарообмена каждый, естественно, стремится создать товарный фонд для обмена.

Традиционная для нас эпидемия реорганизационного зуда набросилась на организационно-управленческие структуры сельского хозяйства. Они были безграмотно разрушены под предлогом поиска врагов и виновных и под массированные крики о ликвидации бюрократического аппарата, на «марше» (как тогда говорилось). Ступени разрушения трагичны. Ликвидация Минсельхоза, Минпищепрома и других министерств, связанных с продовольствием. Образование агропромышленного монстра — Госагропрома, его ликвидация. Образование импотентной и безвластной Комиссии по продовольствию и закупкам. Комиссия не имеет даже отдела, который бы занимался проблемами пищевой промышленно-

сти. Реальных рычагов воздействия и управления, кроме никого не обязывающих указаний, Комиссия не имеет. За ступенями разрушения стоит кадровая и организационная чехарда, разгон высококвалифицированных управленческих специалистов (не путать с партократическим аппаратом), сознательных, дисциплинированных, которые раньше, в условиях некомпетентного руководства, своей сознательностью и совестью поддерживали стабильность. Многократные реорганизации и перестановки, новые образования, безжалостные увольнения неугодных, имеющих свое мнение, привели к тому, что люди, не зная, что с ними будет, чувствовали себя временщиками, теряли чувство ответственности. Новые управленческие структуры заполнялись неквалифицированными, блатными людьми, умевшими поддакивать руководству. К управлению новыми органами привлекалось неквалифицированное руководство, высокопоставленные фавориты, нередко завалившие работу на старом месте.

Управленческим зигзагам подвергся и машиностроительный комплекс, обслуживающий сельское хозяйство. Последовательно были ликвидированы Минживмаш, Минсельхозмаш, Минлегпищемаш; образован Минавтосельхозмаш, работники которого подверглись такой же экзекуции. У министерств, ведомств осталась только оболочка мумии, уничтожено все внутреннее наполнение, возможности экономически, организационно и административно влиять на процессы. В течение трех лет так и не было утверждено положение о новых министерствах.

В результате всех разрушительных новаций центр практически полностью демонтировал рычаги управления. Под декларации о передаче власти Советам, местному самоуправлению центр снял и ответственность за состояние дел в сельском хозяйстве.

Кто же заполнил вакуум? Дикий, неуправляемый рынок. Все, как предлагали Селюнин и другие экономисты-рыночники. Хочешь — заключай договор, хочешь — нет. Правят ничем не сдерживаемые интересы хозяйств.

Табачный кризис является типичным примером некомпетентных действий верхних эшелонов, разрушивших органы управления и специализированные отрасли.

Посевные площади табака с 1985-го по 1990 год были сокращены в 1,8 раза (со 186 до 102 тысяч гектаров), закупки табака на этот период уменьшились с 379 до 249 тысяч тонн (в 1,5 раза). Причем в 1986 году были отменены 50-процентные надбавки на табак, а табачные фабрики лишены валютных ассигнований для поддержания импортного оборудования. Отрасль находилась на правах пасынка. Практически никто ее не курировал. Нашли козла отпущения в лице председателя Комиссии по продовольствию В. Никитина, уволенного решением Президента. Но все это только следствие. В условиях создания стихийного рыночного положения Комиссия уже не могла на что-то повлиять, а правительство продемонстрировало неспособность управлять ситуацией.

Комплексность подхода к общенациональным вопросам была заменена стихией рыночных отношений. Это сразу ударило по производству продовольствия и вызвало его снижение. Возьмем, в частности, такой продукт, как консервы. Их требуется 15 с лишним миллиардов банок в год. Но производство связано с поставкой стеклянных банок, металлических крышек, резиновых колец, сахара, консервантов. Для выпуска продовольствия нужен совсем

небольшой круг комплектующей и сырьевой продукции. Но поставляют ее разные республики, министерства, предприятия. Даже в таком относительно простом производстве дезинтеграция и рынок тут же вызвали сбои. Дефицит банок составляет 3,5 миллиарда штук в год, из-за чего остаются непереработанными 1,4 миллиарда тонн овощей и фруктов на 900 миллионов рублей. Оборудование для выпуска банок устарело, их производство неуклонно снижается. Кто и когда даст деньги для замены оборудования, кто его поставит? Вдобавок к этому Россия и Украина сократили вывоз банок в другие республики, в частности, южные. Остро не хватает резинового кольца, его выпуск падает. В своем составе это кольцо должно иметь сепарированный мел, который добывает единственный в стране карьер в Белгородской области. Однако и добыча мела сокращается. Поставки сахара и консервантов тоже падают. Кто же отвечает за все? Никто. Центральное управление уничтожено, все передано на места, предприятиям, хозяйствам. Создана анархия производства, сбытовой сферы, материального обеспечения, образован дикий рынок.

Рыночные отношения в сфере производства и распределения продовольствия (как на отраслевом, так и межреспубликанском и местническом уровнях), вызванное этим снижение объемов производства продовольствия и поступление его в госсектор, анархическая ломка межреспубликанских связей и каналов поступления продуктов явились детонатором для взрыва цен на продукты питания. Даже, по данным Госкомстата за 9 месяцев с. г., государственные цены по сравнению с тем же периодом 1989 года повысились: на картофель — на 16 процентов, на овощи — на 27 процентов, на фрукты — на 22 процента. По сравнению же с 1988 годом это повышение достигает 2—3 раз.

Резко увеличились рыночные цены на мясопродукты (в мае — на 24%, в сентябре — на 49%), на овощи — на 31 процент (в том числе в июне на 36%). К 1988 году рыночные цены повысились в 2—4 раза. В Москве, Нижнем Новгороде, Ленинграде на 27 июля (!) рыночные цены на говядину были 13—20 рублей за килограмм, картофель — 0,8—1,5 рубля, лук репчатый — 1,5—2,5 рубля, свежие огурцы — 1,5—3 рубля, помидоры — 2,5—4 рубля, масло растительное — 6—9 рублей, арбузы — 2—2,5 рубля. На Рижском рынке в Москве 3 сентября цена за говядину доходила до 40 рублей за кг (для сравнения: в 1988 году цена за говядину на рынке была 5—6,5 рублей за кг и казалась автору очень большой).

«На московских рынках правят бал перекупщики. Они взвинчивают цены на те же овощи, хотя в стране их предостаточно. Длительная бездеятельность центральных и местных властей в этой сфере породила миллионеров. Они прибирают к рукам рынок, стараются все больше влиять на общественную жизнь, ее процессы», — вот как резко отзывается о положении Е. С. Строев. Почему же такая резкость? Ведь все эти действия, представляется, осуществляются вполне в рамках и в духе сделанных шагов и того набора средств, который принят как аксиома, как цитатник Мао Цзэдуна: «переход к регулируемой рыночной экономике, где успех может быть достигнут лишь на основе децентрализации, разгосударствления средств производства, всемерной поддержки предпринимательства, реформы ценообразования (информация о поездке т. Лукьянова в Черкесск, 15.8.90 г.). Все очень логично. Перекупщик — это предприниматель, децентрализация — это

длительная бездеятельность центральных властей, всемерная поддержка предпринимательства — это миллионеры. Взвинчивание цен — это реформы ценообразования. Не хочешь — не бери, нет денег — гуляй голодным, занимайся предпринимательством. Хотя автор полностью согласен с оценкой Е. С. Строева, но она вызывает вопрос: «Зачем же на зеркало пенять?»

Почему так произошло? Объясняют, что процессы пошли не так, как предполагали, что не предвидели результаты, что все очень сложно. То есть по пословице: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги». Но это объяснение ставит цепь других вопросов. Значит, «творцы» были некомпетентны, непрофессиональны? Значит, не видели проблемы в целом, в связи с реальной жизнью? В отличие от пчелы человек, прежде чем строить дом, составляет его чертежи. Тем более «чертежи» такого сложного, как экономическая система нашей страны, кровно связанная с социально-политическим настроением общества. Выходит, мы начали ломать старый дом по насекомообразному инстинкту, нашему условному рефлексу все разрушать? Иначе как же понять сообщения печати о том, что только в июле — августе 1990 года экономические комиссии Президента и правительства получают необходимые расчеты на общенациональном уровне, и то не все.

Практика показала, что воплощаемые в жизнь теоретические построения были не увязаны с жизненными реальностями, противоречили диалектике в части учета конкретных материальных условий нашей страны. Были проигнорированы коренные предпосылки, обеспечивающие возможность создания совершенного регулируемого рынка, подобного существующему в развитых странах. Как же у них? Первое, на базе созданной за длительный период мощной индустрии обеспечивается постепенное превышение предложения над спросом. Имея резервные мощности, постоянно воспроизводится избыток продукции, что является необходимым условием функционирования экономики в системе рынка. Поэтому увеличение производства товаров не входит в круг насущных потребностей этих стран. У нас же экономика, в силу сложившегося положения, диспропорций, отсталой материально-производственной базы, имеет дефицитный характер, а увеличение выпуска товаров является сложнейшей проблемой. Второе, капиталистическую систему пронизывает исторически отработанная конкуренция, базирующаяся на развитой индустрии и сельском хозяйстве, подкрепленная законодательными актами и системой мер государства. В промышленной сфере, даже при наличии крупных корпораций, широко развита международная конкуренция, которая нейтрализует их монопольную власть. Корпорации имеют возможность получать прибыль, где рабочая сила дешевая. Кроме того, сильные профсоюзы, объединения потребителей, система фирменных магазинов представляют значительную силу, противостоящую влиянию корпораций. Действующие антимонопольные законы, государственная экономическая политика диктуют, а производственная структура и избыток мощностей позволяют организовать конкурирующие фирмы и корпорации.

В нашей стране сложилась монополизированная структура производства. Большинство предприятий, особенно в машиностроении, являются монополистами, расположены в разных республиках, но обслуживают единый народнохозяйственный комплекс. При этом монополизированные кооперационные связи вследствие проводи-

мой специализации многократно пронизывают всю экономику страны. Принятие антимонопольного закона, на который рассчитывают как на панацею, практически может начать давать ощутимые результаты лишь через 10—15 лет, так как его реализация требует колоссальной перестройки производственной структуры всего хозяйства.

По словам известного американского экономиста Дж. Гэлбрейта, свободная рыночная экономика, о которой толкуют публицисты, является примитивной предпосылкой. Старомодный викторианский рынок уже просто не существует на Западе. Современный капитализм — это сплав государственной собственности и собственности крупных корпораций. В ходе своего исторического развития он достиг уровня, когда все большая часть деловой активности осуществляется гигантскими транснациональными корпорациями. Например, в США две третьих всего производства приходится на долю менее чем двух тысяч корпораций. И подобная тенденция наблюдается во всех индустриальных государствах. Капиталистической экономике присущи крупнейшие организации, часто превосходящие наши промышленные министерства. Планирование становится жизненной необходимостью для капиталистического хозяйства. Как пишет известный американский экономист В. Леонтьев, ведущие индустриальные страны широко применяют методы анализа и планирования наиболее эффективных вариантов развития экономики, охватывая 600—700 отдельных отраслей, а в Японии — даже до двух тысяч. В масштабах государства и корпораций организованы специальные структуры, осуществляющие разработку мер по направленному регулированию экономического развития. С помощью системы налогов, льгот и преференций оно помогает развитию необходимых отраслей, ускорению обновления основных фондов, с помощью бюджетных дотаций государство компенсирует нехватку платежеспособного спроса населения, поддерживает сбалансирование между спросом и предложением. В частности, государство выплачивает субсидии на сельхозпродукцию с тем, чтобы производить ее на таком уровне, на котором цены устанавливаются ниже издержек. Во время войны 1941—1945 годов в США контролировались все цены. Наивно предполагать, что в современном индустриальном мире, со сложными производственными взаимосвязями, меняющейся экономической конъюнктурой, развитие государства могло бы происходить без постоянного совершенствования, анализа и целевого направления экономических процессов. По мнению Дж. Гэлбрейта, капитализму есть чему поучиться у социализма в элементах планового регулирования производства.

Неучет реального состояния и объективных возможностей экономики привел к тому, чего и следовало ожидать — дикому рынку. Подчеркиваю: сегодня другого рынка у нас возникнуть и не могло. Честные экономисты и практики прогнозировали такое развитие событий и предупреждали о них. «Большого скачка» не получилось и получиться не могло. Входили в реформу с лозунгом защиты потребителей, а в реальной жизни сделали наоборот. Расширение прав предприятий сказалось расширением прав монополий. Кризис с уборкой урожая наглядно выявил порочность осуществленных и проповедуемых шагов: по замене централизованного управления и регулирования — рынком, основанным на голых групповых интересах с безудержной децентра-

лизацией. Это убедительно подтвердили дальнейшие события. Когда кризис достиг опасной черты, то творцы и реализаторы рынка поспешно стали срывать с себя «демократические» маски и вытаскивать из столов так проклинаемые ими командно-административные маски, но уже в «диктаторском» варианте. Повсеместно объявлено чрезвычайное положение, принимаются диктаторские меры по мобилизации производственных коллективов на помощь деревне. К огорчению, эти судорожные усилия лишь несколько ослабят ситуацию, а не исправят ее полностью, так как время упущено. Людей можно мобилизовать, но материально-технической базы этим не поднимешь и производственных связей не наладишь. Причем, что интересно: к чьей, собственно, сознательности обращаются рыночники? К коллективам госпредприятий, к студентам! А почему не к кооператорам, арендным и акционерным, совместным предприятиям и другому частному сектору? А потому, что предпринимателям — предпринимательство (то есть нажива), а сознательность — рабочим. Вот лакмусовая бумажка, проявляющая, кто есть кто и кому это выгодно. Имеющий уши — да слышит, имеющий глаза — да видит, умеющий думать — да подумает. Но главное: имеющий совесть — да будет честным и правдивым, почувствует боль за отчизну, подавит в себе самомнение и подумает семь раз, прежде чем ввергнуть народ в пучину ради своекорыстных интересов, власти или собственного агрессивного невежества.

II. РЫНОК В ПРОМЫШЛЕННОМ СЕКТОРЕ

В промышленности неуклонно снижается производство подавляющего большинства важнейших видов продукции. Общий объем промышленного производства снизился за 9 месяцев с. г. по сравнению с тем же периодом 1989 года на 0,9%. Повсеместно ухудшается выполнение договоров, идет их прямое нарушение.

В легкой промышленности снизилось производство всех видов тканей. За I полугодие 1990 года недопоставлено по заключенным договорам товаров почти на миллиард рублей.

Запланированный прирост непродовольственных товаров народного потребления выполняется примерно наполовину, в основном из-за необеспеченности материальными ресурсами и комплектующими изделиями.

На предприятиях химико-лесного комплекса продолжается снижение выпуска основных продуктов, что все в большей степени сказывается на межотраслевых связях, приводит к срыву поставок продукции как внутри комплекса, так и вне его. Упало производство синтетических смол и пластмасс, необходимых для товаров народного потребления, шин для грузовых автомобилей, бумаги, в том числе газетной, картона. Сократился выпуск синтетического каучука. Изношенность парка химического оборудования в отрасли достигла 60—65%.

В медицинской промышленности из-за недостатка сырьевых ресурсов (пропионовой, муравьиной, соляной, уксусной кислот, оксиацетальных соединений), а также из-за остановки местными органами ряда предприятий сократилось производство витаминов, синтетических антибиотиков, многих сердечно-сосудистых препаратов. Остановлено 29 предприятий по выпуску лекарств (о при-

чинах не знает сам член Политбюро ЦК КПСС т. Строев Е. С.). Потребность населения в медикаментах удовлетворяется, по самой оптимальной оценке, на 50—60%. Даже в столице нет лекарств от головной боли ни в одной общедоступной аптеке.

Крайняя напряженность сложилась с продукцией лесной промышленности. Производство деловой древесины уменьшилось за I полугодие на 10%, или 10,5 млн. кубометров, выпуск пиломатериалов — на 7%, а в некоторых производственных объединениях — на 11—17%.

Предприятия целлюлозно-бумажной промышленности из-за необеспеченности древесным сырьем и химикатами сократили производство товарной целлюлозы на 6% и бумаги — на 2%. За полугодие недопоставка лесобумажной продукции потребителям по заключенным договорам составила около 400 миллионов рублей.

В строительной индустрии сокращается производство основных материалов: цемента и асбеста, мягких кровельных материалов, оконного стекла, напорных железобетонных труб. Снизился выпуск изделий высокой строительной готовности: сборного железобетона — на 2 миллиона тонн, конструкций для крупнопанельного домостроения — на 0,6 миллиона квадратных метров, легких металлических конструкций — на 56 тысяч квадратных метров. Программа жилищного и социально-культурного строительства не обеспечена материалами.

В топливно-энергетическом комплексе продолжает снижаться добыча нефти и угля. Производство автомобильного бензина уменьшается, в результате чего сложилось напряженное положение с обеспечением нужд многих потребителей.

В торговле страны с капиталистическими странами растет задолженность за поставки импортных товаров. За I полугодие импортировано товаров на 15 миллиардов рублей (увеличение на 13%), экспортировано — на 11,5 миллиарда рублей (снижение на 8%). Несмотря на ликвидацию государственного монополизма внешней торговли и на предоставление права выхода на внешний рынок многим хозяйственным единицам, колониальная структура экспорта не изменилась. Основной статьей наших экспортных поставок остаются топливно-сырьевые ресурсы, на которые приходится более 50% общего экспорта страны. Причем по бартерным сделкам, осуществляемым непосредственно хозяйственными звеньями (в порядке товарообмена без денежного расчета), топливно-сырьевые ресурсы в экспорте составляют 67%.

Каковы же основные причины снижения и дезорганизации производства промышленной продукции и лавинообразного ухудшения положения?

Их корни — в ошибочной, малоквалифицированной политике насаждения предпринимательства, получения прибыли любой ценой, даже в ущерб всем остальным партнерам. В непродуманном демонтаже системы материально-технического снабжения и практически полной ликвидации рычагов для централизованного регулирования и управления производством важнейшей продукции, обеспечивающей общенациональную стабильность экономики. В зигзагах с госзаказами, плановыми показателями, зажимом заработной платы, тормозящими производство.

В результате мы получили анархию и стихийность. Разбалансированность. Производители выкручивают руки партнерам, не считаясь с их и общенациональными интересами. Сложившиеся про-

изводственные и хозяйственные связи порваны, договорная дисциплина сведена к нулю. Главными стали не товаро-денежные отношения (на которые рассчитывали), а товаро-обменные, как в первобытном обществе (ты мне вагон мяса, я тебе — вагон металла). Выигрывает сильный и богатый, изворотливый и жестокий. Но выигрывает только для себя. Эта дестабилизация затронула все взаимосвязанные звенья народнохозяйственных комплексов.

Так, например, даже на основании официальных данных Госкомстата СССР основными причинами снижения производства продукции являются: в металлургии — недостаточное обеспечение сырьевыми и материальными ресурсами; в машиностроении — неудовлетворительное обеспечение предприятий металлопрокатом и трубами, срыв поставок комплектующих изделий; в химико-лесном комплексе — нарушение внутри- и межотраслевых связей, непоставка сырьевых ресурсов оборудования и запчастей; в лесной и целлюлозно-бумажной промышленности — недостаточное обеспечение сырьем, материалами, оборудованием. И так далее. Кроме того, так же как и в агропромышленном комплексе, «успешно» проведено разрушение структуры управления. Накопленный потенциал квалифицированных управленческих кадров безжалостно развален. Еще оставшиеся специалисты перетасованы, посажены на другие «ветки» и в состоянии растерянности и нервного потрясения ждут «отстрела» под кровожадные крики гуманных «демократов».

Плоды этого урожая тоже предсказывались многими экономистами и производственниками (в частности, автором). Но кто захочет их услышать в конъюнктурном звоне меди и ударах барабана под гармонизированным управлением «демократических и гуманистических» капельмейстеров?..

III. РЫНОК В ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Критическая ситуация создается в жилищно-коммунальном хозяйстве и обеспечении насущных потребностей человека в тепле. Для подготовки хозяйства к отопительному сезону нет труб, насосов, соли. Причиной является ломка системы материально-технического снабжения и замена ее рыночной стихией. В результате жилищно-коммунальная сфера закономерно поставлена в самые уязвимые условия. На отрасль не распространяется госзаказ, а выход на прямые рыночные связи с поставщиками встречает категорические отказы или наталкивается на анархию натурального обмена («бартерные сделки» в перестроечном варианте). Так, для Донецка и области Катайский насосный завод традиционно поставлявший насосы для замены старых, которые уже выработали двойной ресурс, отказывается заключать договор на 1991 год. Бийский котельный завод, давний поставщик котельного оборудования, также ответил отказом, мотивировав его в духе времени, что «коммунальное хозяйство при рыночных отношениях непрестижно (!)». Даже необходимая для умягчения воды поваренная соль стала дефицитом, так как объединение «Артемсоль» предпочитает продавать ее за валюту. Полный развал с поставкой труб. В 1990 году обеспечено трубами лишь 5% потребности. В Челябинске за вагон труб тре-

буют поставить два рефрижератора мяса, в Сумах — армированное стекло, в других местах — листовой металл, фаянс и т. д.

Важнейшая социальная сфера в рамках общих шагов дестабилизации отдана на растерзание дефицитному рынку и оставлена без поддержки государства.

IV, V, VI: РЫНОК В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ, КУЛЬТУРЫ, ПЕЧАТИ, НАУКИ

Система высшего образования в условиях нашего рынка теперь окажется на грани кризиса. По словам ректора Московского института инженеров железнодорожного транспорта, члена-корреспондента АН СССР В. Иноземцева, при отсутствии серьезной государственной программы в области высшего образования, подкрепленной материальными ресурсами, для многих московских вузов арендная плата за землю окажется в нынешних условиях просто разорительной.

В области культуры глубина бездуховности будет провально увеличиваться. Как пишет А. Бобров в «Литературной газете» (22.8.90 г.), если рынок окончательно воцарится в книгоиздании, будут ли дешевые издания классиков в семьях, борющихся за выживание? При переходе на чисто рыночные отношения издательства новинок, к каковым относится «Советский писатель», разорятся и ликвидируются в первую очередь.

В сфере средств массовой информации, прессы приход рынка взвинтил цены на массовые издания. Почти в два раза дорожает госцена на бумагу, увеличивается стоимость типографских работ, посреднических услуг по распространению периодических изданий. Но даже при этом бумаги не становится больше, наоборот, ее выпуск падает. Идет жестокая борьба за бумажные ресурсы. Органы связи и распространения прессы не увеличивают объем услуг и не улучшают их качество. Идет борьба за включение изданий в систему распространения.

Многолетние сложившиеся творческие союзы и объединения писателей, журналистов перед лицом рынка устраивают свару за право обладать прибыльными изданиями и забывают свои «гармонизирующие», «гуманизирующие» и «консолидирующие» призывы.

По фундаментальной и перспективной прикладной науке наш дикий рынок нанесет сокрушительный удар. Отечественные предприниматели, заинтересованные лишь в сиюминутных результатах, не будут раскошеливаться на долгосрочные прожекты, не приносящие быстрой прибыли.

ПОЧЕМУ АПОЛОГЕТЫ РЫНКА БРОСАЮТСЯ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОРМУШКЕ!

Практически все органы прессы и других средств массовой информации, академики разных политэкономических и других наук, литераторы массированно убеждали общественность в благах рынка, сулили небесную манну и быстрое достижение всеобщего благосостояния, как «в Швеции или Швейцарии». Но как только рынок непосредственно коснулся их интересов, так все разом и дружно стараются избежать его и притянуть к себе зонтик госу-

дарственной защиты. Вот какой финт продемонстрировали нам «строители» и пропагандисты рынка.

Производственные звенья, обслуживающие прессу, строго в духе пропагандируемых рыночных подходов решили повысить цены и тарифы на бумагу, типографские работы, услуги на доставку и продажу. Это и логично и закономерно: чтобы не быть убыточными, позволить выжить своим коллективам в условиях рынка, не ходить нищими и не стать банкротами и проданными денежным мешкам, отечественным и зарубежным. Но вдруг оказалось, что, когда рыночные отношения касаются другого, это хорошо. А как только рынок затрагивает твои шкурные интересы, то долой его.

Как по команде, была организована кампания протеста. Сплотились все цвета прессы: правые и левые, красные, зеленые, желтые, черные. Чего же они требуют? Цены на бумагу и услуги не повышать, установить централизованный госзаказ на бумагу, выделить каждому централизованные фонды. Категорически требуют вмешательства правительства, центра. Например, «Комсомольская правда» (24.8.90 г.) прозревает: «Когда свобода насаждается насильственно, она уже называется по-другому... Молодежные газеты, много лет приносящие прибыли, вдруг — с двойным и более повышением цен на бумагу, полиграфические услуги и распространение — становятся обузой. Но нам не нужна такая свобода — свобода разориться».

Но, как указывалось выше, в условиях дефицита может быть только «свобода» дикого рынка! В сфере образования тот же член-корреспондент АН СССР В. Иноземцев просит из госбюджета компенсации платы за аренду, обеспечения материальной базой и ресурсами.

Союз писателей СССР, издательства «Советский писатель» и «Советский художник» направили слезное письмо в правительство страны, Главснаб и выше — вплоть до Президента, с просьбой сохранить госпоставки бумаги, «ибо без такой поддержки невозможно развитие литературы, искусства, освещения реального процесса и поддержку подлинного таланта».

Писатель А. Бобров в «Литературной газете», самом яростном органе — стороннике рынка, упрекает ЦК КПСС в невыполнении собственного постановления о развитии материальной базы литературы и искусства, а XXVIII съезд КПСС — в том, что в его резолюциях нет «хоть слова о материальной базе литературы и искусства, об оценке партией грабительских налогов, о защите всепроникающего и грабительского рынка». Свое возмущение этими фактами он увязывает даже с вопросом выхода из партии.

Хитрее и практичнее всех поступила академическая наука. Используя свою служебную и неслужебную близость к первым лицам, академики построили себе твердую крепость, изолирующую их от ураганных натисков рынка. Это крепость — Указ Президента «О статусе Академии наук СССР». С помощью Указа Академия наук СССР получает в свое распоряжение основные фонды и другое государственное имущество, созданное всем народом. Причем академики предусмотрели себе государственное финансирование научных работ, госбюджетные ассигнования для улучшения материального обеспечения, пересмотр действующих окладов, специальные фонды для решения социальных вопросов.

Безусловно, это необходимая мера для защиты академической науки в условиях рыночной стихии. Академики-то ясно понимают,

что выжить в условиях рынка им будет трудно и многие погибнут. Но вместе с тем этот знаменательный шаг, а также указанные выше требования и обращения прессы, деятелей культуры и образования вторично, как индикатор, выявляют лицемерность и двоедушие позиции этих погромщиков государственной системы. Для себя они требуют льготную нишу, прикрываемую центром и отгороженную от рыночных джунглей. Для частного сектора — льготы и защиту. Для государственного же — налоги, петлю фонда заработной платы, производительность и сознательность. Кто же должен остаться в зоне стихийного рынка? Тот, кто создает ценности, производит товары: рабочий человек и колхозник. Трудящимся — рыночные цены, безработицу, работу на частного предпринимателя без права жалобы и охраны труда. «Демократической» элите, надстройке, дельцам, перекупщикам и подпевалам — государственную охрану, дотации, ключи к дележке продукции, изготовленной рабочими, и прибыль от нее. Таковы факты.

Президент и правительство страны принимают меры по стабилизации положения на потребительском рынке. Окажутся ли они действенными? — на этот вопрос читатель уже сам сможет ответить, получив перед Новым годом 12-й номер «МГ».

●

Юрий БРОВКО,
инженер

ДЕРЖИСЬ, РОССИЯ!

Совокупность ставших известными в последнее время фактов нашей новейшей истории и сегодняшнего положения страны — развал идеологии, морали, политической и экономической системы и государственности — в который уж раз ставит на повестку дня традиционные для славян вопросы: **Что же с нами случилось! Как мы дошли до столь жалкого существования! Кто виноват! Что делать!**

I. ЭКОНОМИКА — СОРОКАЛЕТНИЕ ИТОГИ

Подумаем, читатель, что стоит за следующими фактами нашей российской повседневности. Оказывается, что в межреспубликанском обмене РСФСР ежегодно недополучает 70 млрд. руб. национального дохода. Тем самым разоренная Россия является экономическим донором для всех остальных республик, бесплатно поставляя им все виды сырья, включая и интеллектуальное. Оказывается, являясь главным валютным цехом страны, из более чем 40 млрд. валюты Россия получает немногим более 6 миллионов (или 0,015 процента). Оказывается, что внутренние цены на нефть являются экономическим абсурдом — литр российской нефти стоит дешевле бутылки минеральной воды. Оказывается, славянский хлеб закупается по ценам в 5—7 раз ниже винограда.

Все это не какие-то случайные или краткосрочные диспропорции в области цен, а многодесятилетняя политика, проводившаяся центральными ведомствами. Что же стоит за этим? — особенно если учесть, что беды и невзгоды всех остальных республик широко муссировались «прорабско-пристроечной» печатью, а любые попытки заговорить об этом россиянами той же печатью немедленно пресекались навешиванием ярлыков («великодержавный шовинизм», «имперские амбиции», «монархо-нацизм»...), руганью и бранью. Давайте подумаем над всем этим, читатель, обстоятельно рассмотрев совокупность фактов в их последовательности и взаимосвязи.

В качестве «запевки» проиллюстрирую, как на практике реали-

зуется тезис о ведущей роли рабочего класса и всеобщем уважении к человеку труда на примере последних достижений тейлоризма в области животноводства. В канун своей ликвидации Госагропром СССР выпустил «шедевр» по нормированию и тарификации труда — «Нормы времени на обслуживание крупного рогатого скота в мясном животноводстве» (М., Агропромиздат, 1988). Посмотрим, какую же интенсивность труда задают скотникам в эпоху НТР. Оказывается (с. 53, табл. 25), в расчете на одну голову обслуживаемого скота скотнику дается: на удаление навоза — 18 секунд, на подноску или подвозку корма на расстояние до 500 метров — 23 секунды. В истории спорта еще ни один самый тренированный человек не пробегал эту дистанцию за это время. А вот в нашем животноводстве это по многу раз на дню запросто проделывает любой скотник — да еще с охапкой соломы, да еще зимой в ватнике и валенках. И вот за подобный труд он имеет право получить 127 «рэ» в месяц, которые не обеспечивают даже нищенского существования ни ему, ни, тем более, его семье. Если говорить обтекаемо, то это не что иное, как издевательство над человеком или продолжение все той же политики «коллективизации» в нашем трижды разоренном селе.

Возьмем справочник НИИЦен Госкомцен СССР. (Индексы себестоимости и закупочных цен по колхозам и совхозам. М., 1979.) Здесь мы сталкиваемся с удивительными фактами. Оказывается, до 1977 года (дальше в справочнике нет данных) для хозяйств РСФСР было убыточным производство всех основных продуктов сельского хозяйства — за исключением зерна и мяса птицы. Как следствие — низкий уровень оплаты труда, обнищание и разорение деревни, массовая миграция сельского населения.

Для иллюстрации приведу данные ЦСУ по уровню годовых доходов в 1987 году по республикам (в расчете на один колхозный двор в тысячах рублей): РСФСР — 1,36, Украина — 1,48, Белоруссия — 1,57, Грузия — 1,8, Латвия — 3, Эстония и Туркмения — 4,1, Азербайджан — 4,4... Так кто же беднее всех? — именно славянские регионы. И вовсе не потому, что мы «генетически неполноценны». Разорение крестьян России возведено в ранг государственной политики, заложено в систему закупочных цен. Завершила же многолетнюю политику разгрома российского сельского хозяйства архибессмысленная кампания «неперспективных деревень».

Следствие подобной политики — вырождение народа: за 1986—1988 годы русских стало на 6 млн. человек меньше. Сегодня в России (в расчете на 1000 человек) самый низкий уровень лиц с высшим образованием, меньше всего врачей, самая низкая обеспеченность жильем, школами, медицинскими и детскими учреждениями. В России самая тяжелая экологическая ситуация. У нас самый низкий уровень обеспечения промышленными товарами длительного пользования. Но и не только это — именно Россия является единственной республикой, не имеющей с 1917 года своей Академии наук, своего телевидения и даже телеграфного агентства. Для наглядного сравнения — до 1937 года в Харькове, бывшем тогда столицей Украины, существовала еврейская Академия наук и еврейское телеграфное агентство.

Такое, мягко выражаясь, головотяпство принципиально невозможно объяснить «случайным» стечением «нелепых обстоятельств» или повальной глупостью чиновников сверху донизу. Не имеет

к этому отношения и форма собственности на землю — подобной политикой закупочных цен можно запросто разорить за несколько лет любого миллиардера, а не только сбить с ног худосочный колхоз. Стало быть, за всей этой многолетней практикой стоит продуманная политика, направленная именно на разорение народа и разграбление страны. И во все времена и во всех странах проведение подобной политики называлось именно геноцидом. Этим и только этим объясняется столь странный «феномен», что самая богатая страна мира не способна прокормить саму себя. Как это делается реально, покажу на примере так называемой «мясо-зерновой» проблемы.

Если взять за основу 1913 год, когда Россия кормила своим хлебом всю Европу, то при росте населения на 177% (от 159 до 282 млн. чел.) рост производства зерновых составил 246% (от 86 до 211 млн. т). С этой точки зрения вообще невозможно объяснить: в чем смысл широкого импорта зерна. Если же взять за основу 1960 год, то и здесь аналогичное: рост населения на 132,6%, рост производства зерна на 168% *. И более того, в 1960 году при объеме госзакупок зерна 220 кг на душу населения мы экспортировали зерно в объеме 6,8 млн. т. А вот в 1987 году при уровне госзакупок зерна в 260 кг на душу населения мы уже импортировали аж 30,4 млн. т зерна. Еще более разительные цифры для 1985 года — при более высоком уровне госзакупок, чем в 1987 году, мы импортировали более 34 млн. т зерна, что обошлось нам в 4,8 млрд. инвалютных рублей. Самое удивительное то, что все это время непрерывно снижалось потребление хлебопродуктов на душу населения: 1913 год — 200, 1960 год — 164, 1970 год — 149, 1980 год — 138, 1987 год — 132 кг. Наши новоявленные «радетели» все уши прокричали нам, что каждая третья булка выпекается из импортного хлеба. Дескать, бросьте кичиться вашим патриотизмом, станьте на колени и извольте выслуживать милостивое отношение наших «кормильцев-радетелей» из транснациональных корпораций (ТНК). На поверку же оказывается — грубая фальсификация, примитивные подлоги.

В самом деле, по официальным данным (Госкомстат СССР. СССР в цифрах в 1988 г. М., 1989, с. 222), потери зерна при уборке и подработке составляют 15—20 млн. т. И еще столько же теряется при хранении и переработке. И вот каждый год (лично я наблюдал это на целине еще в 1978 г.) раз за разом повторяется одна и та же ситуация — как только начинается уборочная, так тут же «испаряются» моторные топлива. Затем мы импортируем... Скажите, читатель, а разве можно лишь по невежеству додуматься до такой архиглупости, чтобы более десяти лет ежегодно расходовать по 8—10 млрд. долл. на импорт зерна и продовольствия вместо того, чтобы, один раз потратив те же 10 млрд., раз и навсегда навести порядок? Тратить десятки миллиардов вместо того, чтобы один раз сменить руководство соответствующих ведомств и поручить КГБ один разочек жестко спросить Госплан, Госснаб, Миннефтехим (и др.): где нефть и бензин?

Но этого не происходит. Значит, за этим стоит теснейшая связь

* Данные взяты из следующих справочников: сборники ЦСУ СССР «Народное хозяйство СССР» за 1960, 1965, 1970, 1980, 1987 гг.; Устинов И. Н. и др. Экономика и внешнеэкономические связи СССР. Справочник. М., «Международные отношения», 1989; Госкомстат СССР. Социальное развитие и уровень жизни населения. Статистический сборник. М., 1989.

нашей «демократии» с интересами и целями экономической мафии, с интересами подотчетной ей и ею же руководимой коррумпированной части аппаратной бюрократии. За этим стоит стремление создания широких условий для вмешательства в нашу внешнюю и внутреннюю политику различных группировок банковского капитала, спецслужб и просто международных мафий. Стало быть, за этим стоит организованное разграбление страны, стоят планы развала государства и его последующей колонизации. Для полноты вывода рассмотрим связанную с зерном и мясную проблему.

Достаточно полное сравнение статданных мы можем провести, лишь взяв за основу 1965 год. Все, кому сегодня за 35, помнят, что в 1965 году мясной проблемы не было — в магазинах любого рабочего поселка всегда было можно купить мясо и, худо-бедно, сорта два колбасы. Так вот, по сравнению с 1965 годом госзакупки мяса в убойном весе в расчете на душу населения в год увеличились с 25 до 50 кг. Так где же мясо?

Взяв данные по поголовью скота, по видам и среднему значению его живого веса (по данным приемных пунктов, что дает несколько завышенную общую величину, но других данных статистика не дает), легко определить динамику «бегающего» мяса. Взяв же данные по производству мяса в живом весе и определив его удельный вес в общей величине «бегающего» мяса, убедимся в том, что колебания этой величины находятся в пределах нормы. Таким образом, данные госстатистики доказывают, что мясо в стране производится в достаточном для нормальной жизни количестве. Стало быть, ключ к мясной проблеме лежит не в сфере материального производства, а в сфере распределения, находящейся в руках экономической мафии (и подпевающих ей «экономических звезд»), которая в целях политической и экономической дестабилизации общества, в целях прорыва к рычагам политической и экономической власти организовала крупномасштабное уничтожение мяса и мясопродуктов. Приведу два конкретных примера.

В статье И. Васильева («Правда», 15.09.88 г.) приводится проведенный КНК СССР баланс производства и распределения мяса на примере Новосибирской области. Оказывается, из 83 кг среднедушевого производства этой самой среднестатистической душе достается лишь по 18 кг (по 15 кг — это потери, а по 50 кг — невесть куда «испаряются»). И как свидетельствует следователь по особо важным делам Прокуратуры РСФСР В. И. Олейник (Банда, шайка, система. «Огонек», № 49, 1988 г.), широко распространена практика, когда вместо мяса в магазин с мясокомбинатов поступают непосредственно деньги, которые тот сдает в банк в качестве выручки. То есть вместо продукта оборот совершают его бумажные символы. Понятно, что подобное — закупка мяса на мясокомбинатах с целью уничтожения — является абсурдом лишь с точки зрения здравого смысла. А вот с позиции «теневиков», рвущихся к реабилитации награбленного и всей полноте политической власти, подобное является одним из действенных методов.

Здесь же нужно сказать, что за период 1965—1987 годов производство кормов всех видов (в расчете на 1 кг «бегающего» мяса) росло опережающими темпами. Особенно существенно выросло за это время производство кормового зерна (овес, ячмень, кукуруза).

И вот на этом фоне мы закупаем на Западе именно кормовое зерно. Грабительский характер этих операций доказывается тривиально — удельный вес госзакупок в общем производстве кормового зерна все эти годы не превышал 25%. А ведь, казалось бы, все крайне просто — закупай то же кормовое зерно у своих колхозов за доллары и на этой основе поднимай и возрождай центральные области России. Ведь те же Вологодская, Архангельская, Ярославская, Новгородская области в этих условиях завалили бы страну овсом, ячменем, рожью и сеном. Значит, ставка делалась на разорение и обнищание, а не на возрождение.

Перейдем к конкретным цифрам, иллюстрирующим уровень качества питания нашего народа. Для этого введем понятие — стоимость среднестатистического «едоцкого дня» (общая сумма продаж продовольствия делится на суммарное число человеко-дней в году). Вот динамика этого показателя: 1975 год — 0,81, 1980 год — 0,92, 1985 год — 1,1, 1986 год — 1,18 руб. Согласитесь, цифры удручающие. Если же учесть крайнюю неравномерность в распределении продовольствия по городам и весям, то картина будет еще неприглядиее. Если, скажем, в крупных центрах семья имеет возможность расходовать по 2—3 рубля в день на человека, то тогда в глубинке равное количество семей должны расходовать по 20—30 копеек (иначе нельзя будет получить среднестатистические данные). Баланс сходится за счет того, что в стране сегодня 10 млн. человек питаются в основном «святым духом» — расходуя на питание в месяц по 8 руб. на человека (их месячный рацион: 200 г растительного масла, 1,7 кг мяса, 300 г. рыбы, 6 шт. яиц, 3 кг картошки и 5 литров молока — без учета, конечно, хлеба и воды).

Ситуация еще более опасна, если учтем удельный вес мясо-молочных продуктов в общей стоимости питания. Например, в 1986 году среднестатистический «едок» расходовал на мясо-молочные продукты лишь 50 коп. в день, в которые входит и «воздушное» мясо, когда оборот совершали бумажные символы. Неравномерность же регионального распределения приводит к тому, что, например, в республиках Средней Азии среднедушевое потребление мяса — граммы в день. А это уже страшно — ведь без высококачественных животных белков дети отстают в умственном развитии — ребенок становится не способным усвоить требуемый уровень знаний и овладеть рядом сложных специальностей. И крупномасштабные последствия этого уже не заставили себя ждать — призывники из ряда регионов не могут служить в современных родах войск. Тем самым это ведет к возникновению поколения, принципиально ограниченного в своей социально-политической потенции.

Однако и это не все. На этот процесс нищенского уровня питания необходимо еще наложить организованную алкоголизацию народа. Не говоря уж о чисто экономических потерях (порядка 300 млрд. руб. в год), представьте себе качество генетического фонда нашей молодежи, если среди них дебильных и умственно отсталых детей до 16% (это оценки академика Углова — «МГ», № 5, 1989 г.). Это уже не просто продовольственная проблема — это острейшая политическая проблема пресечения организованного геноцида. В качестве наглядной иллюстрации нашего будущего пример судьбы американских индейцев. Когда европейцы вторглись в Америку, там жил многомиллионный могучий народ. Их

победило огнестрельное оружие? Увы, их победила «огненная вода»: прошло сто лет, и вместо могучего народа жалкие вырождающиеся остатки, загнанные в резервации. И нас, славян, ждет та же участь, если не принять жестких и решительных мер по пресечению политики геноцида. Медлить и играть в болтологию — сегодня уже преступление. Для доказательства этого приведу один исторический факт.

Английский драматург Сомерсет Моэм в качестве сотрудника Интеллидженс сервис в 1917 году находился в Петербурге, где он должен был заниматься организацией сопротивления большевикам. Драматурги по своей природе народ очень наблюдательный. Так вот, говоря о национальных особенностях русской интеллигенции, С. Моэм отметил, что, даже находясь на краю пропасти национальной трагедии, интеллигенция занималась главным образом говорильней. С. Моэма приводила в шоковое состояние страсть российской интеллигенции к митингам, собраниям, выработке программ и воззваний, бесконечные споры о словах (и т. д.). Чем все это кончилось, сегодня хорошо известно — заканчивались эти «принципиальные» споры на Соловках, на каналах (и, разумеется, массовыми расстрелами). И сегодня все то же — проведено несчетное количество «круглых и квадратных столов» практически по всем вопросам (от расчистки улиц от снега до влияния космоса на земные дела). От яростных упражнений в риторике пять лет гудят все курилки, а воз реальных дел и ныне там — у края очередной национальной трагедии, после которой Россия уже не встанет. Попробую убедить, что так оно и есть.

Давайте обратимся к цифрам по состоянию дел с потребительскими товарами.

Оказывается, что в 1986 году в каналах розничной торговли «испарилось» товарной продукции, выпущенной из ворот предприятий: в пищевой промышленности — на 20, в легкой промышленности и промтоваров — на 45—20, сельхозпродукции — на 18—20 млрд. руб. И сверх этого — через каналы розницы «выплыло» 16,5 млрд. руб. «левых» денег, которые никому официально не выплачивались через кассы. Общий объем теряемой по этим причинам продукции может вызвать шок — в 1986 году общая сумма потерь и разграбления составила более 240 млрд. руб. Для наглядного сравнения — столько страна потеряла за 4 года самой жестокой и разрушительной в истории войны. И подобное имело место не только в 1986, но и в 1976, и в 1989 году. И после этого находятся «эксперты» и «академики», утверждающие, что славяне ленивы и не умеют работать?

И вот на фоне этого беспощадного разграбления страны наши новоявленные «экономические звезды», Абалкин и его «командос», предлагают обуздать награбленные деньги путем распродажи нашего национального достояния. И несмотря на то, что свернуть голову экономической мафии можно за 2—3 месяца (одно из решений дано в статье «Экономическая мафия: существует ли она в нашей стране?» — «МГ», № 12, 1989 г.), в ряде публикаций в качестве архиреволюционного решения нам предлагают легализовать награбленные миллиарды и предоставить им статус наибольшего благоприятствования. Где же искать корни подобного «революсьена»?

Если вы сравните экономическую платформу межрегионалов

(и «демократов») с содержанием статьи одного из наших беглых «радетелей» (Белоцерковский В. Третий путь. «Грани», № 92—93, 1974 — издание НТС, ФРГ), то убедитесь в их полной идентичности. Еще в 1974 году предлагалось возрождение института частной собственности через аренду, коллективную собственность, акции, биржи и т. д. В руках государства предлагалось также оставить лишь самые низкорентабельные отрасли тяжелой индустрии. Правда, есть маленькое «но» — в 1974 году Белоцерковский предлагал этот пакет решений как наиболее действенный метод ликвидации политической системы и государства. Вам не кажется, читатель, мистическим наитием, что как по мановению волшебной палочки проповедниками этих концепций беглых «радетелей» вдруг стали все новоявленные «звезды» нашей окоротиченной печати, практически все академики и членкоры? Но так как любой из нас знает, что мистики и чудес в данном вопросе быть не может, то за этим мистическим единодушием стоит мощная и разветвленная организация, поставившая своей целью разорение Отечества и ликвидацию его политической и экономической независимости. Рассмотрим еще ряд фактов.

За период 1975—1987 годов только на импорт машин и оборудования мы затратили 700 млрд. долл. И если сегодня промышленность работает на физически изношенном и отсталом оборудовании, то в какую же прорву ухнули эти горы долларов?

За период 1972—1985 годов мы добыли золота (по моим оценкам) не менее чем на 180 млрд. долларов. Куда же оно делось, если все эти годы импорт полностью оплачивался за счет экспорта сырья, топлива и полуфабрикатов? Правда, ответ здесь, возможно, прост — все эти годы русское золотишко шло на реализацию планов Бронштейна (Троцкого) по разжиганию мировой «революции». Причем России еще до 1917 года была отведена роль «растопочного хвороста». Кстати, за последние пять лет наш внешний долг увеличился на 40 млрд. долларов. На какие же цели ухнули и эти миллиарды, если экспорт, как и прежде, всегда превышал импорт, а товаров весьма поубавилось?

За этими фактами мы вновь обнаруживаем целенаправленную политику, ведущую к разграблению Отечества. Однако это лишь видимая часть разбойного айсберга, когда растаскивался готовый продукт. В еще большей мере растаскивался труд общества.

Действительно, еще в 1975 году на конференции Госплана академик Патон доложил, что за счет так называемой «вилки прочности» мы теряем до 30% металла. Суть в следующем. ГОСТ на металл допускает колебание по его прочности в 25—30% — скажем, от 1200 до 1600 кг/см^2. При этом металлургов заставляют выпускать металл по верхнему пределу прочности, а вот расчетчикам тот же ГОСТ задает нижний предел, увеличивая тем самым и расход металла. Согласитесь, принципиально невозможно поверить, что подобное головотяпство может так долго существовать само по себе, невзирая на усилия многих людей от него избавиться. И это далеко не единичный случай. Например, 50% добываемого топлива идет в потери; в созданной энергосистеме в распределительных сетях (до входных трансформаторов потребителей) теряется до 35% электроэнергии, в то время как все наши ГЭСы и АЭСы в 1987 году дали лишь 25% от общей выработки (так зачем же мы их создаем? — как и в случае с зерном, для покрытия чрезмерных потерь?). Примеры, конечно, можно мно-

жить — вспомним все тот же пресловутый Минводхоз, варварское истребление лесов и т. д., но не в количестве суть. Суть в том, что вся наша экономика представляет собой процесс переброски кучи песка по кругу — помните, в старых фильмах про войну нам показывали, как таким методом изматывали в концлагерях наших военнопленных?

Таким образом, даже бегло подсчитанная сумма результатов деятельности наших экономических институтов убедительно доказывает, что проводилось в период «застоя» и проводится во время «перестройки». А именно: широкомасштабное и хорошо организованное разграбление страны. Проводилась и проводится политика экономического геноцида.

Вместе с тем известно, что беда не ходит одна.

II. НАУКА, ЗДОРОВЬЕ, ГЕНЕТИКА

Думаю, ясно, что в принципе невозможно вначале дать человеку первоклассное образование, а затем заставить его кидать песок по кругу. Значит, знание нужно заменить псевдознанием, нужно дать ложные ценности и мнимые авторитеты. И действительно, за 1957—1987 годы наша наука сделала более 360 открытий *. Открытие — это то, что нельзя получить из обиходной и общедоступной системы представлений. Это прорыв за горизонт известного и существенное повышение научного интеллекта общества. При этом общество крайне заинтересовано, чтобы это знание передавалось новым поколениям инженеров и ученых, резко повышая тем самым их социальную потенцию. Однако попробуйте отыскать в современных учебниках по естествознанию хотя бы упоминание об этих открытиях. Попробуйте найти специальные монографии, где бы проводился научный и философский анализ этих достижений. И уж совсем из области мистики — возьмите переводные западные учебники и монографии. Но и там пусто! Значит, налицо организованная корпоративная ложь нашей академической элиты, которая в союзе с какими-то международными силами превращает знания в частную собственность замкнутых международных кланов для проведения политики интеллектуального геноцида по отношению к миллионам.

Возьмем, к примеру, традиционную трактовку теории Максвелла (для наглядности — именно на ее основе работает транзисторный приемник), объявленную «вершиной электромагнетизма». На любые попытки поставить под сомнение ее универсальность наша «святая» наука ответит: «Невежда — предложение противоречит законам природы». Однако возьмем открытие № 133, внесенное в реестр еще 14 августа 1973 года под названием «Акустомагнетоэлектрический эффект». Из формулировки его содержания следует, что в металлах, помещенных в магнитное поле, при прохождении через них звука возникает электродвижущая сила (говоря проще, разность напряжений), действующая поперек направления распространения звука. Это явление обусловлено взаимодействием звуковой волны с электронами. Однако подобное взаимодействие принципиально нельзя получить и описать в рамках

* Конюшая Ю. П. Открытия советских ученых. Часть I—II. М., МГУ, 1988 (для сравнения — тираж 11550 экз., а какими тиражами гонит и по сей день «Знание» примитивную популярщину?).

традиционных трактовок теории Максвелла. Она категорически запрещает заряду взаимодействовать с акустической волной.

И таких открытий, доказывающих явную ограниченность традиционных (и изложенных во всех расхожих учебниках) трактовок теории Максвелла, десятки. Так каким же законам и какой природе противоречат подобные явления, открытые современной наукой?

Широкое использование этих знаний миллионами инженеров и научных сотрудников явилось бы основой для создания принципиально новых направлений в самых различных областях техники, включая ту же связь, источники энергии и другие. Но кланово-элитарный характер нашей академической науки наложил запрет на это знание для многих десятков миллионов людей, сузив их горизонт познания и социальных возможностей.

Вместе с тем нас не только лишают права на новое знание, добытое тяжким трудом всего народа, но и в искаженном, перевернутом виде дают и знание прошлое, подсовывая превратные представления и ложных кумиров. Наиболее характерным примером является релятивизм.

Анализ истории развития науки показывает, что существует теснейшая духовная и идейная связь между релятивизмом и теософией (европеизированное изложение древневосточной философии). Возьмите работу Е. Блаватской «Тайная доктрина», работы других теософов конца прошлого и начала нашего века, и вы легко обнаружите действительный источник «архибезумных» и «гениальных» идей многочисленных релятивистов, начиная от Эйнштейна и кончая Гинзбургами. На поверку «составляющими» релятивизма оказываются тривиальный подлог, плагиат и фальсификация *. А разве можно добиться хороших результатов в науке, молясь на иконы балаганных шутов?

Однако подавление ума и таланта новых поколений при помощи фальсификации даваемого знания — лишь одна сторона медали. Есть вещи и похуже. В многочисленных статьях последнего времени до нашего сознания довели, что славяне неполноценные и ущербные (вспомните об «изысканиях» некоего Маде, еще раз прочтите «Русофобию» Шафаревича...). Но сегодня мы уже хорошо знаем, что неполноценность можно создавать и искусственно при помощи генной инженерии и химиотерапии. В связи с этим хочу напомнить о статье Н. Харитоновой «Прививки без иллюзий» («Советская Россия», 05.07.1989 г.). В детских прививках были обнаружены опасные ядохимикаты (низкомолекулярные предшественники диоксина), которые туда добавляются, как утверждал главный санитарный врач РСФСР Акулов, в качестве консервантов. Это объясняется, дескать, тем, что технология производства наших вакцин такова, что их непосредственное применение весьма опасно. Вот с целью их дополнительной стерилизации и добавляются эти предшественники диоксина (напомню — диоксин самый опасный яд, действующий разрушающе на иммунную систему всего живого, яд, который США применяли во Вьетнаме в качестве боевого отравляющего вещества и который признан ООН веществом экологического геноцида). С другой стороны, экспертиза Госкомприроды СССР установила, что в условиях окружающей среды

---

* См., например: Бровко Ю. Кто вы, доктор Давыдов? — «Техника и наука», 1984, № 10.

эти низкомолекулярные предшественники диоксина трансформируются в сам диоксин. Правда, никто не изучал этот процесс в человеческом организме, но тем не менее можете представить себе, что делает наша медицина с нашими детьми, если даже для новорожденных существуют нормы ПДК (предельно допустимой концентрации) для ядохимикатов! Не этим ли наряду с повальным пьянством объясняется рост числа умственно неполноценных и дебильных детей? Тогда чем все это отличается от генетического геноцида с целью создания «человека рабочего»? Помните «Мертвый сезон»?

Следующей закономерностью является то, что условия труда в народном хозяйстве вплотную примыкают к методам целенаправленного калечения людей и создания условий для отрицательного влияния на их потомство. Об этом неоднократно писалось: в связи с условиями работы на заводах искусственного белка; об этом же идет речь в статье врача А. Цессарского («Опасны для жизни». «Рабочая трибуна», 12.01.1990 г.); об этом же статья журналистов Н. Булавинцева, А. Мельниковой («Заложники радиации». «Советская Россия», 04.05.1990 г.). Об этом же речь шла во множестве статей в связи с опасной экологической ситуацией во многих городах Центра, Поволжья, Урала, Украины. Об этом же шла речь в статьях об опасных последствиях применения пестицидов в хлопководстве и рисоводстве (Узбекистан, Украина, Краснодарский и Ставропольский края). Эти же последствия имеет и широкомасштабное производство диоксина в химической промышленности, в технологии минеральных удобрений и пестицидов — везде диоксин образуется в качестве побочного продукта и сотнями тонн выбрасывается нам на головы. Но и сверх этого — из-за плохой очистки моторного топлива диоксин производится и нашими автомобилями. Понятно, что взятые в целом, эти «отдельные недостатки» превращаются в целенаправленную политику по превращению России в пустыню, населенную больными, дебилами и психами.

И как ни жутки все эти факты, но и этим вопрос не исчерпывается. Как было показано в статье «Разбойный пасьянс» («МГ», № 2, 1990 г.), совокупность имевших место аварий на АЭС в сочетании с отсутствием мер по ликвидации последствий сродни широкомасштабному эксперименту на больших статистических совокупностях людей с целью изучения непосредственных и отдаленных последствий воздействия радиации. Вписывается сюда же и Чернобыль.

В самом деле, никто из специалистов, изучавших вопрос о причине аварии, не в состоянии понять смысл проводившегося там накануне эксперимента — ответ на поставленный якобы вопрос при помощи моделирования на ЭВМ специалисты дали бы через неделю. Кроме этого, эксперимент проводился без соответствующих разрешений контрольных служб и в довершение ко всему при его проведении было сознательно отключено три уровня аварийной защиты. Вряд ли можно найти хоть малейшие разумные причины, объясняющие подобное «головотяпство». В пользу этого вывода говорит также и то, что о радиоактивном заражении Тульской, Брянской, Курской, Калужской областей мы узнали лишь по инициативе и под давлением общественности. Официальные же инстанции сознательно скрывали эти факты.

В пользу вывода о проведении испытаний на людях говорит также явное нежелание оперативно наладить производство готовых лекарств для лечения людей от радиационного поражения. Один из примеров — горькая судьба покойного изобретателя «Чисистора» — С. Е. Чернышова, который писал о своем чудо-лекарстве в № 6 «МГ» за 1989 год. Мы все помним, как к общественности с экрана телевизора взывали специалисты из КГБ, создавшие и широко испытавшие соответствующие препараты. Аналогичная судьба постигла и все остальные препараты подобного назначения. Так какие же здесь замешаны силы, если перед ними бессильно руководство КГБ?

Но и это не все. Как следует из статьи Мамчуры («Чернобыль: четыре года спустя». «Красная звезда», 26.04.90 г.), армия отбойными молотками обчищает первую оболочку саркофага, чтобы «одеть» аварийный блок в еще один слой защиты. И что же, за четыре года наша «оборонка» не сумела создать самого примитивного робота для этой тупой работы? И нельзя было заказать подобное в Японии? Ведь за эту работу мы платим поистине страшную цену — за прошедшие четыре года получили предельно допустимую дозу облучения (и перестали быть годными к воинской службе) тысячи военнослужащих.

Понятно, что проведение изложенной выше политики требовало подавления инакомыслия, социально-политической дискредитации всего думающего, талантливого и инициативного. В статье М. Чернышева («МГ», № 12, 1989 г.) приводятся факты широкого использования психиатрии для подавления инакомыслия. Это также одна из форм политического геноцида, при помощи которой не только выбивается ум и социально-политическая воля народа, но и сам народ трансформируется в серую безропотную массу.

Но вот грянула перестройка, и страна столкнулась с совершенно новыми напастями. Ко всему прочему добавился еще и информационный геноцид, устроенный славянам нашими новоявленными «звездами журналистики» из окоротиченной печати. Мы вдруг в одночасье превратились в тупоумное скопище «погромщиков», «черносотенцев», «антигуманистов» и антисемитов «фашистов» (не говоря уж о шовинистах, садистах, мазохистах...). И если с год назад об этом писали как бы между строк или в приложении к конкретной личности (например, Коротич первоначально адресовал кличку «дети Шарикова» лишь какой-то группе лиц, якобы сорвавших его выдвижение в народные депутаты в Москве), то сегодня это прямо говорится в приложении ко всем. Чтобы понять это, достаточно ознакомиться со статьей некоего Семашко-Шамиса в «Вестнике еврейской культуры» (№ 15—16, 1989). Стоило только заговорить о тяжелом положении в РСФСР, о тяжелых потерях, понесенных славянами за последние 70 лет, как тут же на наши головы эта самая «прорабски-пристроечная» печать обрушила ушаты помоев из кличек, ярлыков, ругани и визга. За всем этим стоит пренебрежительное отношение к нам со стороны руководства страны.

Действительно, давайте сопоставим два факта: события в Литве и действия СП РСФСР по защите россиян. Как известно из литовских источников (Румянцева Е. «Вариации «Саюдиса» на тему демократии». «Щит и меч», № 5, 1990 г.), 133 литовских депутата,

заварившие всю эту «самостийну кашку», были «избраны» лишь 41% избирателей. По любым меркам всех демократических стран, подобные «избранники» являются, по существу, узурпаторами власти и подлежат смещению. Однако посмотрите, какое «чудо» — эти узурпаторы находят теплый прием во всех демократических странах Запада (что, допустим, хоть как-то объяснимо). Но вот приезжает Прунскене в Москву — и пожалте в Кремль к Президенту, где перед ней расшаркиваются.

А вот другой факт — еще в марте было опубликовано письмо писателей РСФСР в адрес Президента, Верховного Совета СССР, Правительства о бедственном положении России и россиян. И что же? — ноль внимания. Никто не соизволил заметить этого обращения (правда, не считая некоторых «демократов»). В апреле («Наш современник», № 4, 1990 г.) и мае («Молодая гвардия», № 5, 1990 г.) вновь публикуется расширенный текст этого письма, где еще больше именитых подписей. И что же? — в ответ все то же... Впрочем, здесь я не вполне прав — два ответа все-таки были.

Первый — это статья бывшего госсекретаря США Киссинджера, в которой он предупредил мир о славянской опасности и наших «имперских амбициях». Второй — это статья академика Гольданского («Советская Россия», 07.04.1990 г.), где он предупреждает о том же и называет нас всех монархо-нацистами и монархо-фашистами. Правда, Гольданский (чьи труды в области физики нужно искать под микроскопом) почему-то «забыл», что германский нацизм вспаивал именно сионистский капитал (ярый сионист Абсс финансировал наци еще до 33-го года), что именно сионизм был в союзе с наци, а ставкой были автономные права на Палестину. Эти документы многократно публиковались как в западной, так и в нашей печати. И уже в эпоху перестройки эти признания прозвучали даже в «Белой книге», изданной в 1986 году так называемым Анти-сионистским комитетом. Да, кстати, чем же объяснить, что деньги царю на создание «черной сотни» дали именно Ротшильды, Высоцкие (и им подобные)? И вот на этом фоне наша российская интеллигенция, как и в 1917 году, вновь собирает собрания, сочиняет программы и воззвания. Не пора ли принять реальные меры?

Ведь какую область практики ни возьми, мы везде обнаруживаем проведение широкомасштабной антиславянской политики. Однако подобные явления не могут возникнуть и долго существовать случайно — за всем этим стоит разветвленная и мощная организация, поставившая своей целью разорение страны и превращение всех нас в двуногое быдло. Конечно, живем мы не в башне из слоновой кости, а термин «социально-политическая борьба двух систем» отнюдь не пустой звук. Разумеется, многие помнят работу Н. Н. Яковлева «ЦРУ против СССР», где были опубликованы планы уничтожения России как государства путем ее расчленения на слабые в экономическом и политическом отношении регионы, находящиеся под полным контролем США. В этих же планах откровенно говорилось и о судьбе славян — мы, как «человеческие остатки», должны быть частично уничтожены и частично превращены в «человеко-рабочих». Я вовсе не нагнетаю антиамериканские страсти, я просто напоминаю о том, что 45 лет мир жил и развивался под знаком этой борьбы и этих планов. Из песни же, как говорится, слова не выбросишь.

III. ПЛАНЫ ОЧЕРЕДНОГО ВИТКА АНТИСЛАВЯНИЗМА

Давайте проанализируем, читатель, результаты, с которыми обе сверхдержавы пришли к «перестроечному финишу».

Мы пришли с разоренной природой, экономикой, имеющей сырьевую ориентацию, слаборазвитым потребительским рынком и с гигантски раздутым бюраппаратом, стоявшим «на страже и контроле...». С финансовой же точки зрения к 1985 году мы пришли в самом лучшем виде — не только без долгов, но и очень много миллиардов должны нам, плюс мы много их швырнули на всякого рода «интернациональные» цели.

США пришли с такой же огромной военной машиной, с таким же численно бюраппаратом, с такой же разоренной природой, но зато с хорошо развитым и огромным потребительским рынком. Именно этот, насыщенный товарами и услугами, потребительский рынок нам и преподносят в качестве сияющего фасада «свободного мира». А что же за сияющими витринами супермаркетов и рекламных агентств?

Символом экономического могущества США является доллар, и судьба США тесно связана с его «здоровьем». Так вот оказывается, что на сегодняшний день именно доллар и является самой больной валютой мира. В самом деле, только на рынке евродолларов их более 2,5 триллиона (!). К ним еще нужно присовокупить нефтедоллары — а это еще более 1,5 триллиона. А ведь есть еще доллары Японии и Азии, которых также немало (например, лишь за 1988—1989 годы Япония вложила в экономику США более 100 миллиардов). Но и это еще не все — на конец 1988 года задолженность нефинансовых фирм США составила более 3 триллионов. Примерно столько же составила общая потребительская задолженность (включая фермерскую). Добавьте к этому задолженность правительства США международным банковским картелям, а это еще более 3,5 триллиона, и вы получите, что общая задолженность американцев составляет 14—15 триллионов (!) долларов. Значит, **ни правительству, ни народу в самих США не принадлежит ничего;** чтобы рассчитаться со столь астрономической суммой долга, у США не хватит даже прошлогодних листьев. Значит, сияющее **благополучие США, столь ретиво созданное нашей окоротиченной печатью, есть благополучие спекулянта, бегающего от своих кредиторов.**

Отсюда следует, что финансовое положение доллара зиждется вовсе не на исключительной эффективности рыночной экономики, а на военно-политической мощи США (включая и их систему военных баз). Вот где нужно искать корни причин тому, почему вся окоротиченная рать обрушила столь мощный удар именно на нашу военно-политическую систему. Вот почему они столь давят, добиваясь одностороннего разоружения, вот почему они столь радостно приветствуют развал Варшавского пакта.

В связи с последними событиями в Германии, нужно привести одну историческую справку. В 1893 году в экономике США до 80% все принадлежало французскому, британскому, бельгийскому, немецкому (и другим) капиталу. Затем последовали: карибские войны, русско-японская война, первая мировая война, революция в России, возрождение военной машины Германии и вторая мировая война. В 1947 году США владели практически всем золотым запасом Запада и занимали господствующие позиции в эко-

номике многих стран (Франция, Германия, Япония...). Прошло 40 лет, и финансовое положение США стало гораздо плачевнее, чем было в 1893 году, а блистающие витрины супермаркетов для того и нужны, чтобы вводить людей в заблуждение. В самом деле, при 10% годовых лишь оплата процентов должна обходиться американцам в 1,5 триллиона долларов — стало быть, платить они вовсе и не собираются. На что же ставка?

Ставка сделана на очередное повторение векового витка спирали. В России вновь начинается политическая и экономическая смута, сопровождаемая разрушением госсистемы. В центре Европы вновь возрождается мощная объединенная Германия, политическое ядро которой никогда не отказывалось от планов ревизии итогов последней войны. А вот, кстати, и «рояль в кустах» — мы сокращаем самые лучшие тактические ракеты, расформировываем лучшие штурмовые дивизии, выводим войска из стран Варшавского пакта, закрываем ряд лучших оборонных фирм, переводя их на выпуск «кастрюль». Тем самым разжигаем политические амбиции не только неоправых в ФРГ, но и массы их традиционных политических сателлитов (Лимонов Э. Больна была вся Европа. «Известия», 15.09.90 г.). Так, значит, снова война? — думаю, сегодня место имеет некий смешанный вариант. Выскажу в связи с этим свои соображения о принципиальных чертах развития, начав с политического кризиса в Персидском заливе.

Начну с, казалось бы, малозначащего факта, еле-еле видимого на фоне событий мировой политики. В мае 1989 года в Москву приехал сионист-националист М. Агурский, выступавший в Институте философии АН СССР. Объявленная цель приезда — борьба с русофобией (! — ни больше и ни меньше: можете себе представить, читатель, чтобы, к примеру, я приехал в Тель-Авив с целью борьбы против политики геноцида по отношению к палестинцам и получил для выступлений подобный зал?). Русофобия, по словам М. Агурского, мешает достижению великих стратегических целей Израиля — установлению дипотношений с СССР и взятию им на себя стратегических обязательств по защите Израиля от враждебного мусульманского мира. Представляете себе, читатель, уровень подобных амбиций? — мало ли кто и что может болтать? — посмотрим на дальнейший ход развития событий.

Несмотря на то, что нагнетание русофобии отнюдь не прекратилось, вопрос о восстановлении дипотношений можно считать практически решенным. Вот что пишет журналист из «Рейтер» в связи с посещением СССР двумя министрами Израиля и их двухчасовой беседой с М. Горбачевым («За рубежом», № 39, 1990 г., с. 6): «...между нашими странами нет дипломатических отношений. ...Однако я надеюсь, что этот день наступит — и очень скоро» (так заявил министр финансов Израиля по вопросу восстановления дипотношений).

В мае 1989 года, когда произносились слова о возложении на нас бремени защиты сионизма от враждебного мусульманского мира, политический горизонт в этом отношении был абсолютно чист и ничего не предвещало возникновения даже малейших трений с мусульманами (мы вывели войска из Афганистана. И вот — словно по мановению волшебной палочки — разгораются тлевшие межнациональные конфликты в Закавказье. Наша печать достаточно писала о проблеме Карабаха как главной причине конфликта.

Вместе с тем не было ни одной публикации, где бы говорилось, что этот конфликт, помимо прочего, имеет еще и религиозную окраску — конфликт между христианами (Армения) и мусульманами (Азербайджан). Вспомните, читатель, с чего много лет назад началась междоусобица в Ливане. Кроме этого, когда печать писала о разрушении границы между Ираном и Азербайджаном, она также не уделила внимания тому, что это в том числе вызвано мусульманской консолидацией. Таким образом, первый пылающий костер межнациональной розни, имеющей в том числе и религиозную окраску, был успешно подожжен.

Но вот вспыхивает конфликт в Персидском заливе в связи с аннексией Ираком Кувейта. Если вспомнить, что еще в апреле с. г. Ирак грозил Израилю применением против него химического оружия (а не один глава государства, имеющий достаточно мощную армию, не позволит себе столь ответственных заявлений без достаточно веской причины), то становится ясным, что в первооснове конфликта лежат давние арабо-израильские проблемы. Позиция и реакция США на это деяние Ирака совершенно понятны. Следуя концепции Г. Киссинджера — черную работу должен делать черный (о перемещении грязных и экологически опасных производств в слаборазвитые страны) — и уступая требованиям самих арабских стран, США переместили переработку нефти в нефтедобывающие страны. С 1973 года они закрыли у себя более 100 крупных нефтеперерабатывающих заводов. При этом оказывается, нефтеперерабатывающие заводы Кувейта снабжают, помимо других, бензином и дизтопливом всю армию США, размещенную в Тихоокеанском регионе. И вдруг — Ирак, аннексируя Кувейт, перекрывает краны моторных топлив (а что такое современная техника без них? — груда мертвого железа). Было отчего взвиться и пойти на любой уровень военно-политического давления. Тем более что США давно уже сделали стратегическую ставку на монопольное распоряжение ближневосточной нефтью (Разбойный пасьянс. «МГ», № 2, 1990 г.). Беда, однако, в том, что применить оружие ни США, ни НАТО не могут — Ирак пригрозил в этом случае уничтожить и нефтепромыслы и заводы. («Правда», 21.09.90 г., с. 4.) В этом случае неизбежно возникает «нефтяной шок» с тяжелыми экономическими последствиями (и далеко не ясно, кто же окажется в конечном итоге победителем, даже если США применят ядерное оружие, к чему их «скромно» призывает Израиль). Таким образом, налицо защита США и Запада своих коренных экономических и военно-политических интересов — здесь даже защита Израиля имеет второстепенный характер.

А что же ищем в этой ситуации мы, мгновенно переметнувшись на сторону «мирового сообщества» и изменив своей 40-летней политике неуклонной поддержки арабов в их борьбе против военно-политической экспансии фашистского Израиля? Давайте проанализируем.

Казалось бы, что, с точки зрения потребностей политики разоружения, реализация концепций «нового политического мышления» и ликвидации нарушения стратегического паритета по военно-морским силам, уж нам-то крайне выгоден подрыв материально-технической базы армии США во всем Тихоокеанском регионе. Тем более что это же приводит и к уменьшению давления на страну тихоокеанского кольца военных баз. Разрушение структуры снабжения моторными топливами также влечет за собой и неизбежное

ослабление НАТО. Казалось бы, налицо существенные военно-политические выгоды. И не только для нас, а и для всего мира. В этих условиях интересы страны требуют, чтобы мы заняли позицию жесткого нейтралитета и невмешательства в конфликт, мотивируя это экономической неурядицей в стране, о которой вот уж года два так трубит та же западная печать. Ан нет, немедленно и ретиво тут же противопоставили себя арабскому миру, отношение которого к конфликту далеко не однозначно. Как же мы будем выглядеть, если вскоре большинство арабских стран (даже несмотря на присутствие их войск в Саудовской Аравии) окажут политическую и материальную поддержку Ираку?

На этом фоне крайне интересно поведение печати Запада. То она сообщает, что СССР принял решение отправить в Персидский залив свои войска; то распространяет фальсификацию о том, что военные корабли в районе Персидского залива подчинены американскому командованию и они готовы принять на борт солдат США («Санди таймс» вновь фантазирует. «Красная звезда», 06.09.90 г.); то вслед за Западом наше телевидение передает, что принято решение направить в США большой транспортный корабль для переброски снаряжения в Персидский залив, которое на следующий день опровергается («Известия», 21.09.90 г., с. 4). Видно, крайне хочется сионизму получить политическую «бочку меда» — доставить в Персидский залив хоть один наш взвод, который бы дал залп в воздух в сторону армии Ирака. Раздув затем этот эпизод до уровня глобального сражения новой мировой войны (напомню, что до 1984 года сионистская печать к Дню Победы традиционно публиковала статьи, где доказывалось, что главным сражением второй мировой войны было поражение Роммеля в ливийской пустыне — именно оно послужило основой для принятия в июне 1942 года на очередном сионистском съезде в Нью-Йорке решения о разрыве военно-политического союза с наци и переходе на сторону «тройки»), сионизм затем бы принял все меры, чтобы повернуть объявленный Ираком (и частично уже поддержанный Ираном) «джихад» («священную войну», объявленную им американскому империализму и сионизму) в сторону России. Именно такой исход событий как нельзя лучше отвечал бы всем стратегическим интересам и США, и Израиля, и Запада в целом. Для уяснения этого давайте вновь вернемся к финансовому положению США.

Давайте посмотрим, как оптимальнее всего для США избавиться от астрономического количества в 4,5—5 триллионов евро- и нефтедолларов. Для этого необходимо, сохранив по возможности максимальный контроль над источниками нефти (армия в Саудовской Аравии, а в Америке — заманчивое предложение для латиноамериканцев о создании единой свободной экономической зоны на всем континенте, что, в частности, приведет к отколу от ОПЕК Мексики и Венесуэлы), разрушить имеющиеся структуры снабжения нефтепродуктами, вызвав тем самым беспрецедентный экономический хаос в Европе. Это повлечет за собой не просто инфляцию, а финансовый обвал, а также позволит США, держа в руках контроль над нефтью и диктуя цены, легко изъять триллионы евродолларов (включая и японские). Понятно, что для этого вовсе нет нужды развязывать военные действия — достаточно, установив сухопутную, морскую и воздушную блокаду Ирака (и создав таким образом голод), вынудить Ирак уйти и в отчаянии

(да и из других соображений) разрушить всю нефтепромышленность не только в Кувейте, но и других эмиратах.

Вместе с тем ясно, что подобный исход вовсе не решает проблему нефтедолларов. Наряду с США будут качать миллиарды новых долларов и уцелевшие эмираты. Стало быть, нужно найти способ пустить их «на распыл». Для этого вполне достаточно дать арабскому миру нового исторического врага, против которого они не только сплотились бы сами, но в этом им истово помогали бы и США. В этом случае масса обесцененных нефтедолларов была бы потрачена на закупки оружия и военного снаряжения, стимулируя тем самым процветание ВПК США и резко смягчая отрицательные последствия экономических неурядиц в самих США. Давайте посмотрим, кто бы мог выполнить роль «исторического врага» арабов.

Европа? — ясно, что нет. Китай — также маловероятно, учитывая его помощь и моджахедам, и Пакистану, и другим. Кто остается? — только мы, и никого, кроме нас. В подобной ситуации — снабжая Европу энергоносителями, арабов — оружием и снаряжением, а нас продовольствием и ширпотребом — США с добрый десяток лет весьма основательно «подоили» бы в экономическом отношении весь мир, установив над ним в конце концов свое полное экономическое и политическое господство. Теперь, надеюсь, ясно, что приезд правого сиониста М. Агурского в Москву в целях «борьбы» с русофобией был не просто вызван глобальными стратегическими интересами США и Сиона, но и был организован соответствующими политическими центрами. Вот вам и безответственная «болтовня» странствующего политического коммивояжера!

Однако в нарисованной картине нет еще одного существенного блока. Действительно, если планируется навязать России очередную изнурительную многолетнюю и кровавую войну с мусульманским миром, сопряженную с большими человеческими и материальными потерями, то ведь для этого она должна быть монолитной в идеологическом и политическом отношениях, спаянной чувством патриотизма и иметь такие социально-политические идеалы, за которые бы пошли умирать. Вместе с тем практически полностью уничтожена идеология, разрушена политическая система, преданы поношению и осмеянию все идеалы и принципы социализма, посеяны драконовские зубы национальной розни. И, как это сегодня уже ясно огромному числу людей, все эти процессы развала стимулировались теми же силами. Вроде бы возникает весьма существенная неувязка, но это противоречие кажущееся.

Давайте вспомним хотя бы, как начиналась вторая мировая война. Вначале две крупнейшие страны Европы, Россия и Германия, были в буквальном смысле ободраны. Их провели через революции, гражданские смуты, экономические потрясения и довели до стадии крайне жалкого состояния (можно сказать, до стадии реанимации). Затем на этой почве дали взойти национальным чувствам, национальным целям, патриотизму. После этого началась весьма интенсивная подготовка к войне, в которую в основном и были брошены эти страны. И принципиально невозможно поверить в то, что за этим сценарием не было дирижера, сумевшего остаться за историческими кулисами.

Я не хочу повторять избитые фразы о «жидо-масонском» заговоре — и вовсе не потому, что в описанном нет его элементов

(Замойский Л. За фасадом масонского храма. М., Политиздат, 1990). А потому, что главным элементом этого сценария были вовсе не масоны (учившие, скажем, Гитлера таинствам владения толпой) и не евреи как таковые (переполнявшие в конце 30-х годов наш государственно-политический аппарат и науку). Главным элементом этого сценария был финансовый и технико-технологический контроль, установленный Дирижерами через структуру своих представителей в воюющих странах. Например, те же сионистские корпорации США до последних дней войны снабжали рейх рядом стратегических материалов и горючим (и об этом прекрасно знало правительство США), а при возрождении военной машины обеспечили промышленные фирмы Германии соответствующими пакетами патентов, передав им также ряд технологий в самолето- и машиностроении (например, фирма «Мессершмитт» была дочерней фирмой «Дженерал моторс»).

И у нас было аналогичное — нам также давали технологии и патенты, кредиты и оборудование, была и соответствующая контрольная структура. Однако в силу военно-политических превратностей и в немалой мере благодаря именно росту патриотизма послевоенное развитие пошло вовсе не так, как планировали Дирижеры. Особенно после того, как И. Сталин отказался платить по ленд-лизу и отверг требование США об установлении полного контроля над советской экономикой (США требовали, чтобы из трех директоров два были американцы). Вернемся теперь в наши дни.

Сегодня Россию вновь планируют протащить через реставрацию капитализма — организуя голод, обдирание масс, экономические и политические неурядицы. Сегодня вновь основательно разрушается экономическая система с целью вызвать запустение. Сегодня вновь широко распахиваются ворота для нагнетания в стране обесцененных долларов и установления практически тотального контроля над экономикой со стороны фирм, банков и корпораций США. Если же мы проанализируем, кто выдвинулся в ряды «демократии» и на ключевые посты и комиссии в ВС СССР и РСФСР, то с удивлением обнаружим, что это именно те, кто подписал воззвание о возрождении закона об антисемитизме (оно за подписью 200 деятелей эпохи перестройки было опубликовано в 1989 году в «Вестнике еврейской культуры» — Л. Абалкин, Б. Ельцин, М. Бочаров, Н. Травкин...), а также те, кто прошел через проверку и обработку при своих вояжах по Западу. Проявляется также и глубокая теневая структура масонства — возникают масонские ложи (клубы «Ротари» являются низшей ступенью масонства — «Литературная Россия», № 28, 1990 г., с. 6) и их члены оперативно занимают ключевые посты в новой структуре органов РСФСР (М. Бочаров — председатель Высшего экономического совета; Н. Федоров — министр юстиции, Ю. Лужков — председатель Мосгорисполкома...). В создаваемых ими комиссиях ключевые посты занимают представители арбатовско-яковлевского клана. Здесь необходимо одно пояснение.

Тот же М. Агурский в своей статье (Ближневосточный конфликт и перспективы его урегулирования. «Наш современник», № 6, 1990 г.) открывает нам, что в сионистском движении есть два крыла — националистическое и интернациональное. Он же свидетельствует, что именно сионисты-интернационалисты, которые в 1917—1940 годах заполняли наш политический и государственный аппа-

рат, разгромили в 30-е годы националистическое крыло сионизма. Чем сионисты-интернационалисты отличаются от обычных сионистов националистического толка, объясняется в статье В. Кожинова в этом же номере журнала (сионизм Михаила Агурского и международный сионизм). Это чрезвычайно ценное для современной практики уточнение — для достижения своих целей сионизм «интернационализировался», хотя ключевую роль в нем по-прежнему играют именно евреи. Стало быть, дело не столько в евреях, как таковых, сколько в широком использовании «посвященными» наемников и рекрутов из других наций, обращении их в свою веру и применении в качестве «куколок». Значит, необходимо судить по делам — и только по делам, а не по национальной принадлежности.

Дела же состоят в том, что, захватив вначале средства массовой информации, а затем ряд комиссий в ВС СССР, «демократы» (которых бы точнее нужно было называть именно «сионистами-интернационалистами») перешли в наступление по захвату ВС РСФСР, власти в Москве и Питере. После этого они закономерно начали дестабилизировать общество путем развала потребительского рынка с целью полного захвата центра. Эта же дестабилизация потребительского рынка используется ими в целях убедить общество в необходимости распродажи общественного достояния, легализации награбленных миллиардов, восстановлении «святого» права на капитал. Ибо именно эти цели предусматривают все предлагаемые программы по введению рыночной экономики (и президентская, и правительственная, и ВС РСФСР). Правда, первые, с наскоку, атаки на центр захлебнулись, но противостояние обозначилось весьма резко. При этом, как откровенно заявил в своем выступлении по программе «Добрый вечер, Москва!» (18.09.90 г.) Г. Попов, тотальный развал снабжения Москвы продовольствием используется «демократией» именно в целях захвата центра («если мы организуем уборку урожая и снабжение Москвы, то многие «усидят»). И так как именно «демократы» в своей «прорабской» печати откровенно заявили, что трансформировать социализм в капитализм можно лишь при помощи «железной руки» и «просвещенной» диктатуры, то захват ими центра будет означать введение диктатуры и начало массовых политических репрессий (разгон партий, закрытие газет, запрет забастовок, политические судилища и новые концлагеря). В этой ситуации достаточно быстро будет установлен контроль банковских и промышленных ТНК США над нашей экономикой, на поверхность выплывут новые марионетки (как водится, при этом пожертвуют и рядом «своих»). В этих условиях тайное принятие решений по втягиванию России в затяжной конфликт с мусульманским миром можно считать делом решенным. Ретивые же борзописцы найдут и объяснения, и обоснования (тем более что возражать-то будет уже некому). Так что выдвинутые программы по разрушению экономики — подаваемые под соусом «демократизация, демонополизация и приватизация», являются закономерным звеном в этой цепи. И последнее, на чем следует остановить внимание читателя, чтобы картина была полной.

Чтобы при развязывании крупного военного конфликта с мусульманским миром руководство армии (которое, безусловно же, будет сменено) было послушным и подчинялось воле марионеток, требуется еще один блок. Для этого на западных и восточных

границах должна быть обстановка постоянной угрозы военного конфликта. На западе — это Германия и ее традиционные сателлиты, выступающие с требованиями возвратить им «захваченные» Россией их «исконные» территории. На востоке — это Япония, которая немедленно объявит сданные ей в аренду на 20 лет Курилы (именно так планирует Б. Ельцин) своей «исконной» территорией и потребует новых территориальных уступок (возврат Сахалина, присутствие в Приморье и т. д.). А чтобы горячие военные головы не вздумали защищать эти границы военными средствами, заранее разработана программа превращения РСФСР в безъядерную зону, выдвинутая Б. Ельциным. И вновь весьма характерный штрих: для согласования этой программы, а также мер и санкций политического давления с целью ее принятия, он направил в Вашингтон одного из своих ближайших помощников (Добб с М. Ельцин: «мандат доверия на 500 дней». «За рубежом», № 31, 1990 г.). Ее реализация позволяет практически без единого выстрела превратить Россию в послушную марионетку транснациональных корпораций сионистов-интернационалистов.

Таким образом, налицо все основные элементы программы втягивания мира в очередную бойню, где роль дешевого и послушного «пушечного мяса» вновь уготована России и славянам. Разумеется, это моя личная точка зрения. Как пойдут события даже после установления над страной тотального экономического контроля сионистами-интернационалистами, покажет будущее. Однако из сказанного выше наглядно видно, что против славян готовится новый виток исторического геноцида — в экономической, политической и военной областях.

Для скептиков же, готовых отрицать очевидное, утверждать невероятное, приведу наглядный художественный образ. Напомню об одной картине М. Шагала, которого возносят «прорабы». Революция — на переднем плане, в стойке на одной руке, стоит Ленин, обращающийся к толпе. В верхнем углу, в рамке, сидит раввин, читающий талмуд. Ему внимает толпа евреев. Суть изображенного — речи Ленина ничего не стоят, суть событий понятна лишь «посвященным», а объяснить их истинный смысл может лишь раввин. Если теперь мы вспомним, что талмуд нужно читать справа налево и вверх ногами (именно для этого при чтении и надевается специальная лупа), то все сразу становится понятным. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить речи политиков и афишируемые решения и цели с полученным конечным результатом. Именно этот простой алгоритм — все надо читать справа налево и вверх ногами — и лежит в основе нашей новейшей истории.

Абсурд? Блажен, кто верует в наличие иного содержания в нашей новейшей «демократии». Вместо всевозможных новейших фактов я приведу небольшую цитату из давней и всеми политологами «забытой» работы В. П. фон Эгерта (Надо защищаться. Спб., 1912 г.): «Конечно, нехудо отменять договоры, но лучше того освободиться навсегда от царского деспотизма! Собирайте фонд, чтобы посылать в Россию оружие и руководителей, которые бы научили нашу молодежь истреблять угнетателей как собак! Пусть лавина эта катится по всем Соединенным Штатам! Подлую Россию, которая стояла на коленях перед японцами, мы заставим стать на колени перед избранным от Бога народом. Собирайте деньги — деньги это могут сделать!»

Именно так откровенно писали сионистские газеты США за

пять лет до октября 1917 года — без всякой словесной эквилибристики. И это говорили не люмпены на своих тайных сходках, а видные деятели сионистской общины США на открытых массовых митингах (банкиры, финансисты, промышленники). Обобщив подобные публикации, Эгерт ставит, в частности, следующий политический диагноз: «Организация евреями из Америки похода против России путем возбуждения в ней к убийствам, взрывам и поджогам, через мобилизацию отброса страны под еврейским руководительством, как это было в 1905—1906 гг. Только на этот раз денежных средств для того будет, по-видимому, больше». А теперь сравните с этими замыслами речи и статьи о гуманизме, свободе и демократии.

Надо отдать должное сионистам-интернационалистам — они действительно сумели организовать разрушение страны, умыть ее кровью и поставить на колени. Надо также отдать должное и тогдашнему политическому руководству страны — зная все это (а об опасности сионизма писали многие известные публицисты), оно тем не менее так и не сумело поверить в эту опасность, не сумело ничего толком организовать, не сумело защитить не только страну, но и самое себя. Однако, даже зная это, я не обвиняю евреев как таковых и не кричу о «жидо-масонском» заговоре против России. Дело в том, что события по развалу мира на две огромные враждующие группировки начались еще в конце прошлого века, а 1917 год был важным, но всего лишь одним из звеньев подготовки следующей мировой бойни. Бойни, которая была необходимой и закономерной ступенькой при подъеме Сиона (и его холуйствующих «интернационалистов») к вершине власти над миром. Чтобы подобная бойня не принесла ущерба стратегическим целям Сиона и его роль навсегда бы осталась за историческими кулисами, ему был необходим контроль как над воюющими странами, так и над основными центрами силы в мире. Проанализируйте историю нашего века с этой точки зрения, и вы поймете, читатель, что *перестройка* — это всего лишь закономерный ключевой этап в подготовке (по замыслу «интернационалистов») последней мировой бойни, которая должна гарантированно обеспечить им власть над воюющим миром. Тот же факт, что эта бойня может стать «вечной» — длиться и сто, и двести лет, — уже «детали».

Но авторы и вдохновители перестройки этого, увы, видимо, не понимают.

●

Гарий НЕМЧЕНКО

РУССКАЯ РАБОТА

«НЕМЕЦ ПРИДУМАЕТ, ЧТО НЕ ПОНЯТЬ; РУССКИЙ ПРИДУМАЕТ, ЧТО НЕ ПОДНЯТЬ...»

Вчера целый день с Володей — Владимиром Серафимовичем — мастерили на даче сперва стол, а потом меняли под рукомойником столб и делали для него козырек от дождя, и я хоть слабое чувство, что умею что-то и руками, как бы подзанимал у него, у Володи... Стол получился ладный, крепкий, из-за распорок внизу похожий на ученическую парту — нынче вот тоже, когда проходил мимо него, как бы обдало светом и теплом давних-предавних дней.

Сосед Алексей Степанович вчера «разговелся», но Валентина Сергеевна половину бутылки сумела припрятать... В перерыве между лихорадочными поисками второй половины Степанович напросился к нам в гости, втроем сидели и пили чай за новым столом: хоть пришел к нам с громадным малосольным огурцом в руке, от предложения Степанович не отказался...

Володя прямо-таки морщился, заранее страдал, явно ожидая, что Степанович сейчас начнет выступать с фирменными анекдотами... Что правда, то правда! Степанович — большой знаток смачной псевдодеревенской похабщины, и у него такая манера, когда подопьет: нет-нет, да и подзовет меня к общему заборчику, а когда подойду — как залепит, залепит!.. На всю деревню, на все Кобяково — и зачем подзывал, спрашивается?

Когда подозвал вчера, подошел и Володя, а раскрыл рот Степанович — Серафимович наш так и шарахнулся от плетня.

Я теперь все сообразил, быстренько отлучился на кухню и попросил женщин, чтобы Володю на минутку позвали... Ушел он на зов, я и говорю Степановичу: давай его, Степанович, пощадим!.. Ну, в такой он семье вырос, понимаешь, отец у него — регент в в церковном хоре.

И Степанович — как бабушка отшептала!.. Нет, правда: чего-чего, а при всем, как говорится, при том — природного благородства ему не занимать — прямо-таки джентльмен стал!

Вернулся Владимир Серафимович, и Степанович очень деликатно

Окончание. Начало в № 11.

взялся рассказывать о заводике, где он работает. Пока идет переоснастка, там у них образовался кооператив: тридцать восемь человек. Восемь из них заняты делом — непосредственно на выпуск работают, а остальные — кровососы конторские... Но получают все по тысяче двести, тысяче триста рубликов. Сколько, значит, мог бы зарабатывать наш честный работяга?

Степановича назначили бригадиром слесарей — бригада в двенадцать человек... Это он не раз подчеркнул, значительно поглядывая при этом на Серафимовича: не думайте, мол, и мы не лыком шиты. Но из дальнейшего рассказа из той доверчивости и простоты, с которой он все это пытался оправдать, стало ясно, что Степановича, конечно, сильно облапошили... Оказали, конечно, высокое доверие — ну, нет разве?.. Бригадир. Бугор!.. И делом серьезным бригада занята: налаживает и обслуживает технику, на которой и зарабатывают кооператоры по своей тысяче ежемесячно... Кому же, как не им, и быть в кооперативе?.. Но там — кровососы. Вместо них.

А на заводе, значит, идет переоборудование — зарубежные станки ставят. Правда, трудновато, мол, идет!.. Вот у станков из ФРГ нет уже электроники — вывернули, пока несколько лет лежали во дворе. Ее теперь придется заново покупать... Некоторую — так даже со станками вместе — отдельно ее не продают... О-ох-хо!

Журналистскую свою карьеру я начинал с того, что писал об ионно-обменных смолах для нашей, на Запсибе, ТЭЦ: купленные на валюту, пропадали потом под снегом и так-таки и пропали... Тридцать лет прошло! А проблемы все те же.

А может, уже и обострились?.. Уже достигли пика? Предела своего достигли?

В том числе достигла, пожалуй, пика и наглость, с которой все это кем-то делается — уже почти открыто...

«Должны были получить из Финляндии станок — вырабатывать эту массу, что из ее — линолеум, — жаловался Степанович. — А когда в цех внесли, открыли ящик — там оказалась такая машина: крахмал делать. А наш станок вместо ее послали в Ростов — они там и производят этот линолеум».

Не то ли самое было с нашей «Северянкой»?.. Со сборником о Череповце?

Вышел он «ко христову дню» — к пуску домны, именем которой назвали книжку. Но в Череповце его ждут-пождут: нету!..

Потом нам кто-то объяснил: мол, по ошибке вагон с книгой загнали на юг. Вместо севера, значит, в прямо противоположную сторону.

Прошел почти год, и вот, когда мама лежала в краевой больнице и мне пришлось жить в Краснодаре, зашел я однажды в книжный магазин в центре... Гляжу: наша «Северянка»!.. Сплошной полосой стоит, на манер бордюра, — чуть ли не из конца в конец магазин опоясывает: книжка-то ведь красивая. И суперобложка, и акварели внутри — работы известного ленинградца Ветрогонского... Альбом, что ты!

Я и обрадовался и, конечно, удивился: чего ей тут делать, этой книжке, на Кубани? Спрашиваю продавщиц: девчата, мол, кто-нибудь купил у вас эту книжку?.. Одна задумалась, говорит потом: нет. Один экземпляр украли с выставки — это было. А чтобы купить...

После, когда уже вернулся в Москву, на одном собрании в издательстве, в «Советском писателе», я обмолвился: что, мол, происходит с нашей книжной торговлей, братцы?.. И рассказал о «Северянке», которая в Краснодаре никому, естественно, не нужна.

Вечером — телефонный звонок. И сразу, без предисловий: «Так ты понял, почему твоя «Северянка» в Краснодар попала?»

— Кто говорит? — спрашиваю.

— Так я тебе и скажу! — хмыкнули в трубке. — Главное, ты ответь: понял, почему она в Краснодаре?

— Нет! — отвечаю. — Признаться, не понял.

— А на родине автора!.. На родине вдохновителя.

И положили трубку.

Там, и верно, главным забойщиком был я. Благословляя сборник «Комиссия по рабочей прозе», в которой мы вместе с Анатолием Шавкутой были сопредседателями.

Кому-то все это не понравилось, чем-то не угодил, видите ли, решили пареньку показать, в чьих руках власть. А то, что это денег стоило, да и немалых все-таки, кого это беспокоит? Не из своего же кармана. А Россия — страна богатая.

Была.

Пока — и вот так в том числе — не разорили.

Когда я размышлял после этого телефонного звонка, вспомнил еще одну историю.

Незадолго до пуска «Северянки» — домны самого крупного в мире объема, я ехал в Череповец, и моим соседом по купе оказался один из референтов председателя всесоюзного Совмина... Когда-то и он в Сибири начинал, тоже — на Запсибе. Ну, и разговорились, в общем.

В Череповце ему надо было первым делом к начальнику стройки. Поехали мы в одной «Волге», а там, в кабинете, я сидел себе за длинным столом поодаль, покуривал — ждал, пока начальник освободится, и по привычке ко всему вполуха прислушивался: профессия!.. И вот слышу, референт говорит: «Просьба сверху. От первых лиц: будьте во время пуска внимательней. Что там ни говори, а пуск такой штуки — большой праздник, и наверняка найдутся желающие его подпортить... Соответствующие органы — это одно дело, это их хлеб, как говорится, но и сами не подкачайте: поставьте охрану из общественников, которые хорошо знают коллектив, чтобы никто чужой не болтался. Все, какие можно, меры, в общем, примите...»

Как случается, в праздничной суете после пуска я потом забыл уточнить: как, мол, ничего такого особенного не случилось?.. Не было и в самом деле попыток испортить праздник?.. Без «чэпэ» обошлось?

Неожиданно вспомнив об этом, спросил у начальника уже через пару-тройку месяцев после пуска, когда домна уже вовсю работала: как тогда — без приключений обошлось?.. На «Северянке»?

На «Северянке»-то — да, там все гладко тогда прошло, сказал начальник. Но вот какая штука, ты понимаешь: незадолго до пуска домны в другом цехе, в конвертерном, машинист-дистрибуторщик, который уже готов был опрокинуть многотонный совок со скрапом в «грушу» с кипящим металлом, заметил вдруг среди прочих железяк авиабомбу, ты представляешь?.. Еще бы секунда, и...

И тогда: пускай «Северянку» или не пускай — кому ее чугун был бы нужен? Если бы на воздух взлетел конвертерный.

Ничего вразумительного больше сказать он тогда не мог: не в том ведомстве работает.

Тогда же, после анонимного звонка по поводу сборника, я с горькой усмешкой думал: твои-то дела, выходит, еще в полном порядке — подумаешь, контейнеры с книжкой не в ту сторону послали... Товарищу твоему бомбу подкладывают! Да не простую — авиационную. Тоже кому-то не угодил?

Выходит, та самая «борьба под ковром», в детали которой нас предпочитают не посвящать?..

Зато, закрыв на это глаза, можно громогласно обвинить народ в нерадивости... Это куда проще!

Потом Степанович рассказал о каком-то очень порядочном человеке, которого он и не замечал, потому что тот очень хорошо работал, а значит, проблем не создавал... Удивлял, правда, еще тем, что называл бригадира по имени-отчеству... Так вот, выяснилось, рассказывает Степанович, что тот — финн... Настолько уже обрусел, что язык знает — не подкопаешься. Вступил в партию. Но обрусел не до конца — работает еще так хорошо, что за ним можно ничего не проверять... То, о чем «прораб» говорил?.. «Русская работа».

Вот: я и не думал рассуждать именно об этом, но так оно выходит — одно к другому ложится даже невольно...

Сначала Степанович поговорку хорошую припомнил — я ее и не знал. Говорит: «Русский придумает, что не поднять; немец придумает, что не п о н я т ь». Каково?

А я тут вдруг вспомнил одну штуку, тем более что и днем все припоминал, пока мы с Володей плотничали, а Степанович через плетень заглядывал.

Тут, когда уже пили чай, я и спрашиваю его: «А помнишь, Степанович?.. Рассказывал о том, как в старину плотники артелью работали?.. (Оно не то, что в с т а р и н у г л у б о к у ю, коли он сам еще мальчишкой успел это захватить — во всяком случае, хорошо знал по рассказам старших, с которыми вместе рубил избы, плотников.) Если видели, что кто-то из плотников — или явный халтурщик или хам, горлохват какой, который только за деньгами и гонится, — артель сговаривалась, и такому — вроде бы случайно — отрубали палец... Чтобы все видели и в артель больше уже не брали. Это правда — я ничего тут не перепутал?..»

«Не-е! — сказал он в своей «серьезной» манере. — Это правда!.. Нету пальца — значит, никогда связываться не стоит. Или сам себе отрубил — плохой мастер. Или плотники отрубили — значит, человек плохой, не стоит связываться, в свою артель принимать...»

Вот как, значит, когда-то следили, чтобы «русская работа» была не только красивой и прочной, но еще и душу имела добрую.

Помню, как ехал к ним в новых ичигах... Сколько с ними было хлопот, с этими ичигами!.. Сперва упрашивал Ивана Михайловича Каршина, у которого в Старокузнецке был когда-то свой кожевенный заводик... Был он тогда уж совсем старенький, дед Каршин, а кожа попалась грубая — тут надо бы, говорит, молодыми руками. Потом Митю-чекиста, из той же Краснознаменки, пока уговорил сшить... Тому, ясное дело, некогда: и мерку снимал — дрожали руки, и уже отдавал мне работу — крепко под мухой был... Но так уж мне сильно хотелось из кубанских казаков в п р и п и с н ы е сибиряки перебраться!

Это бабушка Марья Евстафьевна все рассказывала мне, какие

раньше легкие и прочные делали ичиги. Из тонкой полсти строго по ноге шили чулок. В него сухой загад-травы подстилали — с нею и мороз не страшен, и ноги никогда не будут потеть... Этот войлочный чулок — по колено, а верхний, кожаный — его тоже непременно по ноге шили — под пах.

Хоть в самый распар бреди по мокрому снегу, хоть лед ногою проламывай, хоть речку по шуге вброд переходи — смазанным жиром ичигам ничего не страшно!

Вот и думал я Марье Евстафьевне с Савелием Константиновичем такой сюрприз, значит, преподнести — явиться в ичигах!

Однако еще в Осиновом плесе егерь Толя Донченко глянул на мои ичиги и присвистнул: «Кто их тебе сшил, слушай-ка?» — «А что? — с законной гордостью спрашиваю. — И себе хочешь заказать?»

Толя рассмеялся: «Да нет, брат!.. Морду хочу набить тому, кто такие ичиги делает!»

Оно, конечно, и правда: если Митя-чекист и брал работу «под глазом», и отдавал тоже, то неужели шил — трезвый?

Тоже — кстати — к вопросу и о мастерстве, и о «русской работе»... К вопросу о том, куда оно все потом подевалось.

Странные дела: иной раз кажется, что кое-кто прямо-таки договорился между собой — играть в это незнание, а ты, дурачок, в открытые двери ломишься... Или, выходит, у них — не болит? Или — еще хуже: совершенно сознательно всем нам лапшу, что называется, на уши вешают?

...Взялся потом Степанович рассказывать нам о своих планах: вот уйдет он на пенсию, а к этому времени детский санаторий с Кобяковым рядом уже достроят, и будет он там работать — учить ребятишек токарному делу... пуговицы деревянные вытачивать, а что?.. Очень полезное занятие, да-да!.. А то ведь так скучно будет подолгу «лежать» в этом санатории, ведь верно же?.. А что книжка? Книжки всем уже надоели. Что телевизор?.. Тоже всем скоро надоест. А вот пуговки вытачивать — тут кто хочешь увлечется... Да они все быстрей будут выздоравливать, ребятишки, если только научатся хоть что-то своими руками делать. Дело, оно лечит — и правда!

Добрая душа все-таки Степанович!

Санаторий когда еще будет, и никто из тех, кому об этом надо бы поразмышлять, ни о чем таком пока и не думает, а он — вот он: готов учить ребятишек точить пуговицы! Настроение им, видишь, поднимать. Вот каким образом лечить сердчишко!

Стали еще что-то о санатории, он говорит, Степанович: перед тем, как начать его строить, в округе «землю прозванивали», но лучшего места так и не нашли.

— Это в каком смысле, — спрашиваю, — лучшего?..

— Ну, по элкалогии этой, — выговорил он старательно. — Чтоб нарушений по ей не было, а если были, то меньше...

— А-а! — начинаю шутить. — По «алкологии»?.. По ней, значит?.. По ней ты у нас и есть главный нарушитель, Степанович, — по алкологии.

— Да, что правда, то правда.

— Ну, вот, — начинаю я уже серьезно. — Сам это понимаешь. И знаешь, что тебе нельзя, так ведь?.. Сам рассказывал, сколько отлежал — с головой. Может, и в самом деле, затормозил бы?

У него травма, еще с морфлота — черепная. Нельзя пить! Ни в коем случае.

— Да я без ее уже и не могу! — словно жалуется Степанович. — Без водки. Про меня уже и все люди: алкоголик. Вон алкаш пошел, во-он!.. Про меня. И Валентина Сергеевна моя только так меня и зовет. Так что я не могу без водки...

— К-как это — не можете? — слегка заикаясь, начал Володя. — Ведь вы — человек прежде всего!.. А в человеке...

— Не-не, алкаш я, алкаш!

— Да брось ты на себя наговаривать, Степанович! — поддерживаю я Владимира Серафимовича. — Все, между прочим, тогда и начинается, если ты сам себе говоришь: я — алкаш...

— Один я, что ли?.. Мне и директор завода: алкаш ты — вот ты кто!

Так вот, видимо, и внушили это Степановичу, золотому работнику: алкаш. Внушили сообща. Всем миром.

Ночью мы проснулись оттого, что Степанович стучался в дом, а Сергеевна его не пускала... Он бубнил что-то, потом опять начинал стучать: нашел-таки, видно, недопитую бутылку, остался на ночь под кустиком, а перед утром пробрало холодком...

Она все не отворяла, и он опять начинал стучать, потом стал громко кричать: «Открой!.. Ну, говорю, открой! Шовиниска!»

Я даже голову над подушкой приподнял: это-то при чем — уж не ослышался?

Нет — Степанович опять: «Говорю тебе — шовиниска!.. Слышишь, шовиниска?! Открой!»

Это сколько же сил надо было кому-то потратить, чтобы внушить это доброму Степановичу!

«Открой, шовиниска, а то хуже будет!..»

Но куда уж хуже: нация алкашей и шовинистов, которые давно разучились работать по-человечески...

ВПЕРЕД — НА РАЗБОР ШАПОК!!

Совсем недавно во **Владикавказе** писатель Александр Алешкин, однокашник по факультету журналистики, старый дружок, с которым мы рядком начинали в Сибири, я — в Новокузнецке, а он сорока километрами южнее — в Междуреченске, ставшем теперь таким знаменитым, — рассказал мне одну забавную историю...

Год назад пришлось ему сопровождать делегацию японцев. На одном из самых крупных в городе заводов они шли мимо Доски почета, когда руководитель делегации, замедлив шаг, что-то проговорил остальным, и они замерли перед взятыми в рамки портретами и низко склонили головы.

«Я подумал сперва: вот кто почитает мастерство! — рассказывал Александр Михайлович. — Растрогался и, ты знаешь, заодно тоже как бы слегка поклонился: вот, мол, у кого и тут нам надо учиться — у японцев!.. Ну, и как бы в знак признательности, что ли, в знак благодарности по отношению к гостям уточняю: а почему это незнакомых вам людей вы решили почтить?.. А руководитель и говорит: «Ведь они умерли?.. А мы свято чтим память об ушедших в иной мир!» — «Да нет же! — я ему объясняю. — Они, слава Богу, живы... Просто эти люди хорошо работают, поэтому их

портреты тут и висят!» Тогда он с японской своей дотошностью пересчитал портреты — их двадцать четыре набралось, а потом спрашивает: «А сколько всего рабочих на этом заводе?» Отвечаю ему: семь тысяч, мол. Он спрашивает: «И что — остальные шесть тысяч девятьсот семьдесят шесть рабочих трудятся плохо?»

Вот как мы с вами, выходит, странно живем, если со стороны поглядеть, — вот как живем!.. Но ведь не сам же рабочий человек — а тем более он, Мастер, — поставил себя в такие условия. Шоры себе надел. Загнал в тупик.

Сделала все это, разумеется, дорогая — ох какая, и действительно, дорогая наша надстройка! Ох, во что она нам уже обошлась!

Но не только «сделала», нет. С успехом она занимается этим и нынче, и имею я в виду не закоснелый аппарат — здесь, как говорится, и давно ежу все понятно, а прорабов-перестройщиков, по отношению к которым слово дорогие неприменимо вообще: может статься, тут вообще потом не расплатишься...

Без конца слышишь нынче и язвительные упреки, что большинство, мол, в этой закоснелой стране исповедует «равенство в бедности», и пространные разглагольствования о том, что ничего, мол, в том зазорного нет — быть богатым... Наоборот!

Интересные вообще-то дела!.. Даже если кто и действительно так рассуждает — что такого? Начать с того, что страна у нас обширная — может, только нынче эхо, эхо, подчеркиваю от залпа «Авроры» до кого-то наконец и донеслось — ничего удивительного нету. У писателя Маркеса вы, дорогие прорабы, вон чему верите, а в отечественной истории даже такой малой малости не можете допустить?

Насчет «равенства в богатстве» тоже можно бы кое-что припомнить... На заре революции, как говорится, в родной моей станице было: один агитатор, очень душевный человек, «эр» не выговаривал. А так как слова «равенство и братство» употреблял, как и положено, рядышком, казачки и начали было верить в «равенство и богатство»... И что?.. Не знаю, где теперь этот агитатор, очень душевный человек, а расказаченные да раскулаченные по всей стране лежат — от запада до востока. На Севере.

Не она ли, наша надстройка, придумала в свое время и комитеты бедноты, и все с ними связанное, что в итоге настолько обеднило нас прежде всего духовно, что дальше некуда. И опять-таки — упреки, упреки. Все как в том анекдоте: «Нехорошо, что ты с моей женой живешь!» — «Она говорит — хорошо, ты говоришь — нехорошо... не поймешь вас, Кондратьевых!»

Не «равенства в бедности», а обещанного когда-то равенства возможностей горячо хотят люди, давно уставшие от бесконечных нравоучений — теперь, выходит, еще и «прорабских». Хотят жить по правде — только тогда и станет все на свои места.

Коротенький экскурс в историю нашей многонациональной родины: если в старые времена у адыгейцев рождался малыш в «сорочке», ее, «сорочку» эту, обычно или сжигали, или в землю закапывали — ведь она обещала преимущество перед другими!.. Человек же обязан жить только своим трудом.

А ведь малышу выпало, как говорится, «сорочку» свою он не украл, не в чужом дворе с веревки для сушки белья снял.

Но закон — один для всех. Обычай — тоже. Древний обычай.

И лишь мы, столько в глаза налгавшие людям о том самом

равенстве, которое уже стоило миллионов жизней, делаем вид, что и нынче так-таки ничего не понимаем... Или не понимаем и в самом деле?

У нас пока богато может жить не мастер, но — вор. Мастер из-под стоячего подметку вырезать.

Почему?.. Да потому, что вор украденным делится, чтобы ему позволили воровать и дальше, он постоянно от кого-либо так или иначе откупается, и очень уж многие в нашем передовом, прогрессивном обществе в этом прямо-таки кровно заинтересованы... Оглянемся — каждый на себя. Оборотимся-ка!.. Если не воруем сами, то ведь часто наверняка ждем, чтобы за нас это кто-то другой сделал, а там, глядишь, и нам немножко от нашего всеобщего воровства достанется. Глядишь, и нам перепадет. Нет?!

Вор поэтому имеет у нас тот самый режим наибольшего благоприятствования.

Мастер — нет.

Потому что мастер может подарить... Пожертвовать. Поделиться с теми, кто победней.

Но делиться с вышестоящими?.. А зачем? А за что и почему? Откупаться? А от кого и за что?

Мастер — это ведь не только, когда руки у человека золотые. Это когда и сердце — в порядке.

Почему-то наша надстройка и не дает ему заработать. Толку-то ей с мастера, толку!

Наверное, это несложно понять, из престижного Института США и Канады выехав хоть однажды в родную глубинку и внимательно присмотревшись: как живет? Но для иного из наших прорабов сам институт этот, в центре столицы находящийся, — уже глубинка, потому что все больше он живет там, в благословенных тех странах, чьи названия на вывеске его института значатся... И оттуда все учит нас, и все учит... Добру бы!

Чтобы наше непростое положение поправить, наверняка нужны нынче и непростые решения — вовсе не в идеологическом смысле. «Согласуется» ли это с «учением», не согласуется — в этом ли нынче дело, хотя великих «прозрений» ему и не занимать, одно это чего нынче стоит, ну, не так ли: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма».

С протянутою рукой, да.

Но оттого, что мы долго жили наособицу, никуда не деться, потому и решения должны быть, видимо, самобытны.

Но нас толкают и толкают на давно когда-то проторенный, но уже порядочно и подзаросший нынче чужой путь: люди-то давно с ярмарки!.. А мы снова — только туда. Уже опоздали и на разбор шапок — нет, все же туда, туда!

Не дает оно покоя нашим «прорабам», это гейневское «dahin» — не дает!

Так вот, почему я все-таки взялся за эти свои записки?

С годами все больше и больше убеждаешься, что доброе слово умножает добро, а злое же слово — зло, и пользоваться словом надо бы как можно осторожнее, всегда на общее благо и по возможности — не во вред человеку хотя бы единственному (и то: исключительно потому, что дела его с понятием общего блага резко расходятся).

Это что же: Кашпировский что-то сказал, глядя с экрана пронзи-

тельными глазами, то мы запомнили, а прораб-перестройщик обронил походя — пролетело мимо ушей, что ли? Да нет!.. Тут законы свои, и слово, как раз мимоходом брошенное, и мучает дольше, и точно так же смущает... Мы ведь еще столького не знаем, отвергнув тысячелетнее: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и слово было Бог».

Мы накрепко забыли и о святом смысле Слова, и о его смысловой энергии, о внутренней силе. Мы его бесконечно унизили, из инструмента созидания превратив исключительно в оружие разрушения... Когда недавно не без глубокомысленного лукавства в глазах диктор предложил назвать кандидатуру возможного телепроповедника, с горечью подумалось: да кого же теперь, после всего, что мы с собой позволили сделать, назовем?.. Уж коли выделили для этого несколько минуток, попросим, чтобы Жванецкому их отдали, кому ж еще?!

Строки эти написаны были до обеда первого октября, во Владикавказе, в гостинице, и свидетелем этому может стать снова он — Александр Алешкин: попросил у него разрешения на публикацию рассказа о японцах, а заодно как большому ценителю горького юмора сообщил это — предположение свое о назначении проповедником Жванецкого... Разве так уж я, выходит, был далек от истины, как говорится, если вечером на экранах появился открывший цикл «проповедей» — вот, оказалось, что это в самом деле за проповеди! — драматург Розов, бывший актер, по-русски — лицедей... Не совсем я, конечно, угадал, Розов — это, выходит, не «десятка», но ведь «шестерка», согласитесь, — наверняка! Если по большому-то счету?

Итак, два щедрых подарка преподнесло нам в тот день родное телевидение, объяснив, кто мы и чего мы достойны, если претендент на президентское кресло у нас Борис Ельцин такой же верный друг и большой почитатель зеленого змия, как миллионы его менее высокопоставленных соотечественников, а наш душеспаситель — лицедей.

Однако поближе к теме: мне стало жаль «русского работника», и сделалось за него обидно... Зачем его обижать? Сколько можно?

Истина известная: если человека то и дело свиньей называть — в конце концов он и в самом деле захрюкает. Но зачем это «прорабам» нашим, зачем?

В известном смысле мы давно живем по законам нашей советской стройки: вечно пьяный, а значит, и вечно виноватый работник и прораб — себе на уме...

Есть, правда, еще вариант: когда вслед за этим — «не умеете работать!» — следует жесткое: «При-дет-ся нау-чить!»

Но чему может наш прораб-перестройщик научить — не представляю! Что он умеет сам-то?

Однажды прошлым летом в Москве я торопился по подземному переходу в самом начале Нижней Масловки: от Савеловского вокзала к улице Правды... Навстречу вдруг повалил почти сплошной поток мужчин: и молодые, и чуть постарше, шли они в основном по двое, по трое, не торопясь шли, чуть-чуть, может, вальяжно, но вместе с тем не то чтобы деловито — как бы в готовности к делу, и какая-то независимость была у них и в походке, и во взгляде, и как бы независимо тоже звучали негромкие, но уверенные в себе голоса...

Что-то очень знакомое, очень близкое, но как бы уже полуза-

бытое я вдруг ощутил... в каких, думаю, тогда это было временах, в каких далях?..

И вдруг пришло: народ с электрички — вот так же валом!.. Из наглухо закрытых «коробочек» с брезентовым верхом, с надписью над кабиною: люди. С бортовых машин, тоже как-то проскочивших мимо строгих — на стройке всяких происшествий хватает! — гаишников, с бортовых с кузовами, набитыми словно сельдями — бочка, без всяких надписей: так, что ли, не видать, кто приехал?! Работяги!

На меня как ветерком давним из сибирской молодости пахнуло: все вспомнил!

Радостно так спрашиваю у кого-то из встречных: «Что — смена кончилась?»

«Ну да!» — говорит он, проходя.

А я все радуюсь, чему-то родному и заодно соображаю: откуда они могут быть?.. Что тут рядом-то?

Радостно тоже припоминаю:

«Знамя революции», что ли?»

«Комбинат! — говорит кто-то, проходя. — Типография!..»

И я остановился как вкопанный: забыл, где ты?! Это столица, брат, это столица!

Взгляд такой независимый... голоса... шаг твердый, хоть и вразвалочку... и куда это все уходит, куда?

Только что вот «Огонек» отпечатали... Неужели «Знамя перестройки»?!

И спокойно идут себе, идут...

Сами себя «рабами» печатно только что заклеймили — и ничего.

Крикнуть захотелось: «Мужики! Братцы!.. Вот этими руками — да что ж мы делаем, мужики!»

Так вышло, что кое-кого из теперешних «прорабов» близко наблюдал, как говорится, в начале журналистской своей карьеры... Ну, как то есть? В редакцию многотиражки, в которой тогда работал, позвонят из парткома: зайдет товарищ такой-то. Из Москвы. Все, что попросит, покажите и расскажите. Да смотрите — без ваших этих штучек!

«Эти штучки», бывало, достаточно зловредные, имели место, но подшучивали мы всегда только над теми, кто — по образному выражению нашего тогдашнего шефа Геннадия Емельянова, известного нынче писателя-сибиряка, — смотрел на нас, на «провинцию» — «как солдат на вошь».

Но за всеми, кто приезжал, следили внимательно: сперва, что он там о нас напишет, да сколько приврет, да что из нашей многотиражки при этом «свистнет» — на этот случай в ней тоже бывали придуманы-приготовлены «лакомые кусочки»: кто спрашивал — тому честно объясняли, что это покупка, розыгрыш, а взял без спросу — твое дело. Они начинали потом кочевать от одного приезжего борзописца к другому, а мы тут помирали со смеху, что было, то было. Ну а познакомившись лично, так сказать, продолжали потом следить уже волей-неволей: что же, мол, из него выйдет?.. Со своей, с гордой «новостроечной» колокольни судили: а будет толк?

Может, можно простить нас?.. Сами мы ни в коем случае не могли себе позволить того, что позволяли они — нас тут же «тормознули» бы и жившие бок о бок с нами герои (это рубрика была такая в нашей многотиражке: «Герои — рядом»). Жены тех, кого в

ней прославили, в шутку называли ее «герои под боком», а приехавший ко мне в гости старый дружок и старый острослов Олег Дмитриев, поэт, после того, как мы в кампании этих самых наших героев хорошенечко посидели и один потом — ну, гололед был, ну, скользко! — упал на улице, так вот Дмитриев посоветовал: «Поменяйте рубрику. Отдаю: «Герои под ногами».

Все-таки славные — хоть вовсе не поэтому, нет же! — были те времена, о которых кое-кто из них как раз, из прорабов, предлагает забыть, просто-напросто пробел оставив в сознании: как не было, мол!

Так вот мы-то ни в коем случае не могли себе позволить вранья — это им, прорабам нынешним, было можно: за час промчится по общежитиям, как налетчик, и ты, сопровождавший его, долго ходишь потом с отвисшей челюстью — ну и ну!.. И снова уронишь ее, челюсть, когда в центральной газете в течение недели — из номера в номер — будешь потом читать о судьбах твоих товарищей — первопроходцев и об их подвигах...

Кого-то из них, случалось, просили: вот с садиками у нас плохо. С яслями — край. Зарез!.. Что делать — самая высокая в России рождаемость! Как бы помочь? Через прессу? Через центральную печать?

А «прораб» спрашивает в ответ: вот никто из вас не отравился?.. Или, может, повесился? Были случаи самоубийства? Не могли бы рассказать — много?

Потом-то были. И много. В том числе и оттого, что не было садиков... При самой высокой тогда в России рождаемости.

Но это потом, потом...

Что будет потом, «прораба» мало волнует. Главное — успеть первым.

И храмы — образцы русской работы, как иначе? — рушили первыми, а нынче с наивным бесстыдством корят русского работника.

Поспевали всегда первыми и первыми потом бросали дело на полпути, уходили с «незавершенки» ли, с «долгостроя» — на новую стройку... Ничего до конца не доводили, никогда ни за что не ответили — чем не жизнь?.. Они и нынче, на перестройку, поспели якобы первыми — оттого и стали прорабами, и первыми же давно чемоданы на всякий случай упаковали: собираются уже в иные места, в иные дали... Что ж, пусть их!

ДУХ ВСЕПРОНИКАЮЩИЙ

Лет пятнадцать назад, когда переехали в Москву, я твердо решил обходиться без столичных замашек — в том числе и подстригаться в ближайшей парикмахерской, в Доме быта, а не у «мастера»... И два года подряд симпатичная, средних лет женщина со славным нынче именем Маргарита уродовала, как могла, мою прическу, а я терпеливо думал: но ведь научится же она когда-нибудь, в конце-то концов, верно? И начнет вдруг подстригать так, что ко мне будут бросаться знакомые и даже незнакомые люди — мол, где стриглись? — и к Маргарите станут приезжать с другого конца Москвы и за месяц записываться...

Вон ведь как получилось с Найдою, с лайкой, которую я когда-то привез Савелию Константиновичу!.. Ни на какого зверя не шла —

не только не работала, но, кажется, даже не хотела замечать, как другие стараются — ну, никакого толку! Дед мне уже сказал: «Извини, Левонтич, но в тайге порядок такой: не только нечего даром хлебушек жрать — а она в три горла! — но и породу нечего портить... Хорошо, хоть сука, дак уследим, а был бы кобель?.. Уже бы небось по всей округе подрастали ненажоры да бездельники! Не обижайся, Левонтич, пристрелю я ее!.. Хоть рукавиц бабушка нашьет с ее — и то польза!»

И уже повел ее за омшаник — пристрелить... А тайга рядом, и Найда вдруг заметила, что она, тайга, не пустая, да как взялась, взялась! От этого самого омшаника как давай ее прочесывать, как давай! Словно все пять лет своей жизни только и ждала этого момента.

Но не мог же я прийти однажды в парикмахерскую со своею «тулкой»?

Так мы с Маргаритой и мучились — это правда: она видела, что у нее ничего не получается, очень переживала, изболелась, что называется, и все пыталась спровадить меня в другое кресло, но я все хранил суеверную надежду...

В конце концов она оправдалась, и вот каким образом.

В центре закрыли на ремонт парикмахерскую, которая находится на Петровке, чуть наискось от Столешникова переулка, а мастеров — в полном составе, что называется, перевели в салон нашего Дома быта.

Я было удивился, вместо всегда полусонной Риты увидав около знакомого кресла высокого, с энергичным лицом довольно молодого человека, но он настойчивым жестом уже усадил меня, уже расспрашивал — деликатно и в то же время насмешливо: мол, есть такая необходимость, зачесывать волосы не на тот бок?.. Не по направлению роста волос — против него?..

К стыду своему, я сперва ничего не понял, стал переспрашивать, и только потом — это на сорок пятом-то году жизни! — мне вдруг открылась причина многолетних моих мучений с прическою... Нет, правда: в школе все было ясно, как говорится, не разбежишься. Тем более в те-то времена! До восьмого класса — под ноль, а дальше — «бокс» либо «ежик» и уж в крайнем случае, как бы за примерную учебу и отличное поведение — «полуполечка». Сложности начались, когда в десятом «отпустил чуб»... Куда его, в самом деле, зачесывать: направо, налево?.. Какая разница! Волосы распадались, разваливались, в лучшем случае — стояли торчком... Чего я только с ними не делал!.. Мазал и постным маслом, и коровьим, а потом уже — и репейным, носил заколки-невидимки, ходил в тюбетейке — нет!.. Уже в университете дружки — из записных «стиляг», «додики» — водили меня к «своим» мастерам то в соседний со старым университетом «Националь», а то в «Метрополь», те пытались колдовать над прической, но толку все равно было чуть... Еще и через десять лет, и через пятнадцать после выпуска, и через двадцать Лейда Луукас, эстонка, начинала свою открыточку с непременного: «Милый Ежик!..» Пять лет смешить своими прическами, ну еще бы!.. А потом — сперва ударная стройка, на которой московские да ленинградские парикмахерши орудовали ломами — так считалось положено, ведь надо же с трудностями бороться! — а в кабинетике рядом с предбанником размахивала неточеной бритвой такая мымра, что приходилось у

порога зажмуриваться и до кресла добираться на ощупь: зарежет — так хоть в последний момент не видеть ее.

Что касается этих «трудностей, которые сами себе создаем, а потом с ними боремся»... По-моему, мы слишком долго понимали это выражение Уинстона Черчилля чуть ли не буквально... В том смысле, что каждый русский, мол, поступает вот как: сперва сам создает себе трудности, а после с ними борется... Нет!.. В том и дело, что здесь с первых дней революции существовало, видимо, явное разделение труда: создавали трудности одни люди, а боролись с ними совсем другие.

Однако все — русские, русские... Недаром же и одесская мафия в Нью-Йорке называется нынче русскою — мы такие!

Ну, действительно: парикмахерша Лена — разве она сама решила, что все, хватит? Бросает ножницы и берет в руки лом!.. Да нет же! Так или иначе ее заставили это сделать — и «Комсомольская правда», и приказ по тресту «Сталинскпромстрой». И опять же — не сами по себе и они: по замыслу Госплана, который с корнем выдирал нас из родных мест и не своим делом заставлял заниматься вдалеке от дома... лишь бы вдалеке.

Потом Майкоп, потом — Краснодар, где братья-армяне прилично подстригут тебя лишь в том случае, если скажешь, что ты — от дяди Ганнибала или Ашотика...

Конечно же, можно объявить дурною «русской манерой» и бездарные наши прически, так же как, предположим, исключительно за счет общенациональной безвкусицы отнести наши стеганки, наши ватники, попавшие на Запад сперва как диковинка и вызвавшие там «новую волну» в покрое одежды: «а-ля Иван Денисовитш»...

Ну, что ж — крик боли у нас, там — крик моды... Так и живем!

Только за что же еще и это: в идею, которую сами вскормили в своих общинах на Западе, перевезли сюда, тут внедрили, устроив при этом братоубийственную войну — носом теперь нас в эту свою идею, носом! И всех русских, и всех россиян, не отделявших своей судьбы от русских... Может, и действительно, дело полезное: чтобы никогда больше, никогда пришельцам не верили!

Так вот, лишь на сорок пятом году жизни я сподобился попасть к Мастеру.

И все стало на свои места. И я даже расчески не ношу теперь — а зачем? Они ведь как бы сами знают, как им лежать, волосы, ты им лишь не мешай. А я им — революцию за революцией, переворот за переворотом...

Беседы с мастером, с Валентином Николаевичем, всякий раз теперь для меня — праздник души.

Однажды как-то спросил его: а где, мол, начинали?.. Уж не в Париже? По воле судьбы — не в Лондоне?

Он рассмеялся:

— В парикмахерской у Савеловского вокзала — сейчас там ее уже и нет. Как, впрочем, нет и пивной, где тогда все свое время проводили мои клиенты...

— То есть?

— Видите ли: в парикмахерскую я пришел учеником, но, по сути дела, никто меня ничему там не учил. Так, болтался под ногами... Когда дали кресло, никто ко мне не садился, все — или к знакомым, или просто к людям постарше да видом посолидней: ну, что им — я?.. Фитиль был!.. Как сказал один клиент: соплестон...

Ну, и тогда я, знаете, что? Я стал в пивную ходить и приглашать желающих — постричься за так. Уговаривал!.. Убеждал, доказывал, что давно пора... тащил за руку, что вы! А там — представляете эту публику? Сальные волосы — до плеч. Одежка — сними да выбрось... А дух, а перегар! Кое-как до парикмахерской помогу дойти, усажу в кресло, а голову тепленькой водичкой мыть стану, он разомле-ет!.. Как кошка, когда погладишь. Как собачка, когда ей брюшко начнешь чесать... Как поросенок! Хрюкнул умиротворенно и — уронил голову на грудь. Спит себе — счастли-ивы-ый!.. А мне? Когда разбужу, а когда уже и так стараюсь достричь... Когда еще человек поспит в тепле? Этого отведу — тащу другого. И ни копейки, естественно, не беру — все бесплатно. Для практики. Мастерам, коллегам моим, одни неприятности, да и можно их понять — чего ж в таком соседстве хорошего?.. Старые клиенты спрашивают: мол, что это за люди?.. Откуда? Мастера на меня начинают нажимать: денег с них не берешь, а салфетками и всем прочим пользуешься — плати сам!.. Так я еще и приплачивал за клиентов за своих, верите? А что было делать?.. Я уже решил, что это моя судьба — постригать... стрижем-бреем!.. Мое призвание, понимаете? П р и з в а н и е. Не верите: меня и в самом деле как будто кто-то позвал!

Наверное, каждый замечал, как успокаивается душа, какая к тебе приходит радостная уверенность, когда по каким-то еле видимым — не знанием, но чутьем — уловленным признакам ты вдруг понимаешь, что попал к Мастеру: будь то портной либо хирург, зубной врач либо таксист, да будь хоть кто — вышедший из кабины во время рейса пилот или разложивший на полу чемоданчик свой с нехитрым инструментом сантехник... Но ты с благодарностью и с радостной надеждой ощущаешь вдруг, что людские отношения по-прежнему освящает неписаный договор: никто никого н и в к о е м с л у ч а е не подводит; к а ж д ы й изо всех сил старается р а д и к а ж д о г о; один другого бережет и х р а н и т, к а к б р а т б р а т а.

И неважно при этом, к а к и м ты занимаешься делом. Важно — к а к.

Мастерство, оно ведь как всепроникающий дух. Из одного навыка перетекает в другой, из одной профессии в другую уходит.

Недаром же Александр Меркурьевич Микушин рассказывал мне о своем наставнике, знаменитом некогда в Череповце горновом, который всех учеников своих школил исключительно на рыбалочке... Я сперва удивился: это как же, мол?.. «Огненному делу» — да у холодной реки?

Да нет, все просто: привязывает крючок либо забрасывает донку, а сам об этом обо всем таким сокровенным голосом рассказывает, что словно привораживает к каждому своему движению — хочется и следить за ним, и в каждый штришок вникать... А у печки — дым, грохот, ничего не слыхать, но следишь за горновым — и все тебе уже без слов до капельки ясно!

О Валентине Николаевиче я потом думал: может, в нем, парикмахере, психотерапевт пропадает? Экстрасенс с каким-нибудь особенным биополем?.. С е н с и т и в? А почему нет-то? Недаром же во время перерыва нет-нет да и забегут знакомые продавщицы из ближайшего магазина: голова что-то... Магнитная буря, говорят? Может, попробует Валя боль снять? Говорят, у него выходит!

Один мой хороший знакомый, который тоже несколько лет под-

ряд стрижется у Валентина Николаевича, совершенно серьезно уверяет, что волосы у него начали куда быстрее расти и вроде бы гуще сделались — хочешь не хочешь, а к мастеру приходится идти чаще: что ж — с радостью!

Со мной-то все ясно: люблю слушать его рассказы о том, как постигал он тайны негромкой своей профессии.

— Был момент, который стал для меня поворотным, как нынче принято говорить. Судьбоносный, если хотите! — звучит его согретый юмором голос, и оба мы стреляем глазами в зеркало, чтобы друг на дружку взглянуть — иначе что за беседа? — Брил я однажды клиента, которого притащил из пивной... Массивное такое лицо — римский император! Но алкаш уже до такой степени... Эх, сколько погибает там людей и в самом деле необыкновенных. Вот вы об экстрасенсах... Один пожилой человек там был, считалось, — конченый!.. Стоит с кружкой, а сзади подходит участковый. Он не оборачивается на участкового, нет. Он так, не глядя: ну, чего опять надо?.. Что случилось? А участковый: кража. В таком-то доме... а квартиру уже этот якобы алкаш называет, представляете?.. Ну, и что было, где теперь вещи — всю картину. Участковый ему — хоть бы спасибо... А когда тот не в духе, не в себе почему-то, мало ли... Станет отказываться родной-то милиции помочь, а менток-то, менток: хочешь со мной пойти?.. Суток на десять. Давно не был?.. Ну, тот встряхнется, соберется с силами... И, думаете, участковый-то этот кому-то сказал, что есть такой необыкновенный человек?.. А зачем? Тогда у него упадет процент раскрытий... Эх!.. Не ценим мы свой народ. Не любим друг друга. Не жалеем.

Валентин Николаевич долго молчит, и я понимаю: ну, так и что, мол?.. Этот — с лицом римского императора?

— Уснул он у меня, когда я его брил! После горяченького компресса расслабился... Как молодежь нынче говорит: поймал расслабушечку. А я тут как раз решил, что левый височек надо бы ему повыше поднять... Подношу бритву — тут он голову и роняет... Раз — и клюнул. Как ухо себе не отхватил? Ну, как по заказу — на бритву. Но я успел ее отнять — задел краешком. Гляжу — беленькая полоска, кровь еще не успела — раз быстренько. Раствором железа. Прихватил, значит... Когда на следующее утро является он с женой: она его крепко за руку держит. Скажите, говорит, когда он сел к вам в кресло, у него уже был этот укус?.. Или стригли и брили — не было, а помолодел, и прямо от вас — к ней, тут-то она его и цапнула... посмотрите, какие нежности при нашей бедности! Дома хам хамом, а у нее там — видишь: от счастья кусаются!.. Верите, еле убедил ее, что это — не зубы... Но она уже и сильно пережила, видать, и на мужичка-то на своего взглянула с ревностью да вдруг поняла, что он-то еще ничего — в большом порядке! Стала приходить за ним в пивную, домой забирать... Еще как зажили!.. Ну, тут уж мои клиенты меня зауважали: рука легкая — семейную жизнь наладил... чуть ли не сексуальные расстройства лечу, извините... И вообще уже стали друг дружке говорить: а чего это ты зарос?.. Ну, брат, опустился! Сходи к Валентину в парикмахерскую — пусть человека из тебя сделает? Стриженные там перешли уже как бы в некий особый разряд, даже ответственность за товарищей почувствовали — иногда тащили вдруг ко мне — ну, уж такого алкаша!.. Посмотри,

Валя, на кого он похож? Можно и в самом деле так низко падать?

У Валентина Николаевича черные, как вороново крыло, волосы с редкою пока сединой и пышная прическа с низко опущенными висками — как на приличном рекламном снимке... Редкий случай: сапожник — при сапогах. Темно-карие глаза иронически пострелививают, но в нарочито веселом голосе явно слышится печальная нотка:

— А однажды они меня крепко выручили... Не хочется говорить: алкаши. Клиенты, мол, бесплатные, да. Дело было давно, там тогда в Марьиной Роще, как понимаю, снимал квартиру знаменитый один борец. Кавказец. Чемпион мира и так далее... Дружки его — захребетник, мол. Почему захребетник?.. Я и сам до конца не понял. Их было несколько, кавказцев, вместе занимались — борцы. Так и держались, кучкой. Но они говорили, что живут по эту сторону Кавказского хребта, а чемпион этот — в Закавказье. За хребтом. Другие говорили, будто обладал страшной силой, противника буквально заламывал... Поперек хребта двумя руками обхватит... Он и сам, когда грозил кому-либо, разводил пятерни с широко расставленными пальцами и хрипел: «Счас за хрэбет!» А в парикмахерской он всех в постоянном страхе держал — да что вы! Ну, террорист и террорист. Лицо было бородавчатое, с гусиной кожей, а щетина пучками — бывает так... Но он всегда садился в кресло, проводил по щеке рукою и говорил: «Исделый, чтоп муха буксывала!..» Так гладко, значит, надо было его побрить. Надоел он всем хуже горькой редьки, слава богу, меня это не касалось: не доверял! Кто я для него был? И действительно, тогда — соплестон!.. Но тут случилось, что ко всем его особенностям еще одна добавилась: вскочил прыщ на подбородке... И не желает заживать! В очередной раз мастера наши увидали его в окошко — и в подсобку! Все до одного. Скажи, что нас нет! — кричат. — Все заболели, все ушли, и все, что хочешь, то и говори... Все, значит, сразу! А он к тому же, выяснилось, не в духе... Борец наш. Чемпион. Вошел и громко так спрашивает: «Игдэ мастера?..» А я тогда уже хорошо себя начал ощущать, и вот надо же — гордость во мне заговорила. Спрашиваю у него: «А меня вы за кого принимаете?» И — рукой на кресло: «Прошу!» Он сел, пожалуй, от неожиданности: что это, мол, за козявка?.. Говорит, как всегда: «Чтоп муха буксывала, э?..» И уже заранее засопел — только и того, что рук пока не расставил...

Иду я мимо подсобки — горячей воды налить, а в щелку один добрый человек и подсказывает — решили, видно, за алкашей за моих мне отомстить, которые благородную, значит, публику отпугивали... Ну и шепчет: «Соли в порошок добавь, соли! Чтобы пены побольше!..»

Ну, я тогда мелким этим пакостям еще не обучен был — в порошок для бритья доверчиво подсыпаю, значит, сольцы... Иду обратно, а уже другой голос тоже, значит, очень по-дружески подсказывает: «Первый раз сверху вниз веди, а второй попробуй наоборот: бритва — вверх!»

Поверил!

Ну, и морщился он, морщился! Борец. Уж кривлялся, кривился! Но терпел мужественно, чемпион все-таки!

Расплатился — ушел.

А назавтра вдруг стал в дверях — не видали, как подошел. А может, и нарочно по-над стеночкой крался?..

Лицо у него как одна большая клубничина: красное, и все в шишках. Какое — муха, там смело птицам можно садиться!

У меня ноги подкосились, еле стою.

А он расставил руки: «За хр-рэбэт!..»

И стоит, фукает, как ежик: как бы гнев в себе копит.

Я — ни жив ни мертв, правда-правда! Тем более что теперь вдруг дошло: да это они же меня «прикупили» — мои коллеги! И с солью, и с тем, что брить против кожи...

Он вдруг перестал фукать и говорит: «Порошок!»

Это что ж, думаю?.. Тоже догадался насчет соли? Или меня в порошок стереть обещает?

И вдруг — не поверите!..

Все эти ребятишки из пивной, мои клиенты... впервые вдруг сообразил — сколько же их!..

Кто-то уже поднырнул под руками у чемпиона и стал перед ним грудью, а другие все бегут и бегут цепочкой, уже полон зал, а они еще в коридорчике толпятся, они в окна заглядывают, поприжимались лицами, что-то кричат и дружеское, и вместе с тем — грозное... А в зале тоже: вроде одно и то же, но вразнобой — что кричат?! Потом один как гаркнет басом: «Тихо!..» Все смолкли, а бас — снова: «Скажи ему, Толя!» И тут писклявый голосок: «Попробуй — тронь мастера!»

А какое — тронь, если народу набилось ровно столько, сколько было в пивной — руки не поднять... Ну, и выдавили его на улицу, чемпиона, и тем дело кончилось.

— А как они узнали? — спросил я.

— Ах, да! — то ли в шутку, то ли всерьез продолжил Валентин Николаевич. — Забыл сказать: этот самый бедный экстрасенс, которого участковый так нагло эксплуатировал... Он вроде собирался пойти постричься наконец, что ли, или кто-то при нем сказал, что собирается ко мне, а он вдруг и говорит: с ним дело худо, ребята! С парикмахером. Спешить надо! Ну, и многие как стояли — с кружками... Я потом у нашей уборщицы тети Шуры попросил сумку и пару десятков кружек да литровых банок собрал с подоконника. Отнес им — радости было!.. А мы, говорят: почему это нынче кружек не хватает?.. Как дети! Повисли: выпей!.. По такому, мол, поводу! Еле отбился.

Вот так они тогда — б е с п л а т н ы е к л и е н т ы с горькой русской судьбой. Бросились тогда защищать Мастера.

А мы с вами?

Нынче?

Когда на него только одна и надежда?

Каких только не насоздавали фондов, центров, комитетов, обществ, банков, идей, объединений...

Но кто о М а с т е р е вспомнит?

Кто его защитит?

Поднимет м а р к у русской работы?

Восстановит поруганную ее ЧЕСТЬ?

Иван САВЕЛЬЕВ

НЕ НА НЕЙТРАЛЬНОЙ ПОЛОСЕ

Поэма

Я все, что выпало, приемлю.
Но разве внуки нас поймут:
Мы говорим: — Берите землю! —
А эту землю не берут.
Да как же так? Беду какую
Мы сотворили с мужиком,
Что не берут ее — парную,
В росе, парящую, живую,
Припорошенную снежком!..
Мы так ее осиротили:
Любые посети края —
Она лежит по всей России —
И не твоя, и не моя.
И если сердце, замирая,

Споткнется в аритмии дней,
То помни: это боль земная
Сегодня встретилась с твоей.

* * *

Так что же сталось? — Нет ответа.
Земля в беде — виновных нет.
Ужель и вправду песня спета
Деревни, коей сотни лет?
Она больна. И еле дышит.
Я тоже болен вместе с ней.
Пусть о другом — другие пишут,
А мне б успеть сказать о ней.
Ведь свет в душе моей оставил
Неизгладимый — навсегда! —
Колхоз, его отец возглавил
В послевоенные года.
Сжигало души нетерпенье —
Страну отстроить побыстрей...
И тут свалилось укрупненье
Колхозов — на беду людей.
Ах, эти дерзкие реформы —
Крестьянский гибельный вопрос!
В них много слов и много формы,
А содержанья — с гулькин нос.
Ах, тех прожектов обаянье,
Чем удивили белый свет:
До коммунизма расстоянье
Пройти осталось в двадцать лет!
И при всевиденье Хрущева
(Работай, будущим живя!)
С дворов на бойню шли коровы,
Как оглашенные ревя...
И деревеньки шли покорно
На снос — скорей, скорей, скорей...
Так вырывали наши корни,
Так мы остались без корней.
И на артельной, на колхозной
Земле — мне видеть довелось! —
Была земля уже бесхозной.
Так убивали мы колхоз.
Тут — новые взметнулись планы —
Гуди, планета-Целина! —

И на просторы Казахстана
Всем миром двинулась страна.
И не было б беды столь сильной
От той затеи — кувырком! —
Когда б срединная Россия
Еще осталась с мужиком.
И вот пока мы в спячке дремлем,
Безродные «творцы чудес»
Назвали Русь Нечерноземьем,
Чтоб самый дух ее исчез.
И все же вышла ты, Россия,
Кровоточа, из тупика,
Ведь шли навстречу —
Сила к силе —
Родной земли и мужика.
Но только-только над землею
Надежды свет затрепетал, —
Отец, израненный войною,
С родней простился — умирал.
Я не к живым приехал в гости,
Я не приехал отдохнуть, —
К травой заросшему погосту
Лежал теперь мой скорбный путь.
Ольха, рябины и березы
Склонились скромно у оград.
И — слезы, слезы, слезы, слезы
По всем, что здесь давно лежат:
По тете Шуре, тете Кате,
По дяде Мише, по друзьям...
И я услышал голос бати:
«Пришел, сынок...
Ну, как вы там?..»
А что скажу я? Что забыли
Мы все, с чем каждый жил и рос?
Что мы добили, развалили
Его судьбу — его колхоз?
Что, занимаясь перестройкой,
Мы заговариваем суть?..
И то словами, то попойкой
Стремимся душу обмануть.
Казалось бы, такая малость,
Душа — о, господи, прости! —
Но никому не удавалось
Всевидящую провести.

И, как напутствие в дорогу,
Мне голос слышится отца:
«Я от тебя прошу немного —
Воюй за землю. До конца».
И обвожу я долгим взглядом
Подлунный мир. Прощай, погост.
Мне чуждого вовек не надо, —
Проснись мой край,
Судьба, отрада, —
Деревня, где я жил и рос.

* * *

Судьбе России внемлет поле
За потемневшею рекой...
И слышу голос тети Поли,
Тревоги полный:
— Что с тобой?! —
Ах, тетя Поля, как ответить,
Какой съедает душу страх?
Ведь я читаю мысли эти
Сегодня и в твоих глазах.
Убийственные мысли эти,
Хранимы шелестом вершин,
Алеют кровью на рассвете
В сиротских ягодах рябин.
Не ими ль ветер бьется жестко
О крыши старенькую жесть?
И даже юная березка
Стремится их прошелестеть...
И прислонился я к избенке,
Один мужик среди старух.
Тут — ни свиньи, ни коровенки.
Лишь пара куриц да петух.
Но здесь же было все, что надо,
Уж я-то помню — не чужак:
Две рудаковские бригады
Страды держали красный стяг!
И песня с песней бились звонко,
Врезаясь голосом в рассвет...
Да здесь же каждая копенка
И каждый кустик был согрет
Теплом души, теплом ладоней,
Отца и матери теплом.

Иль я чего-нибудь не понял —
Иль по земле прошел разлом,
Распад,
Разлад,
Чего издревле
Не знало русское житье...
Я сам кричу:
— Берите землю! —
Но брать-то некому ее.
Кричу — на все больные версты,
На всю истерзанную Русь, —
Не докричусь я до погостов
До мертвых изб не докричусь.
И погружалось Рудаково
В сплошную — звезд не видно — тьму.
И я не обронил ни слова.
Да тут слова и ни к чему.
Наверное, часы такие
даны,
Чтоб в тяжкий час земли
Как мертвые, так и живые
Совместно помолчать могли,
Земные связи не нарушив...
Я часто слышал: по ночам
Вокруг домов блуждают души,
Ведь их приют последний там,
Ведь это там;
Когда дыханье
Готово отлететь навек,
Свое последнее желанье
Загадывает человек.
Желанье это очень просто:
В десятилетиях, в веках —
Пока живут на небе звезды! —
Пусть теплится родной очаг.
Чтоб ни беспамятство, ни войны
В нем жизни не убили свет...
Тогда и умирать — спокойно,
Почти легко...
А если нет?
А если смертью пепелище
На весь подлунный мир дохнет,
Тогда душа, как вечный нищий,
Бессрочно слезы скорби льет...

О, сколько душ блуждает ныне
В плену снегов, в сетях дождя,
На русской страждущей равнине
Покоя так и не найдя!..
Когда бы этих списков длинных,
Где я отмечусь в свой черед,
Всех деревень неперспективных
Собрать — от корня — весь народ
И выговориться,
Как на вече,
Со светлой думой на челе, —
Чтобы однажды и навечно
Договориться о земле.
Но думать некогда о вечном —
Иные мысли жгут сердца...
И тетя — опустивши плечи —
Вздохнула глухо у крыльца.
Она и жала, и косила,
И обихаживала дом...
Она была —
Сама Россия
На перекрестке мировом.
В ее судьбе тысячелетней
Так много было рубежей,
Но этот,
Нынешний —
Последний,
Быть может, многих тяжелей.
Здесь два потока разминулись —
Не на нейтральной полосе,
Ведь все, с чем мы теперь столкнулись, —
На государственной стезе.

* * *

Я все, что выпало, приемлю.
Был горек путь, но нас поймут.
Земля жива. Берите землю,
Освобожденную от пут.

Д. Рудаково — п. Холм-Жирковский,
Смоленская обл.

Сергей МИХЕЕНКОВ

КАКОЙ СЕГОДНЯ ДЕНЬ...

Повесть

Откуда нам знать,
какой в нашей христианской земле
день нынче?

Из старинной
украинской думы

— Где лебеди? — А лебеди ушли.
— А вороны? — А вороны —
остались.

Марина ЦВЕТАЕВА.
Лебединый стан

I. Неверная сила

1

В тот год весна случилась ранняя и ладная. Бывало, что лед ломало и раньше, да потом до самого Николы вешнего то сопливится, то мороз прижимает, а то и вовсе снеговая туча набредет, метель задурит. Тут же все добрым порядком: тепло и тепло. Так что отсеялись и отогородничали еще в апреле. В майские праздники начальство особо не нажимало, разрешило выходные, а кое-кому и конвертики с премиальными десяточками вручили — за ударный труд на посевной. И потому колхозники гульнули вольно. Выпито было много, спето и сплясано того больше. А пели и плясали с надрывом и слезой в усталых, обесцвеченных водкой и работой глазах. Частушек путевых не слыхать было, так, горланили кое-где — похабные да злые. Похмелье было и того тягче. Умер колхозный электрик, молодой парень, года три как из армии. Во сне разорвалось сердце. Еще двоих едва отходили. Когда они начали заводить глаза и синеть, вспомнили о бабке Накующихе, которая доживала свой одинокий век в дальней Ударе, погнали туда машину, и через несколько часов старуха, схваченная, видать, где-нибудь на огороде или на крыльце, вытерла руки о засаленный неопрятный передник и принялась вынимать из мешка, привезенного вместе с нею, какие-то травки и корешки. Накующиха заварила те корешки в эмалированной кастрюле и, остудив отвар на окне, стала отпаивать мужиков, отдающих уж и не Богу, верно, скудные свои, затравленные сивухой души.

Электрика Петю обмыли и положили на стол. Из той же Богом забытой Удары приплелся попрощаться с покойником и другой тамошний старик, Иван Васильевич Фалалеев, по прозванию Комендор. Вошел в дом, стащил скрюченной, изуродованной на фронте рукой кепку с головы, утерся ею и, хмельно и тяжко дыша, наклонился над гробом.

— Э-эх, малай... — покачал он плешивой потной головой и, блестя загаром худых небритых скул, осмотрелся по сторонам; увидел в толпе старуху Накующиху и указал ей на гроб смятой, как сорванный лопух, кепкой: — Во как, соседка, во как... Умер Петя. Кормилец наш умер. Это ж что теперича будет, Парамоновна?

— А горя, Васильич, — отозвалась ему плаксивым, каким-то девчоночьим голоском Накующиха и заголосила негромко, чтобы не раздражать родных и близких, со всех сторон молчаливо обступивших гроб — они уже не плакали, видать, выплакались...

Похоронили Петю. Двоих других страдальцев, стараниями ударской лекарки кое-как удержавшихся-таки в дыхании, отвезли в Спас-Городец в районную больницу на дальнейшее излечение. Накующиха и Комендор побрели восвояси.

Да, им, ударцам, было кого оплакивать. Уж кто-кто, а Петя не забывал их. Выручал. Особенно зимой. Не реже двух раз в месяц он появлялся у них в Ударе, опоясанный широким брезентовым ремнем, с разными железными бляхами и штуковинами и заиндевелыми «когтями» на плечах. И всегда за спиною у него болталась кирзовая монтерская сумка, куда ни много ни мало вмещалось три буханки хлеба. Хлеб Петя делил им поровну: по одной буханке раскладывал, а третью ломал пополам.

2

С тех пор жизнь в Ударе изменилась к худшему. Лучшего здесь уже и не ждали. То лучшее, о чем теперь можно было лишь вздыхать да догадываться, как оно дальше бы пошло, давно свершило свой последний круг и кануло, кажись, навсегда. И в один из дней, обычно во вторник, потому что в понедельник магазину в Бахмутове был выходной, а товар из райцентра завозили в начале недели, Комендор и Накующиха брали торбы попросторнее и брели в село, на центральную усадьбу колхоза. Это им по кривобокой, залитой дождями и измученной тракторными колесами старой дороге было километров с одиннадцать-двенадцать. Не за тридевять земель, как говорится, но и не ближний свет. Раньше жизнь на большаке велась веселая и, с какого боку ни подступись, все же ладная. Все сломалось и стало валиться потом. И то не сразу. При колхозах мужик еще далеко проволок разбитую и расхлябанную колхозную телегу. Потом — укрупнение, селение. Сселяли, считай, насильно. Так все обделывали, что и не хочешь, а свихнешься с родного корня. Даже самые крепкие ударские хозяева проживали теперь кто в Бахмутове, кто в Спас-Городце, а кто и подальше заехал, где повольнее было и не так лихо за-

едала тоска по кинутому на отчине. Да, что и говорить, не одним веком обжитой был большак. Насиженный, обогретый. Одних только деревень стояло числом пять. Пройдешь одну, не успеешь задуматься, вот она, другая, не справа, так слева, ясными затейливыми наличниками выступает, а из оконного распаха, из-за фикуса или гераней чья-нибудь знакомая физиономия выглядывает, свата ли, свояка ли, кума ли или самой кумы. Эх, а ведь и правда ж, жизнь была!.. После Удары сразу шла Веселая. За нею, считай, впритык только ручей Глинный перескочить да из оврага в поле вылезти, уже и Пелагеиха. А там еще три: Варнаки, Далево и Стражковичи. И в каждой было много дворов, а в каждом дворе — голосов.

Теперь от Удары до Стражковичей пустынь да ветер гудит в полыни на давно и недавно кинутых усадьбах. Поначалу усадьбы те запахивали, земля-то добрая, ухоженная не одним веком основательной и старательной крестьянской жизни, и рожь на ней стояла сильная, колос гнулся, скрипел жесткими дебелыми усами — тяжелый, как на единоличных, доколхозных наделах. А потом... Некому стало в колхозе пахать и добрые земли. Да и дорога сюда — черт ногу сломит. Так и одичала земля, дурниной обросла как шерстью.

Сгубили. Все сгубили.

В Стражковичах же еще крепилась жизнь на старом, подпаханном со всех сторон корне. Там оставили ферму, двести коров, телятник. И народ при ферме той и телятнике еще жил кое-как, двигался.

Комендор и Накующиха проходили мимо стражковичских дворов, издали кивали встречным, перекидывались словом-другим, и те, проводив ходоков тоскливыми взглядами, будто примеряя их тяжесть к своим плечам, говорили:

— Вон, ударские за хлебом поползли.

Словно теми своими словами пеняли кому-то: вот, мол, разорили землю, запустошили, скоро и мы так, с торбами, пойдем... Вздыхали.

3

В конце июня, аккурат на Тихвинскую, после долгой жары, от которой никло все в поле и в огородах, насунулась со стороны Семеновских лугов туча, синяя, с черной изнанкой, зловеще курившейся в разрывах и по за-

крайнам. Туча шла быстро, как стадо несытых коров по свежему лугу. Ударцы стояли на своих огородах и гадали с беспокойством: а вроде заходит основательно, оттуда всегда дождь приволакивало, нет, не обойдет, не минует... Над Семеновскими лугами уже гремело. Бахало резко, как из орудий. Комендор даже дыхание придержал: прислушивался, сравнивал, впрямь ли похоже. Усмехнулся — похоже: вон если бы там, по краю поля, орудия стояли, били бы беглыми, а снаряды улетали в лес и рвались там, раскатисто, зло. Там, в лесу, и рвалось, аж земля под ногами дергалась. Часто шмыгала молния. Все вниз, как топором, и рогатилась у самой земли.

— Грибов-то будет, ядреный кол, — глядя туда, вслух подумал Комендор. — Трубу надо заложить. А то залетит еще — такая рогатина.

Он оглянулся на свой дом. Потоптался на месте. Он стоял между грядами, луковой и морковной, в только что прополотой борозде. С пальцев его осыпались земля и засохшие листики осота и лебеды.

— Елизавета! — позвал он Накующиху; он всегда звал ее так, полным именем, а то еще и по батюшке — Парамоновной. — Соседка!

Дворы их стояли хотя и розно и вдали один от другого, но огороды, и Накующихин, и Комендоров, сползали к оврагу и возле моста почти смыкались.

— Ае! — отозвалась та, тоже распрямляя спину в борозде; жара жарой, а осот да другая всякая огородная зараза так и перли наружу и, дай им волю, через день-другой забьют хрупкие всходы огурцов, потопят нежные усики моркови, придушат лук, и разве что укроп только совладает с этой напастью, пробьется вверх, к солнцу.

— Трубу-то затворила? Вон, гляди, грядет какая! А то, ядреный кол, молонья в печку вскочит!

— Затворю, Васильич! Лишь бы мимо не прогульнула. А трубу я затворю-у!

— Затворю-у!.. — передразнил ее негромко Комендор и закричал опять: — Затвори, затвори! А то шаровая молонья в хату вскочит, клопов побьет. Поняла?

— Каких клопов? Что ты, Васильич? Заболмотался ты что-то. Каких клопов? У меня и сроду клопов не бывало. В оккупацию только. Да после войны сразу. Тогда этого добра в каждом дворе было. Да крысы одолевали.

Комендор кивнул головой и пошел по прополотой бо-

розде к калитке. Под подошвами кирзовых опорков хрупали сухие комочки земли да выдранные корни осота и другой огородной дурнины. На Накующихиной земле больше лебеда лютовала. Огород у нее был повыше, попесчанее. А у него осот — как на пропасть.

Дождя не было давно, с самой почти Ивановой росы. Помидоры будто примерли, никакой полив их не поднимал, огурцы тоже листочки заворачивать стали, пожелтели.

— Ну, эта, даст Бог, не обойдет, — в последний раз оглянулся на тучу Комендор и затворил за собою сеничную дверь.

Накующиха заспешила. Подойдя к калитке, она вывалила из передника в груд охапку сорняков, вытерла руки и на всякий случай перекрестилась: что-то на душе у нее сделалось неспокойно, будто волнение какое-то родилось. От Комендоровых насмешек, что ли? Может, и так.

Но обманул догад Накующиху, не о том ее сердце дергалось, другой знак подавало.

Как раз когда упали на крыши последних ударских домов первые капли дождя, когда затолклись они торопливо в сивой дорожной пыли и зашаркали косо по растрескавшимся белесым штакетинам, за мостом на дороге показалась женщина. Шла она скорым и вроде знакомым шагом, погляди на нее кто-нибудь из ударских стариков. Шла налегке, одна небольшенькая сумочка висела на плече, и ремешок той сумочки женщина то и дело поправляла на ходу. Когда ударило совсем близко, она испуганно присела, охнув, подхватила мокрые босоножки и побежала. Стежку она выбрала ту, которая отваливала от зарастающей дороги в сторону Накующихиной усадьбы. И на старухино крыльцо она вбежала уже мокрая, как запоздалая курица, потому как вслед за редкими каплями на землю обвалился такой ливень, что вмиг повалил траву под окнами и лук на огородах, а борозды залило обрезь, и в них заплавали, закружились выдернутые и неубранные сорняки.

— Господи Исусе Христе, — зашептала, отойдя от окна, Накующиха; шторку она задернуть не успела, и теперь, когда вспыхивало и рвалось, казалось, над самой крышей ее хаты, подходить к окну, чтобы исправить оплошность, не осмеливалась. А потому вбежавшую на крыльцо увидела сразу. Не разобрала только, кого это принесло в такую прорву. По стеклу струилась вода, на-

бегала и набегала, плыл какой-то сор, видать, воробьиное гнездо размыло. Наличник вверху еще весной треснул и отвалился, гнездо лохмато и неопрятно вылезло наружу. Тогда же старуха хотела спихнуть его долой, и палку уже подходящую нашла, но пожалела: там уже пищало и шевелилось.

На крыльце потоптались, поотряхивались, фыркая, заглянули в окно, сунулись к нижней шипке мокрой простоволосой головой, и Накующиха вздрогнула оттого, что сердце опять дернуло неясно. Она уже догадалась, что гостя неурочного ей не непогодь пригнала, как, бывает, палый лист к укромному берегу, нет, тут, видно, гость к ней издалека. И пока она так суматошно и растерянно соображала, кто же это к ней, дверь отворилась и с порога, улыбаясь во весь рот и сверкая золотыми зубами, предстала пред ее очи племянница Шурочка.

Они обнялись. И даже немного всплакнули.

— Шурочка, деточка, — приговаривала Накующиха, оглаживая поизносившееся, но еще моложавое лицо дородной племянницы, — а я уже и не чаяла увидеть тебя. Ах ты, овечка моя блудная. Нешто время не было хоть письмецо тетке отписать?

— Ой, тет, ты ж знаешь, не люблю я писать. Да вам сюда, наверное, уже и почту не носят.

— Что ж, что не носят. Я и сама бы в Бахмутово сбегала. Или бы Васильичу наказала, он там газеты получает.

— Тет, ладно, не обижайся. Знаешь, а правда, некогда, некогда все.

— Замолчи, неверная сила! Тетке родной — словцо какое черкнуть...

Шурочка поставила на стол свою розовую сумочку и начала выкладывать из нее гостинцы: нарядную продолговатую консервную банку, оказалось, что это тушенка, не наша, заграничная, конфеты в прозрачных хрустящих пакетиках, несколько пачек печенья, печенье было разное, пахло даже по-разному, еще что-то и еще и, наконец, платок. Выхватила откуда-то со дна сумочки, как горящую газету из огня, и накинула Накующихе на плечи.

— Ой, Шурочка! Детка! — задохнулась Накующиха.

— Что, нравится? — засмеялась Шурочка, блестя золотыми зубами.

— Шурочка, деточка ж ты моя родимая!.. У меня ж такого доброго платка сроду не было.

— По блату доставала.
— А-а... Дорого ж заплатила?
— Сейчас, тет, все дорого. А чуть погодя, может, через полгода-год, еще дороже будет. Галопирующая инфляция. Слыхала про такое?
— Это же что, болезнь какая? Или химия?
— Химия... Во-во, химия! — засмеялась Шурочка. — Наверху химичат, а мы, народ трудящийся, отдувайся. Крутись как белка в колесе.
— Красив платок, красив. — Накующиха подошла к мутному старому зеркалу. — Господи, царица небесная! Цветы-то какие яркие да живые! Его, такой-то и носить жалко. А? Куда я в нем?
— Носи, не жалей. Перед Комендором вон форсанешь. Ну-ка, вот так, боком повернись. Ага. А! Хороша! Ты, тет, в нем как невеста. Небось Комендор увидит тебя в этом платке, приплетется сватать. Он к тебе в женихи еще не набивался? А, тет?
— Тьфу, неверная сила! Ну и блудлив же твой язык!
— А что тут такого? Живете на куличках, как шиши. С одной стороны лес да поле, с другой — поле да лес. Жуть, жуть! Это сейчас тут — лето, рай зеленый. А зимой что... Жуть!

4

Тучу стало стаскивать к Веселой, гроза ушла туда. Там теперь громыхало и ухало. Но дождь не прекратился, хотя обваливался на землю уже не с таким остервенением и не кидался в окно, как давеча. Окна с улицы будто занавесили чем, Шурочка и Накующиха сидели в темноте. Старуха в грозу света никогда не зажигала, боялась. А тут бы уже и зажечь, гремело далеко, но света не было. Шурочка пощелкала выключателем — впустую.
— О-о, это ж, знать, гдей-нибудь струны порвало. Теперича без свету насидимся. Петя ж не придет, не поправит линию. Да, никому мы нынче не нужные стали. Это когда работали, все, бывало, начальство под окнами толклось. Чуть свет, а уже стучат; выходи, мол, Пáрамоновна, на лен да на свеклу... А теперича... О-охо-хонюшки-и! Знать, ланпу надо зажигать? А, Шурочка, ланпу-то нести? Или так посидим?
— Ладно, тет, так посидим. Все равно спать скоро ложиться.

А и правда: пока толкли языками, за окном уже слежались плотные сумерки. То ли время их пришло, то ли оттого, что небо так и не расчистило.

Легли рано. Шурочку Накующиха уложила на своей койке, застелила чистой простыней и поменяла пододеяльник.

Засыпая, долго ворочались. Разговаривали. Вспоминали свое давнее житье. Вспомнить им было что. Шурочка рассказывала о своем — как устроилась, как живет нынче. Из рассказов ее выходило, что живет она ничего, хорошо, и работа у нее хорошая, денежная, не особо нервная, и начальство ее ценит и уважает.

В одиннадцать лет Шурочка осталась сиротой.

Когда в колхозе стали выдавать паспорта, младший Накующихин брат, Федор, с женой Зиной завербовался на Север, на какое-то большое строительство. Все тогда ехали, кто куда, особенно молодые да бездетные. У Федора же и Зины была уже дочь. Через год в Удару пришло письмо, что устроились, все нормально, что получаем, мол, большие деньги и скоро, возможно, приедем в отпуск на родину. Что такое отпуск, Накующиха в то время и знать толком не знала. Про Шурочку, которой к тому времени исполнилось пять годочков, ни полсловечка. А погодя, будто вдогон первому, пришло другое письмо, в синем конверте с красными марками и жирными черными штемпелями, казенное, Накующиха это сразу поняла. И в нем извещалось, что Федор Парамонович Накуюшников и его жена Зинаида Петровна Накуюшникова умерли от менингита в областной больнице города Архангельска. Через неделю Накующиха привезла в Удару худую, как больной цыпленок, Шурочку. Накормила ее картошкой с парным молоком. Девочка ела жадно, картошку глотала большими кусками, задыхаясь и кашляя. Накующиха постелила ей на козенке, чтобы потеплее, та свернулась калачиком и проспала почти сутки. Время от времени она вздрагивала и то плакала, то смеялась во сне. Накующиха сидела рядом, вязала ей к зиме носки из овечьей шерсти, поглядывала на бледное, ни кровиночки, личико и шевелящиеся пальчики тоненьких ручек, вздыхала...

С тех пор прошло вон сколько лет — много.

Шурочка выросла, вытянулась, округлилась. Заневестилась. Рано заневестилась, на семнадцатом году. Из школы — только за порог, — сразу замуж вышла. Спер-

ва в Варнаки, за тамошнего парня, шофером работал. Но что-то у них не заладилось. Ушла. Потом засватали ее за ветеринара, в Бахмутово. Ветеринар тот был уже в годах. Степенный, спокойный, с образованием, при деньгах. Одел, обул, нарядил как княгиню. Ни в чем у него ей отказу не было. Но и с ним не сжилась Шурочка. Задурила. И пошло у нее с тех пор, поехало, да куда зря все.

— Что ж ты, девка, жизнь-то так свою пустила, — пеняла Накующиха. — Один тебе не ладен, другой не хорош. Какого ж тебе князя надо?

— И вот да! Князя! — подбочениваясь и поджимая губы, дерзила ей Шурочка.

— Сиди, дура, — урезонивала ее Накующиха. — Знаю я, какого тебе князя надо.

— Какого ж? — наглела Шурочка и подступала к ней, напирала грудью.

— Мужики вон в окошко полезли. Думаешь, не знаю, не ведаю?

— Ой-ой-ой!

— Гляди, все на свете — по грехам нашим. Грешному путь только сперва широк, а после ох как тесен.

— Ой-ой-ой! — опять вывертывала перед нею крутыми бедрами Шурочка. — Да что я такого сделала, что ты мне такое говоришь?

— Ты, девка, передо мною дамкой не пляши! — строго прикрикнула Накующиха. — Перед кем, перед кем, а передо мною — не смей! И слушай, что тебе родная тетка говорит! А скажу я тебе, племяннушка родная, вот какую сказку: не захотела со своими жить честным да добрым порядком, так чужих под свой неуемный подол мануть не смей! Не послушаешь меня, дело твое. Но знай, бабы тебя, такую посукалку, за волосы еще потаскают. Потаскают, потаскают, неверная твоя сила!

И будто в воду глядела Накующиха: потаскали-таки Шурочку за черны косы ударские молодки, поваляли по земле — не жни, где не пахала, не лезь в чужой огород... И так они ее отхолили, что неделю потом Шурочка с печи не слезала. Даже похудела. А оправилась, собрала чемодан и, никому не сказавшись, ночью, когда Накующиха крепко спала, наломавшись на стоговке соломы, ушла пешком в Бахмутово, там на попутной машине мотнула в Спас-Городец, к утреннему поезду.

Объявилась Шурочка только через три года: прислала

к празднику 8 Марта открыточку, из которой Накующиха узнала, что живет ее блудная овечка в Смоленске и опять вроде замужем.

Накующиха лежала с открытыми глазами, слушала, как ухает в стороне бахмутовского большака уходящая гроза, и думала о том, что нет, неспроста это, должно быть, Шурочка приехала. Ой, неспроста.

Но все же радости больше было, и радость эта теплой волной подплывала к сердцу: приехала-таки, блудная, примчалась... То-то кровь дорогу подсказывает. Родных, так говорят, нет, да и то по родимой сторонке сердце ноет. А я ж живая еще. Дышу пока, меряю век. Примчалась... Кому ж ты, неверная сила, нужна еще, кроме тетки родной? А никому. Мужики, они и есть мужики... А тетка всегда встренет, обогреет, примет. Так думала Накующиха, подсунув сухую теплую ладонь под щеку и глядя, как время от времени озаряет в горнице окна, так что на белом незашторенном боку печи и на стенах отражались черные кресты рам.

5

Утром поднялись рано.

Старуха выпустила из хлева овец и под ракитами, где те обычно хоронились от жары, увидела Комендора. Она затворила хлев, чтобы овцы не пришли домой раньше времени, торопливо накинула цепку на пробой и пошла, замахала издали рукой Комендору.

— Шура приехала, — сказала она. — Вчерась. В самую грозу и заявилась.

— Видал, — ответил он и спросил: — В гости? Или как?..

Старуха не знала, что ответить. Ее и саму мучил этот вопрос.

— В отпуск, — солгала Накующиха.

Комендор долго не отводил от нее пристального взгляда. Так, молча, и стояли. Пока Комендор не забранился на подавшихся было к его огороду овец. Накующиха сразу догадалась, что это ж он на нее осердился, учуял-таки в ее словах лукавину. И хотела было уже признаться, что нет, не знает, надолго ли приехала Шурочка, нет ли, как Комендор вдруг схватил ее за локоть и, наклонившись, заговорил на самое ухо, торопливо:

— Ты, Елизавета, не больно-то рот разевай на ее медо-

вые речи. Они, ядреный кол, нынче, в городах-то, научились уму-разуму...

— Ты про что это, Васильич? — опять зачем-то притворилась она.

— А я, Парамоновна, об том самом и говорю, что рассказывал один такую байку: чудные, мол, толки, что съели овцы волка... А?

— Э, неверная сила, пошел приговаривать. Своих разогнал, и на чужих будешь теперь плетухи плести. — Не хотела ему Накующиха говорить это, да само с языка соскользнуло. Ладно, сказанного не воротишь.

К обеду Накующиха и Шурочка опять собрали на стол. Старуха достала припрятанную бутылочку беленькой. Без Комендора садиться не стали. За ним побежала Шурочка. Но тот отказался наотрез. Сказал, пристально глядя в Шурочкины глаза, что загородку надо поправить, овечки картохи топчут, выдернул из плашки топор и пошел под горку — рубить жерди. Пришлось откупоривать бутылочку самим.

Шурочка забрасывала рюмки легко, не морщась. Так, впрочем, она делала почти все в жизни. Захмелели скоро. И вот этой хмельной порой, отставив в сторону с лишком ополовиненную бутылку, Шурочка решительно заявила:

— Хватит тебе, тет, тут одной горе мыкать. Поедем в Смоленск. Ко мне. Насовсем. А?

— Какого я ляда у тебя в твоем Смоленске не видела?

— Ну а тут какой ляд тебя держит? — усмехнулась, блестя золотыми зубами, Шурочка.

— Родной, — поджала губы Накующиха.

— Ой, да ладно тебе, тет! Погоди обижаться-то! Если хочешь знать, я и сама по Ударе скучаю. Не каменная. Но подумай! Это когда-то в деревне нашей мило жить было. Ягодки, цветочки... Где она теперь, наша Удара? Нет уже Удары. Не-ту! Ты да этот хрен старый, Комендор, — вот и вся Удара.

— Помрем и мы с Комендором скоро, — с укоризной протянула Накующиха. — Все тут тогда кустами да бурьянами порастет.

— А кто в этом виноват? Мы, что ли? Мы тут терпели сколько могли. Это вон они пусть теперь Нечерноземье свое поднимают, — кивнула Шурочка куда-то.

— Порастет, все порастет...

— А мы, тет, дом в городе купим, — ввернула Шу-

рочка, отыскав-таки в их отяжелевшем разговоре щелочку. — И будем жить припеваючи. Ну что, тет?

Накующиха насторожилась. Шурочка помолчала минуту и поняла, что можно идти дальше:

— У меня квартира, конечно, есть. Но — однокомнатная. Кооперативная. Так я ее продам. Сейчас квартиры в цене, мне за нее, и за однокомнатную, хорошие деньги дадут. А купим домик. Там у нас продают сейчас неплохие дома. В старых кварталах. Я уже один присмотрела. И еще несколько вариантов есть. На случай, если его перекупят. Вот, в блокнотике и адреса пометила. — И Шурочка начала рыться в сумочке и извлекла оттуда потрепанную записную книжку в красных, совсем почти отвалившихся глянцевых обложках. — Во, видишь. Вот тут. Один, другой, третий. Почти все на одной улице. Улица хорошая, зеленая. Тихая. Как наша деревня. Да ты там, тет, и скучать не будешь! Возле домов участки есть. Небольшие. Но наш, тет, даже с садом! Представляешь? Семь яблонь. Две коричневки, две антоновки, одна грушовка, одна анисовка и одна мельба. Словом, тет, вариант на все сто. Важно не упустить. Представляешь, как мы там с тобой заживем! В саду лавочка есть, стежка гравием усыпана...

— Нечего мне добра на чужине искать. Тут прожила, помру, тут пускай и похоронят.

— Тет...

— Погоди! — Накующиха хлопнула ладонью по столешнице. — Не перебивай меня!

— Молчу, молчу, — взмахнула руками Шурочка.

— Да, и смолчи перед старшими. Да. А я что говорю: тут свои бурьяны караулить хочу, а не где-то по чужим углам скитаться.

— Да ведь и в Смоленске у тебя свой, а не чужой угол будет.

— Свой? Свой, детка, это — на своей земле. Поняла?

— Это ты пока на ногах на своих, пока здоровье, рассуждаешь так. А как заболеешь, как сляжешь, кто, скажи, за тобою доглядит? Комендор, что ли? Уж не на него ли ты надеешься? Он и хватится не сразу. Да запьет еще. И помрешь голодная, не выползешь из нетопленой хаты. Да он и сам, гляди, скоро смотается отсюда.

— Кто, Комендор?

— Он самый.

— Комендор никуда из Удары не поедет.

— Да?

— Да.

— А чегой-то ты так за него заступаешься? — засмеялась вдруг Шурочка и, будто уличая старуху в чем-то греховном, заглянула ей в глаза.

— Заступаюсь, — строго ответила Накующиха. — А как же, и заступаюсь. Мы ж тут так и живем — заступаемся друг за дружку. Ужели ж нам тут, на куличках, враждовать?.. Вы ж вон все поразъехались! Черта два вы теперя за нас заступитесь!

— Давай-ка, тет, еще по рюмочке. Огурцы твои хороши. Баночные? Или из бочки!

Налитую Шурочкой рюмку Накующиха приняла. Налила ей Шурочка полнехонько, до обреза, и, поднимая ее, старуха подумала себе: «Ох, пей, кума, да не пропей ума». А племяннице сказала:

— Комендор отсюда ни ногой. Этот пенек и сгниет тут.

Но уже ночью, когда Шурочка на ее постели стала уже похрапывать помаленьку, Накующиха позвала ее и спросила, дороги́ же дома в Смоленске? И, услышав, что нужно тысяч пятнадцать и что половина тех денег у нее уже есть, ни о чем больше Шурочку не пытала и только к рассвету сомкнула усталые, больные глаза. Но и во сне, кажись, думы о Шурочке и городском доме не покидали ее.

Проснулась с трудом. Все тело ломило в суставах, в голове туман и звук какой-то посторонний, надоедливый, как муха неуемная. Как с каторги вернулась из сна Накующиха. Шурочке про мороку свою умолчала. И когда та опять завела разговор о покупке в городе дома, где, как пояснила Шурочка, угождая старухе, можно и посадить кое-что, потому как земля там жирная, привозная, на ней все растет, что ни торкни, так вот когда племянница завела вечерошнюю песню, Накующиха сказала:

— Погоди, неверная сила, не гони коня, не вали с ног. Такое дело скоро не решают.

— Скоро не скоро, а обстоятельства торопят. Цены, тет, нынче поднимаются не по дням, а по часам. Сейчас все норовят в особнячки всунуться. В тишине пожить. Ну, думай, думай, я над тобой вожжой не трясу. А только б купили мы с тобою домик и зажили бы, тет, на все сто!

— Денег-то больно много надо, — закряхтела Накующиха и пошла зачем-то в сенцы.

Там, в сенцах, в темном углу она нащупала прохладную лавку и села, опустив на колени беспокойные руки. Все тело ее ныло от усталости. Видишь, думки-то как меня, дуру благую, уходили. Привезла тоже забот, зараза мотовая. Сама избегалась, измоталась, и меня туда же, под свою седелку...

А может, и правда кинуть все да и уехать в город, подумала она впервые так решительно, что в следующее мгновение уже испугалась своих мыслей. Но испуг так же быстро прошел. Шурочка, видишь, она ж тоже одна, тоже мыкается, думалось дальше — будто какая-то живая ленточка в голове разматывалась. И старухе уже самой хотелось дальше и дальше разматывать ту ленточку. Перебесилась, молодость под горку пустила. Чертова дура. Красу — кобелям на потеху, детей — по кустам... Вздохнула Накующиха глубоко и дальше стала ленточку разматывать. Зима подойдет, дров опять вон сколько надо. Зимой печка — прорва ненасытная. А у меня уже и сил нету таскать их да рубить. Вот и Петя помер, хлеба никто уже не принесет. О-охо-хонюшки-и, вздохнула она опять.

И представилась Накующихе зимняя ее изба, выстуженная, с холодными полами и заметанными белым морозом снизу доверху, так что ни углышка чистого, окнами; а там, снаружи, все стежки переметаны, и даже в сенцах под лавкой сугроб набило, нашвыряло за ночь в щель...

6

Уехала Шурочка в тот же день. Загрузила красные и сиреневые пачечки в свою сумочку, потрясла ею над Накующихиной головой, сказав, что вот теперь-то они заживут в своем доме в Смоленске в тепле и достатке, на всем вольном.

Старуха верила ей. Теперь, когда она передала Шурочке целый груд денег — сразу столько денег она никогда в жизни не держала в руках, — так вот теперь она верила племяннице уже потому, что не верить нельзя было. Да и не лгала та, говоря о тепле и достатке: в городе дров не надо, там дома паром греют, по трубам тепло готовое подают, а хлебные магазины, это старуха знала точно, там и вправду почти на каждом углу, и

круп всяких в магазинах много, а консервы все в масле и в собственном соку, и их никто не берет. Заелись там, в городах. А ей консервы нравились. Сваришь картошки, откроешь баночку... Хорошо.

— Может, тет, тебе расписку дать? — спросила ее Шурочка, когда они из сберкассы зашли в парк, посидеть на скамеечке, подождать автобуса; Шурочка весело посасывала травинку и смотрела на Накующиху.

— Какую, детка, расписку?

— Как какую? Ну эту, бумагу такую напишу. Своей рукой. Что, мол, я, такая-то, получила от тебя, от такой-то, деньги в сумме такой-то.

— На што ж мне твоя бумага? Я же тебе деньги свои отдала дом куплять. А ты мне заместо денег — бумагу... — и неумело погрозила Шурочке сложенным кулачком. — Ты, неверная сила, гляди, старуху не обдури. Чуешь?

— Да что ты, тет! Ты меня прямо обижаешь. Я тебя когда-нибудь обманывала?

И правда, Шурочка ее никогда не обманывала. Так, были какие-то давние грехи, да они забылись уже. Детские грехи. Что их поминать?

— Если не доверяешь, если думаешь что-нибудь такое, то на, забери назад. — И Шурочка расстегнула сумочку и сунула туда руку.

— Застегни. Замочек, говорю, застегни. И лишний раз не шмуркай да не бляскай им. Деньги-то немалые. Большие я тебе, Шурочка, доверила деньги. Конечно, их бы у меня на книжке поболе было бы сейчас, если бы в колхозе с самого начала за работу платили. Сколько годов за «палочки» оттрубили. Э, неверная сила, это ж подумать только!

Когда подошел автобус и со скрипом и пылью растворил все двери, пошептала Шурочке:

— Ты там гляди, не рассори деньги по буфетам да лесторанам. Ехавши-то. Про дом тоже вот что-то хотела сказать, да сбунтовалась. Ладный дом купляй. Старика какого попроси, в советчики-то. Бутылку ему посули. Они, старики-то, хоть и старые, а выпить горазды. Он тебе за бутылку все вызнает да присоветует. Поняла? И мне отпиши сразу. Как приедешь в Смоленск, так сразу и отпиши.

И простились. И уехал автобус. Увез Шурочку и Накующихины деньги.

Всю неблизкую дорогу до Удары Накующиха не могла отвязаться от мысли, что как-то уж сразу, легко она разорила свою сберкнижку, что не надо было отдавать Шурочке все восемь тысяч, оставить надо было часть, тысячу-полторы хотя бы. А то и побольше. Эх, неладно я сделала, думала Накующиха. И расписку эту, правда, надо было взять. Пусть бы написала своею рукой, что, так, мол, и так, мною такою-то, взядено у гражданки такой-то столькито тысяч рублей для покупки дома в Смоленске для совместного проживания. И посоветоваться б надо было с кем-нибудь. Или с Комендором переговорить. Он хоть и обиделся и ходит губы поджавши, а все же улучить бы минутку да потолковать со старым пеньком: так, мол, и так, решила на старости своих никчемных лет в городе пожить, на свободе, на всем готовом, племянница, мол, к себе зовет, да у нее квартира мала, так они сообща, на паях, решили домик подходящий там купить, а деньги, видишь, прямо сейчас надобны...

На пелагеинских усадьбах, так ни разу и не вспаханных с тех пор, как последние люди поразъехались отсюда незнамо куда, Накующиха остановилась, села на камень под ракитой кривой, достала серенькую, как мышка, затрепанную свою книжку и полистала ее. И, читая числа и записи сумм, внесенных ею когда-то на свой счет, стала вспоминать, как работала она за эти деньги, каково достались они ей.

Вот первые взносы. Теперь по стольку в магазин за один раз носят — хлебца купить, да селедки хвостик-другой, да банку каких-нибудь консервов. А вот, вот эти взносы, это когда на свинарнике работала. Тут хорошо выходило. Свою свиноматку держала, в Спас-Городец поросят продавать возила. Потом, правда, зарезала свиноматку. А что было делать? Налогами задавили. А вот эти сто двадцать три рубля — премия за лен. Это когда она уже бригадиром по льну работала. Эх, а и правда ж добрый лен выращивали в Ударе тогда! Семя, бывало, в мешки сыплется, руки подставишь, так оно — как шелк льется. Тресту в Спас-Городец — первым сортом.

Так перелистывала она свою сберкнижку до того места, где записи обрывались и в графе «остаток» значилось: 116 руб. 86 коп.

— И на похороны не хватит, — опять зашлось холодом Накующихино сердце. — Вон нынче как все дорого!

7

Когда Командор спустя несколько дней сбегал в Бахмутово и разузнал, что Накующиха с Шурочкой разорили сберкнижку, что старуха и вправду решила перебираться из Удары в Смоленск, он стащил с головы кепку и, отерев потный лоб, криво и горько усмехнулся:

— Эх, Парамоновна, так-то твою... Пошла душа по рукам — у черта будет.

В Удары он вернулся уже в сумерках. И, не заходя домой, чтобы хоть разгрузиться, завернул к Накующихиной хате. Худая картофельная сетка с высунувшейся до половины, так что вот-вот упадет, буханкой хлеба была перекинута через плечо, а из отвислого кармана ветхой выгоревшей куртки неопределенного цвета торчала заткнутая промокшей бумажной затычкой четвертинка.

Накующиха той порой вышла на крыльцо с ведерком мыльной воды. Завидев ее, Командор еще издали поднял руку и закричал:

— А, соседка дорогая! Ну как, здорово ли живешь?

— Ничего, Васильич. Ничего пока, — ответила она, чувствуя уже и в словах Командора, и в том, как они были сказаны, какую-то пружину; на всякий случай она поставила ведро на лавку и отступила за порог, в сенцы.

— Что хоронишься от меня, Елизавета? Сглазу, может, моего боишься? Не бойся! У меня глаз не злой. У меня глаз обыкновенный. А вот со своими комсомольцами, с активистами своими, всю округу сглазила! Посмотри! Раствори очи, руководящая и направляющая сила, в какой срам твоя передовая Удара погрузла! Где она, Удара? Я спрашиваю тебя, колхозная ударница! Где, ядреный кол!

«Опять, неверная сила, пьяный нажрался», — подумала Накующиха и взялась рукою за дверь.

В сенцах за затворенной дверью было холодно и тепло. Накующиха постояла немного, послушала Командорову брань и, стараясь не скрипеть половицами, ушла потихоньку в горницу — пускай себе брешет.

— Душегубы! — ревел за окном Командор. — Какие кони в Ударе были! Это ж не кони были, а звери лютые!

Штакетник уже трещал, рушился. Накующиха слышала, как падали в траву штакетины.

— Где наши кони, активистка? Где наши кормильцы,

дочь председателя Советской власти? Что молчишь? Не хоронись! Стыдно! Правда глаза колет?

Накуюшиха вздохнула, скрестила руки на груди. Теперь Комендор говорил вроде и правду. Словами нехорошими, бранными, а правду все же. То ли на второй, то ли на третий год колхозной жизни у них в Ударе передохли почти все кони. Так каждый день и выволакивали веревками из конюшни под горку. По сю пору земля там проваливается.

— Довели деревню до ручки! — не унимался Комендор. — Комсомольцы тридцатых годов, так-то вашу мать!..

«Э, Васильич, — думала старуха, стоя в простенке, — что теперь в пустой ступе молоть? Что теперь воздух сокрушать? Неверная сила! Она сама, что же, не хотела, что ли, чтобы жизнь на ихней земле выправилась».

Простенок был узким, и Комендор, видимо, чувствовал, что она тут, потому что от окошка не отходил, пер и пер всякую околесицу.

— Завели державу в дрегву! Заблудили Отечество! А сами на сухонькое да на чистенькое! Хреново в деревне — в город подались! И — опять хорошо! Да что б вы там, ядреный кол, в своих городах с голоду попередохли!

«Это ж он из Бахмутова такой-то шальной приметохался, — догадалась Накуюшиха. — Видать, все выпытал, черт старый, все вызнал. — Она так и продолжала стоять, прижавшись спиной к гладким прохладным бревнам простенка. — Скоро тебе не на кого будет лаяться», — злорадно и с жалостью подумала она, уже успокаиваясь.

Комендор крикнул еще что-то, матернулся напоследок, но не громко, а так, вроде сам с собою поговорил, и пошел прочь с ехидной песней:

Уж и стали веселые под кустиком отдыхать,
Стали денежки делить, стали бабушку хвалить:
— Ты живи, баба, подоле, копи денег поболе!

Дойдя до конца огородов, остановился, притопнул ногой раз и, подумавши, другой. И кинулся вдруг в пляс. Плясал Комендор хорошо, зло, и пыль из-под ног поднялась высоко, заклубилась, и занырял в том лихом облаке удалая Комендорова голова. Но плясал недолго,

так же неожиданно остановился, оглянулся на Накующихины окна, плюнул под ноги и дальше пошел уже молча.

8

Хоть и долог день летний, а и он в суете да заботах проходил скоро. Вечером, отужинав на пару с кошкой, Накующиха садилась у раскрытого окна, того самого, напротив которого Комендор давеча срамословил да разорял штакетник. Пододвигала табуретку, садилась, положив руки на подоконник, и ждала Шурочку. Думала, старая, худой своей головой, что вот станет смеркаться, загорится за полем над дальним лесом ясная, как праведная слеза, звезда, и покажется там, на большаке бахмутовском, долгожданная ее гостья. Но наступали сумерки, потом темнело вовсе, так что ни поля, ни дороги в поле, ни леса дальнего не видать уже было, только одна звезда дрожала набухшей давней слезой, а Шурочки все не было и не было. Тогда она вдруг спохватывалась, что вечером же Шурочка приехать не сможет. На чем же она от станции вечером доберется? Что скорее всего утром приметохается ее блудная овечка. Тогда она вздыхала, затворяла окно и, не включая света, лезла на козенку. Последнее время приохотилась спать на козенке. Раньше вроде не умещалась в ней, то голова падала, то ноги на весу млели. А теперь, видать, усохла, впору и на козенке стало. Да и легче тут ей было утра дожидаться. Подсовывала под голову старый свалявшийся ватник и прикрывала глаза...

Утро приходило медленное, сонное, как девка на покос. Накующиха слезала с козенки, подбиралась к незашторенному окну, в которое катилось, напирало всею своею мощью солнце, протирала ладонью запотелое стекло — но чиста, как и стекло, была дорога в поле. И звезды уже не видать, будто и вправду слезой упала в неведомые, забытые косцом травы необъятных покосов. Лес виднелся. Молчаливый, неподвижный, равнодушный. Шумел вяз со сбитой молнией верхушкой на большаке. Два витютина на сухой былке верхнего уцелевшего сука. Сидят, головками крутят, должно быть, семья. Семья. Стали бы чужие так головками вертеть, подумала Накующиха, глядя на отдыхавших птиц.

Комендор раз подкараулил ее возле моста и, не здороваясь, сказал — не насмешливо, скорее сочувственно:

— Что, Шурку ждешь, соседка? Черта она теперь приедет. Присуропила твои капиталы — и хвост трубой. Нужны мы им теперь, старые пердуны. Никому мы теперь не нужны.

Накующиха ничего ему не ответила, только губы подобрала и отвернулась: что с ним, с дураком сивым, говорить? Он теперь будет на Шурочку наговаривать...

— Люди бают, поболе восьми тысяч, ядреный кол, ты ей отвалила?

Но и на это старуха смолчала. Только руки начали трястись дробнее и время от времени вело, дергало набок голову. Какая-то неверная сила и туда вселилась.

— Ну и дура ж ты, Елизавета! — сказал Комендор уже и вовсе не сердито и тоже отвернулся. Будто и его обобрали.

Так и стояли молча. Никто не уходил. Стояли рядом, думали. И она уже не сердилась на него, ей хотелось его совета, хоть и запоздалого и, быть может, бесполезного уже, но сердце ж надо было как-то успокоить.

— Брат-брат, сват-сват, а денежки, ядреный кол, не родня. Ты расписку-то хоть взяла у нее?

Накующиха шевельнула головой: нет.

— Ну, ты, соседка, и вправду святая. Я с тобой и говорить дальше не хочу на эту тему.

— Погоди, Васильич, не говори ничего дальше. Не обманет она. Шурочка не обманет.

— Не обманет... Знаю я твою Шурочку. Ежели б не знал, помолчал бы. А то ж знаю! Шурка — общая печурка... Слыхала такую поговорку? Да ежели б только это! Это ладно, это, может, самый простительный грех из всех грехов. Молодая, гладкая, да не шибко умная... Кого об эту пору бес не попутывает. А она ж, гадость такая, и на другую ногу хрома. Как же, помню: любила сиротством своим попользоваться. Займет и не отдаст. Было, было такое! Ты ж, Елизавета, и сама должна помнить, к тебе небось за долгами приходили. Вот и довыплачивалась за нее, за шкуру. Вексель-то у нее ого-го какой длинный!..

— Ох, Васильич, а что ж мне теперича делать?

Наутро пошли в Бахмутово.

Первым делом зашли на почту и спросили, нет ли чего срочного в Удару.

Ничего такого в Удару не было. Комендор забрал газеты. Газет ему дали много, целую пачку — за неделю.

Он перевязал газеты шнурком и бросил их на дно сумки. Затем передал сумку Накующихе и попросил бланк телеграммы. Что писать и на какой адрес, они обговорили еще в дороге, и теперь Комендор молча заполнил бланк и подал в стеклянное окошечко. Телеграмма потянула почти на пять рублей.

— Да, соседка, дорого ж нам, ядреный кол, детки обходятся, — сказал Комендор, когда они уже вышли из почты и направились к председателю.

— Васильич, — окликнула она его возле самой конторы; окликнула тихо, оглядевшись сперва: — Ты его хоть видел?

— Кого?

— Кого-кого, председателя нонешнего.

— Сейчас и посмотрим...

Торбы свои сложили за дверью возле приемной. Начали шептаться, договариваться, что сказать да кто пойдет впереди. Видимо, услышав их шуршанье, из соседнего кабинета вышла незнакомая девица и заявила, что председатель занят.

— Так мы, милая, обождем, — сказал Комендор и стал пододвигать Накующихе стул. — На-ка вот, Елизавета Парамоновна, посиди на мяконьком.

— Руслан Халифович никого сегодня принять не сможет. У него сегодня неприемный день. Вы ведь по личному вопросу? Так?

— Свету который месяц нету — это как, по личному? Или как?

— М-м... А вы, собственно, откуда?

— Из Удары, милая, — опять добродушно осклабился Комендор и присел на такой же мягкий стул, на какой усадил и Накующиху; теперь он осмелел, теперь он знал, что никуда отсюда не уйдет, пока не поговорит с председателем.

— Я еще раз повторяю, гражданин, Руслан Халифович посетителей принимать не бу-дет! — отчеканивая каждое слово, громко выговаривала секретарша и постукивала карандашом по корпусу массивной пишущей машинки.

— А что ты губы поджмала? Что ты губы-то крашеные поджмала, неверпая сила! — не выдержала Накующиха. — И глазами на нас так-то не пыхай. Не пыхай, говорю, глазами. Посетители... Какие ж мы тебе посетители? Мы под этой крышей колхозники, а не какие-то

там посетители. Мы наш колхоз во-он еще когда зачинали. Во-он еще когда силушку свою покладали да здоровье. Это вы теперя сидя — на все готовенькое. На должности да в квартиры.

Дверь председательского кабинета за спиною у секретарши тем временем приоткрылась, и из-за нее выглянуло розовощекое гладко выбритое лицо.

— Галя, в чем дело?

— Да вот... К Руслану Халифовичу ломятся. Я сказала, что он занят, но с ними трудно разговаривать. Они ничего не хотят понимать.

Лицо исчезло за дверью, и через мгновение оттуда послышался густой бас:

— Ну, кто там? Заходите! Заходите-заходите!

— Иди, чего стал, — подтолкнула Накующиха Комендора, и так, он впереди, а она следом, толкая его в спину, они шли в председательский кабинет.

Накующиха давно здесь не была. Лет, может, пятнадцать, а то и больше. Все тут выглядело уже не так, как прежде. Пахло даже не так. И она, пока Комендор, отчего-то вдруг опять оробевший, петлял языком про оборванные провода, подумала, что вот раньше дела в колхозе куда лучше шли, а контора не такая богатая была. А теперь вон и ковры под ногами дорогие, и стулья мягкие, и столы полированные, а шкафы все с зеркалами да с медными ручками. Такие в старину только в богатых домах были. Вот как теперь, думала она оглушенно. А поля-то — ивками да березками...

Выслушав Комендора, председатель сдвинул густые черные с синеватым отливом брови и спросил, почему они не хотят переселяться на центральную усадьбу, как это давно им было предложено.

— Нет, председатель, мы на своей земле хотим... А что без людей, так мы друг другу — люди. Так что безлюдьем мы особо не тяготимся.

— Хорошо. Я вижу, старики вы упорные. Распоряжусь, чтобы линию в ближайшие дни отремонтировали.— Председатель встал, вышел из-за стола и подал Комендору руку. Затем пожал руку и Накующихе. — Мы все сделаем. Все, о чем вы просили. Всего вам доброго.

От конторы до большака молча шли.

— Я, Елизавета, так думаю, что не сделают нам электричество, — сказал Комендор, когда они, вздохнувши

облегченно, вышли на большак и дробно застучали своими батогами в сторону Удары.

Да и Накующиха думала о том же и потому в ответ вздохнула согласно. Но сказала другое:

— Ковров-то сколько, Васильич! Статочно ли дело — коврами полы колхозные застелили! Там же мужики в сапогах да бабы с фермы...

— Ты ж слыхала, он, Халифович этот, народ такой только по понедельникам и принимает. В сапогах, знамо дело, по таким дням эта ложка крашеная не пропустит. Видала, как она перед нами зоб надула! Охраняет! Ну а по понедельникам, с девяти до двенадцати, они, может, те ковры сымают.

— Понавезли в наш колхоз всякого добра... Да они ж теперь, Васильич, в коврах этих про коров и вовсе забудут!

— Не забудут. Чего им забывать? Не они ж их доить да кормить будут.

— Ой, Васильич, а и наших баб тоже уже палчугой загонять на ферму надо. Избаловались. Хужей мужиков стали...

— Вот они наших выпивох и будут турять на дойку палками. Их, может, специально и прислали.

— Как это?

— А помнишь, слесарей с партийными билетами к нам понаслали. Они хлеб-то только в булках до этого и видели. На столе. А как нашего брата в оборот взяли! План. Сроки. Госпоставки. Лесозаготовки. Только успевай, крестьянин, поворачивайся!..

— Опять ты, Васильич, на свою болячку захромал.

— То-то, что на болячку... У меня, может, вся душа — одна сплошная болячка. Поняла?

— Э, Васильич, ну что старое поминать?

— Старое... А ты что, не видишь, какое оно, новое? Мы вон с тобой к нему — как к барину. Эта, бляшка лакированная, могла бы и не пустить.

— Погоди, Васильич, не бранись.

— Вот и Шурка твоя, ядреный кол, такая же сучка! — ни с того ни с сего заорал Комендор и дальше зашагал быстро, размашисто.

Накующиха сперва поспевала за ним, потом уморилась поспевать, плюнула и пошла себе потихоньку, помогая себе батогом, и обижалась:

— Где ж мне за ним, лосем, угнаться.

9

Ответ из Смоленска пришел скоро. Привез его молоденький лейтенант, милиционер. Доставили того следователя в Удару на председательской машине. Как только на ней и пролезли до Удары по такой пропасти бездорожной? У старухи при виде такого гостя отнялись было ноги. Подняться на крыльцо и пройти в дом ей помог все тот же молоденький милиционер. Под мышкой он прижимал коричневую тонкую папочку. Он ополоснул стакан и зачерпнул из ведра воды, подал ей. Накующиха выпила воду и кивнула; она выпила больше из страха отказать, чем из желания, и попросила, чтобы позвали Комендора. Она испугалась, что вот арестуют, увезут на чужбину, и никто знать не узнает, куда, за что...

— Комендор? Кто такой? Это что, звание? Или кличка?

— Прозвище. А мне он будет сосед. Прозвище такое — Комендор. В матросах был в молодости. Воевал.

Следователь расстегнул папку, достал бумагу, авторучку и приготовился, как видно, писать. Он сидел за столом, она перед ним на табуретке, положив на колени враз обессилевшие руки.

— Да? Значит, в родственных связях вы с ним, с этим... как его, Комендором, не состоите?

— Нет.

— В таком случае можно и без него. Если он, ваш сосед, не доводится родственником ни вам, ни гражданке Степанцовой, то можно и без него.

— Это ж какой такой Степанцовой? — испуганно спросила она следователя.

— Вашей племяннице, — пояснил он, тут же насторожившись. — Степанцовой Александре Федоровне. Кстати, вы под какой фамилией ее знали?

— Была сперва Накуюшникова. Это девичья ее фамилия. А потом... Кто ж ее знает, она много раз замуж заходила. Последний раз, это она мне сама говорила, там, в Смоленске, зашла. И писалась вроде как Никитенковой. Я ей и телеграмму отбила на Никитенкову. Вон Васильич идет, он и подтвердит.

В сенцах стукнула дверь, послышались шаги, неверные, будто не по полу, а по ухабинам, с руганью и грохотом опрокинутого ведра, потом сдержанный кашель, тишина и деликатный стук в дверь.

— Можно присутствовать? — вежливо, как давеча в

приемной, осведомился Комендор и посмотрел на следователя, сидевшего за столом.

— Заходи, Васильич. Мы ж не затворялись, чего спрашиваешься.

— Так, для порядка, — сказал Комендор, поздоровался издали со следователем, снял кепку и сел на лавке в углу.

— Так, ладно. — Следователь задумчиво посмотрел в окно, потом на старуху. На Комендора даже не взглянул. — Так, продолжим нашу, так сказать, беседу. Ответьте на такой вопрос: какую сумму одолжили вы ей и когда это было? Постарайтесь вспомнить все точно и подробно. И еще: она приезжала одна или с нею был кто-то еще? Отвечать не спешите... Подумайте.

От вопросов следователя у Накующихи снова начала дергаться голова. Она говорила все подряд. Говорила и говорила. Ей казалось, что там, в Смоленске, Шурочка натворила что-то такое страшное, что заберут теперь и ее, Накующиху. Вот сейчас закончится допрос и арестуют ее как миленькую. Но если скажет она все, что знает, если много наговорит, то, может, и угодит следователю и тот оставит ее дома.

— А где ж она теперь, овечка моя? — робко спросила она, когда все вроде было уже рассказано.

— Степанцова? Вы имеете в виду Степанцову? — Следователь оторвался от бумаги и взглянул на старуху. — Она скрылась. В том-то все и дело. С прежнего места жительства, как оказалось в ходе следствия, не выписалась... Степанцова заняла не только у вас, Елизавета Парамоновна. Она взяла крупную сумму и у соседей по общежитию, и у сослуживцев, и даже, как ни странно, в бухгалтерии на заводе, где до последнего времени работала. Ей выписали под аванс триста рублей. Заняла еще и в Спас-Городце. У меня от них имеются два заявления. Пока два. В таких случаях ведь не сразу заявляют. Этим двоим из Спас-Городца Степанцова пообещала купить дефицитные товары. Телевизоры или еще что-то. Оставила им свой смоленский адрес, назначила день, они приехали, а ее и след, как говорится, простыл.

— Может, она пропала где? С деньгами такими-то? Может, ее уже и на свете нету? — Голос у Накующихи опал, задрожал, но заплакать она не заплакала.

— Это мы сейчас и пытаемся выяснить. Для этого, Елизавета Парамоновна, я и приехал к вам.

А Накующиха подумала и сказала:

— Это что, неверная сила, она и ехала обобрать меня?

10

В августе, будто наверстывая за весну и половину лета, заладили частые дожди. Шли дожди с утра до ночи. Да и ночами стегали по одиноким ударским крышам, шуршали в листьях старых яблонь и в кустах сирени и тяжелой бузины.

Накующиха в такие ночи не спала. Боялась.

И окошко она стала закрывать на ключи, и всегда, прежде чем улечься на козенке, в темноте, на ощупь, раза два подходила к окну и проверяла, не забыла ли затворить хорошенько. Комендор где-то в Стражковичах раздобыл керосина, отлил немного ей, и она заправила лампу и поставила ее на кухонный стол. Но зажигала редко, жалела керосин.

Ночами, одолеваемая бессонницей, она разговаривала с Шурочкой. Теперь старуха уже будто точно знала, что та не объявится, что больше блудную свою овечку она не увидит никогда. А деньги... Что деньги?

— Деньги... — бормотала Накующиха. — Думаешь, Шурочка, денег мне жалко? Не их. Не их жалко. Тебя, дуру. Ты там подумай, блудная, какой грех на свою душу нагрузила. А ежели я возьму да и прокляну тебя? А? Вот возьму и прокляну, пока глаза не затворила. Деньги что? Они б все одно тебе, овечке глумной, достались. По закону. А зачем ты их вот так-то, обманом, ума не приложу...

На рассвете сон крепок. Сомкнула и старая свои утомившиеся глаза. Во сне и голова не дергалась, отдыхала. Засыпая, она чаяла увидеть Шурочку или хотя бы знак — от нее. Но опять приснилось то, что снилось последние месяцы: Шуркины женихи. Будто много их, и лезут они во все щели, как крысы. Иные выскакивают из подпечья, гремят, неверная сила, прямо по ухватам, другие выскальзывают из-под двери, прыгают через чугуны и ведра. И кошка хватает их да головы откусывает. И мечутся они по хате, по полу, по стенам, по опрокинутым табуреткам, безголовые женихи, брызгают кровью, как зарубленные петухи. Пригляделась Накующиха, а

голова у кошки будто Шурочкина, и лапы передние будто уже не кошкины лапы, а руки Шурочкины, и ими она десятки пересчитывает, ловко так перебирает, как продавщица, складывает пачечками и пачечки те куда-то за пазуху сует. Нагнулась к ней Накующиха, а кошка-Шурочка навстречу встала на задние лапы и по-дурному замяукала, сердито, с хрипом, и на лбу у нее будто рожки прорезались — остренькие, как у козочки. Прорезались и засветились. Тогда отпрянула от нее старуха и захотела перекреститься, потому как догадалась, кто перед ней, но персты поднять ко лбу не хватало сил. Руки так и оттягивало вниз, будто их и все ее разом онемевшее тело другая какая сила обуяла. Кошка-Шурочка с рожками, как у козочки, потянулась к ней и запустила коготки под фартук, где старуха держала узелок с деньгами — то последнее, что оставалось у нее от пенсии, полученной недавно на почте. Бери, бери, неверная сила, обдирай догола душу православную, подумала Накующиха уже без страха и ненависти. Она увидела себя и кошку-Шурочку как бы со стороны: она лежала, а та бегала вокруг нее, дергала за вывернутые карманы, похожие на пустые кулечки из-под пряников, за фартук, перепрыгивала через голову, через замлевшие ноги, дробно топотала копытцами вокруг по замусоренному, давно не метенному полу. Копытца побрякивали то тише, то громче, возле самого уха, казалось, что вот сейчас и на голову наступит. Чего она еще вьется надо мной, подумала Накующиха, всю ж вроде обобрала. И тогда старуха стала замечать, что та наклоняется ближе и вроде как обнюхивает лоб и грудь. На груди у старухи лежал серебряный крестик, подарок матери. А, вон ты что, усмехнулась Накующиха последней усмешкой. Она вдруг догадалась обо всем и все поняла наконец в своей и Шурочкиной жизни и жизни Комендора и всей Удары. Ее неожиданное прозрение приняло некий образ, не то человека, не то еще кого-то. Но разглядеть его отчетливо она не могла. Нужно было усилие, чтобы разглядеть окончательно тот возникший образ. Силы у нее были, она поняла, что их хватит, чтобы увидеть. Вот тогда-то она и усмехнулась. Так не быть же по-твоему, решила она и почувствовала, как новая, дотоле неведомая сила повлекла ее прочь от топота копыт и приставания кошки-Шурочки, от того, кто явился ей и встал в ногах лукавым и нетерпеливым сторожем. Поки-

дая прежнее свое жилище, старуха чувствовала, как опадают с нее, как листья со старой яблони, все ее страдания и грехи, и даже подивилась, как много их, и тех и других. Кто-то бережно уносил ее. Она даже крылья будто слышала над головой. Как трепещут они и колеблют воздух. Несите, несите, вздохнула Накующиха, уносите вон поскорей.

II. Где дорога моя?

1

С той поры, как похоронили Накующиху, Комендор жил в Ударе один. Забородел, залохмател. Бороду брить он перестал еще осенью, когда управлялся с огородом. Росла она местами черная, как смоль, местами седая, а местами и с рыжиной. Стер раз пыль с зеркала, заглянул, будто в полынью, и чудно самому сделалось: как пес пегий. И подумал там же, у той полыньи горько: а что ж, и жизнь такая пошла, поволоклась по родным ухабинам, какая уж тут жизнь, даже поговорить не с кем.

Когда становилось совсем лихо, он закрывал на замок дом и уходил в Стражковичи или в Бахмутово — посмотреть на людей, поговорить со встречными, купить бутылочку и «квякнуть» с Кузьмой, переселенцем из Варнаков, жившим теперь в селе наподобие эмигранта, потерявшего все: и родное место на земле, где и дожить бы ему, и умереть, и семью, и работу, и здоровье. Но Кузьма стал последнее время раздражать Комендора: чуть захмелеет, сразу в слезы, сопли распустит и сидит, мычит, головой трясет, не то слушает, не то сам говорит что-то. Ночевать Комендор всегда возвращался домой. Не любил на чужине. Затапливал печь-голландку в большой половине. Дров не жалел. Дров у него всегда было много. И сидел у прикрытой дверочки, смотрел на яркую игру пламени, на малиновые в черных морщинах трещин угли. Вспоминал себя в детстве.

Жили они тогда на хуторе Подмариха за Семеновскими лугами. Отец с сыновьями, тремя, старшими, ломили в лесу, местину для новины расчищали: что на дрова распиливали, что на стройку откладывали, что тут же в огонь. Работали торопливо, жадно, к весне надо было уже подготовить огнище под запашку и посеять яровое.

Дубы, матерые, не задуплявшие, оставляли. Отец Василий Макарович говаривал, поглаживая бугристую броню такого богатыря: пусть стоит, будет где птичкам присесть, гнездо свить. А он, младший, Ванька, любимец родительский и избаловух, с матерью и бабкой Матреной управлялся по хозяйству. Был у них двор полный скота, все в нем жило, дышало, мекало, блеяло, кегало, кудахтало... Было гумно, заваленное снопами ржи и пшеницы. Там всегда пахло хлебом, даже зимой. Там мать и бабка Матрена трепали лен. Оттуда на вытянутых руках, чтобы не волоклись по земле, он носил вычесанные и мягкие, как материны волосы после бани, мычки русого волокна. А вечерами сидел возле печи и, приоткрыв чугунную дверочку с замысловато выведенным вензелем «СГ», тыкал железной кочережкой угли и смотрел, как мерцало, отражаясь на его горящих щеках, пламя в топке. В доме было теплю, пахло хлебом, но не так, как на гумне, а гуще, нежнее. В разных местах дома пахло поразному: где только хлебом, а где к хлебному духу примешивался запах распаренного кленового листа, да кислого теста, да молозива. Когда хутор Подмариха погружался в темень и в поле загуливала метель, предвещая скорое ненастье, к двору возвращались огнищане: отец Василий Макарович и Ивановы старшие братья — Степан Васильевич, Николай Васильевич и Петр Васильевич. Мать наливала им еще теплых, из печи, щей с бараниной, нарезала горку хлеба. Хлеба Фалалеи ели много. Хлеб любили. То-то и пахло им на Подмарихе так царственно. Ванька подсматривал в дверную щелку, как они чинно сидели за столом и неторопливо, основательно снедали. Погодя спохватывались, звали и его: иди, мол, мужик, садись к нам.

Потом другим память озаряло: школа в Бахмутове, белые сосновые парты ровными рядами, учительница с длинной черной косой, большими добрыми глазами и певучим голосом, поповская дочка. Тогда в Бахмутове церковь была, батюшка службу правил. Это потом, когда все кровью да голодом замутилось, церковь порушили, а батюшку в Спас-Городец увезли. Его и директора школы — как разоблаченных врагов народа.

И еще: проводы старшего брата, Степана, на действительную.

И уже более позднее, но почему-то смутно: вечер зимний, оттепель, так что капель и ночью чокает с крыши,

долбит во льду округлые глубокие лунки, отец с матерью сидят за столом и дядька Парамон Накуюшников, председатель сельсовета, о колхозах и о земле ругаются...

Зиму ту они пережили на Подмарихе. А весной активисты сломали трубу, завалили дерноками дымоход. Отец схватился было за топор, но мать повисла на руках, не дала выйти из сенцев. А братья, Николай и Петр, уехали в тот день в Спас-Городец покупать сапоги. То-то и обошлось.

Через несколько дней они отвели в Удару весь скот: двух коров, годовалого бычка, двух телок, жеребую кобылу Кубанку и в последний раз запрягли в телегу белого жеребца Гусара.

Вот что вспомнил Комендор, сидя у приоткрытой топки и глядя, как трескаются, осыпаются, мерцая синевато-багровой окалиной, угольки.

Земли они своей больше никогда не имели. Пятнадцать же соток на задах — это было по меньшей мере насмешкой над тем, что они имели и могли бы иметь, не сгони их, Фалалеев, той смутной весной с хутора Подмариха в колхоз. Сотки те, конечно, травой не зарастали. Более того, они были ухожены, взрыхлены, удобрены и худо-бедно кормили семью. Но извечной и большой, как мир Божий, родовой тоски по земле они не удовлетворяли...

Вспомнилось сгоряча и другое. Покос. Дольки в Семеновских лугах нарезали. Нарезали в разных местах. Дольки получались узкие, ряда на три-четыре. А у кого плечо широкое, то и того меньше. Делили напрогляд. Один стоит, вешкой помахивает, а другой с дальнего конца встречь идет, покрикивает да прокашивает сразу. И попал тогда Комендору в соседи Ефим Гуриков, брат Кузьмы. Ефим ходил бродовщиком и местами навихлял так, что Комендор не выдержал, кинул в ряды мокрую косу и крикнул тому:

— Да что ж ты, Ефим, делаешь! Ты посмотри, какими вавилонами ты тут набродил!

— А что? — ехидно усмехнулся Ефим, остановив в ряду косу по ту сторону брода.

— Ну посмотри, сколько ты у меня вот тут ухватил! Ты знаешь, как это называется?

— Знаю, — сказал, угрюмо поглядывая на свой прокос, Ефим.

— Нет, видно, не знаешь!

— Знаю, — опять буркнул Ефим и вдруг завел такую песню: — А ты, я вижу, по отрубам заскучал? По Подмарихе? Но у нас, сосед, колхоз. Учти. И этот луг, учти, не твой и не мой!

— А чей же?

— Колхозный. Общий. Понял? — Ефим поплевал на ладони, взялся за косье. — Хуторянин, твою мать...

— У нас на Подмарихе порядок был. И чужого мы там ни на след не закашивали.

— Был... Был у вас там кулацкий порядок, — пьяно протянул Ефим. — То-то и вижу, все в лес смотришь, волчара.

Эх, и хватил же он тогда Комендора за больное! Выхватил Комендор из рядов свою косу и пошел было на Ефима, но удержало что-то, сел, отвернулся, засмеялся, как дурачок...

Теперь тот луг, думал Комендор, кустами, должно быть, зарос. Теперь он никому не нужен. Вот ведь, было время, черт знает как жили — друг у друга ломоть из рук выбивали. Косами чуть не секлись из-за лишнего клока. Теперь живем лучше. Теперь нам с Ефимом хорошо. Кусты нас помирили...

2

Солнечным днем на исходе зимы, когда на снегу стали протаивать и проваливаться глубже грязные чешуйки бересты, принесенные в Удару из лесу, в стороне Веселой послышался натужный, будто на одной ноте, гул тракторного мотора. А вскоре и сам трактор нелепым оранжевым жучком появился на белом, забитом сугробами большаке. Он тяжело переваливался с боку на бок, упорно сокрушая снег на своем пути.

«Кого ж это заперло сюда?» — подумал Комендор и стал всматриваться в белое поле, стоят ли там его вешки или трактор бузует прямо по его стежке. Солнце слепило, снег искрился, старик то и дело утирал пальцем слезу, но глаза все равно застило, и он так ничего и не смог разобрать: вешки торчали хоть и прежним порядком, но вроде как реже...

Трактор нырнул в лощину, выплюнул оттуда шмат черного дыма, будто грязную портянку, рявкнул напористо и, разматывая из трубы уже целый шлейф, выскочил на околицу. Неподалеку от Накующихиной

усадьбы развернулся, остановился и заглох. Сразу стало тихо и спокойно.

Может, эта бродня, Шурка, отыскалась, мелькнула у Комендора, как слеза на ветру, догадка.

На снег выпрыгнули вначале двое, потом еще один. Последнего Комендор узнал — Витька Пантелеев, тракторист из Бахмутова. Жили они, Пантелеевы, когда-то тут, в Ударе. Вот там, где развернул Витька свой трактор, и стоял их дом. Теперь только ракита корявая осталась над ямкой провалившегося погреба. Видно, не случайно Витька трактор свой там и остановил.

Витька размял затекшие ноги — видать, тесновато в кабине втроем-то, — огляделся, увидел стоявшего на крыльце Комендора и сказал что-то своим спутникам. Те посмотрели на старика мельком. Видно, другой был у них тут интерес.

— Кого это, ядреный кол, ты привез? — спросил Витьку Комендор.

Тот, отмахав шагов двести по целику, часто дышал и раздувал сизоватые грязные ноздри. Давно было: поймал его раз Комендор в своем огороде в морковных грядах и с тех пор смотрел на парня из-под сдвинутой брови. Вроде что такого, кто пацаном по чужим садам да огородам не лазил? Но, вспомнил Комендор, этот не просто морковки подергать залез, заостренной палкой истыкал все кабачки, тыквы, огурцы-семенники, посбивал с веток помидоры... Палку ту он у него тогда отнял и раз-другой вдоль спины и ниже. Запихнул за пазуху несколько морковин вместе с ботвой, изуродованные помидорины, вывел на дорогу и приказал: «Иди к отцу!» Через неделю на зеленях кто-то побил его молодых гусей. Так и положили рядком два выводка. Поди поищи виноватого. Жалуйся. Спросят: где, мол? А где... На зеленях.

— Соседей тебе новых, дед Комендор! — смеясь и утирая измазанным пальцем нос, ответил Витька.

— Ну?

— Вот тебе и «ну»! На аренду. Слыхал, может, про такое?

— Слыхал, — махнул рукой Комендор. — В газетах пишут. Раньше про ипатовский метод, теперь, ядреный кол, про аренду.

— Не-е, дед. Ты хрен с пальцем не путай. Это дело серьезное. Новое.

— Раз новое, так, значит, и серьезное? — усомнился

Комендор; он прищурил глаза, вспомнил истерзанных гусят, посмотрел на Витьку, вздохнул и отвернулся.

— Да ладно тебе, дед Комендор. Вечно ты просто так не скажешь. С подковыркой все. — И кивнул в сторону своих спутников: — Будут тут свиней откармливать. Или бычков. Еще точно не решили. На мясо. Вот так.

— А что ж, своим за свиньями да за телятами доглядать уже не под силу?

— Да не в этом дело.

— А в чем? Работать, что ли, учить нас приехали? — сказал Комендор и, не дожидаясь ответа, пошел к крыльцу; ему, видно, и не надо было ответа — вон он, ответ, ходил вокруг Накующихиной хаты, приглядывался уже по-хозяйски.

Погодя, когда Комендор кое-что собрал на стол, все трое вошли в его дом. Двое, незнакомые, войдя, сняли шапки и поздоровались. Витька долго не раздевался, ходил по дому, разговаривал громко, так же громко смеялся, блестя белыми зубами.

— Ты свою шкуру мазутную сыми, — не выдержал Комендор. — А то все косяки мне загваздаешь...

Витьке это не понравилось. Но виду не подал. Снял ватник, который действительно послужил довольно и пора было бы уже и поменять его. Но Витька копил деньги на «Жигули», деньги тратил только на самое необходимое, а новая фуфайка такой уж необходимостью не была. На стане и в конторе над его бережливостью тоже трунили, но он научился пропускать все насмешки мимо ушей, терпеливо дожидаясь дня своего триумфа, когда он проедет по Бахмутову на новеньких «Жигулях».

— Неужто места наши по нраву пришлись? Глуховать наша? — не собираясь бродить около, спросил Комендор приезжих и налил в стаканы из захватанной неопрятной бутылки.

Окончание на стр. 129

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

ТОВАРИЩ

С какого-то момента мое отношение к голодовкам как средству протеста сильно изменилось. С одной стороны, понимал, что только загнанные в угол люди могут прибегнуть к ним, но с другой — слишком много примеров, когда голодовку объявляли по поводам мелким, незначительным, а иной раз и просто людей смешили.

ЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕ ПРЕСЛЕДОВАЛ

Например, один начальник средней руки, отказавшийся от пищи в расстройстве, что его из большого кабинета переселяли в другой, поменьше. Или изобретатель, вышедший с плакатами на Пушкинскую площадь, из которых совершенно непонятно было, что он, собственно, изобрел и кто его изобретение не внедряет. Впрочем, на следующий день то ли изобретение его признали, то ли кушать захотел, но на этом месте его уже не было. А порой голодовка превращается в элементарный шантаж. Не повышают зарплату плохому работнику — объявляет голодовку. Бывало, что голодовку объявляли и те, кто рвался за «бугор».

Потому я несколько скептично отнесся к сообщению о том, что председатель комиссии по социальной справедливости Московского метрополитена А. Мосин объявил голодовку. Неужели нет иного способа защищать справедливость? В поступке виделось стремление к скандальной славе и ничего больше. Но на всякий случай все же связался с ним и следил за развитием событий. И, знаете, зауважал этого человека.

Во-первых, личных интересов он не преследовал. Во-вторых, голодал он как-то скромно, непохоже на других, которые обставляют свою акцию многочисленным реквизитом и превращают ее в некоторое подобие театрального действа. Андрей Мосин лишь один раз пришел в управление метрополитена, постоял с небольшим плакатиком часа два и отправился на свое рабочее место. Кстати, основная его профессия — электромеханик, а председатель комиссии — всего лишь общественная, как раньше говорили, нагрузка.

Чего же он требовал, какой реакции ждал?

Как ни странно, ответить на этот элементарный вопрос не так уж просто. В глаза бросается то, что лежит на поверхности, то, что было всего-навсего провоцирующим моментом. Им оказалась история распределения автомобилей.

Руководители и профсоюзные функционеры, выступая единым фронтом, уверяли всех, что для метрополитена выделена 31 машина. И вдруг на заседании парткома кто-то обмолвился, что автомобилей сорок. Камень был брошен, пошли круги. И к Анатолию Мосину потянулись люди — где правда? Он выяснил, что машин действительно сорок. Но в кабинетах ему врали в глаза, гнали либо шептали по-свойски: «Да, сорок, но я тебе не говорил». Естественно, документов даже обратной стороной не показывали. И это председателю комиссии по социальной справедливости! Только когда все возможности были использованы, он решился на отчаянный шаг.

— Чего хочу? — размышлял он при встрече.— Посмотреть, до какой черты дошли люди. Ведь эти начальники относятся к ним как к второсортным. Приходишь и видишь, чувствуешь, как ищут они способ обмануть, спрятаться за формальную отговорку. Даже не скрывают! Им наплевать, все равно ты им ничего не сделаешь, а они уважают лишь силу, чуть ли не пресмыкаются перед теми, кто выше. Человеческие качества утеряны, остались лишь инстинкты насыщения и самосохранения. Вот и с машинами, ведь, все ясно — оставили для себя, так нет, вертят, крутят... Если хотите, я своей голодовкой дал им возможность людьми себя показать. Да куда там! Когда с плакатом в управление пришел, начальник метрополитена Е. Дубченко прошествовал, сделав вид, что не заметил меня, а «главный защитник трудящихся», председатель дорпрофсожа Н. Комиссаров, спрятался за колонной и следил оттуда...

Этот разговор состоялся на шестой день голодовки. Анатолий был бледен, несколько заторможен, но крепился. Из руководства ему никто не звонил: то ли на выносливость проверяли, то ли действительно наплевали на него — хочешь, живи, а хочешь, и помирай. Даже не поинтересовались: в силах ли он работать?

На одиннадцатый день его пригласили в управление на переговоры. Ничего конкретного не сказали, не предложили, но то, что вспомнили о нем, было уже маленькой победой, и голодовку он снял. Чего же добился? Потерял 16 килограммов веса. Подорвал здоровье. Газета «Гудок» опубликовала о нем две заметки. Больше ничего. Впрочем, третий пункт уже что-то значил.

Об Анатолии узнали. На профсоюзной конференции столичной подземки его выдвинули кандидатом в делегаты XIX съезда профсоюзов СССР. Тогда же машинисты потребовали у председателя дорпрофсожа Н. Комиссарова дать разъяснения. Но он отказался под тем предлогом, что скоро конференция Совета трудового коллектива, мол, тогда и поговорим. Короче, круги не затихали. Дабы миновать скандала, начальник метрополитена Е. Дубченко (а он, кстати, претендовал на одну из машин) срочно ушел в отпуск. Подыскали другую должность Н. Комиссарову.

— Доволен? — спросил тогда Анатолия.

— И да, и нет,— отвечал он.— Хорошо, что на место председателя пришел порядочный человек, но прежний-то спокойно пересел с кресла на кресло. И на какое кресло! До профсоюза был начальником энергоучастка, должность скромная, а стал главным ревизором по безопасности в метрополитене.

Вскоре прошла и конференция СТК метрополитена. Текла тихо и сонно, как тысячи подобных мероприятий по всей стране. И вдруг люди встрепенулись. Выступал Мосин. Все про те же злосчастные автомобили. И люди потребовали отозвать списки, которые уже были отосланы в торговлю, и заново, уже гласно, перераспределить машины. А также,

по некоторым аспектам этого дела, передать документы в прокуратуру. Ответственным назначили Мосина... Ничего подобного не было не только в метро, но и на всей железной дороге. Чтобы вырвать из горла администрации уже почти проглоченный кусок — фантастика!

Очередной раз спросил Анатолия:

— Теперь-то доволен?

— Это, конечно, победа,— отвечал он.— Но все же этого пока мало. Необходимо добиться, чтобы пресечь все злоупотребления. Прекрасно понимаю, насколько сложна эта задача. Десятилетиями людей развращали, убивали в них чувство достоинства, прививали вирус угодливости. Но делать это необходимо. И делать это можно всем миром, гласно.

Д. ДМИТРИЕВ

ВЕЧЕРА «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ»

И ВО ДВОРЦЕ, И У СТАНКА

Чем мы нынче богаты, так это слухами. Кто только их не распускает: от традиционных базарных всезнаек до уважаемых депутатов. Порой вносить ясность приходится и сотрудникам «Молодой гвардии». Ну, например, раздается телефонный звонок: «Правда, что завтра там-то и во столько-то будет встреча с вашим журналом?» Кладешь трубку, бежишь по кабинетам — никто не в курсе. Выходит, пустили слушок.

Впрочем, причины такого рода информации понять нетрудно. Редкая неделя обходится без приглашения выступить перед читателями.

Не всегда это, к сожалению, удается: режим работы ведущих отделов журнала очень напряженный, да и авторы — народ занятой. Но если есть возможность, стараемся не отказывать. По приблизительным подсчетам, в уходящем году проведено около сорока встреч. От многотысячных вечеров в ленинградском Дворце спорта «Юбилейный» — места «Российских встреч» — до школьных классов и заводских «красных уголков».

Творческие бригады молодогвардейцев не раз выступали в частях Московского военного округа. Побывали мы в гостях у курсантов Ленинградского училища подводного плавания и в комендантской роте Кремля; встречались с нашими читателями в подмосковном Подольске и прибалтийском Калининграде; с книголюбами и афганцами Перовского района Москвы, сотрудниками Комитета народного контроля СССР, студентами Московского художественно-промышленного училища имени М. И. Калинина. Серия встреч прошла в Ставропольском крае: Ессентуках, Кисловодске, Минеральных Водах... И каждый раз — вопросы, вопросы.

После таких встреч люди нередко признаются, что наконец-то начинают понимать смысл происходящего. Что ж, процесс познавания правды идет вширь и вглубь, несмотря на односторонне окоротиченный плюрализм «желтой прессы».

В. ПЕТРОВ

ПРЕЗИДЕНТ! ПРАВИТЕЛЬСТВО!

Советских людей травят импортными продуктами!

В нашем сознании прочно укоренилось мнение: импортное — значит, лучшее, пришедшее на смену хрущевскому лозунгу «Советское — значит отличное». Прекрасная упаковка, фирменный знак — все это завораживает счастливчика — покупателя. И вряд ли кому-нибудь придет в голову задуматься о качестве товара. (Фирма гарантирует!) А задуматься не мешало бы...

ОСТОРОЖНО: ИМПОРТ!

Вот, скажем, из Турции в нашу столицу прибыли десятки тонн сушеного инжира. Кушайте, милые соседи, на здоровье!.. А как его, извините, этот самый турецкий инжир осмелиться даже поднести ко рту, ежели в нем содержится сернокислого ангидрида почти в три раза больше допустимого.

Огорчила советских потребителей и индийская фирма «УША». В консервах этой фирмы «Сок манго» выявлено превышение содержания олова в 2—3 раза против нормы. Консервы же ее производства «Джем малиновый» были забракованы по повышенной кислотности, отсутствию ягод малины, вкуса и запаха, свойственного малиновому джему.

Опыт ловкачей — поставщиков «Малинового джема» в мире не остался незамеченным. Его, судя по всему, тут же подхватила западногерманская фирма «Плодимекс». В консервах «Говядина тушеная в желе», прибывших к нам из ФРГ, этого самого «желе» оказалось почти в четыре раза больше, чем указывалось в технических условиях контракта. Дескать, вы, наивные, ждете от нас натурального мяса, а мы вам за валюту — загущенную водицу вместо него. Но зато в фирменной упаковке!

После всего этого нечего уже было удивляться, когда итальянская фирма «Сокомекст» прислала нам для продажи дорогостоящие косметические наборы с губной помадой, мягко говоря, не соответствующей по качеству образцу-эталону. И лишь с недоумением можно было развести руками, узнав о попытке финской фирмы «Фексима» навязать мужской части населения нашей страны «Крем для бритья», который вообще не отвечает требованиям на аналогичные косметические изделия отечественного и зарубежного производства по химическим показателям — кислотному числу и содержанию жирных кислот. При этом фирма «Фексима» предусмотрительно даже не представила рецептуру и медицинское заключение на проталкиваемый в наши магазины свой «добротный» товар...

Примеров беспардонного отношения к советским потребителям иноземных фирм-поставщиков импортной продукции весьма много. Всех их, естественно, не перечислишь. Но как не сообщить читателям, что только в Московской области и только за один год при случайных выборочных проверках забраковано заморских товаров на многие сотни тысяч рублей. В результате около 20 процентов поступившей по импорту продукции не попало на прилавки. И это в условиях нынешнего обостренного дефицита и постоянных велеречивых разговоров о приоритете общечеловеческих ценностей!

Между тем из ГДР и Польши нам поставлялся картофель с наличием испорченных, загнивших клубней. Из Болгарии, Венгрии, Румынии — свежие томаты, загнившие и покрытые коричневыми пятнами. А поступающие из Италии, Марокко и Испании апельсины и лимоны особо отличались внутренней плесенью...

Невольно складывается впечатление, что наши зарубежные торговые поставщики хладнокровно и размеренно действуют по принципу: на тебе, Боже, что нам негоже! И у меня даже выкристаллизовывается такая здравопрагматическая мысль: а не собираются ли они, богатенькие доброхоты, сделать всех нас этакими «грибными» человечками? На манер того раба из известного бразильского фильма, на котором испытывались сомнительные яства, прежде чем к ним прикасались надменные господа...

Между тем тревожная ситуация с качеством импортных товаров наблюдается повсюду в стране. В марте — апреле текущего года, к примеру, на оптовых базах Рособувьторга — Ленинградской, Карельской, Калининской, Орловской, Архангельской, Ярославской, Московской — забраковано до 60 процентов проверенных женских сапог и туфель по дефектам: отставание подкладки от верха, неприклейка подошв, осыпание красителя... Поставщики бракованной обуви в нашу страну — фирмы Австрии и Греции.

Низкого качества швейные изделия с грубыми производственными дефектами поступают также из Турции, Пакистана, Болгарии, Вьетнама. Только на Вологодской базе Росторгодежды забраковано 1900 единиц (из 2000 осмотренных) женских брюк производства Вьетнама. А в Ленинграде не допущено в продажу 30 процентов поступивших из Пакистана курток по выпадению кнопок, морщинности швов и другим дефектам. Здесь же по дефектам производства сняты с реализации спортивные костюмы, поступившие из Турции, и женские платья, пошитые в Болгарии.

А не так давно в порт Корсаков Сахалинской области из Таиланда прибыл сахар-песок, который в процессе хранения на базах быстро начал терять качество — превращался в монолитную массу грязно-серого цвета. Но, правда, в связи с резким недостатком сахара в об-

ласти четыре тысячи тонн были все же направлены на срочную реализацию...

Поток бракованной импортной продукции в нашу страну со всего света, как видите, усиливается. И чего только ныне не пытаются бесцеремонно всучить доверчивым советским людям предприимчивые иноземные дельцы-благодетели!.. Тут и польские порошкообразные яблочные соки, не отвечающие требованиям польских же стандартов по органолептическим показателям и повышенной кислотности... И алжирские шампуни «Клубничный», «Яблоко», «Ромашка», «Дегтярный», которые по микробиологическим показателям не соответствуют представленному сертификату Минздрава АНДР... И всякие там тени для век, румяна, тушь для ресниц и прочие косметические изделия с высоким содержанием ртути, токсичных металлов и прочих опасных для здоровья людей прелестей...

Превышение предельно допустимой концентрации свинца было обнаружено в партиях свежемороженой рыбы, прибывшей в нашу страну из Исландии. Несоответствие по микробиологическим показателям выявилось в партии сливочного масла из Голландии. Повышенные концентрации пестицидов базудина и фенитротиона оказались в партиях пшеницы из Австралии. Значительное превышение допустимой концентрации нитратов обнаружено в капусте из Вьетнама. Превышение предельно допустимой концентрации афлатоксинов выявлено в партии индийского риса. Установлено содержание химического вещества, обладающего канцерогенными свойствами, и в жевательной резинке производства Польши «Турбо», «Бундеслиго», «Суперкар», «Пилли», «Пилот»...

Не менее дерзко поступила также и таиландская фирма «Лаурел косметикс Ко. ЛТД», уверенно посчитавшая, что нашим российским красавицам больше всего по душе придется именно ее губная помада в прозрачном полимерном пенале с рисунком и надписью золотой краской. А в той губной помаде с привлекательным цветом красно-сиреневой гаммы, между прочим, содержится ртути и мышьяка... аж в двадцать раз больше допустимой нормы! Этак всех наших красавиц ненаглядных и погубить можно!..

Но, конечно же, пальма первенства за иноземным арахисом, поступившим к нам из Эфиопии и Индии. Ибо, как выяснилось, в эфиопском арахисе, прибывшем на теплоходе «Московский комсомолец» в порт Бердянск, содержание афлатоксина BI в 130 (!) раз превышает установленные предельно допустимые концентрации. А в индийском арахисе, полученном Евпаторийской пищевкусовой фабрикой, содержание этого самого вредного для здоровья людей афлатоксина BI в несколько сот (!) раз превышает допустимую норму... И, согласитесь, ни тот, ни другой указанный заморский «продукт» с таким вот избытком афлатоксина никак уж нельзя использовать для питания.

Впрочем, не меньшую опасность для здоровья жителей Украины, вызвали и загрязненные разного рода патогенными грибками хлебницы, сумки, циновки, оконные шторы и другие изящные изделия, производимые из растительного сырья и завезенные к нам из Вьетнама. Оказывается, при контакте с ними у людей могут возникать весьма серьезные заболевания.

А только совсем недавно свою сомнительную по качеству продукцию на наши прилавки пытались во что бы то ни стало протолкнуть: фирма «Совинз» из Новой Зеландии — сыр и томатную пасту, финская фирма «Феникс» и югославская фирма «Интерэкспорт» — крем для бритья, индийская фирма «Спейс Интерпрайсиз» — видеокассеты...

Но, конечно же, было бы совершенно несправедливо упрекать в стремлении любым путем протащить в нашу страну недоброкачественные товары лишь представителей зарубежных фирм. Тут им на подмогу охотно идут наши соотечественники, числящиеся в нынешних кооперативах и совместных предприятиях, а также разные иные деятели, промышляющие на других доходных поприщах и готовые в любой момент за наживу с величайшей легкостью поступиться интересами своего народа и государства. И если их зарубежных коллег как-то еще понять и можно, ведь они — акулы империализма, как мы знаем еще с детского сада, и представление у них о нас как о диких медведях, в желудках которых и топор переварится, то наши-то, доморощенные бизнесмены, живущие с нами бок о бок и дышащие с нами воздухом революционных перемен, должны же знать и понимать, что и организмы наших женщин, детей и даже мужчин столь же подвержены воздействию всякого рода отравы!..

Вот, к примеру, генеральный директор совместного советско-нидерландского предприятия «СовСетеко Интерконтакт Агросервис» Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в отставке, профессор В. Белецкий и главный бухгалтер этого предприятия А. Саркисян единодушно решили накормить советских людей голландскими консервами «Ветчина рубленая». И для вящей убедительности вполне официально представили даже «Спецификацию на рубленую ветчину (chopped ham) для поставки из Голландии в СССР». А на поверку оказалось, что консервы «Ветчина рубленая» не соответствуют требованиям приложений спецификации по пониженной массовой доле жира и по повышенной массовой доле белка. По органолептическим же показателям эти консервы вообще не отвечают наименованию продукта... А ведь и отставной посол — профессор В. Белецкий, и главный бухгалтер указанного совместного предприятия А. Саркисян полагают, что именно эта эрзац-ветчина может быть использована «в СССР в пищевых целях»...

Итак, нарастающий бурный поток недоброкачественной заморской продукции, нередко грозящей здоровью и жизни населения, беспрепятственно устремлен на территорию нашего государства. И никакого ему эффективного заслона и активного сопротивления! Все как бы ждут ЧП, массового отравления, и лишь тогда начинается официальное шевеление: создаются специальные чрезвычайные комиссии и так далее... Потом все затихает... И все ждут следующего подобного случая. Как в той пословице: пока гром не грянет...

— А происходит это потому,— сказал мне при встрече начальник Главного управления государственной торговой инспекции по качеству товаров и торговле по РСФСР В. Бодрягин,— что до сих пор в нашей стране нет единого органа контроля за качеством товаров. В

том числе и по импортным поставкам. И в особенности по продуктам питания. Ведь сейчас недоброкачественность товаров вскрывается лишь в процессе их реализации при явных пороках. И только уже тогда торговля обращается за помощью в бюро товарных экспертиз, санэпидстанции и Госторгинспекции. В то же время в этих организациях отсутствуют в полной мере оборудование и аппараты, позволяющие выявить тяжелые металлы и токсиканты в продуктах питания. И это при той серьезной экологической ситуации, которая сегодня складывается во многих странах мира!..

Мысли Вячеслава Ивановича развила начальник санитарно-гигиенического отдела Минздрава СССР Л. Селиванова:

— Я вам скажу больше того!.. До сих пор в нашей стране не принят ни Закон СССР о качестве пищевых продуктов, ни Основы санитарного законодательства Союза ССР и союзных республик. Потому-то не решены и правовые вопросы организации Госсаннадзора за импортируемой пищевой продукцией...

И остается лишь настоятельно просить Президента, Верховный Совет СССР и правительство страны незамедлительно рассмотреть и принять крайне необходимые по этой проблеме законодательные акты. Ведь нельзя же допустить, чтобы импортная чума захлестнула всю нашу необъятную Родину!

Просить? Но, может быть, народ вправе потребовать этого?!

В. ВАДИМОВ

«МАКДОНАЛЬДС» НЕ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ...

Кафе и бистро фирмы «Макдональдс» широко проникают в Европу. Появились они и в нашей стране. Между тем деятельность фирмы далеко не безупречна. Например, американские медики предъявили претензии к методу питания людей по принципу «быстрей-быстрей». Он не так уж и безобиден, ибо вырабатывающаяся привычка спешно поглощать пищу печально отражается на состоянии желудка. Набор «деликатесов» содержит слишком много соли, протеинов и животных жиров. Это — прямой путь к нежелательным отложениям в организме. Кроме того, гигантская компания быстрого обслуживания выбрасывает на свалки огромное количество полимерных пакетов, стаканчиков, коробочек, для изготовления которых используются так называемые карбоновые пластмассы, не поддающиеся переработке. Попадая в землю, они отравляют ее. При сжигании выделяют ядовитые газы.

Бумажные стаканчики, изготавливаемые нашей промышленностью, невзрачны. Но зато они сгорают без токсичных выпадений. Может быть, стоит обязать «Макдональдс» в нашей стране перейти на одноразовую отечественную тару!

Г. МАЛИНИЧЕВ

ХОДАТАИ У КРЕМЛЕВСКОЙ СТЕНЫ

Главному редактору журнала «Молодая гвардия»

Мы, проживающие в палатках около гостиницы «Россия», требуем гласного расследования и гласного суда над теми, кто творит беззаконие и покрывает должностных преступников.

Требуем восстановления наших злостно попранных прав и возмещения ущерба.

С. ЗУБКОВ, Л. ПАРАМОНОВА, Ж. ФЕДИНА, В. ГУЖОВ, К. СЕРЕГИНА, А. МАШКОВА. Всего 124 подписи.

Это необычное поселение находится в самом центре Москвы, у гостиницы «Россия», практически в нескольких десятках метров от Кремлевской стены. Называют его палаточным городком, хотя это название не совсем правильно отражает его убожество. Обычная двухместная брезентовая палатка кажется дворцом по сравнению с тем, что здесь возведено. Охарактеризовать это нечто, сооруженное из разбитых деревянных тарных ящиков и упаковочного картона, невозможно.

Сейчас трудно установить имя первопроходца, основавшего это необычное поселение. Как, впрочем, неизвестно, при помощи каких средств информации распространилось известие о возникшем городке. Так или иначе, но сегодня городок живет своей жизнью: пишутся петиции, рисуются плакаты, выставляются пикеты. Сегодня уже ясно, что людей привело сюда отчаяние, их свела безысходность. На маленьком пятачке объединились люди, которых не поняли или не захотели понять там, где они родились, учились, обзавелись семьями. Многие, кто поселился в «городке», не имеют средств к существованию. Выставленные плакаты кричат: «Безработный», «Бездомный», «Бесправный»...

Обширна география городов

и поселков, откуда приехали люди. А сколько они перед этим обили порогов различных

учреждений, сколько прошли кабинетов, и вот теперь единственная надежда — найти правду в Москве. Разговаривая с некоторыми из них, я сделала вывод: у нас появилась своеобразная категория людей, я бы назвала их глухонемослепоруководящие, которые, отгородившись от остальных видимыми и невидимыми барьерами, живут в своем мире. Им до простого человека нет никакого дела. Забыли, видимо, они, что когда-то тоже учились в школе, в вузах, работали на предприятиях и не считали зазорным протянуть руку простому человеку. Но, попав со временем в коридоры власти, они неузнаваемо изменились. Вот и вынуждены многочисленные ходоки, не найдя понимания среди глухонемослепоруководящих на местах, отправляться в поисках истины в первопрестольную. Тыкаются они то в одно ведомство, то в другое. Вертится бюрократическая карусель.

По нескольку раз в день к «городку» приезжает бригада «Скорой помощи». Ее вызывают те, кто болеет, ослаб в результате голодовки.

Наша отечественная история, пожалуй, не знала подобной осады Кремля. Разные чувства вызывает у людей городок. Кто-то возмущается, кто-то солидарен и готов не сегодня завтра присоединиться к «осаждающим». Президиум Верховного Совета СССР образовал комиссию для рассмотрения обращений граждан, проживающих в палатках у гостиницы «Россия». Что ж, можно надеяться, что, когда этот материал увидит свет, никакого городка у Кремлевской стены не будет...

Я покидала «осаждающих» с чувством горечи и стыда. Стыдно было за то, что чиновники всех мастей, от которых зависит решение невеликих, но жизненно важных для людей проблем, остаются глухими. И вот теперь в это вмешался аж Верховный Совет СССР.

О. ЕГОРОВА
Фото А. ГЕОРГИЕВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

ДВА БРАКА — 87 ДЕТЕЙ

В 1897 году в России была проведена всеобщая перепись населения. Она зафиксировала примечательные демографические факты. В 1755 году у крестьянина Шуйского уезда Владимирской губернии Якова Кириллова от первой жены было «21 брюхо, в том числе 4 четверни, 7 тройней, 10 двойней, всего 57 человек; с другой женой — 7 брюх, все по двойне, кроме одной тройни, итого — 15. Всех детей, прижитых с двумя женами, было 72 человека. А вышеописанный крестьянин имел 70 лет». Другой факт: того же Шуйского уезда крестьянин Феодор Васильев, женатый два раза, имел от обоих браков 87 детей. Первая жена в 27 родах имела: четыре раза по четыре (16), семь раз по три (21), шестнадцать раз по 2 (32), всего 69. Вторая жена два раза родила тройни, шесть раз двойни, а всего 18. Васильеву было тогда 75 лет, из детей были живы 83.

ПИСАТЕЛЬ И ЖИЗНЬ

Валентина АЛЕКСЕЕВА

В нашей стране в общежитиях проживает более 11 миллионов человек. Годами вынуждены они существовать

В ОДНОЙ КОМНАТЕ С СОСЕДЯМИ

В общежитии я прожила чуть меньше года. Но и этого срока было достаточно, чтобы понять, что это такое. Я жила в двухместной комнате. Писала стихи. В четырехместной таким делом заниматься было бы труднее...

Как живут в общежитиях? В пятнадцатиметровой комнатке — три человека. Три кровати, три стула, крохотный столик. Обстановка как будто приближена к спартанской. На стенках, возможно, висят коврики, на столах разостланы скатерти, может, есть гардины на окнах. Проживающие стремятся как можно меньше находиться «дома».

Иду в гости к знакомой сорокалетней женщине. Проживает она на первом этаже проходного подъезда. Есть проходные дворы, а недавно появились проходные подъезды. Прямо от автобусной остановки валит через такой подъезд толпа, растекаясь по микрорайону. Выражаю сочувствие своей приятельнице.

— Знаешь,— говорит она,— сначала, когда предложили эту квартиру, думала отказаться, но как представила, что еще три-четыре года придется жить в общежитии, согласилась.

Из своих сорока лет жизни более половины прожито ею по общагам, сначала студенческим, потом — заводским. Хорошо, что сейчас можно стать в очередь на квартиру и одиноким, и несемейным. А то раньше получался заколдованный круг: тебя не ставят на очередь, так как у тебя нет семьи, а семьи нет, потому что нет жилья. И вынуждены иные бедолаги до пенсии проживать в общежитии, словно в издевку именуемом молодежным.

Вообще с чего это повелось — общежитие? Взрослые люди, не связанные ни родственными узами, ни общими интересами, согнаны жить вместе, скопом, стадом. Кто додумался до такого? Даже крепостные крестьяне не живали в подобных условиях. У распоследнего сторожа при господах была своя каморка под лестницей. Разве что рабы, разве что демидовские рабочие жили стадом под одной крышей, как рабочий скот. Так та барачная система давно заклеймлена проклятьем. Зачем же продолжать прежние ошибки? Притворяться, что сейчас все не так? Намного ли наша общага лучше горьковской ночлежки? И там, и здесь — неудачники. Если ты прожил в заводском общежитии более трех лет и впереди никаких перспектив,

знай, что ты хронический неудачник. Мне могут возразить, что подавать «чернуху» проще всего, а дать конструктивное предложение — куда сложнее. Что ж, подумаем вместе, как же выйти из тупика. Каким должно быть молодежное общежитие, временное пристанище для человека? Подчеркиваю, для человека, а не раба.

Первое и самое главное условие — как можно больше одноместных комнат. Поверьте, даже на пресловутых шести квадратных метрах, на минимуме, можно жить. Во всяком случае, гораздо лучше, чем вдвоем с чужим и чуждым тебе человеком — на двенадцати. Учитывая нашу вопиющую бедность, можно даже оставить общими кухни и туалеты, но комната, угол непременно должны быть индивидуальными. Противоестественно взрослому человеку годами жить бок о бок с чужими случайными людьми. И никаких церберов на вахте! «Ага! — злорадно подумает иной читатель.— Так вот, значит, что нужно этому автору — блуд развести». Очевидно, именно этим принципом (разумеется, помимо дешевизны) руководствовались умные дяди, возводя молодежные ночлежки,— пресечь блуд. Понастроить хорóм, набить их людьми, усадить бабу Маню при входе, чтоб даже родную мать к сыну не впустила,— и все проблемы полового воспитания решены. Ан нет. Природу обмануть трудно. Трудней даже, чем бабу Маню. И вместо в корне пресеченного блуда мы вдруг пожинаем такой вопиющий групповой разврат, который вряд ли бы возник, живи люди каждый в своей комнате и спокойно приглашай в гости кого заблагорассудится.

Уродливая жизнь порождает весьма странные поступки у людей. Появилась категория девушек, вполне серьезных и положительных, обычно не первой молодости, деловито ищущих для себя парня, зачастую моложе себя, непременно внешне привлекательного, здорового, неглупого. А для чего? Чтобы родить от него. Претензий к партнеру девушка при этом не имеет, напротив, удостоверившись, что забеременела, прекращает какие бы то ни было встречи со своим кавалером, оставляя того в недоумении, а порой и в большом огорчении. Мать, будущая бабушка, проживающая в другом городе или деревне, узнав о случившемся, хватается за голову, лезет в душу со своими старомодными советами, бежит к парню, пока наконец не доходит до нее, что это не дочь обманули, а дочь обманула. А будущая молодая мать втолковывает старой, что если она последует допотопным ее советам и шлепнет штамп в паспорте, то враз потеряет все свои привилегии и самую главную — отдельную комнату, которую ей отныне обязаны предоставить по закону как матери-одиночке. И не будем спешить с обвинениями. Возможно, это единственный ее путь от жизни общежитской к жизни человеческой, пусть и не совсем полноценно человеческой. Но и этот путь не всегда стопроцентно надежен — где же набраться на всех по комнате.

Но, быть может, есть такие любители, которым нравится подобное житье-бытье? Да, представьте себе, есть. И не то чтобы нравится, а вроде как на руку подобный «коммунизм». Кто же они? Это обычно кухонные тираны, которым без интриг родимой общаги биения жизни ощутить не дано. Это любители пощеголять в куртке соседа, это вообще все, кто предпочитает жить на дармовщинку: выпить, съесть, стрельнуть сигаретку или свалить свои обязанности на других, более совестливых, слабых, не умеющих постоять за себя.

И все же есть и положительные обнадеживающие примеры. Строятся целые города по принципу: каждой хозяйке — своя кухня. Отрадно знать, что по такому принципу построены молодые города-

спутники, такие, как Новополоцк, Припять. Да и в старых городах нет-нет да и появляются так называемые общежития для малосемейных. Только почему бы не предоставить такие вот мини-квартирки не только малосемейным, но и одиноким, пусть даже за определенную плату. Все опять-таки упирается в нашу пресловутую нищету. Но не полезно ли вспомнить простую житейскую мудрость: «Мы не столь богаты, чтобы покупать дешевое». Мы не столь благополучны, чтобы строить многоместные ночлежки, годные разве что для пионерских отрядов, выехавших на недельку в чужой город на экскурсию.

Разумеется, строительство общежития с комнатами на одного человека обойдется дороже обычной типовой ночлежки. Но это лишь на первый взгляд, ведь не все измеряется деньгами. Бессонные ночи, заброшенная учеба, вовлечение в пьянство и разврат, несостоявшиеся семьи, нерожденные дети, рожденные и брошенные дети, мелкая тирания, воровство, драки и даже убийства. Этот шлейф, тянущийся за всякой общагой, в каких рублях и долларах оценить? Все сказанное относится в равной степени, если не в большей, и к студенческим общежитиям. Ведь ежели в заводском общежитии, придя домой, ты только должен накормить и обслужить сам себя, то, будучи студентом, ты обязан еще и учиться. На деле это, как известно, оборачивается многодневным валянием дурака и бессонными сутками во время сессии.

Как предполагает французский философ Тейяр де Шарден, насекомые — тупиковая ветвь на древе жизни. За ними, даже за такими высокоразвитыми, как коллективные насекомые — муравьи, пчелы, термиты,— за ними никого нет. Они вечные крайние. Природа, создав муравейник, уперлась в тупик. Вот и наши общаги тоже своего рода тупиковый муравейник. Только в отличие от природного, где все согласовано, всеми процессами очевидно заведует некий коллективный разум, наш муравейник куда хуже.

Так будем же разумны и прекратим возводить муравейники. Не лучше ли направить силы свои и средства на что-то более совершенное, чем наша молодежная ночлежка.

Псков

СОПЕРНИЦА ВЕНЕРЫ МИЛОССКОЙ

Многие поэты воспели Венеру Милосскую, хранящуюся в парижском Лувре, как символ женской красоты, как прекрасный образ богини любви, весны и цветущих садов. И вот у знаменитой скульптуры появилась соперница. Вполне вероятно, что она станет широко известной под именем Венеры Эль-Аламейнской. Ее открыли египетские археологи при раскопках в катакомбах близ порта Эль-Аламейн на Средиземном море.

Статуя античной богини в рост человека высечена из белого мрамора с величайшим мастерством. Некоторые ученые склонны называть находку не Венерой, а Афродитой. Скульптура найдена в захоронении знатного человека. Скорее всего сторонник античного культа спрятал красивое изваяние в своем склепе в смутную эпоху становления в этом районе новых религиозных течений. Это было 1800 лет назад. Предполагается, что сама скульптура гораздо старше.

ОШ: ВИНОВНЫХ В РАЗЖИГАНИИ

На этих жутких снимках запечатлены эпизоды ошской трагедии, которая разыгралась в середине лета. Более 300 человек погибло, сож-

Трагедия произошла в то время, когда в Киргизии обострилась социально-экономическая ситуация, выросла безработица. Только в Ошской области не имели постоянного места работы более 50 тысяч человек. В такой обстановке процветала преступность, спекуляция. Возникли националистические формирования. Гнев и недовольство людей отвлекались от истинных виновников напряженности. Мало кто обращал внимание на то, что в Южной Киргизии произошло обнищание крестьян.

Возникает вопрос: знали ли о готовящейся бойне? Оказывается, знали! В Ошский обком партии с января поступило несколько документов УКГБ о состоянии общественно-политической обстановки в области. Сообщалось также, что активизируется деятельность экстремистских группировок. Позднее в партийные органы была направлена информация о многочисленных случаях националистических проявлений накануне выборов в народные депутаты Киргизии, когда в ход было пущено самое мощное политическое оружие — национализм и стали раздаваться призывы к объединению по национальным и родоплемен-

НАЦИОНАЛЬНОЙ РОЗНИ—К ОТВЕТУ!

жено 411 домов, 54 магазина и госучреждения, 89 автомобилей. Ущерб составил 85 миллионов рублей.

ным признакам. Но эта информация практически осталась без внимания. Хуже того, некоторые руководители области и районного звена сами потворствовали обострению ситуации.

Совет Национальностей Верховного Совета СССР принял постановление «О событиях в Ошской области Киргизской ССР». В нем отмечается, что трагические события, сопровождавшиеся массовыми беспорядками, бесчинствами, фактами вандализма и повлекшие тяжелые последствия, явились следствием крупных просчетов в национальной и кадровой политике, нерешенности острых экономических и социальных проблем, многочисленных фактов нарушения принципов социальной справедливости. Руководители области и Киргизской ССР не извлекли уроков из ранее происшедших в республике межнациональных столкновений, проявили беспечность и недальновидность в оценке ситуации в регионе, игнорировали поступавшую информацию об активизации националистических элементов и назревавшем конфликте. Обострению обстановки в значительной мере способствовала подстрекательская дея-

тельность таких неформальных организаций, как «Адолат» и «Ош-Аймагы».

В республике делается все для того, чтобы восстановить разрушенные жилища и другие объекты, возвратить население в места их постоянного проживания и создать необходимые бытовые условия, обеспечить безопасность людей. Возбуждены уголовные дела против непосредственных виновников, совершивших преступления. Но где гарантия, что кровопролитие не повторится в какой-нибудь другой «горячей точке»! Ведь ситуация в стране накаляется день ото дня. Так что же, сидеть и ждать, где взорвется, или остановиться, задуматься! Пусть кровь этих младенцев послужит суровым предостережением всем, кто призывает к социальным потрясениям.

В. ЕРШОВ
Фото В. БОНДАРЕНКО

ВЕРНИТЕ ИКОНУ НАРОДУ!

Владимирская икона Божьей Матери — одна из наиболее почитаемых у православных христиан. Написанная, по преданию, евангелистом Лукой, в XII веке она была привезена в Киевскую Русь из Византии. С ней связывают спасение Москвы от нашествия Тамерлана в 1395 году. В летописных хрониках говорится о явлении Божьей Матери завоевателю, после чего Тамерлан без боя оставил Русь.

Сейчас, когда Русская Православная церковь начинает восстанавливаться в правах, все чаще раздаются голоса о возвращении ей чудотворной иконы Владимирской Божьей Матери. С этой целью в Москве начался сбор подписей. Было составлено обращение к депутатам Моссовета.

Зная, что Государственная Третьяковская галерея, где находится икона Божьей Матери, закрыта с марта 1985 года и на протяжении ряда лет икона нигде не экспонировалась, мы взялись выяснить судьбу шедевра.

Благодаря депутатам Моссовета Бодренковой Г. П. и Лызлову Н. Н. 5 июня 1990 года состоялся визит членов депутатской комиссии в составе 9 человек в Третьяковскую галерею. Сопровождавшая нас Ольга Александровна Корина с большой душевной теплотой стала нам рассказывать об иконе.

Зная, что подлинник иконы может определить только экспертиза на углеродный распад, я спросил, как часто проводилась такая экспертиза, и попросил соответствующие документы. Ольга Александровна сказала, что это трудно сде-

лать, так как икона двойная и ее тяжело перевозить с места на место. Из ее слов выходило, что Владимирскую икону Божьей Матери вообще не проверяли на углеродный распад. Мое сомнение усилилось, когда Ольга Александровна на вопрос о передаче иконы Русской Православной церкви сказала: зачем отдавать оригинал? Надо сделать копию, освятить и отдать церкви.

Чтобы рассеять сомнения, решил написать письмо в комиссию по свободе совести, вероисповеданию, милосердию и благотворительности Моссовета. В нем я спросил: подлинник или копия хранится в ГТГ? Но вместо ясного ответа я получил отписку за подписью заместителя председателя комиссии В. С. Ковалева.

В. КУРАКИН,
Москва

ХРАМ СОЛОМОНА ПОД МОСКВОЙ

«Что за странное здание построено в центре города? — гадают обескураженные жители города Фрязино Московской области.— То ли крематорий, то ли пекарня, то ли прачечная, а может быть, детский комбинат?» Общего мнения по этому поводу на сегодняшний день нет.

Я решил обратиться к архитекторам города. Мне ответили, что строится Дворец бракосочетаний, осталось только возвести крышу.

— Почему такая странная архитектура?

— Зато внутри будет очень красиво. Здание мы непосредственно не проектировали, а только выполнили по просьбе отдела капитального строительства Фрязинского института радиоэлектроники Академии наук СССР привязку к местности.

Что же представляет собой «Дворец бракосочетаний»? Здание имеет прямоугольный план, с несколько срезанными углами, кроме восточного,— он немного удлинен. Пристроено три нефа (неф — корабль в архитектуре, вытянутое помещение, часть интерьера, ограниченное с одной или обеих продольных сторон рядом колонн или столбов), где роль пространства между колоннами в современных условиях также могут выполнять небольшие окна. У восточной стены есть помещение, очень напоминающее внутренние контуры корабля или «ковчега», с завитками, похожими на свитки Библии. Впереди «ковчега» есть возвышение, очевидно, для вы-

ступлений оратора, чтения каких-либо книг или текстов. Есть еще ряд особенностей нашего «Дворца бракосочетаний». Углы здания строго ориентированы на части света, причем центральный вход выполнен с угла, который направлен строго на юг. Здание имеет пирамидальную структуру. От верхнего фасадного фронтона до земли с учетом пристроенных нефов — семь ступеней. На верхнем фасадном фронтоне, имеющем прямоугольную форму, изображен треугольник основанием вниз. Где-то немного ниже середины высоты треугольника параллельно основанию прочерчена светлая полоса. Под верхним фронтоном под углом примерно 90° друг к другу расположены две высокие стелы, обрамляющие вход и напоминающие раскрытую книгу. Человек, входя, прежде всего как бы оказывается между страницами открытой книги.

Привязка здания к местности такова, что любой въезжающий во Фрязино по шоссе со стороны Щелкова прежде всего прямо по курсу видит это сооружение с его символикой центрального входа.

Сооружение, возводимое во Фрязине, точно соответствует описаниям синагоги (БСЭ, т. 23, с. 408) и совсем неслучайно на его фронтоне треугольник, расположенный основанием вниз. Если наложить еще треугольник основанием вверх, то получим шестиконечную звезду Давида, символ сионистского Израиля (Давид — один из царей иудеев).

Светлая полоса в треугольнике — это стилистическое изображение глаза Яхве, бдящего и охраняющего «избранный» народ. Две высокие стелы, обрамляющие вход, олицетворяют то, что входящему в храм открывается книга премудростей талмуда. С именем Яхве связано то, что в честь него царем иудеев Соломоном в Иерусалиме был построен храм, который называют храмом Яхве, или Иерусалимским храмом, а так же храмом Соломона. Вот тут мы и приближаемся к фрязинской загадке.

На фронтоне Иерусалимского храма также был треугольник с изображением глаза Яхве, вход обрамляли две стелы, и сам храм был ориентирован на части света углами, с главным входом на юг. Храм Соломона был разрушен римлянами в 70 г. н. э. После этого иудеи строили только синагоги. План фрязинского храма также подпадает под определение синагоги, но с добавлениями, позволяющими его считать копией храма Соломона.

Итак, во Фрязине, в центре России, сооружена в современном стиле копия храма Соломона. Дополнительным доказательством этого утверждения служит то, что при измерении направления южного угла храма биссектриса этого угла при своем продолжении пересекает город Иерусалим в Израиле. Немаловажно и еще одно обстоятельство. Проспект Мира, где расположен «Дворец бракосочетаний», в городской печати уже предлагают переименовать в честь академика Сахарова — почетного гражданина сионистского государства Израиль.

Кто-то возразит: ну, построили синагогу, и ладно, пусть молятся на здоровье. Ведь русские всегда относились терпимо к другим религиям и народам. Все так. Но возникает вопрос. Почему культовый объект построили за счет государства, а не за счет средств общины? Почему об истинном назначении «Дворца бракосочетаний» жители города до сих пор ничего не знают.

А. ОСИПОВ,
г. Фрязино

«В нашу страну для переговоров с кооператорами прибыл министр гражданского строительства Израиля А. Шарон. Он предлагает поставить в СССР экологически чистые фрукты и овощи. Дело благое. Нам заморские витамины не помешали бы. Говорят, израильской клубникой завален весь мир в любое время года. Ну, нам не до клубники, что-нибудь попроще».

Николай АНДРЕЕВ.
«Известия», 1990, 19 сентября

ЧТО СТОИТ ЗА ВИЗИТОМ А. ШАРОНА?

Кто бы мог подумать, что наши кооператоры зазовут в гости самого Ариэля Шарона — бывшего министра обороны, а ныне министра гражданского строительства Израиля, ярого приверженца командно-административных методов руководства. К примеру, не так давно он распорядился снести дома арабов Палестины и Газа, выселить арабов из этих регионов и на «опустевших» землях размещать колонистов-израильтян. Впрочем, этот эпизод не самый яркий в политической биографии Шарона, одного из наиболее оголтелых националистов фашиствующего блока «Ликуд». Шарон является одним из организаторов геноцида, устроенного израильской армией в лагерях палестинских беженцев Сабра и Шатила в 1982 году.

Не менее 10 тысяч палестинцев, тысячи ливанцев были убиты в ходе руководимой Шароном израильской акции в Ливане в том же году. Впоследствии Шарон предстал перед израильским судом, но самым суровым наказанием для него стала отставка с занимаемого поста.

Но и после этого Шарон активно участвует в политической жизни. Он не против раздела Ливана между Израилем и Сирией, приветствует деятельность независимых (просионистских) еврейских организаций в СССР. По душе пришлось Шарону и «новое мышление». Израильский ястреб призывает помочь СССР избавиться от «ортодоксальных» режимов в Ливии, Ираке, Йемене, Эфиопии... Разумеется, сейчас Шарон очень интересуется всем, что связано с конфликтом в Персидском заливе. И отнюдь не фруктовые интересы подвигли его на поездку в Москву. Ибо сразу по возвращении домой он заявил, что в случае конфликта Израиля с Ираком

Москва поддержит Израиль. Это заявление 22—24 сентября обошло страницы зарубежных газет. У нас о нем умолчали. Но вот что примечательно: ни МИД, ни ТАСС не отмежевались от этого заявления... Да и как отмежеваться, когда, по сообщениям «Голоса Америки», «Голоса Израиля» и других «голосов», СССР с сентября 1990 года предоставил свои суда для переброски войск США и их союзников в Саудовскую Аравию.

Замалчивает наша пропаганда многие важные обстоятельства американо-иракского конфликта. Советскому читателю ничего не известно о действиях разведок США и Израиля в Кувейте, Ираке и других странах Персидского залива; о роли «нефтяных» монархий региона (Кувейта, Катара, ОАЭ, Саудовской Аравии) в нефте- и газообеспечении Израиля. Полезно было бы знать, что львиная доля нефтяных концессий в этом регионе принадлежит А. Хаммеру.

Система отлаживалась годами. Из 8—10 миллионов тонн нефти, ежегодно потребляемой Израилем, 7 миллионов поступает из США. В действительности американские фирмы реэкспортируют нефть Кувейта, ОАЭ, Катара и других стран региона в Израиль с ведома стран-поставщиков. (Заметим, что против таких поставок протестовали Ирак, Иран, Ливия, Судан, Йемен, Алжир, ООП.) В долгу Израиль не оставался: помимо «нефтедолларов», подлинным экспортерам направляются пистолеты-автоматы «Узи», развединформация и т. д.

Ирак же всегда оказывал реальную помощь освободительным движениям на Ближнем Востоке и прежде всего — Организации освобождения Палестины. Багдад добивался не только вывода израильских войск с оккупированных земель, но и правовой защищенности палестинских беженцев в странах Аравийского полуострова, где правят проамериканские деспотические режимы. Понятно, что независимая политика С. Хусейна является преградой для американского империализма и Израиля. Отсюда нескрываемая ненависть к Ираку, раздутая после вторжения Ирака в Кувейт до вселенских размеров.

К кампании по созданию образа врага быстро подключились советская пресса, радио, телевидение. Обрушиваясь на Ирак, на все лады расписывают Израиль. Можно подумать, что именно с Израилем у нас давние дружественные связи, увенчанные договором о дружбе и сотрудничестве, а с Ираком даже не имеется дипотношений... Впрочем, наши радикалы давно уже мечтают устранить это недоразумение. И вот теперь мы узнаем об установлении консульских отношений между СССР и Израилем.

А в июле, как сообщило агентство «Рейтер», в тайне от нашего народа, в Иерусалиме было подписано соглашение об установлении торгово-экономических отношений между СССР и Израилем. Предусматриваются поставки из СССР нефте- и сельхозпродуктов, а также алмазов. Первого октября радио Иерусалима пояснило, что продажа алмазов будет производиться по ценам, на одну треть ниже мировых. Что ж, не ошиблось агентство «Рейтер», когда в том же сообщении передало о готовности Советского Союза пойти на уступки Израилю. Вот только бы не позабыли в горячке наградить того же Ариэля Шарона орденом Дружбы народов, а то оставит он нас без экологически чистых овощей. Разве что «Известиям» подкинет «по блату»...

«ТОВАРИЩ»

ИШТВАН ЧУРКА: «ВЕНГЕРСКАЯ НАЦИЯ — ЕДИНАЯ И НЕДЕЛИМАЯ»

Его часто называют «великим венгром». Одни с почтением, другие — с презрительной усмешкой. Человек, выступающий за единство нации, не может пользоваться симпатиями всех... Тем не менее в ходе последних выборов партия Венгерский Демократический Форум, одним из лидеров которой он является, получила большинство в парламенте.

Ныне писатель и драматург Иштван Чурка — член президентского Совета, редактор еженедельника «Венгерский Форум».

Излишне говорить о его огромной занятости. Но все же он выкроил время, чтобы дать интервью для «Молодой гвардии». И вот мы сидим в его небольшой и скромной квартире в доме, который находится в одном из рабочих кварталов Будапешта.

— Не считаете ли вы, что положение венгров как коренного населения не самое завидное, более того, в отдельных случаях наблюдается их угнетение?

— Существуют различные виды гнета в современном обществе. Тот вид политического гнета — однопартийная диктатура, который десятилетиями был в Венгрии, перестал существовать. Но еще нельзя сказать, что сейчас каждый член общества чувствует себя вполне свободным. Для этого необходимы возможности как духовные, так

и материальные,— вообще реализация возможностей человека должна быть равной. Но сейчас пока этого нет. Одним, принадлежащим к определенным кликам, гораздо легче. Снова, например, задействована элита старой власти. Жизнь бедных людей очень тяжелая. Они не могут взяться за предпринимательство, и их культурные возможности намного скуднее, чем у тех, у кого есть все.

— Не думаете ли вы, что какие-то невидимые силы двигают экономическими и политическими процессами чуть ли не во всех странах мира? Что вы знаете об этом?

— В единую мировую силу я не верю. Естественно, какие-то общие черты, присущие каждой стране, подсказывают нам, что нечто подобное может существовать. По-моему, не в этом беда. Естественно, что в нашем современном мире все взаимосвязано в экономическом аспекте; сеть мультинациональных предприятий и международных банков охватила весь мир в равной мере. Но я бы не утверждал, что какие-то преступные союзы управляют миром. Однако средства массовой информации находятся в руках определенных клик, а они дают такой материал, который им выгоден.

— В чем выражается, на ваш взгляд, венгерская национальная идея и есть ли шанс на ее реализацию в современных условиях?

— Естественно, у каждой нации есть самосознание и самопознание, и оно всегда зависит от исторических обстоятельств. Драматическая история Венгрии, до- и послевоенная,— причина того, что венгерское национальное самосознание очень израненное, легко уязвимое, больное и униженное. И если нации приходится постоянно терпеть поражения и переживать одиночество, то наверняка эта нация может легко потерять и охоту к жизни. Но как раз сейчас начался процесс исцеления этого израненного национального самосознания. Все больше людей задумываются над этим и принимают участие для того, чтобы залечить эти кровоточащие раны. Венгерский Демократический Форум стал той организацией, которая принялась за реконструкцию страны, приняв все это к сведению. Нам нужно позаботиться о жизни каждого венгра, беря как основной принцип: «Венгерская нация — единая и неделимая!» Она не должна быть искромсана границами. Новое правительство и Венгерский Демократический Форум, начиная с первой же минуты, стоят на этих позициях — создать культурно и духовно богатую метрополию, прибежище, дать жизнь и приют по возможности всем венграм. Это ни в коем случае не означает, что мы приверженцы агрессии. Мы хотим мирно жить со своими соседями, более того, хотим быть передовыми борцами за новое устройство Центральной Европы, хотим встать в ряды народов, живущих в дружбе и мире между собой... Результаты, которых мы достигли по установлении демократии, пробуждают уважение к нам в окружающем нас обществе. Ведь нигде эта перестройка не протекала конституционно-организованным, правовым образом, как у нас. Венгерская нация в этой борьбе снова доказала свой конструктивизм, то, что вот уже 1000 лет в Центральной Европе она является одним из выдающихся создателей государственности, государственного уклада!

— Каким вам видится будущее Венгрии? Допустим, если бы вам предстояло выбрать из двух вариантов: общеевропейский дом или самостоятельность, как бы вы решили?

— Из двух... видите ли, это исключено... Наличие одного делает невозможным другое. Если я хочу принадлежать к Европейскому дому, то мне необходимо выполнить первое условие.

— Что же? Общеевропейский дом?

— Да, сделать первые шаги в этом направлении. Однако в Венгрии

наблюдаются проявления анархического порядка. И возможно, и нам нужна более твердая рука, чтобы страна не пришла к развалу, чтобы не было проявлений безвластия. В стране необходимо улучшить экономическое положение, остановить инфляцию, рост цен. Два миллиона венгров живут за чертой бедности. Об этом нельзя забывать.

— Вы являетесь главным редактором газеты «Венгерский Форум». Если я не ошибаюсь, это единственное издание, стоящее на патриотических позициях. Но ведь известно: у кого пресса, у того и власть. Как объяснить в таком случае победу Венгерского Демократического Форума?

— Здесь я должен вас немножко поправить. Это не единственное издание, стоящее на патриотических позициях и идеях. В первую очередь, естественно, мне хотелось бы назвать «Доверие». Это журнал, который выходит каждые две недели. Одним из основателей и сотрудников которого я также являюсь. Есть, кроме этого, журналы и провинциальные газеты, которые духовно очень похожи и близки. Это малоизвестные издания. Но среди них нет ни одной газеты, которая не подвергалась нападкам во время Я. Кадара...

Результаты выборов — это почти чудо. Нужно сказать спасибо не предвыборной кампании партии Венгерский Демократический Форум, не ее политическим походам, а мудрости венгерского народа. Он сумел почувствовать то, что эти люди, выступающие практически без всяких средств и внезапно ворвавшиеся в гущу венгерской общественной и политической жизни, более всего и ближе всего стоят к народу.

— Вас, как и других патриотов Венгрии, блок ВДФ обвиняет в шовинизме, национализме и антисемитизме. Эти обвинения часто говорят и в адрес лучших русских писателей-патриотов.

— Что касается пущенных против меня обвинений, то от них я всякий раз пытаюсь отбиваться. Но тем не менее эти нападки не прекращаются. Я человек, говорящий прямо и открыто, и не люблю говорить обиняками. Я считаю самым опасным наследием от прессы прошлого периода, что люди разговаривали кодированно, загадочно, а пресса старалась поместить между строк определенные намеки и научить людей читать между строк. Теперь пришло время говорить прямо и открыто. Однако правду говорить всегда трудно. Вновь образовалась элита. В нее входят не только партийные люди, но и союз «Буржуазия» или «Новая буржуазия». Те слои, которые видят, что их власть в опасности, естественно, защищаются. И самый простой метод защиты — это представить все в таком свете, употребив такие эпитеты по отношению ко мне и нашему правительству, которые наверняка оттолкнули бы от нее людей и в глазах всего мира получили осуждение. Если я, например, спрошу кого-нибудь: почему он все еще занимает большой пост, то в большинстве случаев услышу ответ: «Может быть, я и незаслуженно занимаю свое место, потому что еврей, а вы мне как раз и задаете подобный вопрос, потому что вы — антисемит».

— Советский Союз, как сейчас многие считают, идет во многом по пути Венгрии (рыночные отношения и пр.). От каких ошибок вы бы хотели предостеречь советских людей?

— Трудный вопрос. Ведь между двумя странами существует большая разница. То, что пригодно для одной страны, не может быть пригодно для другой. Но нужно, чтобы цена перестройки была бы справедливой, а ее тяготы равно распределены между всеми общественными группами.

— Ситуация во многих странах Европы, в том числе и в Венгрии, удивительно похожа. Все идет как бы по одному сценарию, не так ли?

— Но все-таки у этого сценария есть разные страницы, и это не секрет, что есть в нем и незаполненные сценаристом страницы. И на этих незаполненных страницах нам надо самим написать свою историю. Несомненно, что политический процесс как раньше, так и теперь находится в зависимости от великодержавных решений. Генеральный провал восточной системы привел к тому, что великие державы заключают новые соглашения. В них пока не наблюдаются такие предписания, по которым мы должны во всех отношениях оправдать ожидания одной из сторон. Нам нужно научиться, выйдя из сферы влияния СССР, устроить свою жизнь так, чтобы по возможности не попасть под новое влияние, в новую зависимость от кого бы то ни было. Любая нация может быть жизнеспособной и развиваться лишь в условиях независимости.

— Как сообщило Венгерское радио, международная сионистская организация «Джойнт» оказывает финансовую и, следовательно, политическую поддержку партии Союза Свободных Демократов. Целью этого является уронить в глазах народа партию Венгерский Демократический Форум и программу правительства. Куда, к чему ведут страну и венгерский народ такие методы борьбы за власть?

— Если такая помощь оказывается и заявляется об этом публично, то это еще терпимо. Что касается второй части вопроса... До нас дошли такие сведения, что представители Союза Свободных Демократов, к примеру Миклош Харасти, часто бывая в США, постоянно распространяет самые скверные и нелепые слухи о Венгерском Демократическом Форуме. Говорят о том, что ВДФ националистическая, шовинистическая, антисемитская организация. Когда наши представители едут в те же самые края, то всякий раз натыкаются на непробиваемую стену отчуждения. И пока это не выходит за рамки обыкновенной борьбы двух партий, я бы просто сказал обо всем этом: грязное дело, недопустимый способ... Но когда подобное начинает принимать такие масштабы, что может нанести непоправимый вред целому народу и нации, тогда мы обязаны поднять свой голос. Я подчеркиваю, к нам поступило достаточное количество такой информации, подтверждающей, что ССД пользуется низкими приемами. Против этого нам необходимо вести борьбу не только для того, чтобы доказать, что ВДФ не такая партия, но и сказать всему миру, что в сознании венгерской нации нет подлых, грубых, низких инстинктов! Такие методы ни приводят ни к чему, но затрудняют управление государством, замедляют ввод законодательных мер, порождают хаос, неразбериху, создают материальные трудности.

Беседу вела
Будапешт — Москва **Любовь БЕРЕГСАСИ**

ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ, НЕ УХОДИ!

Не первый месяц семья Панасенко ютится в этой чертановской восьмиметровке под постоянной угрозой выселения. Надеются, вдруг повезет и их двадцатилетнего Сережу заметят и признают...

«Смешались в кучу кони, люди». И заблудилась бы я окончательно, если бы не мой гид. Пытаюсь выяснить даты сражений, но Сергей даже как бы обижается на прозаичность интереса. При чем здесь конкретика? Сам он располагался в картине на переднем плане. Юный голубоглазый русич, задумчиво смотрящий вдаль. Наверное, в будущем. Работа называется «Мой вечер». В прошлом году перед поступлением в Академию живописи, ваяния и зодчества получил несколько заданий. Одно из них: описать свой вечер, естественно, средствами живописи. И «провел» его весьма своеобразно, с героями минувших битв. В одном из воинов можно узнать деда Сергея, хотя он его в глаза не видел, поскольку умер тот до его рождения.

— У Сережи голова просто забита схватками, битвами, сражениями,— сказала мать.— Иногда он может встать ночью, прилипнуть к холсту и набросать очередную баталию. Сначала я за него побаивалась, потом успокоилась. В шесть лет заявил, что будет художником-баталистом.

Серьезность Сергея можно оценить хотя бы по альбому с бесчисленными набросками. Чего тут только нет: половецкий шлем, сарматский меч, японский воин XIII века, персы, викинги... Все исторически точно. Сам выверял по летописям, исследованиям, иконам, музейным экспонатам.

Он доставал со шкафа одну за другой картины, замотанные в тряпки, чтобы не испортились. И ставил их на диван, окно и пол. Тут были две «Сирени». Не хуже, пожалуй, чем у Кончаловского. Одну написал в 17, другую в 18 лет. Пейзажи Астрахани и Подмосковья, «Моцарт и Сальери», портрет кардинала в ярко-красном берете.

Годы, проведенные в астраханском училище, на отделении оформителей, вспоминает без особого восторга. Может, потому, что впервые пытался

бороться, добиваясь справедливой оплаты за работу в колхозе.

Плохо в училище, плохо дома, нет денег для поездки в Москву. Услышав в программе «Взгляд» о Всероссийской Академии живописи, ваяния и зодчества, Сергей загорелся туда попасть. Продали два натюрморта, почти даром, купили билеты в плацкартный вагон и, взвалив мешки с картинами на плечи, всей семьей — в столицу. Вот тут проявился характер матери, Нины Петровны. Много ли найдется женщин, которые отважатся бросить дом, насиженное место, мчаться в неизвестность, ни к кому (родни и знакомых в столице нет), чтобы помочь сыну пробиться.

Во Дворце молодежи глазуновская выставка. Пристроились в хвост бесконечной очереди. Не выдержав, направились к Илье Сергеевичу с...

«черного хода». Долго ожидали, пока рассеется толпа поклонников. Попросили его посмотреть работы. Сам не смог, но по его поручению с работами познакомился заведующий кафедрой живописи академии С. Ефошкин. Дал задания для поступления. Обнадеженный и окрыленный, Сергей вернулся домой, позабыв даже про конфликты в училище. Заканчивал последний курс и писал, писал. Потом поступление в академию, два пройденных тура и... провал. Не найдя себя в списках счастливцев, написал апелляцию на имя ректора, которая была дерзкой, где-то не в меру откровенной и даже переходящей, как говорят, границы хорошего тона, зато чистосердечной и искренней. «Я поступал в академию не для приобретения каких-то благ и не из тщеславия, а для того, чтобы все свои силы, все свое время отдать делу, без которого не мыслю своей жизни. Я художник! Я хочу работать!..»

Смотрю на картины Сергея и не могу понять, отчего он не стал учеником академии, куда и предполагалось принимать именно самобытных, одаренных — из русской глубинки.

Рассерженный, разобиженный на всех и вся сказал мне в сердцах: «Ну и пусть. Не нужно мне никаких академий. Вот они, мои наставники»,— и показал на книжные полки, где стояли альбомы Верещагина, Левитана, Серова, Репина. А еще был старомодный, потрепанный чемодан, а в нем пять тысяч открыток хороших художников.

В хорошую погоду Сергей ездит на этюды. А в плохую сидит «дома» в Чертанове и пишет натюрморты.

Несколько раз он устраивал выставки на Арбате, у гостиницы «Россия». И сразу обступали толпы зрителей. Многие хотели купить что-нибудь. Есть среди желающих иностранцы. Но пока Сергей верен себе — ничего на продажу. Я подумала, а вдруг решится, и поплывут тогда произведения Панасенко, как это сейчас распространено, в другие страны.

Сергей обращался к министру культуры Губенко, к российским депутатам, которые видели его картины на самодеятельном вернисаже у гостиницы «Россия». Депутаты обещали

помочь хотя бы с жильем. Но пока глухо. Конечно, у них очень много дел и поважней, чем молодой неизвестный художник...

Напоследок я спросила традиционно о планах. Он ответил, что вся жизнь его расписана. Закончу сначала Святогора. Потом будет Илья Муромец, Иван Грозный, Клаус Штертебекер, немецкий народный герой, вроде нашего Степана Разина, Нерон. Лет в тридцать приступлю к Ледовому побоищу...

— Я не падаю духом,— улыбнулся он.— Вот, кстати, сегодняшний день был просто прекрасным, даже не хочется, чтобы он уходил.

Он торопливо стал прощаться, поскольку портился натюрморт: груши, виноград — фрукты нежные.

Елена МИХАЙЛОВСКАЯ

Игорь МАЗНИН

ОПТИНА ПУСТЫНЬ

Шумят под легким ветром
травы,
Звенит от жаворонков ширь,
А над рекой, у ног дубравы,
Простерся белый монастырь.

Когда-то весело разрушен
Слепым порывом молодым,
Он тем же самым дерзким
душам
Сегодня стал необходим...

И вот — печальные, седые —
Они спешат, устав грешить,
Его развалины святые
И веру в прошлое почтить.

И вот — как будто бы на
тризне —
Гадают мрачно, как смогла
Их жажда новой, лучшей жизни
Отчизне сделать столько зла...

На первой странице обложки «Товарища»: народный депутат СССР оператор машинного доения племсовхоза «Носовичи» Добрушанского района Гомельской области Константин Хлебцов.

Фото А. АНИКИНА

«МОЙ ВЕЧЕР». Картина Сергея Панасенко. Материал о его творчестве «Прекрасный день, не уходи!» читайте на стр. 124. Фото А. ЕГОРОВА.

читайте на стр. 124.

ТОВАРИЩ

Сергей МИХЕЕНКОВ

КАКОЙ СЕГОДНЯ ДЕНЬ...

Повесть

Окончание. Начало на стр. 63

— Места хорошие. Но не в этом дело, — сказал усатый, похожий на председателя, и так сильно похожий, что Комендор невольно подумал: тоже небось, ядреный кол, Халифович.

— Скотину тут будем откармливать, — опять заговорил усатый, внимательно глядя в глаза Комендору. — Мяса много будет. Пусть в магазинах много мяса будет. Ферму построим. Люди приедут.

Имен их Комендор не запомнил. Два раза называли, а не запомнил. Говорил больше усатый. Другой, помоложе, все помалкивал. А усатый говорил бойко, совсем почти без акцента.

— Аренда! Понял, дед? — захохотал, видимо, довольный даровой выпивкой Витька; выпивал он наравне со всеми и жадно кусал мороженое сало, розовое, толсто порезанное на дощечке и прямо на той дощечке выставленное на стол напротив него. — Так что, дед Комендор, жил ты один, а теперь вот тебе и компания!

— Весной начнем. Завезем все. Заселимся, — сказал усатый.

— А жить где собираетесь? — спросил Комендор приезжих.

— Как где? — встрял Витька, видать, так и не поняв его взгляда или не желая понимать; Витька заметно захмелел, язык его трепался вольно, и Комендор решил, что больше ему наливать, пожалуй, не стоит. — Эт самое... Накующихина хата пустует! А хрена ей пустовать? Пускай люди живут. Мы, русские, народ гостеприимный. Так что с жильем, дед Комендор, тут уже дело давно заметано.

Комендор резко повернулся к Витьке всем корпусом и в упор посмотрел ему в помутневшие глаза.

— Чужим, говорят, язык тороват.

— Да я-то что? Я, эт самое... Не я решать буду. Есть на это начальство. Оно, начальство, все и... — Витька не докончил, задергал плечами, закрутил головой.

— Подожди, Виктор, — заговорил усатый. — Не надо так. О жилье мы сейчас ведем переговоры. С Русланом Халифовичем и председателем сельсовета Галиной Николаевной. Они действительно разрешили нам занять этот дом. Временно, разумеется. Он ведь пустует? Так? А если пустует...

— Ты что? — перебил усатого Комендор. — У нас и земля пустует. Только и у нее хозяева где-то есть. Пустует... У нас на Руси сейчас много чего пустует.

Гости переглянулись, заговорили по-своему. Теперь говорил молодой, усатый только кивал и отвечал короткими фразами.

— Извините, — улыбнулся усатый и поднял руку.

— Да ничего, ничего, — добродушно похлопал его по плечу Витька. — У вас свои дела, у нас, эт самое... тоже.

— Какие у нас с тобой дела? — поднял бровь Комендор и опять вспомнил, как поймал этого, щуплого, когда-то в морковных грядах.

— Да ладно тебе, дед! Ладно тебе...

Старику разговор не нравился. Не нравилась и Витькина расхристанность, и то, что он всюду хозяином суется, не нравилось и что приезжие заговорили вдруг не по-русски, так что он, Комендор, в своем доме сидел, как истукан, и не понимал, что, быть может, о нем же и говорят.

Вышли на улицу.

— Аренда, дед. А-рен-да! Дело серьезное. Партийное. Считай, новая революция.

— Чево?! Революция... Много ты понимаешь в революциях. Лучше б вон трактор свой помыл. А то уже полгода как зима, а у тебя трактор, ядреный кол, в октябрьских ошметках.

— Ладно, без указок... без указок. Я сам кому хочешь укажу. Я, эт самое, на колхозной Доске почета обретаю второй год! Понял?

— Болтаешь много. Революция! Аренда! Революционер, ядреный кол.

— А! Старые дрожжи наружу поперло! Говорила мне мать, что в Ударе всегда кулак на кулаке сидел.

— Да ты сам-то откуда родом? А?

Но Витьку понесло, видать, уже по всем ухабам.

— Вы тут, гады, хлеб от трудового народа хоронили! Народ с голода мер, а вы на своих хуторах от жира пухли! — Витька похабно выругался, блестя озлобленно глазами. — А ну-ка, дед Комендор, расскажи, как твой отец хлеб от трудящихся прятал? А? Не расскажешь? Что, вспоминать совестно? Да? Рассказывай, чего там! Дело прошлое!

— Расскажу.

— Во! Эт самое... Молодец, дед Комендор! Ты прям как пионер-герой Павлик Морозов! Ну, рассказывай. Валяй, дед Комендор!

— Расскажу, — повторил Комендор, шагнул к Витьке, собрал в кулак изувеченную осколком ладонь и со всего маху бухнул ему тем несуразным костылем в лоб.

Тот повалился в снег, нелепо дернул ногами и затих. Все случилось так быстро, что Витькины дружки не успели даже поддержать его. Они снова заговорили по-своему. Бахмутовский тракторист смирно лежал в снегу с запрокинутой головой и бледным лицом. Молодой подбежал к Комендору, схватил за руку и начал что-то доказывать. Говорил он много и зло. Но старик, как ни вслушивался, так ничего и не понял. От молодого пахло самогонкой и солеными огурцами. И тогда Комендор вырвал свою руку, опять собрал свою увечную правую ладонь в кулак и сунул молодому под нос.

— Во, видел? Кулаком бью — как прикладом. Морская пехота, ядреный кол. Понял? Ну, не понял... Витька вон, кажись, понял. И ты давай, язык наш изучай. А как же ты хотел? В Россию жить приехал...

Усатый тем временем поднял Витьку, кое-как усадил его на снег. Он тоже что-то гортанно шипел и поблескивал на старика маслянистыми черными глазами.

— Да живой он. Живой, — усмехнулся Комендор. Поднял Витькину шапку, стряхнул о колено и нахлобучил тому на голову, — ну, ожил?

— Я тебе еще припомню, — Витька мотал головой, окропляя вокруг притоптанный снег красными каплями.

Его подняли на ноги и повели к трактору. Он вы-

вался, размахивая кулаками, и тут же утирал ими слезы и юшку, размазывая то и другое по грязным щекам. Вырываться-то вырывался, но не так, чтобы всерьез вырваться. Потому что Комендор все еще стоял неподалеку и сжимал свой мозолистый крюк.

3

В газетах действительно много писали про аренду. Что где-то на Псковщине да на Орловщине целые колхозы переходили на аренду, что некоторые оборотистые мужики заключали договора на долговременное пользование землей, покупали технику, отстраивались в заброшенных деревнях и хозяйствовали. Но землю, как понимал из тех заметок Комендор, давали не насовсем, лет на десять-пятнадцать, то есть на время.

— Во, как оно теперь! — говорил он сам себе в сердцах; разговаривать сам с собой он начал давно, еще при Накующихе. — С землею — аки с девкой непотребной: поиграл, попользовался, усы вытер — и дале пошел. Пишут... Они нам хлеба нарастят... Приедут...

Однажды в одной из статей он вычитал слово, в смысл которого сперва не проник. Какой-то бойкий начальник писал, что главная, дескать, их задача на текущий момент — это залюднение обезлюдевших населенных пунктов.

— Залюднять... Залюднять... Залюднять... Эх, так-то ихнюю мать! Слово-то какое несуразное. Ну что ни придумают, все ни к черту не годное! Это ж кем они залюднять будут? Такими, как эти приезжие, что ли? Они там перегрызлись, передрались, а теперь их сюда. На пустые, видишь, земли. Ловко. Там им тесно стало. На наши просторы потянуло. Всегда не тесно было, а теперь тесно. А ежели мои Митька да Степка домой надумают возвернуться? А? Что ж тогда будет? Ежели, к примеру, они — да на свою землю? И что ж тогда?

Дрова в голландке прогорали где-то к полуночи. Так было всегда. В горнице становилось тепло, и от этого, может, метель в поле, казалось, завывала яростнее и глуше, а мороз свирепее драл березы под горкой и лед на пруду. В тепле было хорошо, и за это тепло, которое быстро накапливалось в большой, а затем в малой горнице и долго держалось в крепких сосновых стенах, Комендор и любил свой дом.

И, лежа в постели с открытыми в темень глазами, подумал, что в Накующихиной хате, должно быть, застыло все, иней с потолка свисает. Неужто и вправду переселенцы там теперь жить станут?

«Там же у нее и добро кой-какое осталось. Что старухи разобрали, а что-то ж и осталось в хате. Иконы остались...»

Он долго лежал с открытыми глазами. Подумал вдруг: «А почему же бабы иконы не забрали?» Вспомнил, как растаскивали разное хоботье из сундука — на память. А вот иконы не взяли. Так и остались в углу под шторочкой. Видать, Елизавета помирать не собиралась. Собиралась бы, образа бы кому-нибудь завещала. Она б их так, без призору, не оставила. Когда одолевали думы, сон не приходил.

«...А по мне, так все это плохо. Вся эта затея. Начальство, видишь, разрешило... Начальству что? Им лишь бы план был. Да обязательства выполнялись. Всегда так было. А нынче в конторе да в сельсовете кто сидит? Да тот же Савка, на тех же санках.

Ах, пустобрехи! Сулили, сулили народу светлую жизнь. Вот сколько годов сулили. А куда вывели? Жрать вон нечего стало. Скоро картохи да капусту из-за морей потащим. В долг. Никчемушные ваши души. Крестьянина с земли стронули. Обобрали. До нитки нагольной обобрали. Ну и что? Купили рай? Где оно нынче, добро то? Суленое? По-новому жить, ядреный кол... Сообща... Никчемушников да пустобрехов с хозяевами в один ряд! В одну упряжку! За един стол! Э, будут они, пустобрехи, пахать! Они тогда еще, с самого начала в Советы да к портфелям побежали... Где похлебней. Потеплей...

Тяжкие думы мучили Комендора. Ворочался старик, надсадно охая и прислушиваясь к унылому посвисту ветра за окном. Словно кого-то ждал, словно предчувствовал... как покойная Накующиха в ту злосчастную грозу.

И вдруг... Комендора словно подбросило: издалека, там, где лежал заросший, заброшенный шлях на Удару, раздался еле слышный дробный перестук копыт.

«...Конь?! — Мысли Комендора враз застыли, словно запутались в далеком, пережитом. — Откуда... Кто?.. Почему?..»

Старик боялся признаться самому себе в том, что узнал иноходь... А цокот все ближе, все четче. Комендор на враз задрожавших ногах бросился к окну. Там, на

пригорке, в желтоватой дымке лунного света, нервно загребал копытом белый как снег, как привидение конь.

— Гусарушка... — шепнул Комендор, — свят, свят... Гусарушка!

4

К середине марта установились ясные безветренные дни. Поземка загуливала только к вечеру, когда солнце, несколько раз меняя цвет, уходило в зеленоватые морозные облака, похожие на дальний большой туман. Наст держал даже в полдень. Но Комендор поднялся все же пораньше и еще затемно вышел из Удары и ходко зашагал в сторону Бахмутова.

Перво-наперво он зашел к Кузьме.

— Ты слыхал, деревни наши арендаторам отдают.

— Слыхал, — ответил бесцветным голосом Кузьма и вяло махнул рукой. — А, пускай отдают. Их навряд ли кто и возьмет теперь.

— Берут вон. Чего ж не взять? Земля-то...

— Кто? Турки эти, что ли?

— Ну, кто они, я не знаю... В Удару двое приезжали. Витька Пантелеев привозил.

— А, эти. В клубе сейчас живут. Переселенцы вроде какие-то. И что ж они там, в Ударе? — спросил вдруг Кузьма; он долго кряхтел возле шкапчика, звенел стаканами, что-то наливал, нарезал, пришептывал.

— Места оглядывали. В Накующихиной хате жить собираются.

Кузьма поставил перед Комендором четвертинку водки, стаканы и тарелку с разрезанным вдоль огурцом и хлебом.

— А, Вань, пес с ними. Давай-ка лучше закусим. Чем Бог послал. Да по маленькой — с морозцу-то. Как там, здорово жмет?

— У, там нынче дедушка мост мостит будь здоров.

— Значит, трудится. Ноги-то он тебе не прихватил?

— Вроде целы. У меня штаны хорошие. Во, видишь, военные. Сын летось прислал.

— Какой же? — поинтересовался Кузьма.

— Степан.

— А, Степан. Этот у тебя ласковый. Ласковый малый.

— Хорошо в них в мороз. Дедушка за коленки не хватает.

— Ладно, Вань, давай по маленькой.

— Ну, — согласился Комендор и потер озябшие, распухшие на морозе ладони, — разве что для сугреву. А то я сегодня к этому, к Руслану Халифовичу, на прием пойду.

— Что, так-таки и не починили свет?

— Да свет — черт с ним. Я без света уже и привык. Радио только послухать другой раз охота. Как там в мире. Кто кому глаза выдрал.

И хотел было Комендор поделиться с Кузьмой своей думой, но решил, что пока еще рано, что все расскажет после разговора с председателем. Вот тогда и распечатанную четвертку можно совсем «квякнуть». И теперь он не дал Кузьме наливать ему полный стакан — на глоток, хватит.

Вернулся Комендор из конторы невеселый. Скинул полушубок, свернул его в трубу, переломил пополам, усадил на стул возле окна: вешалка у Кузьмы была какая-то ненадежная, расшатанная вся, повесь на нее свою одежду, подумал Комендор, она и обрушится. Вбивай потом, Кузьма, гвоздь в каменную стенку...

— Да, Кузьма, дожили мы... Вот до каких времен на своей земле дожили. Ядреный кол!

— А, Вань, то-то ж, — согласился Кузьма, еще не зная, о чем заводит речь Комендор; ему, видно, тяжко было ждать друга, битых три часа тот пропадал где-то в сельсоветах да в конторах, а тут четвертка распечатанная в шкапу да огурчиком так забавно пахнет.

Они, огурцы-то, хоть и не особо вольные прошлым летом родились, но на зиму Кузьма кадушечку двухведерную прибрал. У соседей, у кого пленкой не было накрыто, туманом все побило, а он вот нарастил огурчиков.

— Я ж, Кузьма, знаешь, по какому делу ходил? А, не знаешь. Живете вы тут, в кирпичах этих, как на краю света. Как в тюрьме, ядреный кол. Глухие, слепые, безголосые. Будто и не крестьяне, а хрен знает что.

И вдруг Комендор уронил голову, закачался из стороны в сторону.

— Ой-ей-ей-е-о, Кузьма-а... Во как нам корни-то подбили. Под самую репицу. Ни памяти. Ни голоса. Ни тела, ни волоса. Как только держимся еще... Зачем, говоришь, к председателю ходил? Я, Кузьма, землю ходил просить, — понизив голос до шепота, сказал Комендор захмелевшему Кузьме. — Землю. Понял?

— Землю? А на што тебе земля, Вань? Нам теперь знаешь где землю занимать надо?

— Это ты там себе занимай. А по мне там пускай пока поскучают.

— Э, Вань, отжили мы свое. Был конь, да уездился.

— Конь? Какой конь? — вдруг спохватился Комендор, и Кузьма некоторое время внимательно наблюдал за ним.

— Ты, Вань, может, полежишь?

— Я не заморился. Ну вот, значит, так было дело. Пришел я к нему и говорю: Руслан, дескать, Халифович, слыхал, говорю, землю раздают колхозную?

— Ну? А он тебе что?

— А он что... Он говорит, мол, это, дескать, в аренду, на пять лет. По договору. Крутил, вертел... Так-то, брат Кузьма.

— Значит, поцеловал пробой?

— Поцеловал, не говори.

— А ты не за делом и ходил.

— Как это?

— А так-то. Не за делом. Не нужна она тебе — земля. Это у тебя дурь. Давешние кровя гудят.

— Хм, какие ж это? — усмехнулся Комендор.

— Тятькины. Будто не знаешь. Василия Макарыча кровя. Тот, не в обиду тебе будь сказано, все в капиталисты рвался. Бывало, в воскресенье с базара едет по Ударе, к вечеру так уже, кошева пустая, все продал, и кошельком трясет. Разойдись, кричит, голь перекатная, капиталист едет! А сам хмельным-хмелен.

— Да ладно тебе. Тятька — капиталист... Ты, Кузьма, на чужой двор вилами не указывай. А то тоже, ядреный кол, как Ефим. Не любил я, Кузьма, твоего брата. Грех такое — о покойнике. А вот хоть душу пополам — не любил! И скажет, бывало, и глянет — все с подколодиной. Да и работал... А мой тятька хозяин был. Кабы те мужики остались на нашей земле подольше... Кабы подольше... Мы, Фалалеи, хлеба дармового не ели. Мы свой хлебушко на горбу, вот тут, — Комендор похлопал рукой по шее, — от самого поля к столу несли. Так-то. А когда в колхоз пошли... А! Налей-ка лучше. Выпьем давай. А то заболтались.

— Что — колхоз? Колхоз спервоначалу вон какой справный был.

— Был. Да весь вышел.

— Истрепали.

— Не в том дело. Мужика в колхоз силком пихнули. Так? А раз так, то на обмане, на неправде жизнь нашу замешали. А на кривде добро не растет. Ну вот оно и вылезло в другой бок. Как кривой гвоздь.

— Да, это точно, — вдруг согласился Кузьма. — Как мы жили? Вспомнить только... А как зря, во как! Правильно ты, Вань, говоришь, правильно. Дадут ломоть, да заставят неделю молоть. Вот так мы жили. У меня, Вань, что-то вот тут, в грудях, жать стало. Другой раз так сожмет, что лихо, дыхнуть нечем. А видать, что скоро.

— Что?

— А туда.

— Ладно тебе нюни распускать.

— Не, Вань, я уже чую. Чую. — Кузьма поднял палец. Палец трясся. — Чую. А то, знаешь, голос другой раз...

— Какой голос?

— Голос. Маня будто.

— Ну пошел...

— Вань, — вдруг поднял свою большую несуразную голову Кузьма, давя трясущимся пальцем слезу у переносицы, — а помнишь, конь у вас на Подмарихе был? Белый. Жеребец. Как его звали? Запамятовал во... Гордый да статный.

— Гусар. Гусаром звали.

— Точно, точно. Гусар. Он самый. Эх, Вань, сила жеребец был! Правда что Гусар.

— А ты что его вспомнил? — осторожно, все еще боясь выболтать Кузьме больше, чем нужно, спросил Комендор.

— Так, вспомнилось.

— Ну а с чего вспомнилось-то?

— Я ж тогда с Маней впервой увидался. Она из Ключей. Из Ключей браdена. Ключинская была моя Манюшка. И Мани нет, и Ключей нет. Во как сразу все под горку поволоклось.

Комендор терпеливо поморщился. Кузьма замолк, сглотнул слюну, высморкался.

— А как было. Тятька, Никифор Кузьмич, послал меня раз к вам на Подмариху, просить Василия Макарыча, чтобы Лыску нашу вашим белым жеребцом покрыть. Гусаром, стало быть. Поехал я. На Лыске и поехал.

Верховьем. Без седла. А так, на ватнике каком-то, охлюпкой. Еду так, семечки лузгаю. А встречь две девки так-то из-под горки поднимаются. Одна, помню, сказала что-то, засмеялась — бойкая. Я уже и не помню, кажись, семечек попросила. А другая прошла молча, даже глаз не подняла. Эка тихоня, думаю. Так вот это Маня и была. В другой раз я ее тут уже, в Бахмутове, в церкви встрел. Они, ключинские, ты ж знаешь, сильно богомольные. Это наша сторона — нехристи. А там порядок блюли. Праздник так праздник, пост так пост. Там порядок знали.

— А Гусар тут при чем?

— При том! Я ж ее, Маню, сватать ездил с твоим тятькой! А запрягали мы, помню, в кошеву Гусара белого. Эх, как мы, Вань, летели тогда по большаку! Молонья, а не конь был.

— Был.

— А, то-то ж во.

— Стратили жеребца. Как в колхоз отвели, так и все. Кормили, ядреный кол, как попало... К плугу стали приучать. А приучали как? Кнутом да дрыном.

И когда уже прощался и уходил, комкая в руках шапку, полушепотом и вроде как задыхаясь, сказал Кузьме:

— А знаешь, Кузьма, он ко мне прибегать стал...

— Кто? — не понял Кузьма.

— Гусар.

— Ну? — Кузьма порылся в лохматой голове, поморщился. — Того, Вань, что ты мне говоришь, быть не может никак. Мертвые, они уже там... Там... Они уже там нас дожидаются, Ваня.

— Что ты меня, как убогого, наставляешь? Я знаю, что говорю...

5

На Благовещенье, когда только-только сползли с полей последние грязные лоскуты снега, а ночами еще держало, и на пруду появились белые, тонкие, как рыбья чешуя, забереги, осыпавшиеся в воду только к полудню, — вот об эту пору по утреннику в Удару опять приехали арендаторы. Приехали теперь уже не на тракторе, а на машине. Кузов машины был забран брезентом. Они подогнали грузовик к Накующихиной хате, к самому крыльцу, и начали что-то выгружать. Что они там выгру-

жали, Комендор не разглядел, да и не очень-то приглядывался. Ящики какие-то. Погодя один из той суетливой артели, вроде как знакомый, махнул старику, что-то крикнул и пошел навстречу.

Это был усатый. Пришел просить топор.

Камендор вынес ему старый немецкий топоренок, на нем он рубил проволоку или прямил гвозди, и сказал, что может забрать его совсем. Топора ему действительно было не жалко — ржавый, горел два раза, ус гвоздодера на обухе отломан. Послужил, пускай забирают. Погодя опять, гляди, понадобится, будут таскаться...

— Нет, спасибо, — сказал усатый. — Нам его на пять минут. Всего на пять минут. Скоро принесу.

Ушел он так же торопливо.

«Замок сбивать», — запоздало догадался Комендор. И сказал себе:

— Так-то вот... Твоим же топором... Ладно хоть самого не попросили. Я б им сбил замок. Началось, ядреный кол.

В поле за оврагом кричал жалобно чибис, мелькал белыми перьями черных, будто перебинтованных, крыльев, припадал к земле и снова вскидывался вверх и кричал, кричал. Он кричал то ли восторженно, то ли тревожно, не поймешь. Комендор прислушивался, думал: кричит, мечется, каждую божию весну кричит, а чего кричит...

Вечером, когда снова схватило дорогу, арендаторы уехали.

А ночью — Комендор только-только сомкнул глаза — под окнами по дороге зацокали подкованные копыта. Комендор встрепенулся, слез с кровати. Прислушался. Конь шел иноходью. Возле дома перешел на шаг. Подковы стучали по мерзлой земле громко, отчетливо. И одна, вроде как на заднем копыте, болталась. Затем с замирающим сердцем Комендор услышал звук прыжка под самым окном и то, как упруго екнула селезенка у коня.

— Это ж он через жердь пересиганул, — догадался Комендор.

Он подошел к окну и торопливо, но осторожно отодвинул шторку. С улицы на него глядел большой черный глаз белого коня. Некоторое мгновение конь стоял неподвижно, как и Комендор, но потом заплясал на месте, под копытами у него что-то хрустнуло, и побежал по огороду. На облоге, почувствовав твердое, остановился,

тряхнул головой и заржал. Ржал белый конь громко, тревожно и настойчиво, и казалось, зов его достигает не только что Варнаков или Стражковичей, а и самого села Бахмутова, спавшего об ту пору за далью лесов и полей, год от года все сильнее и сильнее зарастающих кустарником и чернобылом.

— Чтой-то он, меня, что ль, зовет?

Он спросил себя и не узнал своего голоса — будто чужой кто окликнул в темноте. Он сунул трясущиеся ноги в опорки и, стараясь ступать как можно тише, пробрался через малую горницу, а там миновал холодные сенцы и вышел на крыльцо. Дверь все же стукнула. И тотчас же тот, на облоге, вскинул чуткую голову, какое-то время стоял так, словно статуя, видать, тянул ноздрей воздух, и вдруг заржал. Он ржал теперь, казалось, еще громче, но теперь в ржанье его было нечто иное — ликование.

Комендор стоял на крыльце, прислонившись спиной к стене, будто прикованный. Конь видел его. Конь увидел его в то мгновение, когда стукнула сеничная дверь.

Неужто подойдет, подумал Комендор, не осмеливаясь сказать об этом вслух. Но уже в следующее мгновение он облизал сухие шуршащие губы, сглотнул горькую слюну и позвал, сперва тихо, а потом громче:

— Гусар! Гусар! Иди ко мне, Гусар! Это ж ты, Гусар! Иди, не бойся.

Но конь не послушался последнего хозяина Удары. Он вздрогнул всем телом, прислушался, с крыльца звали его, заржал на высокой ноте, будто огромная белая птица, и почти без разбега перемахнул через березовое прясло, так же ярко белевшее в ночи, как и его грива.

— Убег, — вздохнул Комендор и шевельнул замлевшей ногой. — Не подошел. Убег, Гусарушко. Что ж он, не поверил, что ли? Не поверил...

6

На Егория, перед Днем Победы, крытая машина опять приехала в Удару. Опять приезжие что-то разгружали возле Накующихиной хаты. На этот раз гремели какими-то железками. Громко переговаривались, смеялись. И теперь среди прочих Комендор расслышал вроде как и женский голос.

— Бабу привезли, — сказал он и сердито плюнул под ноги. — Теперь, видать, заночуют.

И точно, на этот раз арендаторы в Ударе заночевали. До самого вечера Комендор все выходил на крыльцо, всматривался в то, что происходило возле Накующихиной усадьбы и внутри ее, ждал, что вот загремит мотор машины, вот садиться станут, поедут. Но не уехали. Остались.

— А может, так оно и ладно. И хорошо, может, так-то? Угадай наперед...

— Ладно, — рассудил он погодя. — Как бы там ни было, а народу в Ударе прибавилось. Глядишь, потихоньку и закопошится жизнь. Воротится. А?

И еще погодя:

— А может, я для них и караулил Удару?

Уже под звездами вышел на двор и, стоя возле выбранной до половины поленницы, увидел свет в окнах соседей. Свет горел ярко. В незашторенное окно на кухне видна была лампочка. Лампочку ввернули, видать, сильную, и от нее так и брызгало белым, неживым светом.

— А-а, видишь, как им... И землю, и свет, и тое, и другое. А нам: поцелуй пробой да и ступай домой. Так-то. Во, ядреный кол, власть нынче какая утвердилась. Все продать готовы.

Комендор вошел в дом, нащупал на стене выключатель и толкнул собачку кверху. Внутри выключателя тоскливо скрипнуло, щелкнуло, и посреди малой горницы под потолком неярко, но радостно вспыхнула лампочка. Лампочка была какая-то куцая, приплюснутая снизу и вся засиженная мухами.

— А ну-ка, может, и радио загомонило?

Комендор пошел в другую горницу. Там, на шкафу, прикрытое давнишней газеткой, стояло радио. Газета пожелтела, покрылась серой, плотно ссевшейся пылью. Комендор скинул ее на пол, она загремела, будто пересушенная заячья шкурка. Радио захрипело, засипело, и погодя послышались ровные, чистые, как звуки падающих в тишине капель, сигналы.

— Во, Москва заговорила, — обрадовался Комендор и присел на лавке у окна напротив шкафа.

Вначале передали новости. В стране было все хорошо. Шла посевная. Сеяли. В иных областях уже и отсеялись. Только кое-где горючего не хватало.

«Ладно», — подумал Комендор и усмехнулся, кивнул репродуктору на шкафу:

— А наши ж, передовые, ядреный кол, еще которые поля и не пахали. Ни под Варнаками покуда не тронули, ни округ Веселой. Видно, опять все под луговой запуск пойдет.

После новостей начался концерт по заявкам тружеников сельского хозяйства. И концерт Комендор прослушал полностью, жадно ловя каждое слово, каждый извив мелодии. Песни пели и старые, и новые, каких он ни разу еще и не слыхивал. Но все — грустные.

— Э, — покачал он тяжелой головой после концерта, — вишь вот, народ какой печальный стал. В последних известиях передали, что хорошо все, а тут... Пели, пели, а ни разу и не притопнули. Видно, что-то не то в державе.

Наутро Комендор сварил себе на электроплите картох. Сварил много, штук десять. Вывалил их, дымящиеся, на тарелку. Сбегал в сенцы, наловил в совсем уже опустевшей бочке огурцов. Огурцы были еще твердые, не осклизли, как обычно к весне, когда теплел рассол. Порезал их вдоль, будто свежие, и, хоть и без рюмки, в охотку поел.

Поев, Комендор поглядел в окно, понаблюдал за Накующихиным подворьем, за тем, как хлопотали там, переговариваясь по-своему, арендаторы, вытащил из-под козенки топор, поправил косным бруском мысок, сунул его топорищем за ремень и задами вышел к оврагу. Там, краем, уже обсохшим и зазеленевшим первой дробной травкой, подался в сторону Семеновских лугов.

Утро было ясное, чистое, будто сотворенное. Комендор шел и все оглядывался, жмурился восторженно: ну, прямо не утро, а благодать Божья. Солнце уже поднялось довольно. Грело. Оно прямо так и наваливалось на сырую землю всем своим теплом и светом, так и щекотало кончики Комендоровых ушей, напаривало спину.

Комендор шел и шел. И уже Семеновские луга остались позади, и лес пошел не окраинный, с залысинами лощин и полянок, а кондовый, ель да сосна, а в низинах — осина да матерый, в оглоблю толщиной, орешник. Попадались и березы — тонкие, чахлые, не белые, как где-нибудь в поле или на опушке, а зеленые, залохматевшие, особенно снизу. И не поймешь сразу, береза это или что. Комендор несколько раз останавливался возле

таких березок, трогал их кору, вытаскивал топор, задирал голову, заступал то справа, то слева, где поудобнее секануть, но, постояв и подумав, снова совал топор за ремень и шел дальше.

А всего-то надо было вырубить пару жердин, загородку поправить на задах. Весна, трава вон как поперла, скоро скотину в поля погонят, да и неизвестно еще, какую они тут тварь разводить собираются, а огород стоит рот разинувши в самое поле: заходи, топчи, жри все подряд... Жерди удобнее было вырубить еще на Семеновских лугах, где-нибудь в овраге: оттуда и волочь их было бы ближе, и за ветками потом можно было бы прийти — веник добрый связать, а то старый, летошний, совсем растрепался, загрубел.

Чаял он того или не чаял, а вышел на Подмариху. На Подмариху привела его душа по ведомым только ей одной следам. Дороги что, дороги позаросли давно, теперь там пятидесятилетние березы да осины. Забылись дороги. Следы остались. Где, неважно. Главное, остались. Не всем их и разглядеть. Вот по ним-то и пришел Комендор на отчину.

Да что ж отчина... Ведь и слово это забыто нынче. За ненадобностью или так, по безалаберности. Задавленный хромовым сапогом звук в душе — отчина. Да похилившиеся кресты на неокошенных и неприбранных родительских холмах. Да бурьянное гудение на ветру. Да пьяненькая загубленная песня где-нибудь в глухом проулке покуда еще дышащей на ладан деревеньки. Вот тебе и отчина. У Комендора же и того не осталось.

Вышел он на середину хутора. Остановился, огляделся. Лес да полянка. Будто и не было тут ничего и никогда. Лес, конечно же, не виноват. И вольно ему расти на ухоженной земле. И все же, приметил Комендор, рос он тут как-то несуразно. Всю усадьбу заняли яблонидички да ивняк. Ивняк желтел пухлыми и округлыми, как девичье плечо, сережками. И только кое-где выскочили на чистое сосеночки. Вот это, видно, и шел настоящий лес. Он пробивал корнями бежавшую некогда вон там, опушкой, дорогу и огород и обосновывался на Подмарихе по-мужицки, не на годы, а навсегда.

В одном месте плотной куртинкой стояли прошлогодние будылья чернобыла и крапивы. И земля под ними угадывалась черная, рыхлая. Кое-где виднелись бугры

замшелых камней и кирпичей. Вот тут-то и стоял их, фалалеевский, дом.

Комендор сперва обошел куртинку округ, оглядывая ее издали и щурясь то ли от солнца, то ли от слезы. Скорее всего от слезы. Ее, слезу ту, ветром нагнало. Ветром. Большой круг сделал, по всей Подмарихе. Вроде как хозяином прошелся. То есть так прошелся, если бы был хозяином. Кто теперь хозяин на Подмарихе? А пес его знает, как сказал бы Кузьма. Возле отцовых дубов постоял, потрогал их железную кору. Потом, обходя прошлолетние заросли чернобыла и крапивы в другой раз, уже ближе, не выдержал и полез в самую середку. Затрещали под ногами сухие будылья, посыпалась за ворот колючая мертвая труха. Принюхался — нет, ничего не осталось от прежнего. Ничего. Нагнулся за белым с краешком пронзительно-синего цвета черепком, умытым снеговицей, и рядом увидел след конского копыта. След был глубоким. И на дне его отчетливым ободком отпечаталась подкова со знакомым до боли боковым стесом.

7

Неделю спустя в Удару опять приволокся на тракторе Витька Пантелеев. Трактор на полном ходу пронесся мимо самой калитки Комендоровой усадьбы, левой гусеницей подминая подзаборную траву, выскочил на луговину, резко повернул вправо и заколыхался в сторону Накующихиной хаты. Там его уже ждали.

А к обеду из лесу притащили несколько дубов, распилили бензопилой на столбы и начали копать ямки. Ямки копали прямо на луговине напротив комендоровских окон.

— Чтой-то они, тырло, что ли, городить тут надумали? — Комендор наблюдал за строителями в окно. — Точно, тырло. Нашли место. Видать, этот паскудник, Витька, подсказал.

Заметил, что дубы пихают в землю так, даже не ошкурив, не затесывая.

— Это ж, видать, не на долгий век бутафорию городят.

К вечеру трактор припер из лесу еще одну связку тонких взгонистых дубов и березовых жердей.

— Дубы-то какие ровные. Видать, в Минаевой лощи-

не рубили. Туда и дорога есть. Вон сколько, ядреный кол, надушили. Ишь, как на халявку-то...

До полуночи на луговине стучали топоры. А когда все утихомирилось, когда взошла луна, озаряя белые жерди, раскиданные там и сям, трактор возле Накующихиной хаты и самое хату, в поле вначале тихо, далеко, потом ближе, явственней послышалось цоканье копыт.

Комендор будто знал, что конь прибежит в эту ночь. И спать не спалось, и так не лежалось. Долго сидел у окна. Но заскучал, вышел во двор. Только и там дела подходящего не нашел. Подобрал в грядах лопату, сунул ее под сиреневый куст, навалившийся на калитку отяжелевшими в цвету ветвями, и поплелся поглядеть, что они там нагородили. Вот когда подошел к первым столбам, и послышался в поле конский топ.

Конь пробежал мимо Комендоровой усадьбы. Вернулся. Заржал. Перемахнул через жердину и подошел к окнам.

— Это ж он меня ищет, — догадался Комендор и заспешил к дому. И тут же услышал: возле Накующихиной хаты загремели чем-то, захлопотали торопливо, непонятно. Стало быть, и там не спали. И там, стало быть, слышали коня в поле. И света ж не было, не горела лампочка на столбе, а вот поди ж ты... Неужто подкараулили?

— Подкараулили. Подкараулили, — билось у Комендора в горле. — Подкараулили...

Он выхватил из перевясла жердину и отбросил ее в сторону. Конь подошел совсем близко. Он смотрел на Комендора, протяжно тянул ноздрей, прял ушами. Узнавал. И как только дорогу для него освободили, в единое мгновение будто понял все, напряг шею и ринулся в проем.

— Иди, иди, Гусарушко. Пошел с миром.

Пропуская Гусара в ворота, Комендор шлепнул его по боку и почувствовал, как вздрогнула под его ладонью теплая чуткая кожа коня.

Калитка всхлипнула не своим голосом и со всего размаху ударилась о штакетник. По бетонной дорожке торопливо загремели подошвы сапог.

Комендор задвинул на место жердь. Все. Гусар уже далеко.

— Дед! Это ты, дед Комендор? — окликнули его из темноты голосом Витьки Пантелеева.

Комендор ничего не ответил.

— Ты что, не слышь? Эт самое... вроде кто-то пробег. Конь. А может, и еще кто. Сюда свернул.

— Не видел я тут никого.

— Так он, эт самое... к твоему дому свернул, дед? Ты не...

— Я тебе уже сказал: не ви-дел! — осек он Витьку и, отпихнув с дороги, пошел к крыльцу.

Закрывая за собой дверь, Комендор увидел под сиреневым кустом еще двоих и крикнул:

— И калитку потом, ядреный кол, затворите!

8

В начале лета арендаторы пригнали в Удару стадо бычков в сотню голов. Бычки были одной масти, темно-коричневой, швицкой породы. Худые. Шерсть на них торчала клоками, на лодыжках брякали колмыжки присохшего навоза.

— Во, старик, скотины сколько много, — засмеялся, увидев Комендора, один из погонщиков, молодой; раньше он все помалкивал, а теперь, видать, прорвало от восторга. — Хорошие, да?

Стадо гнали мимо Комендоровой усадьбы. Комендор сидел на бревне под ракитой и кормил пшеном цыплят.

— Скотина, что ж, обыкновенная, колхозная, — ответил Комендор, подпихивая цыплят под сетку, чтобы, не дай Бог, не разбежались и не угодили под копыта. — Только что-то сильно дристанные.

— Какой? — переспросил молодой.

— Обгваздались, говорю, больно. Что, опять не понял? Нарядные, говорю, все в медалях вон.

Молодой так ничего, видать, и не понял, засмеялся и побежал открывать ворота.

Комендор опять выпустил цыплят на солнышко. Те обрадованно запищали, забегали, карабкаясь на носки его рыжих опорок и смешно опрокидываясь. Комендор наблюдал за цыплячьей возней, усмехался и поправлял на ноги падавших и спотыкавшихся.

Молодой закрыл ворота и подошел к Комендору.

— Зачем медали? Не надо медали. Пускай другие берут себе медали. Нам — деньги, — опять рассмеялся, показывая ряд крепких ровных зубов.

— Откудова ж таких доходяг гоните? — спросил Ко-

мендор, усмехнувшись на слова молодого. — Из Страшковичей, что ли? Или с другой какой фермы?

— Из Бахмута.

— Из Бахмутова, — поправил Комендор.

— Да, так.

— Значит, это там так животных заморили.

— Из Бахмутова, да, — опять кивнул головой молодой.

— Ты вот что, парень...

— Что, старик? — спросил молодой, поблескивая на солнце ровным рядом красивых зубов.

— Там, в хате, где вы теперь живете, иконы были. В углу. Как зайдешь, так в правом углу. В ручниках. Ты понимаешь, о чем я тебе баю?

— Говори, говори. Понимаю. Очень хорошо понимаю. Все, старик, понимаю.

— Накующихины иконы. Хозяйкины. Там до вас старуха раньше жила. Набожная.

Молодой кивал.

— Если они вам не нужны, уважь старика, принеси мне их. Я заберу.

— Молиться, да?

— Нет. Не молюсь я. Немоляка.

— Да? В кого же веруешь?

— А ни в кого. В том-то и дело. Ни в кого я не верую. Все растерял, ядрена кол.

— Так плохо, старик, — сказал молодой; он запрокинул в небо лицо, оскалился красивым смуглым ртом. — Так нельзя жить, старик. Так скоро Витькой станешь. Один потерял веру, другой потерял, третий потерял... Весь народ — Витька. Плохо. Русский народ не такой, как Витька, старик. Вот ты — русский. Старый, но сильный. Крепкий. Такой русский. А Витька...

— Чем же тебе Витька плох? Ишачит вон на вас с утра до ночи. Дубы таскает. Так что Витька вас хорошо выручает. Вам Витьку на руках носить надо.

— Зачем носить? Почему так?

— Ну, уважать, значит.

— Нет, старик, ты не прав. Работает Витька — да. А душа у него — шакал, еще хуже. Только и знает: давай, давай, плати, плати.

— Научили. Вы ж и научили.

— Ничего не хочет без денег делать. Какой жадный!

— То-то, что так. А иконы ты мне, не забудь, при-

неси. Вам они ни к чему, а мне... Пускай у меня побудут.

9

Все лето арендаторы пасли бычков в Семеновских лугах. Травы в тот год взошли-поднялись густые, вольные. Такие б травы косить да Бога хвалить. Телята стали быстро выправляться, нагуливать мяса. Повеселели, округлились, схоронили востряки на горбах и крестцах и рекали в тырле лениво, нехотя. Шерсть у них прибралась, залоснилась. На ночь стадо загоняли в тырло, и до утра скотина топталась под корявой пантелеевской ракитой, где был сооружен на скорую руку навес.

В конце августа на нескольких тракторах привезли бревна, кирпич, цемент и начали строить скотный двор.

— Вы бы хоть подальше от моей усадьбы, мужики,— вышел раз к ним Комендор, видя, что кирпичные столбы начали выкладывать прямо за дорогой, под другой ракитой, под его ракитой, где весной он кормил цыплят. — Жижа ведь прямо на двор ко мне попрет.

— Да пошел ты!.. — ответили ему.

— Я пошел, да уже и пришел. Дале мне некуда идти. Тут мой дом. А вот куда вы пришли?

— Тут, дед, земля колхозная, — насмешливо пояснил ответ первого другой, мордастый, лысоватый, в годах, видимо, бригадир. — А раз колхозная, то с председателем вопрос решай. А ты тут даже не член колхоза. Нам где указали, там мы и строим. Правильно? Правильно. Но главное что? Какие задачи в первую очередь ставят перед нами партия и правительство? — Мордастый плюнул в бетономешалку и нажал на кнопку. Сразу стало тихо.

— Какие ж? — спросил Комендор, хотя было ему уже безразлично, что ответит мордастый.

— Нам скотный двор нужно до холодов сдать под ключ. Понял, дед, какая у нас тут от партии задача?

— А... — махнул рукой Комендор и поплелся ко двору.

В конце дня, когда на стройке поутихли стук и скрегот, крики и матерщина строителей, бригадир разыскал его на огороде и спросил:

— Отец, а ты что, постоянно тут живешь? Или так, дачник?

— Что? Какой такой, ядреный кол, дачник? — не понял Командор.

— Ну, какой... Каких нынче тысячи, миллионы. На нашей, так сказать, необъятной земле. Сейчас ведь как: что ни деревня, то половина домов дачники. Нам в конторе так и сказали, что деревня пустая, живет, мол, один дачник... временно, дескать, живет.

— Временно... Это точно — временно. — Командор в упор посмотрел на бригадира и толкнул его пальцем в грудь. — Ты тоже — временно.

— Как это? Что-то я тебя не совсем понял, отец?

— А так: сегодня живешь, а завтра... По этой мерке все мы тут временные.

— Ну, это как природой определено...

— Природой! То-то, что природой! А мне кто определил, что я тут, на своей земле, ядреный кол, временный дачник? Они думают, что я не сегодня завтра помру. Я помирать пока не собираюсь. У меня еще на этом свете дела есть. Помирай тут, они ж, сук-кины дети, и не похоронят по-человечески. Старуха вон в том доме жила, может, слышал... А... — И Командор махнул рукой.

— Так-так... Значит, меня облапошили... Нет, ты серьезно здесь постоянно живешь, отец? Так-так... Вот гады, а нам сказали... А где тут ферма раньше была?

— Там, за прудом. Раньше строили, все же думали. Раньше строили, брали во внимание, что не только ж скотине, а и человеку жить надо было. А этим что, этим поближе надо. Эти... Они ж кто? Сегодня тут, завтра там.

— Плохо, что договор мы уже подмахнули. А по условиям договора место телятника определяет заказчик. Вот так. Ничего теперь не изменишь. Да, отец, соседи тебе попались будь-будь. Эти хоть и временные, как ты сказал, но орудуют масштабно. Оптом все покупают.

— Как это — оптом?

— А так. Раз взяли скот да землю в аренду, то все им на этой земле и принадлежать должно. Смекаешь?

— Ну?

— Посмотри, домишко у них плохонький. Зимовать в нем уже холодно. А твой-то — ого-го! Ну, теперь-то смекаешь?

— Э-э, — погрозил ему, приподняв с земли тяпку, Командор. — Я тебе на эту сказку свою расскажу: ты, кум, кумуй, ядреный кол, да не засаливай уса!

— Да я-то тут что... Наше тут дело пятое. Мы кто? Подрядчики. Пришли, построили, получили свое — и прощай, Маруся, пиши письма. Был бы я хозяином этой стройки, я бы, конечно, телятник подальше убрал. Туда, где раньше был.

— Убрать бы ты, может, и убрал. Да только такие, как ты, хозяевами тут никогда не будут, — сказал Комендор и отвернулся.

Бригадир снисходительно усмехнулся.

— Таким, как ты, — Комендор, торкая тому грудь пальцем, с которого осыпалась на бригадирову рубаху сухая земля, — никогда тут хозяевами не быть. Вам кто заплатил, тот и мил.

— Да погоди ты костерить меня, отец. Я ж тебе не враг, правильно? Погоди. Ты прямо националист какой-то.

— Нет, ядреный кол, ты погоди. Я годил уже. Я вон сколько лет тут, в Ударе, сторожем! И все вас годил. Караулил деревню, думал: вот вернутся, вот отчине в ноги кинутся, одумаются. Пришли. Подрядчики пришли. Тьфу! — И старик швырнул в капустные гряды тяпку и размашисто пошел прочь.

Бригадир погнался было следом, окликнул Комендора, уязвили его слова старика. Но только пробой звякнул ему в ответ.

На другой день Комендор оделся в чистое и пошел в Бахмутово. В селе сперва зашел на почту и попросил несколько телеграфных бланков. Тщательно заполнил их.

Он отправлял сыновьям телеграммы, Дмитрию Ивановичу и Степану Ивановичу: срочно, Ивановичи, приезжайте, в колхозе землю раздают...

Телеграфистка было заупрямилась: какую, мол, дедушка, землю, с чего вы взяли. Начала названивать куда-то по телефону.

— Ну вот видите, — протянула она ему трубку, — никакой земли колхоз и не думал раздавать.

— Много ты понимаешь, — обрезал ее Комендор. — Принимай телеграммы. Исполняй, что тебе положено.

Покончив с телеграммами, зашел-таки и к Кузьме. И рассказал, что телеграфом, мол, вызывал к себе сыновей — землю брать.

— Митька, может, и не приедет. А Стенка — как штык. Я ж помню, как он косить любил. У, ядреный кол, он у меня косец хор-роший. Мужик! Хозяин! Бы-

вало, пошлю их на Подмариху... Ты меня слушаешь, Кузьма?

— Слухаю, слухаю, — встрепенулся Кузьма.

— Ага, на Подмариху. Салаш у нас там под тятькиным дубом был. Сам-то с двору, а они зорюют там, в салаше. Митька, тот, кобель чертов, косу на дуб — к девкам, в Пелагеиху. А Степка нет. С вечера, бывало, косы отобьет. И свою, и братнину. Утром приду: Митька еще где-то между Пелагеихой и Веселой девок щупает, а у Степана уже по другому разу рубаха на спине мокрая.

— Да, Дмитрий у тебя, Вань, точно, по женской части лихой кузнец был. И в кого он у вас такой-то монтер уродился?

Комендор засмеялся.

— Вань, — опять зашевелился Кузьма, — ты вот что скажи: ну зачем ты их с корня срываешь?

— Ихний корень тут, в Ударе.

— Тутошний корень сопрел уже. Они теперь там корни пустили. Каждый свой. И место сами выбрали. Где вольнее.

— Ихний корень тут! — упорствовал Комендор.

— Не нужна нам, Вань, теперича земля. Ни нам с тобой, ни сынам твоим.

— Как не нужна? Нужна. И мне нужна. И тебе нужна. И им тоже. Это ж наша земля, Кузьма! В стране не сегодня завтра все переменится. Ты что, радио не слушаешь? В чьи руки поля наши пойдут? Поля, луга, лес. Как ты этого не понимаешь, Кузьма? Ядреный кол!

— Так-таки и переменится все?

— А вот посмотришь!

— Не доживу. В грудях жмет. Жмет и жмет. Уже и спать не сплю. Как же оно переменится, ежели все прежним порядком идет, и идет, и идет.

— А я говорю, переменится! Он, век-то, такой-то вот, хоть и долог, а и он кончается.

— Эх, Вань, Вань. Ты ж вроде и старый и хитрый, а рассуждаешь ну прямо как дите малое. Посмотри, ведь все же побито да пригнуто так, что и не распрямится уже.

— Брось, Кузьма, уныло запел. Дай лучше я начну: недорубленный лес скоро поднимается. Это мне еще тятька говорил. Помню. Все помню. Тятька хотел, чтобы хоть я на Подмариху вернулся. Ждал. А вышло, что и

моего веку не хватило. Так вот и я хочу: прежде, чем зажмуриться, поглядеть, как сыны мои на Подмарихе хозяйствуют. И я доживу! Доживу, ядреный кол!

10

Телеграммы ушли, и Комендор стал ждать: что ответят сыны?

Думал, что ответят скоро, что, получив такую весть, и сами заявятся. Но прошла неделя, другая, третья... К концу месяца пришло письмо — от Митьки.

Митька писал о своих делах, о семье, о том, что был у него недавно, проездом из санатория, Степан с женой. О телеграмме в письме ни словом не было обмолвлено. И только в конце вроде как приписка: ну что ты, мол, батя, какая теперь земля, не то время, давай лучше к нам, у нас тут, слава Богу, все есть, зарабатываем прилично, квартиры и у меня, и у Степана с Таней просторные...

Письмо то Комендор сгоряча скомкал и швырнул в печку. Но пожалел, потому что прочитал торопливо, некоторых слов в спешке и вовсе не разобрал и надо было бы перечитать еще раз.

Конь все это время, пока в Ударе шла стройка, не прибегал. Комендор все же ждал его. Которую ночь и глаз не сомкнет, ляжет, полежит, встанет, подойдет к окну и смотрит, смотрит, пока ноги не замлеют да мушки разноцветные в глазах не залетают. А то на крыльцо выйдет, слушает, не зарегочет ли где, не брякнет ли в поле дальнем копытом тот, кого он ждет и чает.

В одну из таких ночей, стоя на крыльце, Комендор услышал, как зашумели вдруг в Накующихином дворе, закричали, как хрястнуло что-то там, под тусклым фонарем, и зазвенело, разлетаясь далеко, разбитое стекло. Комендор сразу догадался: драка.

Бились там долго. Потом затихли. Но ненадолго. Немного погодя опять закричали, завозились в саду, и видно было, как там мелькали под окнами голыми спинами. Кто-то, часто и затравленно, со стонами, дыша и охая, пробежал в темноте мимо Комендоровой калитки, затем, рыча и матерясь, в том же направлении пробежал еще кто-то, и тотчас из оврага, где скрылись оба, послышался такой жуткий вопль, что Комендор невольно попятился

в сенцы и потянул из-за ящика топор. Прислушался, тихо прикрыл дверь и запер на все щеколды и засовы.

Света он не включал ни в сенцах, ни в горнице. Несколько минут сидел на лавке, вглядываясь в неподвижную, как время, темень за окном. Но вспомнил, что не проверил, ладно ли затворил дверь на двор, и пошел проверить. Шел и шептал:

— Перепились, сук-кины коты. На убой бьют.

И когда вернулся обратно на лавку у окна, подумал: вот так, ночью, когда-нибудь и придавят тишком... Кто заступится? Тут на десяток верст вокруг ни одной живой души. И не хватятся.

Утром к нему постучался бригадир. Комендор долго возился с запорами, сроду так насмерть не закрывался, даже когда запрошлой зимой волки вдруг в Минаевой лощине объявились, завыли по ночам. Вид у бригадира был неважный: сизая вспухшая верхняя губа залеплена пластырем, нос тоже то ли распух, то ли вовсе находился не на месте.

— Что, ядреный кол, с лесов убился? — оглядел его внимательно Комендор.

— С лесов, — буркнул в ответ бригадир и сунул Комендору забинтованную руку.

— Высокие ж леса, видать, были.

— Да нет, нормальные. Если бы высокие, то б и голова прочь. — Говорил бригадир тоже как-то не так, как вчера, — пришептывал. И, так вот чудно пришептывая и бережно трогая пластырь на сизой, как спелый боб, губе, сказал, что на днях их бригада отсюда снимается.

— Не поладили, значит, с хозяевами?

— Черт тут с ними поладит.

— Не состоялся, значит, ваш контракт.

— Да ерунда это. Если мы тут потеряли по куску, то в другом месте по два возьмем. У меня ребята, видал, какие орлы?

— Видал. Видал и слыхал. Это ж орлов твоих нынче ночью арендаторы по Ударе гоняли?

Бригадир ухмыльнулся, помотал головой. Ответил, трогая пластырь:

— Сперва они нас, а потом мы их. — И снова усмехнулся.

— Ну-ка, ну-ка, посмейся еще. Дюже чудно ты смеешься теперь.

— Да ладно тебе. Это ерунда, пройдет. Дело не в нас.

Мы уезжаем. Мы уезжаем, а они остаются. И ты остаешься. Смекаешь? И сыр-бор у нас вчера пошел из-за тебя, между прочим. Наверное, это плохо. Боюсь, мстить тебе начнут. Я ребятам после нашего разговора рассказал, что так, мол, и так, дельце-то тухлое подсунули... А они вечером выпили и им напрямую бряк. Те в свою дуду заиграли: помалкивайте, дескать, вам и за это заплачено будет. Ребятам не понравилось. И пошло-поехало. А там баба еще вмешалась. И откуда она только взялась? Никогда ее тут не видели, не слышали. А тут — первая налетела, стерва.

— Вроде привозили они бабу.

— Ну, видал, какая она стерва?

— Не видел, — ответил Комендор. — А слыхать слыхал. Командовала она там ими.

— Ну и что, слушались?

— Слушались.

— Как она, сука, налетела! Если бы ты, отец, видел, как она на меня налетела! Пых! Волосья длинные, сиськи мотаются, глаза как у этой... ну, фильм американский, по видику показывают, про оборотней... Я не знаю, отец, как ты тут с ними жить будешь. А чего ты, правда, не уезжаешь отсюда? Они б тебе за дом прилично отстегнули. Нет, правда. Для них деньги не проблема. Они за это вот стадо знаешь сколько возьмут? Они ж понимают, что пока аренда на взлете, пока государство ее поощряет и охраняет, у них возможности большие. И поверь, отец, они своего не упустят. Слушай, если переезжать надумаешь, то скажи. Пока мы тут, поможем перебраться. Ты не думай, что у нас одни червонцы в глазах. Что ж мы, не понимаем...

— Когда уезжаете? — спросил Комендор.

— Да завтра. К вечеру. У нас, ты ж понимаешь, сборы недолги. Нам собраться, только подпоясаться, — засмеялся бригадир и тут же ухватился за затылок, поморщился, выругался.

— Что, болит кумпол?

— Гудит, зараза. Как этот... как колокол треснутый. Это ж она, ведьма та сиськастая, меня мутузила.

— Ну? Ты ж вроде, ядреный кол, мужик здоровый.

— Я тебе говорю — она! Здоровый... Здоровый-то здоровый, а и она — будь-будь! Налетела, говорю, как эта... Мужиков бы я там любого приложил. А тут — баба. Говядами своими, говорю, придавила, дыхнуть нечем. Аж

мушки, синенькие такие, в глазах запрыгали. Сиськи у нее во, до пояса, я тебе говорю! Куда там штатовские секс-бомбы? Ну ты представь себе, как она меня накрыла. Очухался маленько, гляжу, а она меня за волосы держит да затылком об пол, об пол! А ребят моих эти, как ты говоришь, абреки ножами к стенке прижали. Ну, я скинул ее, топор из рюкзака хвать да обухом по лампочке. Ребята мои кто в окно, кто куда. Выскочили. А там уже сообразили, что дальше делать. Похватали палки и в атаку.

— Слыхал, слыхал я, как вы атаковали.

— Что ты, не говори. По всем правилам военного искусства! Вышвырнули мы их из дому, разогнали. А бабу, веришь, нет, не нашли. Спряталась куда-то. Как сквозь землю провалилась. Да, отец, не съедешь, представляю, какая житуха тут у тебя будет.

Бригадир попрощался, ушел, а Комендора еще теснее обступили думы. А ведь прав малый, не даст мне это племя дожить спокойно в своем дому.

— Вот тебе и соседи, ядреный кол. Вот тебе и свились сохи вместе. Вот тебе и ожила деревня.

11

Прошел год.

Арендаторы угнали в Бахмутово одно стадо, погрузили в скотовозы. С неделю их в Ударе не было. Погодя пригнали другое. Появились среди них и новые люди. И стадо стало больше. Утром и вечером коричнево-серой зыбучей рекой оно обтекало Комендорову усадьбу, обнесенный жердями огород, волокло за собой облако пахнущей навозом пыли, в котором желтыми тяжелыми пулями летали оводы, прошивали облако отсюда, и отсюда, и оттуда. Теснясь и стукаясь рогами, серая река приостанавливала свое течение возле тырла и медленно втягивалась, всасывалась в горловину ворот. Когда стадо успокаивалось в тырле, на него еще яростнее налетали тучи оводов. Здесь оводам помогали и мухи. По вечерам, когда холодало, мухи облепливали южную, теплую стену Комендорова дома и штакетник.

— Тьфу, пропасть! — бранился он. — Сроду столько этой твари тут не было.

Женский голос он опять слышал раз ввечеру. Хохотала.

Так хохотала, с таким нутром, что Комендору невольно вспомнился рассказ бригадира, и он, как когда-то, торопливо ушел с крыльца в сенцы и накрепко затворил за собою двери. Увидеть же ее таки не увидел ни единого раза. Караулил, наблюдал. Но и в усадьбе Накующихиной, и в тырле, и на телятнике, и за гуртами ходили одни мужики. Жратву готовил тоже мужик. Один и тот же. Пожилой, седоватый. Он появился только этой весной. Раньше арендаторы кашеварили по очереди. Он рубил дрова, ставил на таган котел, разжигал под ним огонь и подолгу кружил вокруг с длинной деревянной ложкой. И все пел что-то. То веселое, то тоскливое. Комендор нет-нет да и прислушивался к песням седого кашевара, хотелось ему понять, о чем же тот тоскует. Но не мог — язык был чужой, ни одного словечка знакомого не попадалось, да и голос и мотив певец вертел так, что и слушать было тягостно и даже противно.

Так шли дни.

Раз вечером, уже в августе, спрыгнула с печки крыса и, не обращая на Комендора никакого внимания, пробежала по полу, проволокла за собою длинный голый хвост, понюхала в углу веник и пролезла между опорками под козенку. Крыса была старая, с коричневатой шерстью на холке и дебелыми обкусанными усами.

Опомнившись, Комендор ухватил железную кочергу, расшвырял опорки и свернутые как попало половики, выкинул из-под козенки мешки и пыльные картофельные сетки, поширял по углам, но крысы нигде не обнаружил, хотя бежать ей отсюда было некуда. Крыса будто исчезла. И он начал уже подумывать, что это ему побластилось, что это плохой знак.

Но другим днем с печки спрыгнули уже две крысы и проследовали той же дорогой. Одна сразу юркнула под козенку, а другая, с сивой холкой, бежала медленно и, не добежав до печи, остановилась и посмотрела на Комендора, сидевшего за столом и обедавшего картошкой с черствым хлебом. В злобных глазах ее было нечто торжествующее, а в движениях откормленного, отвратительного тела чувствовалась не то что лень, а скорее неторопливость хозяйки.

Вечером Комендор насторожил двое железа: одни в сенцах, там тоже гремело, будто бегал кто, другие под козенкой. Положил приманку — кусочки хлеба, облитые постным маслом.

Но в железы эти твари не пошли. Всю ночь они скакали по полу, топотали, визжали отвратительно, сталкивались сильными телами, запрыгивали на лавку и на стол, цокали когтями по клеенке. Комендор все терпел, не вставал, думал: вот попадет какая, гвалт поднимет, забьется... Но железы так и не щелкнули. Хлеб они не тронули, утром Комендор это увидел. То, что крысы не тронули приманку, смущало больше всего.

А в полдень, как всегда, они начали прыгать с печи. Их было уже много. Старая, хозяйка (Комендор заметил, что она стала еще крупнее за эти дни), спрыгнула последней, подбежала к железам, понюхала цепочку, и Комендору показалось, что она ухмыльнулась.

Вечером Комендор вышел на крыльцо и сел на лавку. Воздух был свежий — веяло с полей, и вонь сносило в овраг и в сторону Накующихиной усадьбы. Там, на усадьбе, горел фонарь, под ним неслышно билась белой нескончаемой метелью мошкара. Незашторенные окна тоже светились, штакетник и кусты под окнами казались белыми.

Комендор притворил дверь, прижался к ней ухом, прислушался. В сенцах и в доме было тихо. Видать, эти твари где-нибудь схоронились. Накинул на пробой цепку и пошел к Накующихиной усадьбе. Но не прямо, не мимо тырла, а сперва спустился к мосту, там, подгоричьем, мимо чахлых кустов бузины и пахнущего ржавчиной бульдозера, зарытого в болотине, отдышался, осмотрелся и полез через заросли слив и шиповника к Накующихиной хате.

На дворе уже никого не было. Пахло недавно залитыми угольями. Костер на ночь седой всегда заливал из того же котла, в котором варил еду. Это Комендор наблюдал не раз.

Он пробрался к углу и замер. До ближайшего окна оставалось шага два-три. Комендор пригнулся, втянул голову в плечи и на четвереньках кое-как прополз к угловому окну. Но посидел под ним на корточках, послушал и пополз дальше. Здесь уже не пахло костром. Здесь пахло помидорной ботвой и укропом. Чудно, подумал не к месту Комендор, чужие люди живут, а огород все как при Накующихе пахнет: помидорами, какими-то тряпками, вечно тут у нее гнившими под яблонями, да укропом. И ему даже в какое-то мгновение подумалось, что вот глянет он сейчас в окно и увидит: сидит на лавке старая

Накуюшиха, его соседка, пригрелась возле белого печного бока, посиживает, отдыхает от дневных хлопот как ни в чем не бывало...

И правда, он встал и, как думалось, заглянул в окно. И остолбенел от увиденного.

Посреди горницы сидела огромная голая баба. Волосы ее были распущены, не прикрывая, однако, округлых смуглых плеч и больших отвислых грудей. Колени ее закрывало полотенце или простыня. В руках у нее был порядочный кус мяса, телячья нога или грудина. Мужчины, трое или четверо, стояли перед ней. Они тоже были до пояса голыми. Мясо она поедала быстро, и через минуту в руках у нее осталась одна кость в лохмотьях сухожилий. Она отбросила в угол кость и жестом приказала молодому подойти. Тот взял у седого поднос, на котором лежал еще один кус мяса, и подошел к ней. Она улыбнулась ему и одной рукой приняла мясо, а другой потрепала молодого по щеке, что-то сказала ему, поднесла мясо ко рту. И тут Комендор узнал Шурочку.

Комендор тихо, онемело опустился вниз. Некоторое время он стоял на коленях, ошеломленный. Ему показалось, что он сошел с ума, что в мире все по-прежнему, то есть все в порядке в мире, а он — тово... Но мгновение спустя, оглядевшись и прислушавшись к тому, что происходило в доме, Комендор пришел к выводу, что нет, он еще в своем и вполне в здравом уме, а вот мир вокруг него, мир...

И в это время в поле за оврагом, где еще белело смутным туманом закатное зарево или утянутый в затишье дым костра, послышалось ржание коня.

Он отполз за смородиновый куст и привстал. Конь в поле опять заржал. Он звал. И тут Комендор увидел, как встрепенулась, колыхнув обширными мясами, Шурочка, как встала и указала рукой на окно.

Меня учуяла, догадался он. Или Гусара. Комендор отступил в тень яблонь. Здесь его заметить уже не могли.

Топот подкованных копыт слышался уже совсем близко, за оврагом.

— Прибег, — шепнул Комендор, продираясь сквозь заросли шиповника и крапивы. — Вот и вернулся. Гусарушка, родный ты мой. Вернулся...

Вначале он хотел перенять Гусара возле моста, но потом понял, что не успеет, что только время потеряет и разминется с конем в темноте, и побежал прямо к дому.

Теперь он побежал вдоль тырла. Там была стежка, видимо, ею ходили от дома к телятнику арендаторы. Никто не встретился ему, никто не окликнул. И он понял, что, слава Богу, ушел, кажись, незамеченным.

Первым делом Комендор выдернул из свясла верхнюю жердину и отбросил ее подальше в бурьян. Вторая жердина была низко, и он не стал ее трогать, терять время — для Гусара, подумал, это не преграда.

Конь уже белел на дороге. Топот отдавался таким громким эхом в недрах оврага, что Комендор не выдержал и выбежал навстречу. И тут под ноги ему попало что-то мягкое, живое. Он нагнулся, осторожно пошарил рукой и тут же резко отдернул ее: из темени злобными бусинками сверкнули на него маленькие глазки. Крыса!

Крыса заступила ему дорогу. Теперь он видел ее хорошо. Слабого света накующихинского фонаря, горевшего за тырлом, хватало для того, чтобы разглядеть на стежке огромную крысу. Теперь крыса стала еще больше, величиной с кота. Она шевельнула хвостом и фыркнула. Комендор отпрянул к калитке. Там, под кустом сирени, валялась старая лопата. Он ухватил ее за черенок и со всего маху рубанул по светящимся бусинкам злобных глаз. Крыса взвизгнула и, судорожно дрожа перебитым телом, поползла к его ногам. Звуки, которые она при этом издавала, были злобными и решительными. Комендору показалось вдруг, что он не попал, что крыса просто притворилась и теперь готовится к прыжку. Он ударил ее еще раз и еще.

Конь тем временем забежал во двор и остановился.

— Гусар! Гусар! — позвал его Комендор.

Конь заволновался, пошел рысью по двору. Тут ему было тесно.

— Гусарушко!

Конь остановился, мотнул головой. Теперь он позволил подойти к себе.

— Пришел... Вот и хорошо, что пришел, — приговаривал Комендор и гладил теплую большую шею коня. — Эх, родимый ты мой! А тут, брат, видишь, что делается. Не дают нам тут спокойно жить. Не дают...

За тырлом послышались голоса. Потянул оттуда проснувшийся ветер и принес их вместе с запахом поскотины.

— Во, слышишь? Слышишь? — замер Комендор. — Это ж они. Они. За нами идут. По наши души, брат.

И тут под ноги опять толкнуло что-то постороннее, острой болью пронзило икру. Комендор ударил опорком. Ударил машинально, наугад, и попал.

— Крысы! Крысы, Гусар! Топчи их, нечисть! Топчи.

Голоса за тырлом стали ближе и отчетливее.

Комендор отыскал брошенную лопату и кинулся к двери. На крыльце под лавкой запищало, завозилось, и он ударил туда лопатой, толкнул дверь и пробежал темными сенцами к другой двери, обитой войлоком. Он почувствовал, что здесь, в сенцах, кто-то есть, что тут он не один, и понял: они забрались и сюда, сидят сейчас вокруг и ждут. Должно быть, лопаты боятся, догадался Комендор и злорадно засмеялся.

На кухне он зажег свет и увидел, что в доме все перевернуто вверх дном, растаскано, рассыпано по полу. Даже пух из подушек был вытереблен, медленно летел над полом и оседал, как пыль. Посуда побита, разбросана. Шторки с окна сорваны. На столе сидели две огромные

крысы и смотрели на Комендора неподвижными глазами. Глядя на них, старик понял, что, войди он сейчас домой безоружным, они давно бы вцепились ему в глотку. Еще там, в сенцах, накинулись бы и стали рвать на части. По подоконнику ползла еще одна. Коричневая шерсть на ее холке лоснилась. Она была похожа на ту, которая спрыгнула с печи в тот первый день, когда они впервые появились тут, и на ту, которую он только что прикончил на стежке.

— У-у, сволот-та! — рявкнул Комендор, преодолевая чувство омерзения и страха, и ударил лопатой по сидевшим на столе, на подоконнике, на лавке, по спрятавшимся за опрокинутыми стульями и табуретками. Зазвенела недобитая посуда, пух выше поднялся к потолку.

Лопата была уже в крови и ошметках слипшейся шерсти, когда он прорвался в большую горницу. Одна крыса прыгнула на него с печи, впилась зубами в плечо. Он даже услышал, как цокнули ее зубы, сомкнувшись. Но боли не почувствовал. Видимо, она все же не достала до живого, злобы оказалось больше, чем хитрости и ловкости. Он сорвал ее с фуфайки и ударил об угол печки. Кровь брызнула по белому печному боку, по полу, по связкам газет, валявшихся под ногами. Он отшвырнул ногой обмякшее тельце, похожее на раздавленное яйцо, и боковым зрением увидел, как метит на него еще одна. Видимо, они решили не пускать его дальше и атаковать при каждом удобном моменте. Комендор ударил туда, но, кажись, промахнулся, потому что крыса тут же прыгнула в другую сторону и, скрючив хвост, шмыгнула под диван.

В большой горнице тоже был разгром. На полу валялись пучки лучин, наготовленных на зиму для разжоги, катушки с распутанными нитками, фотокарточки, осколки стекла, залетевшие сюда, видимо, с кухни, когда он громил крыс на столе и подоконнике. Портреты со стен были сорваны. Не увидел он в привычном углу и икон, которые год назад он вызволил-таки из Накующихиной хаты. Одна из них выглядывала из-под края тряпицы в углу, другая валялась под столом. Уголок ее был то ли отбит немного, так что выглядывало белое, то ли обгрызен, он не успел разглядеть. Комендор сунул их за пазуху и, все так же размашисто орудуя лопатой, выбежал на улицу. Крыс в дом набилось тьма-тьмущая, они

попадали под ноги, и он с ужасом и дрожью чувствовал, как хрустели под подошвами его опорков головы и позвоночники этих тварей.

Коня тоже атаковали со всех сторон, и он, рубя копытами, разорвал копошащееся кольцо и выбежал со двора на огород. Уже светало, и Комендор увидел, как крысы ринулись со двора на огород и опять со всех сторон окружили Гусара. Конь кружил и кружил по облоге и, храпя и тряся гривой, бил передними копытами каждую, которая осмеливалась выбежать вперед. Однако с каждым мгновением крысиная блокада сжималась, стискивалась, и свободного пространства оставалось все меньше и меньше.

— А-а-а! — закричал Комендор и кинулся рубить лопатой. — Нате! Нате! Х-хак! Х-хак! — хрипел он. — Нате! Нате, ядреный кол! Нате! Кого взять решили? Х-хак! Морскую пехоту? Х-хак!

Комендор прорвался к коню, ухватил его за гриву и подтолкнул в бок:

— Пошли! Пош-шли-и, Гусар!

Конь понял хозяина и пошел иноходью краем облоги, при этом держась подальше от изгороди — на верхних жердях до самых ворот сидели крысы, они готовы были прыгнуть в любой момент; и некоторые прыгали, но не достигали своей цели и, кувыркаясь, падали на землю и отползали в сторону, чтобы не попасть под копыта коня. Комендор крепко держался за гриву, так ему было легче поспевать, так, знал он, не отстанет и не упадет, даже если споткнется.

Они выбежали за огород. Здесь крыс уже почти не было. Крысы отстали, запутавшись в высокой траве облоги и картофельной ботве. Пробежав немного краем оврага, они остановились. Комендор отбросил в сторону лопату, подвел коня к гребню обрыва и залез на его спину. Сверху он оглянулся и увидел, что дом его окружили со всех сторон люди. Их было много. Они кричали возбужденно и радостно и указывали в их сторону. Это были чужие.

— Ну, Гусарушко, с Богом, — сказал Комендор уже спокойно. — Давай, родной. Пошел.

Конь повиновался ему.

— Не догонит теперь нас Шурочкина орда. Теперь нас никто не догонит.

12

Конь перенес его через овраг и широким наметом краем поля подался в сторону Семеновских лугов.

Туман стоял над землею густой, неподвижный. Его можно было даже осязать.

Семеновские луга миновали быстро. Перед самой Подмарихой, когда Комендор уже увидел впереди смутные высокие стоги дубов, оставленные когда-то его отцом Василием Макаровичем на огнище, навстречу вышел человек. Может, и не вышел, а просто расступился туман и Комендор увидел человека. Одет он был странно, в длинную, до пят, балахонистую рубаху. Босоног. Бородат. Нищий, что ли, давно их на наших дорогах не было, мелькнула догадка в голове у Комендора, и тут же ее перебила другая: нет, это не нищий. Вон борода какая опрятная, расчесанная ладно. В руках человек держал суковатый посох с привязанным к нему узелком.

Комендор стал придерживать коня и всматриваться в лицо человека. Но никак не мог этого сделать. Он наклонился вниз. Но разглядеть лица так и не смог. И не смог даже понять, молодец ли перед ним или старик. Чем ближе Комендор подъезжал к нему, тем больше росла в нем догадка, что путник этот не просто путник, случайно встретившийся ему в такой час, что сюда, на его, Комендорову, дорогу, он *послан*.

Надо слово ему какое-нибудь сказать, подумал Комендор, спросить о чем-нибудь.

Странник тем временем отступил на обочину, давая дорогу коню и всаднику. И тогда Комендор нагнулся к нему и спросил:

— Какой нынче день, добрый человек?

— Флора и Лавра, — ответил странник.

И вспомнил Комендор, что в день этот, святых Флора и Лавра, отец коней не запрягал, не унижал ни уздою, ни хомутом. Не шли в поле и братья. И люди, и кони в этот день отдыхали, набирались сил, потому что впереди им предстояла тяжелая, долгая страда...

Конь сам собой остановился. Еще ниже наклонился Комендор к страннику, стараясь разглядеть все же его лицо, запомнить глаза.

— А скажи, где дорога моя?

— Вот твоя дорога. — И повернулся странник, и указал своим посохом в сторону Подмарихи.

— Эта? — поднял голову Комендор.

— А другой тебе и нет, — сказал странник.

И как только посох свой опустил, туман впереди разошелся, наподобие того, как льдины весной на реке расходятся, и увидел Комендор дорогу. Не ту дорогу, которой раньше хаживал и езживал. Хоть и лежала она в том направлении, что и старый подмарихинский проселок. Дорога шла прямо и вроде как немного в гору. И как сказал странник о том, что вот она и есть его, Комендорова, дорога, Гусар заплясал, заволновался, захрапел, выворачивая карий глаз. И — понес той дорогой. Ухватился Комендор за его гриву покрепче, оглянулся, а на том месте, где странник стоял с посохом и узелком, никого уже и не было.

Эх, и лица не разглядел, пожалел Комендор и убогой своей рукой бережно потрогал за пазухой доски икон. Конь не уставал. Дорога не кончалась. Пахло ольхами и пылью...

* * *

Проснувшись, он еще долго слышал эти запахи, хотя никак не мог понять, что с ним произошло во сне, а что наяву.

1990 г.
Таруса

Александр **ИГОШЕВ**

ТАКАЯ ЖИЗНЬ

* * *

Без раздумий орлы влет противника бьют...
Это только стервятники падаль клюют.
Выждут — крупная жертва падет на ходу,
и слетаются, чуя чужую беду.
И всевластьем сполна насладиться спешат:
на покойнике тризну без страха вершат.
Подскакнут то с одной, то с другой стороны.
Торжествуют: глядите, мол, как мы сильны.
Рвут на части, терзают врага своего:
мол, такой всемогущий, а нам — ничего.
Совершают на труп за налетом налет...
Это только орлы бьют противника влет.

ОБНОВЛЕНЬЕ

Увы, стирались, словно штампы,
слова, священные для нас,
когда твердили их
у рампы
и в сотый, и в сто первый раз;

когда, и так и сяк тасуя,
в Октябрь
и в майский день весной
талдычил их с трибуны всуе
иной оратор записной.

Их тратили без всякой меры
на обещанья-векселя.

И рос протест,
и гасла вера
в слова и речи из Кремля.

Не в том ли перемен основа
и перестроечная суть:
вдохнуть в них жизнь,
дать импульс новый,
первоначальный смысл вернуть!

* * *

Светлый месяц сияет в зените,
принимая посланцев Земли.
Жили-были на нем селениты,
да, наверно,
куда-то ушли.

Может быть, отзовутся сердечно —
стоит лишь посильней покричать.
Но молчит над радарами
Млечный,
и туманности грустно молчат.

Сколько мчаться и звуку, и свету,
чтоб услышать
надзвездную речь!..
Нам бы, милые, нашу планету
от самих от себя уберечь!

Москва

Николай РАЧКОВ

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Пора простить друг друга — даже мертвым,
Чтоб стать плечом друг к другу — всем живым.
Россия! По полям твоим простертым
Вражды былой еще витает дым.

Беда, когда восстанет брат на брата,
А сын в бою прицелится в отца...
За эту кровь и до сих пор расплата,
И страшно — что не видно ей конца.
Не унижай поверженных когда-то
И не вини далекою виной.
Пойми их боль и сердцем помни свято:
Все были дети Родины одной.
Россия! По полям твоим простертым
Вражды былой еще витает дым.
Пора простить друг друга — даже мертвым,
Чтоб стать плечом друг к другу —
всем живым.

* * *

Слезящийся, усталый взор он
Вперяет в скудный свой обед.
Он столько видел, этот ворон,
За двести ненасытных лет.
О годы юности, азарта!
Он был удачлив и не трус.
Представьте, орды Бонапарта
На цвет он помнит
И на вкус.
Катились войны черной лавой,
Гудело пламя на ветру.
А он жирел. И клюв кровавый
Острил и чистил о траву.
Он свысока о белом свете
Судил, точа чугун когтей.
Сидел на пушкинской карете,
Как лакированный лакей.
Каких времен столпотворенье,
Смешенье дат, имен, эпох!..
Слабеют крылья,
Гаснет зренье.
Где дуб стоял — там прелый мох.
Глаза — как две замерзших лужи,
В которых не видать ни зги.
Все уже над Землей, все уже
Его зловещие круги.

Тосно, Ленинградская обл.

Геннадий АРХИПОВ

КОЛОДЕЦ

Худые доски, битые бока,
бревенчатый приземистый уродец;
я увидал его издалека —
обычный, старый, рубленый колодец.

А в нем вода стояла тяжело,
недвижнее таежного гранита,
дышало тайной мшистое жерло
и вниз тянуло силою магнита.

Как будто там, в студеной глубине,
еще живет, рожденное громами,
омытое в заоблачном огне,
то, что царит и властвует над нами.

Оно — исток, начало всех начал.
И потому конца ему не будет.
Ты не смотри, что тот колодец мал, —
вода-то в нем вовеки не убудет.

г. Александров, Владимирская обл.

Николай РОДИЧЕВ

Новелла

Жил-был старый писатель. Он так загостевался на белом свете, что люди, привыкшие к его имени в печати, считали его классиком, а значит, давно умершим, и вспоминали разве тогда, когда брали в библиотеке изданную им книгу. Тем более, что ваятель изящного слова любил выполнять свою работу в уединении, предпочитал затворнический образ бытия для себя.

Смолоду творец прекрасного хотел видеть лица своих читателей, внимать волнению аудиторий, жаждал признания. Его то и дело звали на беседу библиотечные работники, учителя, студенты. Ветераны из общества любителей чтения и сейчас помнят его неспешно-раздумчивый, немного глуховатый голос, располагающий взгляд, согретый улыбкой.

В узком кругу поклонники повторяют запавшие в душу остроты, порожденные им погудки и даже анекдоты о его чудачествах, раздаренные походя фразы. Избалованные вниманием люди, как известно, не лезут в карман за словом.

Чудаком он слыл за привычку рассуждать вслух, когда оставался наедине с собою. Резко жестикулируя длинными руками, он спорил с тенями предков, с друзьями и врагами, а то и с героями давно вышедших произведений, еще не написанных книг, чем вызывал тревожное недоумение очевидцев такого странного поведения.

На глазах писателя сменилось не одно поколение. У молодых людей появлялись новые кумиры в искусст-

ве, складывались сообразно с возрастом свои увлечения и привязанности, порой необъяснимые для их предшественников. Имя писателя, к тому времени обретшее известность, то было на слуху, то вдруг становилось модным из-за новой книги, то едва различимым среди других старателей художественного слова. Выпадали годы, когда о нем напрочь забывали. С возрастом он все реже появлялся в печати. И люди стали думать, читая рассказ или главы из романа, что это — отыскавшиеся, как бывает, в архиве покойного автора страницы, недописанный экспромт, симпатичная безделушка, накропанная скорым на руку мастером на досуге для прочистки пера.

Изредка в его почтовом ящике обнаруживались письма. Если кто-либо из давних поклонников его музы все же вспоминал о нем, слали приглашение, писатель вежливо благодарил открыткой, но не являлся: недоставало сил подняться на сцену, быстро уставал, сидя в президиуме. Теперь уже не влекло в шумные места, довольствовался своим загородным домиком.

Человек этот сделал, что мог, что позволили ему талант, опыт и преданность профессии. Нынешняя его жизнь напоминала небольшую кучку пепла, под остывшим покровом которого еле мерцали одиночные искорки, обещая вот-вот погаснуть.

Жена давно отошла: она часто недомогала, вела себя тихо, скромно, как-то незаметно, будто оглушенная славой мужа, к которой она не считала себя причастной. Дети его сами остарели теперь и нуждались в заботах своих уже внуков. Самые юные из них не любили еще одного дедушку из их рода за слишком темное и морщинистое лицо, за огромные синие очки и холодные пальцы рук, за неумение поиграть с ними в современные игры. Дед к тому же отрешенно молчал целыми часами, уставившись в одну точку, и в это время никого не замечал рядом. Все, что затевал очкастый старик во имя дружбы с правнуками, выглядело и старомодно и скучно. Даже игры его казались пришедшими из непонятных времен, несли приметы бабушкиного сундука.

Но старый сочинитель оставался человеком, способным мыслить, сопоставлять былое с нынешним. К нему подступали сомнения: а кому он, собственно, нужен сейчас со своими этажерками, галошами, книгами? Не превратилась ли для него заоконная явь в сон, запутанный донельзя, не поддающийся разгадке?

Перебрав на досуге всех родичей и знакомых, не сумев отделить живых от мертвых из-за нарушенной связи с близкими, он так и не воссоздал в своем воображении надежного мостика, соединяющего его самого с остальным миром, как бы притихшим в ожидании его исхода. Все чаще навещала мысль о том, что он упустил момент умереть, и теперь обречен на вечное одиночество по причине своей ненужности на этом свете, будто смерть, занятая другими, попросту забыла о нем и он мог прожить еще одну жизнь.

И тут его затуманенный возрастом взгляд упал на одинокий лист бумаги, забытый им самим на письменном столе. Несколько дней тому назад он извлек тот листок из пачки, чтобы по давней привычке набросать на нем внезапно посетившую его воображение картину какого-то неясного покамест замысла. Что-то давнее, живое, словно растеньице через бетонный настил, постучалось в его слабоприимный мозг... Возможно, то была сложившаяся сама по себе образная фраза, начало или заключительный эпизод нового романа. Летописца отвлек лай собаки, которая была очень ветхой, качалась на слабых ногах и обрела привычку взлаивать во сне. Он берег дворнягу от облав живодеров, а в холода приводил в дом. Пока он ходил на крыльцо, мысль неизреченная пропала в его сознании, явившись лишь на мгновение, как мираж. Он силился вспомнить после, о чем разговаривал минуту назад с привиденьем, что хотел записать, и не смог. Лист на столе так и остался нетронутым.

Сейчас писатель обрадовался встрече с чистым листом, как с полузабытым другом, подарившим ему в былые времена немало радостных минут. Ему вдруг показалось, что лист этот незаметно для хозяина положил заботливой рукой не он сам, а кто-то другой, поощряя писателя к действу. Кто этот человек? Добрый гений, желающий ему удачи? Кто?

Слабая рука обрела уверенность, потянулась к перу. Он стал лепить слово к слову, войдя в порыв навстречу неведомому путнику, что, видимо, торопится к нему издалека, сквозь Время. За бегущими строками постепенно возникало, обретало зримые очертания голубоглазое улыбчивое лицо девушки в золотистом обрамлении волос. Он, полный сил и тогда еще не писатель, студент педагогического института, отбывавший в местной школе практику, разговорился в клубе после самодеятельного концер-

та с юной участницей перепляса, восхитившей его пластичным движением рук. Вроде бы ни с чего начался тот разговор, ни о чем особенном шла речь. Так просто, о житье-бытье в деревне. Больше о неудачах в начале пути... Но каким восторгом засияли ее глаза, когда он напомнил ей об индийских танцовщицах, каким доверчивым, словно на исповеди, оказалось сердце случайной собеседницы!.. Как бережно прикасался он к чужой ему покамест судьбе, исполненной надежд, радости, жажды познания всего таинственного в огромном мире!

Она верила в его городскую просвещенность, вбирала в себя речения новоявленного пророка из дальних мест. Так блукающий по ночной степи путник ловит глазами спасительный огонек невесть откуда взявшегося костра впереди или хватается за любую опору на шатком мостике через бушующую половодьем реку... Бог знает, что там еще мнилось ей в ломком баске юноши, заговорившего с нею искренне и участливо. Говорят, наступают такие мгновения, когда в сердце человека вызревает ожидание встречи. Прежде недоверчивое ко всему на свете, оно становится взрывчатым, будто порох. Оброни искру — и в один миг озарится вспышкой. И тогда уже ничем не загасить пламени всю жизнь!

А слова, в сущности, были самые обычные, проходные даже, произнесенные к тому же с немалыми сомнениями в себе и возникшим вдруг смущением перед ликом Красоты, которая и для него, слепого в том возрасте, явилась в тот вечер.

Он хотел быть в те минуты откровения с нею самым знающим, умелым и сильным. И все ради того, чтобы девичьи глаза, смотревшие на него с младенческой доверчивостью, изумлением даже, не дрогнули в испуге, не омрачились подозрением, не заслонились от него чистыми, как все в ней самой, пушистыми, как крылья бабочки, ресницами.

Девушка поверяла ему свои мечты, похожие на сказку. И он держал перед нею сложнейший экзамен на способность не замутить озерцо ее души неосторожным движением, случайным словом, ничего не значащим или равнодушным советом. Кажется, он прошел и это испытание.

Она пошла проводить его под утро за околицу, презрев деревенские пересуды, напрочь забыв о том, что на свете есть кто-то, кроме них двоих. Он поцеловал ей обе руки одним бережным поцелуем. Она долго стояла на

пригорке, будто нарочито выбеленном той ночью первым снегом, и махала вслед, пока он пробивал себе тропку через завьюженную ложбину, пока поднимался по скользкому взлобку на холм, заслонивший затем деревню. С вершины холма видел: девушка стоит еще на краю деревеньки с приподнятой рукой. Ах, как дороги для мужской памяти проводы женщин! Именно проводы!

Самым обидным было то, что он не спросил ее имени. Он все ждал, когда она назовет себя сама. Стеснялся собственного любопытства. Иногда среди житейской суеты возникало желание послать в деревню открытку к празднику, сказать большеглазой плясунье что-то ободряющее, участливое. Спросить ее: «Как жизнь?» Но кому именно адресовать? Красавице с голубыми глазами из деревни Подгородная Слобода? Смешна растерянность взрослого мужчины перед обычной хорошенькой девчонкой. А в юном возрасте все они — богини! Наша неразвитость, смятение и даже испуг перед Необычным не однажды в жизни подводили нас же самих.

Накапливался житейский опыт. Рано отошла мама. Близкий друг, из студентов, в двадцатилетнем возрасте умер от загадочной болезни лимфограматоза... Кажется, в память о нем написал несколько строк стихами, вроде реквиема. Потом пытался выразить себя в прозе. И вот письмо. От Нее!.. «Уважаемый Сергей Павлович! Как я рада! Все эти годы я ждала от Вас чего-либо необыкновенного. Всегда верила! О Вас сейчас так много говорят... Знайте же, и я Вас не подвела. Окончила сельхозакадемию. Проводим опыты. Не буду хвалиться заранее. Кажется, что-то получается...» И подпись: «Таня». А фамилия совсем неразборчива. Так, беглый росчерк на конверте и адрес: «Карачев». Почему Карачев, когда село в Суземье? И опять лишь название города и только имя!

Позже, много позже приходила телеграмма. Будто прорезался из тумана одинокий голос, блуждающий в волнах житейских: «Дорогой, поздравляю с лауреатским званием. Мы тоже не покоряемся неудачам! Татьяна». Уже — «мы»? Значит, есть семья? Или речь о работе на пару с ученым коллегой? Почему-то ему было не все равно, с кем сейчас Таня, хотя сам давно женат. Писатель несколько дней ходил озабоченный. Читал и перечитывал телеграмму. На бланке обозначено: «Семипалатинск». И еще послание. Оно было последним: «Спасибо за рассказ. Тронута. Читаю и будто слышу Ваш голос... Жур-

пал купила в вокзальном киоске, проездом на симпозиум. Всегда Ваша Таня!» На отметке — московский почтамт. Телеграмму берег в ящике стола долго. Помнил наизусть.

— Всегда моя Таня! — произнес сейчас писатель и прислушался к своему голосу.

Возможно, и впрямь — всегда... Чародей слова, он не доверял словам других, произнесенным вслух. Но однажды это ее слово спасло его. Он хорошо запомнил тот момент. Даже целые часы, подаренные ею и превратившиеся затем в долгие годы жизни.

Хирург, положивший его на операционный стол, волновался не меньше его самого. Операция предстояла наисложнейшая, а врач был его друг. Он почему-то медлил, упуская драгоценные минуты. Внезапно ощутил дрожь в руках, а это плохая примета. Отлучился в соседнюю комнату покурить. А пациенту сказал:

—Сейчас ты должен сосредоточить внимание на чем-то светлом. Это может быть любимый цветок, котенок, с которым играешься в часы досуга, предмет, вызывающий улыбку. А лучше — человек... Предположим, жена, сын, дочь, внучонок... Ты установишь с ними контакт, начнешь разговор и будешь держать перед внутренним взором его лицо... Ты должен хотеть жить ради него или нее... Понимаешь?

Требовательные слова друга застали его врасплох. Жена была просто женой: охающей, брюзжащей, вечно чем-то недовольной. Она в последние годы просила себе смерти. Сын, Вадим, красивый эстет, увлекался лишь археологией, ничем больше. Вдохновенный гробокопатель, он верил лишь себе и отысканным в земле черепам, предметам древности. Не любил распространяться о своих находках. Всегда спешил, для отца не находилось у него и десяти минут. Дочь Диана, названная так в честь греческой богини, поклонялась лишь модному тряпью, вышла замуж за оборотистого торгаша; кроме покупок автомашины, дачи, заграничных поездок, в голове у нее ничего не было. Она не прочитала до конца ни одной книги. Его дети никогда и никого не спасли. Но если бы и захотели это сделать, не смогли бы по той причине, что ничего не умели. Дочь просто визжала бы, увидев рядом беспомощного человека, или звонила бы по телефону другим... Сын по ученой рассеянности прошел бы мимо...

И тогда творец прекрасного вспомнил о Тане. Она тут же явилась к нему и улыбнулась большими голубыми

глазами. Она была такой же милой и восхитительной, как в тот вечер, когда он открыл ее для себя. Говорила ему что-то веселое, ободряющее, а может, пела, но он не различал слов и не слышал голоса, лишь улыбался в ответ, чувствуя, как разглаживаются морщины на старческом лице и ему становится необыкновенно легко. Так с улыбкой и вошел в сон. Приободрился и друг, склонившийся над ним. Операция прошла как на младенце.

— Не узнаю тебя сегодня, — похвалил хирург, когда пациент открыл глаза. — Заживет, как на собаке. Хотел бы я знать, кто так искусно ассистировал мне? Я не чувствовал скальпеля в руке...

— Таня, — прошептал старик бледными губами.

Когда хирург, навещавший его в больнице, услышал о том видении, сначала озаботился, а затем буркнул, словно ревнуя:

— Старый романтик. Ну полежи, полежи... Женская жалость... имеет свои особенности. Сильного женщина не пожалеет. Сильный должен сам прийти.

Последние слова не понравились писателю. Он ощутил в них упрек себе. Он не пришел к ней, когда был сильным. А она ждала, раз являлась в воспоминания.

Он склонился над листом бумаги, выводил по слову, не торопясь, не опасаясь, как случалось раньше, что перо вдруг выпадет из рук: «Почему ты навсегда осталась для меня загадкой? Женское кокетство или боязнь спугнуть миг духовной близости?.. Догадываешься ли ты, моя Таня, что всю жизнь я пишу только для тебя, ради мечтательной души твоей? О, какой бы наполненной была моя жизнь, если бы я знал, что Слово мое помогло тебе превозмочь тяжесть житейскую... А еще я хотел бы услышать твой голос и спросить: счастлива ли ты?..»

Лист уже кончался, и писатель изумился: выходит, достало сил на целый лист, чего давно не удавалось. Он забыл в эти минуты о шумных читательских аудиториях, собиравшихся на обсуждение его книг, о заполненных именами читателей формулярах в библиотеках Крыма, Северной группы войск, Сахалина... Он хорошо понимал, что сделать счастливым все человечество не дано было и Льву Толстому, гению. Он считал бы не напрасно потраченными годы исканий, если бы в ликующем порыве благодарности ему за его Слово отозвалась бы в этом мире хоть одна трепетная душа. И душа эта была бы именно Танина!

Наступает время, когда человек, достигнув многого, быть может, всего, к чему стремился, внезапно обнаруживает постыдную зряшность своих честолюбивых чаяний и жаждет услышать в ответ на всю тщету ненужных накоплений, принять, будто самую значительную награду, лишь одно искреннее слово: был он сам-то или не был на земле? Кем замечен? Не исключено, такими же честолюбцами, как он, равнодушно похлопывавшими его по плечу? А лучшие из живых, кого он сам не замечал в суете вожделений, прошли мимо, даже не взглянув в его сторону...

Сомнения вновь посетили писателя. Рука его дрогнула, устало прекратила бег пера по бумаге. Найдет ли заполненный сейчас листок того единственного адресата в житейских волнах, кому он доверился ныне, как в далекие годы доверялись ему? Не окажется ли и это послание безадресным, напрасным, какими видятся теперь тысячи уже отосланных в мир печатных страниц?..

М. И. ПЫЛЯЕВ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЧУДАКИ И ОРИГИНАЛЫ*

Михаил Иванович Пыляев, автор книг «Замечательные чудаки и оригиналы», «Старый Петербург», «Забытое прошлое окрестностей Петербурга», «Старая Москва», «Старое житье», «Драгоценные камни», родился 1 января 1842 года в небольшом городке Гдове (сейчас районный центр Псковской области) и всю жизнь был приписан к местному купеческому сословию. Его отец также числился купцом города Гдова, но лавку содержал в Петербурге в Гостином дворе, что и определило всю дальнейшую судьбу Пыляева-младшего.

Именно здесь после курса лекций в Харьковском университете и других учебных заведениях (в том числе и за границей — М. Пыляев хорошо знал немецкий язык) он начал приобретать свои первоначальные знакомства, приведшие его в дальнейшем в столичные артистические и литературные круги.

Он знакомится с В. С. и Н. С. Курочкиными, И. Ф. Горбуновым, И. Е. Чернышевым, Г. Н. Жулевым. И начинает сотрудничать с «Искрой», «Петербургской газетой», «Иллюстрацией», «Сыном Отечества», в «Петербургском листке», «Семейном круге», «Родине», «Труде». Поначалу в качестве автора статей по истории театра и отчетов о художественных выставках.

Со временем все большее место в его литературном труде начинают занимать описания исторического прошлого и то, что мы сейчас могли бы назвать историческим краеведением. Круг изданий, публикующих его, расширяется: это и «Всемирная иллюстрация», и «Суфлер», и «Правительственный вестник», и «Север», и «Московский листок».

В некоторых из них — прежде всего начинающих — он работает без гонораров, из одной страстной увлеченности любимым делом. Выходят его книги (первая — «Драгоценные камни» — издана в 1877 году).

Он становится признанным минералогом, библиофилом, специалистом по старинным струнным инструментам, по автографам, народной медицине и, конечно, — по русской старине. Профессионалы не гнушаются обращаться к нему за справками и консультациями.

---

* С.-Петербург, издание А. С. Суворина, 1898.

Как писал его ближайший друг А. А. Плещеев, сосед «по лестнице» в доме на Фонтанке: «Не проходило недели, чтобы Пыляев не получал писем с различными просьбами, — столетие какого-нибудь здания, учреждения, полка, — у Михаила Ивановича постоянно наводили справки, и никто, кроме него, не мог дать в таких случаях ценных указаний и ссылок на редчайшие документы. Он снабжал часто обращающихся к нему и рисунками, и гравюрами, которые любил собирать. Мало того, он помнил, у кого какие имеются в Петербурге коллекции, где можно достать необходимые рисунки... Роясь у всевозможных букинистов, Пыляев не забывал, где что видел, и направлял туда приходивших за всевозможными указаниями...»

Пыляев в своих исторических поисках проявлял подлинное и высокое бескорыстие — за свой труд он не жаждал признательности и благодарности, даже избегал их. Он просто занимался тем, что считал делом своей жизни, и делал это дело с максимальной отдачей и с максимальной добросовестностью. Тот же А. А. Плещеев вспоминает на страницах мемуаров, опубликованных, к сожалению, как некролог: «В своих работах М. И. Пыляев был всегда точен, и ошибался тот, кто предполагал, что он утрировал, описывая какого-нибудь чудака или оригинала. Пыляев заимствовал данные из хороших источников и не любил иллюстрировать фактов собственной фантазией. Ошибки в таких работах, впрочем, неизбежны и случаются не по вине автора.

— Пренеприятное письмо я сегодня получил! — сообщил мне как-то Михаил Иванович.

— От кого?

— Описал одного оригинала, думал, что он умер, а он жив! Пишет, что ему девяносто два года и что пить он, действительно, пил, но пьяницей никогда не был. О нем несколько раз упоминается в различных мемуарах, но он не читал, а мой фельетон попался ему в руки. Придется сослаться на источники».

...Так он и жил, по-юношески непосредственный и увлеченный, мудрый и наивный, поглощенный высокими страстями достижения знания и передачи его людям. Он горел делом и безвременно сгорел: еще первого февраля 1899 года его видели работающим, как всегда, в читальном зале публичной библиотеки, а уже 3 февраля его не стало.

Ныне предпринимается публикация извлечений из интересной, но малоизвестной книги М. И. Пыляева «Замечательные чудаки и оригиналы». Воспринимавшаяся в свое время как собрание забавных анекдотов об известных всем лицах, ныне эта книга представляет и познавательный интерес. И не только как источник живых черточек людей, но и как свидетельство особенностей весьма достославной эпохи.

В публикации будут представлены те отрывки из книги, в которых рассказывается о наиболее колоритных исторических фигурах, встречающихся в «Замечательных чудаках». Орфография и стиль остаются авторскими.

Публикация и комментарии Ю. ЛУБЧЕНКОВА

ЧУДАЧЕСТВА Н-НА*; ЕГО ДОРОГАЯ ИГРУШКА. — ГОЛЛАНДСКИЙ ДОМИК БРАНДТА. — СТРАННОСТИ АРАКЧЕЕВА.

В обыкновенной жизни чудак есть человек, отличающийся не характером, не нравом, не понятиями, а странностью своих личных привычек, образа жизни, прихотями, наружным видом и проч. Он одевается, он ест и пьет, он ходит не так, как другие; он не характер, а исключение. Замечательно, что в простом сословии, близком к природе, редко встречаются чудаки; там все растут, воспитываются, чувствуют, мыслят и действуют, как внушила им природа или пример других; но с образованием начинаются причуды, и чем оно выше у народа, тем чаще и разнообразнее являются чудаки.

В старину, даже не более пятидесяти лет тому назад, было гораздо более людей странных, с резкими особенностями, оригиналов и чудаков всякого рода, чем теперь. Такое явление понятно: причудливость есть следствие произвольности в жизни, и чем более произвольность господствует в нестройном еще обществе, тем более она порождает личных аномалий.

В двадцатых годах текущего столетия весь интеллигентный мир в Петербурге и Москве был в дружественных сношениях с симпатичным гвардейским офицером-измайловцем П. В. Н.-м.*. Своеобразный ум последнего, его талантливая широкая натура и превосходное сердце высоко ценились всеми тогдашними нашими писателями; как Пушкин, так и Гоголь были его друзьями. Н-н воспитывался вместе с Пушкиным в Царскосельском лицее. Несмотря на то, что Н-н прожил на своем веку не одну тысячу душ и спустил на разные затеи целый ряд наследств, Пушкин высоко ценил его житейскую опытность и любил следовать его советам. По его рассказам, он написал «Дубровского», которого сам видел Н-н в остроге одного белорусского города; герой повести, небогатый дворянин, был доведен до нищеты богатым своим соседом; по просьбе Пушкина Н-н написал несколько очерков своего детства и рассказов о своих предках. Н-н не раз выручал в трудные минуты поэта. Существует предание, как после смерти Пушкина Н-н с Вяземским и еще с кем-то разделили последние деньги, нашедшиеся у него в бумажнике, с клятвою их хранить навсегда, в знак памяти. Это были три двадцатипятирублевки, на которых они написали год, день, число и час его смерти. Интересно, уцелели ли эти бумажки. Н-ну Гоголь посвятил несколько лучших глав во второй части своих «Мертвых душ». Известный петербургский откупщик, миллионер Бенардаки, близкий к Гоголю, предлагал Н-ну, когда его дела приняли тугой оборот, принять у него место воспитателя его детей.

Н-н был человек очень добрый; он прожил на своем веку несколько состояний; судьба почти до последней минуты баловала его. Случалось, что у него в доме не было копейки и он топил камин мебелью — и вдруг новое богатое наследство валилось ему

* Нащекин П. В. (1801—1854) — один из ближайших друзей А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя.

с неба. Н-н, избалованный богатой матерью, почти с юношеских лет предался свободной и совершенно независимой жизни; живя на всем готовом в доме родительницы, он нанимал бельэтаж одного большого барского дома на Фонтанке, для своих друзей. Сюда он приезжал ночевать с ночных игр и кутежей, и сюда же каждый из знакомых его мог явиться на ночлег, не только один или сам-друг, но мог приводить и приятелей, вовсе незнакомых хозяину, и одиноких и попарно. Многочисленная прислуга, под управлением карлика «Карлы-головастика», обязана была для всех раскладывать на полу матрацы со всеми принадлежностями приличной постели, парным — в маленьких кабинетах, а холостякам — в больших комнатах, вповалку на полу. Сам хозяин, явясь ночью, спрашивал только, много ли ночлежников. Утром все обязаны были явиться к кофе и чаю. Случалось, что в торжественные дни рождения его гвардейская молодежь с красотками, после великолепного завтрака или обеда, сажала в четырехместную карету, запряженную четверкой лошадей, его карлика-дворецкого с кучей разряженных девиц, а сами, сняв мундиры, в одних рейтузах и рубашках, засев на место кучера и форейтора и став на запятках, вместо лакеев, — летели во всю конскую прыть по Невскому проспекту, по Морской и по всем лучшим улицам! Конечно, все это могло совершаться в начале 20-х годов, а в 30-х об этом времени вспоминали только с сожалением.

Так в период буйной и безумной молодости Н-на деньги были ему нипочем: он удивлял многих обстановкою своей холостой квартиры и своими рысаками и экипажами, выписанными прямо из Вены, и своими вечерами, на которых собирались все как русские, так и французские актеры. Умный и образованный человек со вкусом, он бросал деньги, покровительствуя художникам и артистам; он любил жить и давать другим жить. Залы у него были полны произведениями начинающих художников; он их раздаривал знакомым, как теперь дарят фотографические карточки; все его кучера, собаки, лошади были тоже перерисованы молодыми художниками. Он покупал все, что попадалось ему на глаза: фарфор, бронзу, бриллианты и бирюзу, которую считал за амулет. В особенности дорого ему обходились бенефисные подарки актрисам. Причудам его не было конца, так что однажды за маленький восковой огарок, пред которым Асенкова учила свою лучшую роль, он заплатил ее горничной шальную цену и обделал в золотой футляр, который вскоре и подарил кому-то из знакомых. Н-н одно время был страстно влюблен в эту актрису и, чтобы вылечиться от безумной страсти, придумал следующую хитрую штуку. Он нарядился в женский наряд и прожил у артистки в качестве горничной более месяца. Это обстоятельство и послужило Пушкину сюжетом к его «Домику в Коломне». Щедрость Н-на к артисткам доходила до того, что известному Вьетану он подарил скрипку, с которою знаменитый артист объехал всю Европу. Подобные дорогие причуды, да вдобавок карточная игра, в которой он являлся, впрочем, не игроком, алчущим выигрыша, а страстным любителем сильных ощущений, в 30-х годах сильно поразстроили его состояние, тем более, что он обзавелся цыганкой, известной в то время в Москве красавицей Ольгой Андреевной, дочерью «Стеши», прозванной Каталани. В то время любовь к цыганке была самая разорительная, песни черноооких кра-

савиц разнеживали и одуревали всех кутящих богачей. На вечерах гитара такой цыганки наполнялась по нескольку раз золотом и ассигнациями, и много раз была опоражниваема и потом снова наполнялась. Эти приношения носили название «угольковых» и многим опустошали карманы. Н-н для цыганки держал экипажи с парой вяток и шведок; за нее он дал крупный выкуп хору; у нее собиралось самое разнообразное общество: цыгане, франты, актеры, литераторы, купцы, сюда заезжал и Пушкин слушать цыганские песни. Постоянным гостем ее был и известный князь Гагарин, тоже чудак большой руки, прозванный за свою худобу «Адамовой головой»; он был бретер и храбрец, выигравший в 1812 году у офицеров пари, что доставит Наполеону два фунта чая. И доставил, и только по благосклонности императора благополучно возвратился в русский лагерь. У Н-на от цыганки был сын, дворняшка, ненавидевший комнаты. Находя в мальчике сходство с квартальным надзирателем их квартала, он велел портному сшить на мальчика полный мундир квартального того времени, заказав и треугольную шляпу, и оправдывался в этой проделке, говоря: «Ведь наряжают же детей гусарами, черкесами, казаками, почему же мне не нарядить его квартальным, когда я так уважаю полицию».

Однажды у цыганки Н-н проиграл все, что у него было — часы, столовое серебро, наконец, карету с лошадьми и даже Оленькины сани с парой вяток. Выигравший, захватив серебро, вещи, и в выигрышной карете еще темным утром поехал домой, приказав сани с вятками отправить за ними. Н-н добродушно посмеивался над подобной аккуратностью игрока. Цыганка, узнав утром об исчезновении вяток, нисколько не огорчилась: она привыкла или знала, что все скоро возвратится к ней, и, действительно, скоро зажила прежнею роскошною жизнью. Любовь к цыганке Н-н послужила Куликову сюжетом для его водевиля «Цыганка». Н-н сам рассказывал, что, сидя в театре, он видел на сцене себя и свою сожительницу. От этой цыганки он освободился тем, что оставив ей весь свой дом в Москве, вместе с хорошей суммой денег в шкатулке, сам тайком уехал в подмосковную, к приятелю, где перевенчался на своей однофамилице и поселился на некоторое время в Туле.

Н-н, как мы заметили, любил хорошо покушать и также кормить своих гостей почти насильно. Обеды заказывать и говорить про кушанья он был большой охотник. За столом у себя он потчивал гостей до упаду, ежеминутно вскакивал и кричал на прислугу: видишь, мало взяли, попроси, покланяйся, и если это было неуспешно, то сам упрашивал не хуже известного крыловского Демьяна. Не возьмет гость — он считал большой обидой. Редкий из его гостей выходил у него из-за стола не упитавшись так, что еле несли ноги. На обеды он приглашал за несколько дней, а в день обеда присылал дворецкого напоминать, чтобы не забыли. У него нередко подавали на стол паштет, при вскрытии которого выходил карлик, держа в одной руке паштет уже съедобный, а в другой руке — букет с цветами.

Существует предание, что Петр Петрович Петух списан Гоголем с Н-на.

По смерти Пушкина, Н-н переехал жить в Москву, тут уже пошла не радужная сторона его жизни, но он не унывал и вел

почти ту же самую петербургскую жизнь. Он ездил почти ежедневно в английский клуб, выписал себе из Парижа дорогой кий, хранившийся всегда под сбережением маркера, и продолжал мотать, ссужая встречного и поперечного. Иногда, в критические минуты, ему вдруг падали наследства от какого-нибудь дальнего родственника, то уплачивал ему кто-нибудь старый карточный должок и т. д. Но все эти неожиданности скоро исчезали. Своей роскошной жизни он не покидал и понемногу стал распродавать свои богатые коллекции: монеты, картины, фарфор, бронзу и т. д. Между замечательными редкостями, находившимися в его квартире, был один двухэтажный стеклянный домик аршина два длины, каждая отдельная часть и украшения которого были им заказаны за границей в Вене, Париже, Лондоне. На этот домик, стоивший ему до сорока тысяч рублей, съезжалось любоваться все лучшее тогда петербургское общество. Домик этот был потом заложен и перезаложен в Москве за двенадцать или тринадцать тысяч и теперь неизвестно у кого находится как редкая, трудно сбываемая игрушка. Домик был продолговатый, правильный четырехугольник, обрамленный богемскими зеркальными стеклами, и образовывал два отделения, верхнее и нижнее. В верхнем помещалась сплошная танцевальная зала со столом посередине, сервированным на шестьдесят кувертов. По четырем углам залы поставлены были четыре стола и бронзовые канделябры на малахитовых подстоях, на потолке, вылепленном в мавританском стиле, висели три серебряные люстры, каждая по пятидесяти свечей, в одном углу стоял рояль, в другом арфа, первый был работы Витра, второй — Эрара, на первом жена владельца играла небольшие пьесы, употребляя для ударов по клавишам вязальные спицы. В зале помещались ломберные столы с картами, были даже щеточки и мелки для карточной игры. Вся зала была украшена тропическими растениями, так искусно сделанными в Париже, что, казалось, эти растения были живыми. Нижний этаж представлял жилые покои и был наполнен всем, что только требовалось для какого-нибудь царственного жилища. Заказывая эту игрушку и долго обдумывая ее, он не позабыл ни малейшей безделицы богатого домашнего быта.

В этих жилых покоях, стены которых были то мраморные, то покрытые разноцветными шторами, были и микроскопические картины, писанные масляными красками, и пианино и ноты, и полная миниатюрная библиотека и целый арсенал оружия, ящик с пистолетами Лепажа, сигары, биллиард и т. д. И все эти лилипутные вещи, серебряные столовые тарелки и блюда, сделанные отдельно, замечательными художниками, должны им были стоить большого труда и терпения, начиная от рояля, фортепиано, до библиотеки; для печатания только одних заглавий книг необходимо было придумывать мелкий шрифт, который можно видеть только на наших ассигнациях. Паркет в обеих этажах был мозаичный. Сводчатый подвал под домиком вмещал погреб, в котором в открытых ящиках хранились всевозможные дорогие вина, укупоренные за границей.

Не забыта ни одна мелочь, даже восковая свечка, приготовленная для зажигания канделябр. В одной из комнат сидят пестро одетые дамы, а в дверях — фигура военного, времен Очаковских. Хозяйка приветствует его рукой; в другой комнате хозяин и гость кушают кофе; в биллиардной идет игра, все фигуры одеты

в надлежащие того времени костюмы. Жизнь старого русского дома искусно схвачена в целом ряде моментов.

Разорившись, Н-н заложил курьезную модель своего московского дома нотариусу Пирогову, последний рассчитывал с хорошим барышем продать ее чуть ли не в казну, как большую редкость, покупка не состоялась, и модель долго не продавалась у известного в Москве в пятидесятых годах антиквара Волкова. Эта старинная барская редкость несколько лет тому назад была выставлена на ремесленной выставке и затем продавалась с аукциона.

Говоря о причудных игрушках доброго старого времени, мы не можем не упомянуть о другом таком же миниатюрном домике, который назначался для поднесения императору Петру Великому.

В Утрехте, в начале XVIII столетия жил богатый негоциант Брандт, посвятивший себя искусству, для которого нет настоящего имени, но которое можно назвать миниатюрной механикой. Он достиг в этом такого совершенства, что все его работы ценились очень высоко. Когда Петр Великий приехал в Амстердам, Брандт находился в этом городе. Государь, увидев работы его, удивился терпению и искусству, с каким они сделаны. «Дорого бы я дал, чтобы иметь у себя какую-нибудь особенную отличную работу Брандта», — сказал однажды государь. Брандт, узнав об этом, решился сделать для государя миниатюрный голландский домик со всеми удобствами, мебелью, домашними принадлежностями. Он только работал не отрываясь двадцать пять лет. И что это была за прелесть? Что за чудо! Это настоящий дом со всеми мелочами, со всем голландским комфортом, до малейшей безделицы. Здесь были обои, сделанные на утрехтских фабриках. Белье, вытканное лучшими утрехтскими мастерами; серебряная посуда была отлита в нарочно приготовленных самим Брандтом формах, которые он потом уничтожил. Фарфор был выписан из Японии. Этого мало: даже книга была напечатана в Майнце такая, что ее можно было спрятать в ореховую скорлупу. Потом хрустальная люстра, отделанная с удивительным искусством; клетка, в которой и муха едва могла бы поместиться; столовая комната с мраморным полом; чайный стол со всеми приборами, картинная галерея; кабинет редкостей; спальная с кроватью, убранная самыми роскошными тканями, и проч. Окончив все это, Брандт послал в Петербург письмо, в котором уведомлял, что работа эта окончена, и просил позволения представить ее государю. Петру Великому в то время было не до игрушек — он находился в походе. Резидент, получивший в Петербурге известие о том, велел, прежде доклада царю, осведомиться, сколько Брандт хочет взять за свою работу. Такой вопрос огорчил художника, двадцать пять лет жизни посвятившего на эту работу и по богатству своему не имевшего нужды в деньгах; он не захотел после этого посылать в Петербург свое произведение, которое таким образом осталось в Голландии и, как любопытная вещь, показывается путешественникам в Гааге.

Возвращаясь опять к характеристике Н-на, мы находим, что иногда на вечера к нему собиралось немало оригиналов и чудаков того времени, он ловко умел их вызывать на разговоры и воспоминания. Так, у него бывала одна старушка княгиня, которая в молодости была страстно влюблена в Потемкина и выпро-

сила у него на память голубую ленту, с которой всю жизнь не расставалась ни днем ни ночью. При том, эта барыня отличалась необыкновенною скаредностью и не шила себе платьев чуть ли не с кончины великолепного князя Тавриды; вместо чепца носила она на голове шлык из платка — платье было заплатанное, грязное, и при всем своем неряшестве носила через плечо на груди потемкинскую ленту. Он особенно покровительствовал также всем вралям и собирал их для потехи целыми десятками на свои вечера. В последние годы своей жизни Н-н предался модной тогда страсти к вызыванию духов и столоверчению. Он беседовал с духами посредством столиков и тарелок с укрепленными в них карандашами. Он вызывал большею участью умерших своих друзей — Пушкина, Брюллова. Исписав горы бумаги, он вскоре сжег все написанное и отслужил в доме молебен. После этого он познакомился с одним евреем-доктором, известным тогда в Москве и проживавшим в глуши — в Сокольниках. Этот эскулап привлекал к себе богатых москвичей тем, что, будто бы, нашел средство делать золото и при лунном свете, с помощью розы, сгущать его на левой ладони в настоящие рубины. Н-н оказался одним из первых его адептов, он полюбил алхимию. Доктор стал тянуть у него деньги и обирать последние его крохи. При алхимических опытах он говорил ему:

— Нам недостает только одного растения, которого не найдешь в России.

— А какое же это растение? — спрашивал Н-н.

— Баранец.

— Что это за баранец?

— Трава, которая пищит по зарям, как ребенок, когда вытаскиваешь его корни.

— А где можно ее достать?

— В Азии, на горах.

— Что-ж? — произносил решительно Н-н, — мы можем туда съездить. В скором времени я получу с князя десять тысяч рублей.

— Будем надеяться!

Н-н, получив эти деньги, повез их доктору, но последний за разные мошенничества был выслан на жительство в Сибирь. Н-н приуныл. Скоро полученные деньги были истрачены, кредита также нигде не было. Жил тогда в Москве полковник К., человек более чем богатый, добрый, известный франт и волокита до поездки за границу, но сделавшийся отъявленным филантропом по возвращении в Москву; про него ходили слухи, что будто он, как и Ч-ев, принял католичество. К., по первому требованию, вручал по пяти рублей бедным офицерам и по десяти — штаб-офицерам. Н-н стал обращаться к нему в критические минуты.

— Подай вспомоществование бедному штаб-офицеру, Александр Степеныч, — говорил он серьезным тоном.

Н-н получал постоянно от К. этот пенсион, когда приходила ему крайняя нужда. К. тоже был большой оригинал. Перед смертью Н-н опять получил довольно порядочное наследство, принимал к себе калик перехожих, странников, странниц и разных бродяг, которые всегда что-нибудь у него воровали.

Известный граф Аракчеев, о котором в свое время иначе не говорили, как шепотом и пред домом которого, на Литейном, проезжая мимо, всякий сдерживал дыхание и затаивал мысль, — от-

личался большими странностями. Аракчеев очень боялся отравы и за обедом каждое блюдо, прежде чем его начать, давал немного своей собачке «Жучке» * и после того уже ел сам; даже после стола, когда подавали кофе, то он сперва отливал немного собаке на блюдечко и после того уже пил из своей чашки.

Аракчеев безмерно любил быструю езду — в свое Грузино из Петербурга он ездил в восемь часов. Грузино от Петербурга стояло на $121^1/_2$ верст; выезжал он постоянно из столицы в 6 часов утра, и в 2 часа пополудни был уже у себя в Грузине, — ему выставляли поставу на каждой полустанции. Таких верст между Петербургом и Грузино он сделал во всю свою жизнь около 90 тысяч. Был еще и другой любитель скорой езды — это военный генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков; за такую страсть последний поплатился жизнью, нажив смертельную болезнь в почках. Корсаков, несмотря на частые приезды в столицу из дальней Сибири, во всю свою службу не проехал и четверти того расстояния, что сделал на лошадях Аракчеев.

В числе странностей Аракчеева была какая-то во всем азартная поспешность, а затем ранжир. Он не только людей, но и природу подчинял своему деспотизму. Когда Грузинское имение поступило к нему, то равнять и стричь было главною его заботою: ни одно дерево в саду, по дороге и деревням не смело расти выше и гуще назначенного ему Аракчеевым; сад и все деревья в имении по мерке стриглись. Деревни все он вытянул в прямую линию, и если случалось по необходимости сделать поворот, то он шел или под прямым углом или правильным полукругом.

Все старое было истреблено с корнем — следов не осталось прежних сел и деревень; даже церкви, если они приходились не по плану, были снесены, а кладбища все заравнялись так, что не осталось и следов дорогих для родных могил. Немало было пролито и слез, когда солдаты равняли кладбища; многих старух замертво стаскивали с могил, так они упорно отстаивали эту святыню, по русскому поверью. Берега реки Волхова, на которых было расположено имение, были покрыты лесом: Аракчеев приказал вычистить берега; лес рубился на свал и сжигался на месте. Все распоряжения были невозможно бестолковы. Так, канавы копались зимою, во время морозов, дороги насыпались в глухую осень под проливными дождями. Деревни строились разом и с такою поспешностью, точно будто к смотру!

Помещичья жизнь Аракчеева отличалась неслыханной дисциплиной. У Аракчеева был написан свой талмуд для крестьян, в котором излагались мельчайшие правила на все случаи жизни крестьянина, даже, например, как и кому ходить в церковь, в какие колокола звонить, как ходить с крестным ходом и при других церковных церемониях. Несколько тысяч крестьян были превращены в военных поселян: старики названы инвалидами, взрослые — рядовыми, дети кантонистами. Вся жизнь их была поставлена на военную ногу — они должны были ходить, сидеть, лежать по установленной форме. Например, на одном окошке № 4 полагалась занавесь, задергиваемая на то время, когда де-

---

* Впоследствии у графа была другая собака — «Данка». Памятники этим собачкам: «верному Жучку» и «милой Данке», с чугунными изображениями и мраморными плитами, находятся в его саду в Грузине. Под конец жизни Аракчеева любимым его четвероногим другом был «Азор».

ти женского пола будут одеваться. Обо всех мелочах в жизни каждого крестьянина Аракчеев знал подробно; в каждой деревне был шпион, да еще не один, который являлся лично к самому Аракчееву каждое утро и подробно рапортовал о случившемся.

Чуть ли не первое шоссе в России от Чудова до Грузина было построено руками его крестьян. Строено оно было на остатки сумм, отпущенных на военное поселение. Обошлось оно в миллион рублей ассигнациями. Подряд взял голова грузинской вотчины или, вернее, сам Аракчеев, потому что барыши он брал себе, а задельная плата поступала в банк за бедных должников: богатые крестьяне ничего не получали за свою работу. Зачем? Они и без того были богаты. Чистого барыша от этой постройки Аракчеев взял 600 тысяч рублей, остальные 400 поступили в банк за долги. Аракчеев любил ссылаться на свою бедность и бескорыстие. Так, при вступлении на престол императора Николая I Аракчеев недомогал; в это время при дворе с особенным участием стали заботиться о разностороннем его здоровье и настойчиво советовали ему ехать за границу для лечения. Аракчеев говорил, что у него нет на это денег, тогда в уважение его стесненных обстоятельств ему было выдано высочайшее пособие в размере 50 тыс. рублей. Сконфуженный такой неожиданностью, Аракчеев пожертвовал эти деньги в Екатерининский институт, а чтобы вывернуться из затруднительного и неловкого положения, предложил через министра двора купить у него за 50 тыс. фарфоровый сервиз, подаренный ему императором Наполеоном I, мотивируя свое предложение тем, что сервиз с императорским гербом неприлично иметь в частных руках. Предложение Аракчеева было принято, и сервиз куплен, и ему пришлось отправиться за границу. За границей Аракчеева принимали более чем равнодушно; здесь он, желая напомнить о своем прежнем величии, напечатал в Берлине по-французски письма к нему императора Александра I. Этот поступок усилил справедливое к нему негодование императора и окончательно подорвал его поприще. Когда Аракчеев выезжал во Францию, таможня отобрала у него серебряные вещи, предлагая возвратить ему при обратном выезде его из Франции или изломать их и отдать ему. Он выбрал последнее, но когда таможенный служитель стал разбивать серебряный чайник, он пришел в бешенство, бросился на него и схватил за горло. Сопровождавшие Аракчеева с трудом освободили его. По возвращении своем из-за границы Аракчеев, лишенный уже всех своих должностей, проводил время уединенно, развлекаясь только в обществе молодых экономок. Так влачил дни до своей кончины этот замечательный человек, только не по уму и способностям, как говорит Михайловский-Данилевский в своих записках, цитируя слова императора Александра I, а по усердию и трудолюбию, по холодности и жестокости, по отсутствию мысли в действиях, по привязанности к одной форме и внешности.

...В числе лиц, отличавшихся чрезвычайною рассеянностью, известен отец графа А. Хр. Бенкендорфа, один из самых близких людей при дворе Павла Петровича и Марии Федоровны. Однажды он был у кого-то на балу. Бал окончился довольно поздно, гости разъехались. Остались друг перед другом только хозяин и Бенкендорф. Разговор не вязался, оба хотели отдохнуть и спать. Хозяин, видя, что гость его не уезжает, предлагает, не пойти ли

им в кабинет, Бенкендорф, поморщившись, отвечает: «пожалуй, пойдем». В кабинете было им не легче. Бенкендорф, по своему положению в обществе, пользовался большим уважением. Хозяину нельзя было сказать ему напрямик, что пора ехать домой.

Прошло еще несколько времени, наконец, хозяин решился ему заметить.

— Может быть, экипаж ваш еще не приехал, не прикажете ли, я велю заложить вам свою карету?

— Как вашу карету? Да я хотел предложить вам свою.

Дело объяснилось, оказалось, что Бенкендорф воображал, что он у себя дома, и сердился на хозяина, который у него так долго засиделся.

Бенкендорф был до того рассеян, что раз, проезжая какой-то город, зашел на почту узнать, нет ли там писем на его имя. — А как ваша фамилия? спрашивает его почтмейстер. — «Моя фамилия», повторяет он несколько раз и никак ее не может вспомнить, с тем и уходит из почтамта. На улице встречается он с знакомым, у которого он и спрашивает, как его фамилия, и, узнав, тотчас же бежит на почту.

В последние годы своей жизни, проживая в гор. Риге, ежегодно в день тезоименитства и день рождения императрицы Марии Федоровны он писал ей поздравительные письма. Но он был чрезвычайно ленив на письма и, несмотря на верноподданнические чувства, очень тяготился этой обязанностью, и когда подходили сроки, мысль написать письмо беспокоила и смущала его. Он часто говаривал: «Нет, лучше сам отправлюсь в Петербург с поздравлением. Это будет легче и скорее».

Известный одесский военный генерал-губернатор граф Ланжерон также был чрезвычайно рассеян и часто от рассеянности мыслил вслух в присутствии других, что нередко делало его очень смешным и подавало повод к разным анекдотам и комическим сценам.

Раз у него был обед, на котором было несколько иностранных негоциантов. За обедом он выхвалял удовольствия одесской жизни и, указывая на негоциантов, сказал, что с такими образованными людьми можно приятно провести время. На беду его, в то время был он особенно озадачен просьбою о прибавке ему столовых денег. — «А не дадут мне прибавки, я этим господам», — стал он мыслить вслух — «И этого не дам!» При этих словах схватил с тарелки своей косточку, оставшуюся от котлетки.

Кто-то застал его в кабинете — он сидел с пером в руках и писал отрывисто, с размахом, и после подобного размаха повторял на своем ломаном русском языке: «Не будет, не будет». Что же оказалось? Он пробовал, как бы подписывал фельдмаршал граф Ланжерон, если бы его пожаловали в это звание, и вместе с тем чувствовал, что никогда фельдмаршалом ему не бывать.

В другой раз, чуть ли не в заседании какого-то военного совета, заметил он собачку под столом, вокруг которого сидели присутствующие члены. Сначала он неприметно для других стал ласкать, когда она подошла, и вдруг, причмокивая, обратился к ней с ласковыми словами. Все эти выходки Ланжерона не сердили, а только забавляли и смешили зрителей и слушателей, которые уважали в нем хорошего и храброго генерала. В турецкую войну, в армии, известно сказанное им во время сражения под·

чиненному, который неловко исполнил приказание, ему данное: «Вы пороху не боитесь, но зато вы его не видумали».

Ланжерон был умный и довольно деятельный генерал, но ужасно не любил заниматься канцелярскими бумагами — он от них прятался или скрывался из дому, выходя по черной лестнице, и пропадал из дому на несколько часов. Во время турецкой войны молодой Каменский у него в палатке объяснял планы будущих военных действий. Как нарочно на столе лежал французский журнал. Ланжерон машинально раскрыл его и напал на шараду. Продолжая слушать положение военных действий, он невольно занялся разгадыванием шарады. Вдруг, перебивая Каменского, вскрикнул он: «Что за глупость!» Можно представить себе удивление Каменского. Но вскоре дело объяснилось, когда он узнал, что восклицание относилось к глупой шараде, которую он разгадал.

Во время своего начальства в Одессе, был он недоволен чем-то купцами и собрал их к себе, чтобы сделать им выговор.

— Какой ви негоцьянт, ви маркитант, — начал он свою речь, — какой ви купец, ви овец, — и движением руки своей выразил козлиную бороду.

В приезд Александра I в Одессу, как рассказывал князь Вяземский, был приготовлен для него дом, занимаемый Ланжероном. Встретив государя и проводив его до кабинета, после разговора, продолжающегося несколько минут, он откланялся, вышел из кабинета и, по своей привычке, запер дверь на ключ. Государь оставался несколько времени взаперти, но наконец постучался, и его освободили из заточения. Встречая же государя, он хотел представить его величеству рапорт о благосостоянии вверенного ему края, долго искал в своих карманах и, найдя, сказал: «Право, не знаю, государь, куда положить мой рапорт». Император улыбнулся и пожал руку покорителю Монмартра.

Граф Ланжерон по происхождению был француз, вступил на службу при Екатерине в 1785 году прямо в чине полковника и вскоре успел в наших войсках стяжать славу храброго и распорядительного офицера. Граф Ланжерон участвовал почти во всех наших войнах при императрице и двух императорах и в течение многолетней своей боевой службы и девятнадцати, сделанных им походов, заслужил все знаки отличия и много сделал в мирное время в бытность свою градоначальником Одессы.

Граф Ланжерон, столько раз видавший смерть перед собой во многих сражениях, не оставался равнодушным перед холерою. Он так был поражен мыслью, что умрет от нее, что, еще пользуясь полным здоровьем, написал духовное завещание, начинающееся так: умирая от холеры и пр. Предчувствия его не обманули, уже в отставке, прибыв в Петербург в 1831 году, он внезапно заболел и скончался также скоропостижно 4-го июля. Император Николай I приказал его останки похоронить в Одессе, в католической церкви.

Необыкновенною рассеянностью славился также граф Федор Андреевич Остерман. Особенно последнее одолевало его под старость, так что, садясь в кресла, часто кричал, чтобы везли его в сенат, чесал за обеденным столом ногу у соседа, вместо своей ноги, плевал в его тарелку, выходил на улицу из кареты и более часа неподвижно стоял подле какого-либо дома, уверяя лакея, что он еще не кончил своего занятия, между тем как с крыши

лил дождь, являлся иногда в гости в таком наряде, что приводил в стыд прекрасный пол, вступал с хозяином в ученый разговор и, не окончив, мгновенно засыпал. Остерман очень любил науки и вел переписку на латинском языке с митрополитом Платоном, у которого в старости учился богословию. Рассеянность его была изумительна. Однажды шел он по паркету, по которому было разостлано посредине полотно: он принял его за свой носовой платок, будто выпавший, и начал совать его в карман. Только общий хохот присутствующих дал ему опомниться. В другой раз приехал он к кому-то на большой званный обед. Перед тем как войти в гостиную, зашел он в уединенную комнатку. Там оставил он свою шляпу и вместо ее взял деревянную крышку и, держа ее под мышкою, явился с нею в гостиную, где уже собралось все общество. Граф Остерман, несмотря на свою безмерную доброту, иногда умел быть и злопамятным. Думая, что граф Кутайсов был его врагом в царствование императора Павла I, он его не принял к себе, когда тот сделал ему визит, проживая в Москве в царствование Александра I, но тотчас же после его визита прислал ему свою карточку. После того Остерман продолжал в большие праздники посылать ему ответные визитные карточки. Остерман жил очень открыто, и каждое воскресенье у него были обеды на пятьдесят и более кувертов. Раз кто-то, разговаривая с Кутайсовым о его странном платеже визитов Остерману, выразил удивление, что граф сам не поедет когда-нибудь в воскресенье обедать к гордому барину? — Ну, как я поеду? Остерман никогда не зовет меня. — Э, ничего, отвечал тот, никто не получает приглашений на его воскресные обеды и все к нему ездят. У него дом открытый. Думал, думал Кутайсов и поехал к Остерману перед самым обедом. В гостиной Остермана тогда уже сидели все тузы и вся Москва. Кутайсов вошел. Остерман как увидел незванного гостя, тотчас с приветствиями пошел навстречу к нему, усадил его на диван и, разговаривая с ним, через слово величал ваше сиятельство, ваше сиятельство... Долго ждали обеда... Наконец камердинер доложил, что кушанье готово. «Ваше сиятельство, — сказал Остерман Кутайсову, — извините, что я должен оставить вас; теперь я отправляюсь с друзьями моими обедать». И, приветливо обращаясь к другим гостям, проговорил: «милости просим». Граф Кутайсов остался один в гостиной. Он не помнил, что с ним было и как его привезли домой.

Отец этого Остермана, известный дипломат, отличался тоже большими странностями и необыкновенною неряшливостью. Комнаты его были постоянно неприбраны и грязны, прислуга ходила в лохмотьях; серебряная посуда, которую он каждый день употреблял, походила на оловянную, и только в торжественные дни был у него порядочный обед. Одежда графа, особенно под старость, так была замарана, что поселяла во всех отвращение.

ВЕЛЬМОЖА ОРИГИНАЛ И ЖЕРТВА ПРЕДСКАЗАНИЯ ГАДАЛЬЩИЦЫ

В тридцатых годах на улицах Петербурга можно было встретить колоссальную фигуру величественной осанки, члена Государ-

ственного Совета графа Юлия Помпеевича Литта, известного главного деятеля в доставлении мальтийскому ордену покровительства императора Павла I. Граф Литта в высшем петербургском обществе являлся истинно блестящим обломком екатерининского двора. Современник его говорит: «Мы так привыкли видеть графа Литту в каждом салоне, любоваться, слышать его громовой голос, смотреть на шахматную его игру, за которою он проводил целые вечера, любоваться его бодрою и свежею старостью, что невозможно было не вспоминать о нем каждую минуту, особенно тогда, когда его не стало. Гр. Литта принадлежал к древнему миланскому роду, он с юности посвятил себя морской службе; в 1789 г. он переехал в Россию и отличился в войне со Швецею, под предводительством принца Нассауского, где заслужил орден св. Георгия 3-й степени и шпагу за храбрость. При императоре Павле он был вице-адмирал, кавалер ордена св. Александра Невского и граф Российской империи; в 1799 г. наместником великого магистра Мальтийского ордена. Граф Литта отличался несколькими эксцентрическими особенностями: во-первых, голос его громкий и сильный, звучный, густой, бархатный бас слышался везде и покрывал собою все другие не только голоса, но иногда и звуки оркестра. Так, на гуляньях ли, в театрах, в первом ряду кресел у самой рампы оркестра, на постоянной прогулке по Невскому или Английской набережной, — везде всегда необыкновенно громко звучал его голос. Голос графа в обществе получил наименование «трубы архангела при втором пришествии». Во-вторых, граф, не будучи вовсе большим гастрономом, страстно любил мороженое и поглощал его страшными массами, как у себя дома, так везде, где только бывал. Так, во время каждого антракта в театре ему приносили порцию за порцией мороженого, и он быстро его уничтожал.

Граф считался баснословным потребителем мороженого — известные в то время кондитера: Мацепелли, Салватор, Резаном и Федюшин почитали графа своим благодетелем. Граф Литта жил совершенно в одиночестве в своем доме на Большой Миллионной, близ арки, в доме, теперь принадлежащем Министерству Финансов. Окна большого барского дома Литты никогда не были освещены и являли собой какой-то унылый и грустный вид. Вдруг, в одну ночь, когда медики объявили графу, что ему остается жить не долее нескольких часов, к удивлению всех соседей, мрачный дом озарился огнями сверху до низу, загорелись и яркие плошки у подъезда графа. У римских католиков обряд приобщения святых тайн совершается с некоторою торжественностью; граф и приказал засветить все люстры, канделябры и подсвечники в комнатах, через которые должен был проходить священник со святыми дарами. Умирающий в памяти и совершенно спокойно приказал подать себе в спальню изготовленную серебряную форму мороженого в десять порций и сказал: «Еще вопрос: можно ли мне будет там в горних лакомиться мороженым»! Покончив с мороженым, граф закрыл глаза и перекрестился, произнеся уже шепотом: «Салватор отличился на славу в последний раз» — и перешел в лучший из миров, где он не знал, найдет ли мороженое. Все огни догорели вместе с жизнью графа и осталась догорать только одна небольшая спальная лампада, в головах усопшего, освещавшая распятие.

Граф умер 24-го января 1839 года. Император Николай 1-й по-

ручил барону М. А. Корфу, бывшему в то время государственным секретарем, опечатать и разобрать бумаги покойного, между которыми, как предполагалось, могли находиться любопытные документы относительно мальтийского ордена. Но ничего важного между ними не отыскалось. Самое любопытное, что нашли в бумагах, это проект сочиненной им себе самому эпитафии следующего содержания: «Julius Renatus Mediolanensis natus die 12 aprilis 1763; obüt in Domino... augusti. 1836» *. На чем было основано это предсказание, впрочем не сбывшееся, — не известно.

Граф Литта, как видно из завещания, оставил огромное состояние, которым был обязан не только своей женитьбе на племяннице Потемкина, рожденной Энгельгардт, но и собственному своему состоянию, а также своей расчетливости. Он отказал внучке своей, графине Самойловой, жившей постоянно за границей, 100 тысяч рублей ежегодной пенсии, затем по такой же сумме единовременно в пользу тюрьмы, в инвалидный капитал и для выкупа из процентов, содержащихся за долги. 10 тыс. для раздачи бедным в день его похорон, камердинеру 15 тыс. и пенсии ежегодно по 1000 руб. Но деревни, дом, драгоценные движимости и огромные капиталы завещаны двум родным племянникам Литтам, жившим в Милане. Неизвестно только, что он оставил своему побочному сыну, известному провинциальному актеру Аттилу, имевшему громкую романтическую историю в конце шестидесятых годов. Граф Литта был в родственных связях со всею нашею русскою аристократиею. Племянник его, кн. Владимир Голицын, раз спросил его: «А знаете ли вы, какая разница между вами и Бегровым? Вы граф Литта, а он литограф».

В Москве была известна в тридцатых годах одна оригинальная личность, которая, где бы ни появлялась, сейчас же засыпала. Это был очень богатый помещик, имевший много родных и знакомых. Одевался он по образцу инкрояблей времен первой французской революции, вечно в одном синем фраке с золотыми пуговками. Из жилетного его кармана торчала массивная золотая цепочка от двух дорогих золотых брегетов. Впрочем, часы, так как и цепочки, часто у него возобновлялись: обе эти дорогие вещи у него часто срывались охотившимися по нем ворами в продолжение его суточных путешествий по разным улицам Москвы, несмотря на то, что он никогда не выезжал один, а в сопровождении двух гайдуков-лакеев и его любимицы, старой ключницы-калмычки, и жирного мопса. «Где ваши часы?» — спрашивали его знакомые. «Что-с?», — встрепенувшись от своей спячки прошамшит он. «Часы ваши где?» «А! часы срезали, украли, когда я был на похоронах». «У кого это, где?» — «Не знаю, спросите у калмычки». Все знали, что обокрасть его не было хитрости, даже лакеи его обирали и снимали с рук кольца. Он вечно спал, но это сонливое состояние не было результатом болезненности организма и дряхлости лет, а просто следствием одного предсказания. В бытность свою в молодых годах в Париже он посетил известную предсказательницу Ленорман. Ловкая гадальщица, заметив его недалекость, позабавилась над ним вволю. Наговорив

* «Юлиус Ренатус Медиоланский родился 12 апреля 1763 г.; умер (перешел в лоно Господне)... августа 1836 г.».

ему много приятного и неприятного, она, наконец, окончила свое пророчество словами, заставившими побледнеть нашего чудака. «Теперь я должна вас предупредить, что вы умрете на своей постели». «Когда? Когда? В какое время?» — спрашивает он в ужасе. «Когда ляжете в постель», — докончила, улыбаясь, лукавая предсказательница. И вот с тех пор его покойная мягкая перина, подушки из лебяжьего и гагачьего пуха, шелковые одеяла были брошены и вынесены из квартиры, чтобы такие дорогие предметы его не соблазнили. Напрасно друзья смеялись ему в глаза, упрекая его в легковерии и не раз доказывая ему, что по его богатству, положению и жизни нельзя было и ожидать другой более покойной смерти. Но слова Ленорман звучали в его ушах хуже погребального колокола. Он не внимал никаким убеждениям, и с тех пор на всех публичных собраниях, в гостях, в театрах, — всюду стала появляться постоянно дремлющая его личность, не имевшая никакой возможности уже отдохнуть у себя на постели. Образ его жизни был очень оригинален, он вставал почти со светом, проводя ночь в обществе, потому что ему было скучно без общества, тяжело и невыносимо было отдыхать в полусогнутом положении более часа. С утра закладывали ему четверо-местную карету, и он уже выезжал во фраке и белом галстуке в сопровождении своей калмычки и старого мопса Бокса. Без калмычки он не мог сделать шага, она убаюкивала его сон разговорами и сказками. Утренние его прогулки были по крику лакея: «Пошел по ельничку!» Кучер и форейтор двигались, объезжая столицу, отыскивая, нет ли где похорон. Из всех удовольствий ему нравился только процесс погребения, возможность поспать под унылое пение и проводить покойника до последнего его жилища. На обязанности калмычки также лежало, по возвращении домой, рассказать барину все виденное за день, сам барин этого не мог сделать, — он спал всюду. В Москве говорили, что ловкая калмычка, пользуясь безпросыпным положением его и присутствуя в церквях на всяких церемониях, чуть-чуть не сыграла с ним злой шутки и не обвенчала с одной из своих знакомых. Только непредвиденный случай спас его. Это так напугало его, что с ним сделался нервный удар, от которого он и умер. Больного его никак не могли уложить в постель. Он умирал, дремля, полусогнувшись на своем кресле и ворча и брыкаясь ногами, когда калмычка со слезами просила его успокоиться на ее постели. Перед кончиной, несмотря на его последние усилия, его все-таки силою уложили на кровать. Предсказание Ленорман сбылось после пятидесятилетнего добровольного нравственного мученичества.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ СИЛАЧИ — ОРИГИНАЛЫ ОСТРЯКИ И ШАЛУНЫ

Легендарный русский силач моряк Лукин, помимо своей геркулесовой силы, отличался тоже многими странностями. Про капитана Лукина во флоте посейчас живы еще самые невероятные анекдоты, по большей части рисующие дух лихих моряков

того времени. Рассказывали, что во время пребывания Лукина в Англии один англичанин заспорил с ним насчет смелости и решительности русских и англичан, он утверждал, что русский никогда не решится на то, что сделает англичанин. Попробуй, — сказал Лукин. — «Вот, например, ты не смеешь отрезать у меня носа», — выразил англичанин. «Почему же нет, если ты захочешь», — отвечал Лукин. — «На режь!» — воскликнул англичанин в азарте. Лукин прехладнокровно взял нож со стола, отрезал у англичанина конец носа и положил на тарелку. Рассказывали, что англичанин, старый и отважный моряк, не только не рассердился за это на Лукина, но подружился с ним и, вылечившись, приезжал навестить друга своего в Кронштадт.

Лукину в Англии предложили кулачный поединок. Вместо одного, он вызвал вдруг четырех лучших боксеров и каждого из них по очереди перекинул через свою голову, ухватив за пояс.

Однажды он был выслан на берег для приема такелажа с двадцатью матросами. Лукин вмешался в спор английских моряков с их канонирами и, наконец, вступил в борьбу с обоими партиями и в кулачном бою с своими двадцатью удальцами прогнал всех. В городе заперли лавки; жители спрятались в домах, и Лукин с песнями возвратился на корабль.

Раз, сидя в креслах во французском театре, он заметил, что сидевший с ним рядом франт перемигивается с дамами, сидевшими в ложе, и кивает головой на него. Лукин сперва не обратил внимание, но вскоре франт заговорил с ним. — Вы, кажется, не понимаете по-французски? и не хотите ли, чтобы я объяснил вам, что происходит на сцене? — Сделайте одолжение, — сказал Лукин. Франт стал объяснять и понес чепуху страшную; соседи прислушивались и фыркали, в ложах тоже не могли удержаться от смеха.

Вдруг, не знающий французского языка, Лукин спросил по-французски: — А теперь объясните мне, зачем вы говорите такой вздор? — Франт сконфузился. — Я не думал, не знал! — Вы не знали, что я одной рукой могу вас поднять за шиворот и бросить в ложу к этим дамам, с которыми вы перемигивались? — Извините. — Знаете вы, кто я? Я Лукин. Они оба встали, Лукин сказал франту: — «Идите за мной!» — Франт пошел. Они отправились к буфету.

Лукин заказал два стакана пунша. Пунш подали. Лукин подал стакан франту. — «Пейте». — «Не могу, не пью». — «Это не мое дело». — «Пейте». — Франт, захлебываясь, опорожнил свой стакан. Лукин залпом опорожнил свой и снова скомандовал два стакана пунша. Напрасно франт отнекивался и просил пощады, оба стакана были выпиты, а потом еще и еще. На каждого пришлось по восьми стаканов. Только Лукин, как ни в чем не бывало, возвратился на свое кресло, а франта мертво-пьяного подобрала полиция.

Анекдотов про Лукина было множество, но, при всем удальстве, он был добрейший человек. Лукин командовал кораблем во флоте Сенявина и первый бросился на один из турецких кораблей, где и погиб геройскою смертью. Император Александр Благословенный облагодетельствовал семейство Лукина, по просьбе изве-

стного своего лейб-кучера Ильи, который был прежде крепостной Лукина и тоже обладал феноменальной силой.

Лукин воспитывался в морском корпусе, откуда выпущен мичманом 1-го мая 1789 года. Лукин был среднего роста, плотный, коренастый; при своей удивительной телесной силе, он был кроток и терпелив; даже, будучи рассержен, он никогда не давал воли своим рукам.

Сила его была поразительная, но трудно было заставить его что-либо сделать; только в веселый час, и то в кругу знакомых, он иногда показывал подвиги своей силы. Например, он легко ломал подковы, мог держать пудовые ядра полчаса в распростертых руках, одним пальцем вдавливал гвоздь в корабельную стену. При такой необычайной силе был еще ловок и проворен; и беда тому, с кем бы он вздумал вступить в рукопашный бой. Подвиги в этом роде, несомненно немного преувеличенные, прославили его в Англии; там с большим старанием искали с ним знакомства, впрочем, и в России редко кто не знал капитана Лукина. Знал ли вполне Лукин в первые годы своей молодости о той страшной силе, которою он обладал, неизвестно; но первый опыт этой силы грустно и тяжело отозвался в его доброй душе.

Вскоре по выпуске из корпуса, Лукин поздно ночью шел по Адмиралтейской площади. В то время Адмиралтейская площадь от Зимнего дворца до Сената представляла громадное пустое пространство, еле освещенное ночью чуть мелькавшими масляными фонарями. Лукин шел в шубе, левая рука была в рукаве, а правая на свободе под шубой; вдруг на него сзади нападают два человека: один схватывает его за левую руку и тащит шубу, другой уже успел ее сдернуть с правого плеча; но в этот момент Лукин правою рукою наотмашку дает удар в лицо человека, тащившего шубу, тот как сноп грянулся на землю; другой же, видя падение товарища, бросился бежать. Оправившись от такого неожиданного нападения, Лукин идет на адмиралтейскую гауптвахту и заявляет о случившемся караульному офицеру. Принесенный человек оказался адмиралтейским плотником; кулак Лукина буквально раздолбил и своротил челюсть несчастного. Эта история тяжелым камнем легла у Лукина на душу.

Первый опыт силы, выказанный Лукиным в Англии, в которой он пробыл два года, случился при следующих обстоятельствах. Лукин обедал в трактире; после обеда вошел он в биллиардную посмотреть на игравших. Там он спросил себе стакан пунша; отпив немного, он поставил стакан на подоконник отворенного окна, а сам начал продолжать смотреть игру. Через несколько времени он обращается к своему пуншу и находит стакан пустым. Это удивило Лукина; не говоря ни слова, он спросил себе другой стакан пунша; отпив от него, поставил и этот стакан на то же место и, смотря на играющих, стал незаметно наблюдать и за стаканом. Не прошло нескольких минут, как к стакану подходит джентльмен и разом его осушает. Такая дерзость взволновала Лукина, но он умел себя держать и спокойно, как будто ничего не бывало, приказывает слуге принести миску пунша, да побольше; взяв эту чашу, он подходит к выпившему его стаканы и говорит: «Вы, кажется, большой любитель пунша, не угодно ли вам выпить эту посудину. Покорно прошу». Джентльмен вошел в

амбицию; все находившиеся в биллиардной, видя Лукина с чашей, подошли к нему. Лукин уже серьезно заметил: «Вы выпили два моих пунша; русские не скупы на угощение; если вы не выпьете теперь этой миски, то я вылью ее вам на голову». При этих словах в толпе послышался недружелюбный говор, а любитель чужого пунша ответил крупною дерзостью. Тогда Лукин, недолго думая, приподнимает миску и окатывает джентльмена пуншем с ног до головы. Вся биллиардная тут разразилась бранью, и все бывшие тут англичане с киями и кулаками подступали к Лукину. Он подошел к окну и приготовился к обороне. Вдруг из окружавшей его толпы выходит человек огромного роста, плечистый, с сжатыми кулаками, готовый дать хороший бокс, но Лукин моментально предупреждает боксера; схватывает его поперек туловища, в воздухе только мелькают две ноги, и боксер уже за окном. К счастью, оно не было высоко. Спровадив боксера, Лукин проворно схватывает одною рукою за ножку стоявший близ него деревянный увесистый табурет и с этим оружием становится в оборонительное положение. Англичане, озадаченные такими подвигами, невольно отступили от Лукина и вступили с ним в переговоры. Когда же объяснилось дело, то Лукин единогласно был объявлен правым. На другой день все лондонские газеты рассказывали про силу Лукина.

У Лукина была любимая собака «Бомс», такая же сильная и скромная, как хозяин. Однажды, когда он возвращался с нею по довольно глухой местности, вдруг его останавливают два мошенника; один к груди Лукина приставляет пистолет, требуя хриплым голосом кошелек, другая же личность становится в отдалении. Лукин хотя и был озадачен таким требованием, но не растерялся. У него денег нет, а есть часы! — ответил он флегматически, запуская левую руку за борт своего сюртука, и в тот же момент правою рукою схватывает руку и пистолет мошенника, а верный «Бомс» по знаку хозяина кидается на грудь другого товарища и сваливает его на землю. Мошенник с пистолетом неистово заревел, когда Лукин своею рукою стиснул его руку и пистолет вместе. После нескольких пожатий Лукин выпустил руку мошенника: она и пистолет оказались измятыми и крепко изуродованными. Отобрав от мошенника пистолет себе на память, Лукин покинул грабителей, дав им добрый совет быть осторожнее.

Однажды императрица Мария Феодоровна, знавшая лично Лукина, пригласила его обедать в Павловск и за обедом пожелала видеть его силу. Лукин взял две серебряные тарелки в обе руки, свернул в дудочку самым легким образом и поднес государыне; свернуты обе тарелки были так искусно, что нельзя было сказать, что тут две тяжелые серебряные тарелки. При отправлении из Кронштадта сенявинской эскадры, Александр I посетил корабль «Рафаиль», которым командовал Лукин, и заметил, что он очень грустен. На вопрос о причине, Лукин отвечал, что он чувствует, что не воротится более на родину (что и случилось: неприятельское ядро разорвало Лукина на две части в Афонском сражении); государь сказал ему несколько милостивых слов и пожелал от Лукина иметь что-нибудь на память о его силе. Тогда Лукин достал из кармана целковый, слепил из него, как будто из воску, чашечку и подал государю.

В старину был известен в Москве и Петербурге остряк П. М. Лунин, замечательно падкий на разные ордена, которыми, впрочем, он самовластно себя жаловал. После многолетнего пребывания за границей, возвращается он в Москву. Генерал-губернатор, старый его приятель, Д. В. Голицын, приглашает его на большой и несколько официальный обед. Перед обедом кто-то замечает хозяину дома, что у Лунина какая-то странная орденская бутоньерка на платье. Князь Голицын, очень близорукий, подходит к нему и, приставя лорнетку к глазу, видит, что на этой пряжке — звезды всех российских орденов, не исключая и георгиевской. «Чем это ты себя, любезнейший, разукрасил?» — спросил его князь с улыбкой. — Ах, это дурак-Николашка, камердинер мой, все это мне пришпилил. «Хорошо, — сказал князь, — но все же лучше снять». Разумеется, так и было сделано.

Вся фамилия Луниных отличалась большими странностями, даже женщины из этого рода были большие чудачки. Так одна из близких родственников вышеназванного Лунина, во время нашествия Наполеона на Москву, осталась в столице и, во все время его пребывания там, ничего не боялась и разъезжала то и дело по городу цугом. Она была пожилая женщина и очень богатая. И только что, бывало, услышит, что мы одержали какую-нибудь победу над неприятелем, велит заложить свою карету, сама разрядится как только возможно. Приедет на какую-нибудь площадь и махает платком из окна лакею, приказывая остановиться. «Стой, стой!» кричит; народ сбежится смотреть, что за диковинка такая сидит в карете, в цветах и перьях, со спущенными стеклами, а она то к одному окну бросится, то к другому и кричит проходящим: «Эй, голубчики, подите сюда; слышали, мы опять одержали победу, да, победу, да и какую, голубчики: разбили маршала такого-то!» Потом высунется из другого окна и то же самое повторяет. Накричится вдоволь и отправится дальше. Там опять на рынке или на площади опять закричит: «стой!» И опять кричит проходящим: «Победа, голубчики, победа!» И так все утро и разъезжает по городу из конца в конец.

В Петербурге в эти же годы проживала m-lle Лунина, про эксцентричности которой в столице ходило очень много рассказов, злословие про эту барышню тогда почти не знало границ.

Лунина была львица большого света. Она не была красавица. Лунина много путешествовала с матерью, была во Франции и Германии, знала хорошо музыку и обладала прекрасным голосом. В Париже, в салоне королевы Гортензии, она имела такой успех, что Наполеон просил ее петь в дружеском кружке, в Тюильри. Этого было достаточно тогда, чтобы имя ее сделалось знаменитым.

Жила она в Петербурге, в нижнем этаже дома князя Гагарина на Дворцовой набережной. — Рассказывали, что однажды рано утром, император, совершая свою любимую прогулку по набережной, увидел, что кто-то вылезал из окна нижнего этажа. Потом через обер-полицмейстера он послал сказать хозяйке квартиры, чтобы она остерегалась, потому что ночью к ней могут влезть и похитить все, что у ней есть драгоценного. Рассказ этот в Петербурге повторялся со многими вариантами.

У Луниной хотя были живы отец и мать, но в петербургском

обществе все говорили: салон m-lle Луниной. Лунина вышла в Италии замуж за какого-то принца Риччи. Но дуэт окончился неудачно. Она в сороковых годах проживала в Москве, в большой бедности, страсть к пению была причиною ее разорения.

Но кто был замечателен по странностям из Луниных, то это декабрист Михаил Лунин. Он слыл за чрезвычайно остроумного и оригинального человека. Тонкие его остроты отличались смелостью, хотя подчас и цинизмом, но это ему, как и его бесчисленные дуэли, сходило с рук. Лунин сперва служил в кавалергардском полку, но колоссальные долги заставили его покинуть службу и уехать за границу; здесь он сделался католиком и проживал в Париже, на чердаке, перенося всякие лишения, давая уроки и трудясь над трагедией «Лжедмитрий»; это произведение Лунин написал на французском языке, который знал лучше родного, вследствие тогдашнего воспитания.

По смерти своего отца, он неожиданно сделался владельцем громадного состояния, приносившего ежегодно более 200 т. дохода. Он возвратился в Россию тем же манером, как и уехал из нее — не испросивши дозволения на возвращение, так как не считал себя беглецом. Он сел просто на корабль, прибыл в Петербург и отправился прямо без доклада в кабинет к князю Волконскому, жившему в Зимнем дворце. Волконский, увидев внезапно Лунина, просто остолбенел.

Лунин был принят государем на службу тем же чином, только в армию, служить в Варшаве у цесаревича и был самым близким к нему человеком. Участвуя в заговоре, сосланный в Сибирь, он проживал в Чите и Петровском заводе, затем жил на поселении.

Резкие его статьи, которые он печатал в Англии, навлекли на него новую немилость правительства, он был арестован и заключен в акатуевскую тюрьму, где и умер скоропостижно.

Эксцентричность Лунина во время его военной службы доходила до невозможности: так, будучи молодым кавалергардским офицером, он побился об заклад, что проскачет нагим по Петербургу — и выиграл пари.

В Петербурге в двадцатых годах проживал Д. М. Кологривов *. Он, несмотря на свой крупный чин и весьма важное звание, любил дурачиться, как школьник. Особенною страстью у Кологривова была страсть к уличным маскарадам, последняя доходила до того, что он иногда наряжался старою нищею-чухонкою и мел тротуары. Завидев знакомого, он тотчас кидался к нему, требовал милостыню и в случае отказа бранил по-чухонски и даже грозил метлою. Он дошел до того, что становился в Казанском соборе среди нищих и заводил с ними ссоры. Сварливую чухонку отвели раз даже на Съезжую, где она сбросила свой наряд и перед ней же извинились.

Граф Соллогуб про него рассказывает: однажды государь готовился осматривать кавалерийский полк, вдруг перед развернутым фронтом пронеслась марш-маршем неожиданная кавалькада. Впереди скакала во весь опор необыкновенно толстая дама, в

---

* Кологривов Д. М. (умер 1830 г.) — обер-церемониймейстер.

зеленой амазонке и шляпе с перьями. Рядом с ней на рысях рассыпался в любезностях отчаянный щеголь. За ними еще следовала небольшая свита. Неуместный маскарад был тотчас же остановлен. Дамою нарядился тучный князь Ф. С. Голицын, любезным кавалером оказался Кологривов. Шалунам был объявлен выговор, но карьера их не пострадала.

Однажды к известной благотворительнице Тат. Бор. Потемкиной пришли две монахини просить подаяния. Монахини были немедленно впущены, войдя в приемную, они кинулись на пол, творили поклоны и умоляли о подаянии. Растроганная Потемкина пошла в спальню за деньгами, но вернувшись, остолбенела от ужаса, монашенки неистово плясали в присядку. То были Кологривов и другой проказник...

...Правнук знаменитого Александра Даниловича Меншикова, князь Александр Сергеевич, один из последних сподвижников императора Александра Благословенного, славился своим остроумием. Остроумие его наделало ему множество врагов, но часто на него взваливали слова, каких он никогда не говорил. Воспитанник энциклопедистов XVIII века, он стыдился мягкосердия и скрывал его под личиною насмешки, между тем на деле он был впечатлителен и сострадателен. Одному из близких ему лиц случилось один раз увидеть в глазах его слезу, которую он не успел стереть. «Зачем скрываете вы добрые волнения души? — сказал он князю, — и то говорят про вас, что вы не способны ни к какому человеческому чувству». — «Когда вы доживете до моих лет, — отвечал князь, — вы убедитесь, что люди не стоят того, чтобы беспокоиться о их мнении».

Огласки своей благотворительности он опасался так, как будто она была делом позорным, придумывал способы, как бы лучше это уладить, беспокоился о том, не разгласилось ли это благотворение, и на замечание, что его опасения доходят до странности, он отвечал, смеясь: «Я имею репутацию скупца; я дорожу этою репутациею и не хочу ее портить». П. А. Бартенев говорит, когда ему был пожалован дом в Петербурге на Английской набережной, он внес в инвалидный капитал от неизвестного сумму, равную стоимости дома.

Едва ли можно встретить другого человека, оцениваемого столь различным образом не только различными, но и одними и теми же судьями, как князь Меншиков. Ума обширного, соображения необыкновенно быстрого, памяти изумительной, князь с независимостью мнений соединял беспредельную преданность и покорность самодержавному своему монарху.

До самой смерти князь сохранял свойственную ему одному художественность повествования. Он не украшал рассказов ни одним отборным словом, ни одною эффектною фразою; ни возвышение голоса, ни жест не шли к нему на помощь. Устремив свои глаза на слушателя, князь спокойным, почти ленивым голосом, обстанавливал прежде всего сцену, потом излагал события с такою отчетливостью, что в представлениях слушателя обрисовывалась живая картина, которая так сильно врезывалась в память, что уже никогда не могла быть забыта. Князь прослужил 64 года и все время не переставал ни на минуту следить за всеми политическими событиями и за всеми успехами науки.

Когда Меншиков был назначен в Дрезден посланником, то это

назначение он счел немилостью и подал в отставку. В отставке он страдал от бездействия. Вот его личный рассказ об этом времени: «Измученный праздностью, страдая бессонницею, от нечего делать, я отправился за советом к А. П. Ермолову. «Вы тоже были в опале, — сказал я ему, — тоже в отставке после деятельной жизни; скажите мне, что вы сделали, чтобы не сойти с ума?» — «Любезный Меншиков, — отвечал Ермолов, — я нанял деревенского попа учить меня по-латыни; прочитал с ним Тита Ливия, Тацита, Горация, это чтение наполнило праздное время, укрепило во мне дух и дало мне тот слог, который так нравится нашей молодежи». Я последовал было его совету: взял деревенского священника и стал повторять латынь, но учитель мой редко бывал в совершенно нормальном виде, а между тем подвернулся мне сосед, мой почтенный Глотов, автор морской практики. Я вспомнил, что мне предлагали черноморский флот, и что я не мог принять его потому, что не имел понятия о морском деле — и стал учиться у Глотова».

Меншиков в течение своей жизни был известен на многих поприщах жизни. Из одиннадцати мундиров, право носить которые было ему предоставлено, он избрал и предпочитал морской, и носил его постоянно в Севастополе, когда был его защитником. Ему раз сказал известный Денис Давыдов: «Ты, впрочем, так умно и так ловко умеешь приладить свой ум ко всему: по части дипломатической, военной, морской, административной, за что ни возьмешься: поступи ты завтра в монахи — в шесть месяцев будешь ты митрополитом». Меншиков стал самый усердный придворный, и ни что не могло заставить его не быть во дворце в дни, назначенные для приезда ко двору.

Какой-то шутник утверждал, что когда в придворной церкви при молитве «Отче наш» поют: «но избави нас от лукавого», то князь Меншиков, крестясь, искоса глядел на Ермолова, а Ермолов делал то же, глядя на Меншикова. Однажды, явившись во дворец, Меншиков, став перед зеркалом, спрашивал у окружающих: не велика ли борода у него? На это бывший здесь же Ермолов отвечал ему: «Что-ж, высунь язык, да обрейся!»

В другой раз великий князь Михаил Павлович сказал про Меншикова: «Если мы будем смотреть на лицо князя с двух противоположных сторон, то одному будет казаться, что он насмехается, а другому — что он плачет». Это замечание великого князя и острота Ермолова очень хорошо выражают характер Меншикова...

На лице Меншикова улыбка всегда была поддельная, чтобы скрыть впечатлительность, которой, как уже мы выше сказали, он всегда стыдился.

У князя Меншикова с графом Клейнмихелем были какие-то личности. В шутках своих князь не щадил ведомства путей сообщения. Когда строились Исаакиевский собор, постоянный мост через Неву и Московская железная дорога, он говорил: достроенный собор мы не увидим, но увидят наши дети; мост мы увидим, но дети наши не увидят, а железной дороги — ни мы, ни дети наши не увидят.

Во время работ железной дороги и моста было много толков. Дорогу все обещали кончить, а не было видно окончания работ; мост делали быстро, но не многие были уверены в его прочности.

Когда же скептические пророчества его не сбылись, он при са-

мом начале езды по железной дороге говорил: «Если Клейнмихель вызовет меня на поединок, вместо пистолета или шпаги предложу ему сесть нам обоим в вагон и прокатиться до Москвы — увидим, кого убьет».

Перед окончанием постройки петербургско-московской железной дороги Клейнмихель отдал ее на откуп американцам, заключив с ними контракт. На основании этого контракта в первый год (с октября 1851 года) американцы пускали поезда только по два, потом по три раза в день, и каждый поезд составляли не более как из шести вагонов. От этого товары лежали горами на станциях в Петербурге и Москве, а пассажиры третьего класса по неделе не могли получить билета на проезд. Кроме того, американцы, раздробив следующую им плату по верстам, обольстили Клейнмихеля конечным счетом, с каждой версты они назначили себе по $1^1/_2$ копейки серебром; но из этого, по-видимому, ничтожного счета выходила огромная сумма, и все выгоды остались на стороне американцев.

В феврале 1852 года, когда общий ропот по этому случаю был в разгаре, прибыл в Петербург персидский посланник со свитою. Император приказал показать ему все редкости столицы, в том числе и новую железную дорогу. Сопровождавшие персиян, исполнив это поручение, подробно докладывали, что показано ими, и на вопрос его величества: «Все ли замечательное показано на железной дороге?» — отвечали: «Все». Меншиков, находившийся при этом, возразил: «А не показали самого редкостного и самого достопримечательного!» — «Что такое?» — спросил государь. «Контракта, заключенного графом Клейнмихелем с американцами», — отвечал Меншиков.

В описываемое время на графа Клейнмихеля возлагались чрезвычайно разнообразные обязанности. Он возобновлял Зимний дворец после пожара, ему подчинена была Медико-Хирургическая Академия, он строил железную дорогу. Такие многосторонние обязанности возбуждали в обществе остроты и большие толки.

В одном иностранном журнале явилось известие, что возобновление Зимнего дворца поручено доктору медицины Клейнмихелю, и в столице при каждом открытии вакансии важной государственной должности тотчас носились слухи, что на это место определен будет Клейнмихель. Его назначали, по городским слухам, и военным министром, и министром внутренних дел, и шефом жандармов.

В 1843 г., когда Клейнмихель был уже главноуправляющим путями сообщения, умер митрополит Серафим. Слушая разговоры и предположения о том, кто будет назначен митрополитом в Петербурге, Меншиков сказал: вероятно, назначат графа Клейнмихеля.

В 1843 году военный министр князь Чернышев был отправлен на Кавказ; предполагали, что он будет назначен главнокомандующим, а на место его будет Клейнмихель. В то время известный военный историк Михайловский-Данилевский, заботившийся в своем труде о том, чтобы выдвинуть на первый план подвиги тех генералов, которые могли бы быть ему полезны, и таким образом проложить себе дорогу, приготовлял новое издание описания войны 1813—1814 гг. Это издание уже оканчивалось печатанием. Меншиков сказал: «Данилевский, жалея перепечатать книгу, пускает ее в ход без переделки; но вначале сделал приме-

чание, что все написанное о князе Чернышеве относится к графу Клейнмихелю». Когда умер Михайловский-Данилевский, Меншиков сказал: «Вот и еще баснописец умер!»

Меншиков тоже недолюбливал графа Закревского *, и когда тот после восемнадцатилетней отставки был назначен московским военным генерал-губернатором и вскоре после назначения получил звезду св. Андрея Первозванного, не имея ни александровской, ни анненской, ни Владимира I-й степени, то Меншиков говорил: «Чему тут после того удивляться, что волтижерка Можар скачет через ленту: Закревский вот и на старости перескочил через две».

Когда весною в 1850 г. Меншиков был в Москве вместе с государем, то, рассуждая о храмах и древностях Москвы, император заметил, что русские справедливо называют ее святою. «Москва действительно святая, — сказал с смирением князь Меншиков, — а с тех пор, как ею управляет граф Закревский, она и великомученица!»

В морском ведомстве в прежнее время производство в генеральские чины шло очень туго, и генеральского чина достигали только люди весьма старые, а полного адмирала очень уже престарелые. Этими стариками был наполнен адмиралтейств-совет и генерал-аудиториат морского министерства в память прежних заслуг. Очень понятно, что смертность в этих учреждениях была большая. И вот при одной из таких император Николай Павлович спросил Меншикова: «Отчего у тебя часто умирают члены адмиралтейств-совета?» — «Кто же умер?» — спросил в свою очередь Меншиков. — «Да вот такой-то, такой-то...» — сказал государь, насчитав три или четыре адмирала. — «О! ваше величество, — отвечал князь, — они уже давно умерли, а в это время их только хоронили!»

Во время венгерской кампании австрийцы дрались очень плохо, и венгерскую кампанию, как известно, окончили одни русские. В память этой войны всем русским войскам была дана медаль с надписью: «С нами Бог, разумейте языцы и покоряйтеся, яко с нами Бог!» Меншиков сказал, что австрийский император роздал своим войскам медаль с надписью: «Бог с вами!»

В 1859 году, когда начались натянутые отношения между дворами российским и турецким, Меншиков был отправлен в Константинополь чрезвычайным послом. Он был принят там с большою торжественностью, навстречу ему вышел патриарх, по всей дороге были расставлены турецкие войска. Меншиков отнесся к туркам с большою гордостью, как посол монарха не просящего, но повелевающего. На смотру войск он был в пальто с хлыстиком; даже свита его была одета довольно небрежно. С этой небрежностью князь являлся на переговоры, когда первые чины дивана встречали его со всеми почестями. Переговоры длились, султан изъявлял согласие, но недоброжелатели России — англичане и французы — принуждали его пускаться в азиатские хитрости. Меншиков говорил, что диван здесь на английских пружинах.

В то время везде стали заниматься верчением столов и много говорили об открытии новой силы, которая заставляет от прикосновения человеческих рук ходить столы и другие вещи. Когда Меншикову говорили об этом, он сказал: «У вас вертятся столы, шляпы, тарелки, а от моего прикосновения — диван завертелся!»

* Граф Закревский А. А. (1783—1865) — генерал, с 1828 по 1831 год министр внутренних дел.

Отпуская из Константинополя чиновника, он на вопрос последнего, не прикажет ли его светлость еще что-либо сказать: «Больше нечего, — отвечал Меншиков, по обыкновению морщась и грызя ногти: — Разве прибавь, пожалуй, что я здоров, что часто езжу верхом, что теперь объезжаю лошадь, которая попалась очень упрямая, и что лошадь эту зовут — «Султан».

Во время Крымской войны командование армией ему не удалось, но ум его не мог и здесь не обозначиться. Меншикова не любила армия, в нем было много такого, что отталкивало от него. Всегда наморщенный и недовольный, он никого не дарил ни приветом, ни одобрением. Солдаты почти не видели его; генералы и офицеры не получали никаких наград. Перед сражением не было молебствия, после сражения главнокомандующий не объезжал поля битв, не выражал соболезнований об умерших и раненых.

В одной из первых стычек наших войск с неприятелем казак притащил пленного французского офицера на аркане. Этот офицер, явившийся к князю, жаловался, что казак бил его плетью. Князь обещал строго взыскать с виновного. Потребовав к себе казака, Меншиков расспросил его, как было дело. Донец рассказал, что офицер, во время битвы, три раза стрелял в него из пистолета, но ни разу не попал, что за это — он накинул аркан на плохого стрелка и притащил его к себе, точно дал ему столько же ударов плетью, сколько раз тот прицелился. Князь расхохотался.

Пригласил к себе пленного офицера, при нем, обращаясь к казаку, Меншиков начал делать строгий выговор, объясняя ему, что он обязан уважением и к пленным офицерам. Все это князь говорил ему на французском языке, и казак, ничего не понимая, только моргал глазами. С гневом подал знак рукою, чтобы казак вышел вон, князь обратился к пленному и спросил, доволен ли он решением? Французский офицер низко кланялся и не находил слов благодарить князя. По удалении пленного, Меншиков снова потребовал казака, благодарил его уже по-русски за храбрость и ловкость и наградил его орденом.

В бытность князя морским министром, во флоте служил капитан-лейтенант Ю-р, который вынужден был, по разным обстоятельствам, перейти в штат полиции, где вскоре назначен был частным приставом. Получив эту должность, Ю-р счел обязанностью откланяться министру. Князь принял его благосклонно и, обратясь к своим подчиненным, сказал: «Вот человек, все части света обошел, а лучше второй Адмиралтейской — не нашел!»

При одном многочисленном производстве генерал-лейтенантов в следующий чин (полного генерала), Меншиков сказал: «Этому можно порадоваться; таким образом многие худые генералы наши пополнеют».

Известные в свое время Бибиковы: Дмитрий, Илья и Гаврило Гаврилович, в петербургском обществе известны были: первый — за гордеца, выводившего свой род чуть-чуть не от Юпитера; второй — за игрока, а третий — за хвастуна. Князь Меншиков говаривал, что из Бибиковых один надувается, другой продувается, а третий других надувает...

После освещения Кремлевского дворца император роздал многие награды, но всех более был награжден вице-президент комитета для построения дворца тайн. сов. барон Боде; ему дан был

следующий чин, алмазные знаки св. Александра, звание камергера и медаль, осыпанная бриллиантами, ценою в 10.000 р. сер. На это Меншиков сказал: «Что тут удивительного? Граф Сперанский составил один свод законов, и ему дана одна награда — св. Андрея, а вон Боде — сколько сводов наставил!»

Когда приехал в Россию итальянский певец Рубини, он еще сохранил все пленительное искусство и несравненное выражение пения своего, но голос его уже несколько изменял ему. Спрашивали князя Меншикова, почему он не поедет хоть раз в оперу, чтобы послушать Рубини. — «Я слишком близорук, — отвечал он, — не разглядеть мне песни его».

Император Николай Павлович однажды посетил Пулковскую обсерваторию. Не предупрежденный о посещении высокого гостя, начальник ее, Струве, в первую минуту смутился и спрятался за телескоп. Что с ним? — спросил император у Меншикова. — Вероятно, испугался, ваше величество, увидав, сколько звезд не на своем месте.

●

Поэзия

Мухаммад АЛИ

ВИДЕНИЯ МАРКАНДЕИ

I

Жил Маркандея * много веков — мудрейший из мудрецов.
Тайну творенья вселенной решил постичь он в конце концов.

Молился, постился он сотни лет, святые места посещал,
Блага и радости жизни земной строго себе запрещал.

«Кто же и где же творец миров?» — сверкало в святом уме,
И вдруг очутился он в недрах земли, в необозримой тьме.

Мрачен подземный был океан — его чернобархатный цвет,
Нет ни луны, ни звезды, и все ж откуда-то льется свет.

Глянул мудрец: распростерт на воде, сияющий спит великан,
Телом лучистым своим озарив притихший под ним океан.

Горой или тучей его назвав, наверно, был каждый бы прав,
И обомлел премудрый аскет, всесильного Вишну ** узнав.

* Маркандея — согласно древнеиндийской легенде великий мудрец, святой аскет, проживший много тысяч лет.

** Вишну — один из трех верховных богов индуизма (Брахма — создатель мира, Вишну — хранитель мира, Шива — разрушитель мира).

Чуть ближе к нему Маркандея шагнул... Тут бог глубоко вздохнул
И старца в свой исполинский рот легко, словно пух, втянул.

И увидал правдолюбец святой: он вновь — на груди земной,
Горы и реки, сады и поля узнал он страны родной.

Себя в изумленье за ворот схватив, испуган и потрясен,
Стоял Маркандея, в душе повторял: «То был только сон... сон!..»

II

Снова он стал по просторам земли бродить из конца в конец.
«Кто же и где же всемирный творец?» — так повторял мудрец.

И снова виденье предстало ему: тот же подземный свод,
Под ним чернобархатный океан то забурлит, то замрет.

Потом он увидел: ярко светясь, ребенок лежит на воде,
Алмазным сверканьем режет глаза, подобно лучистой звезде.

Ладонями старец лицо закрыл, а мальчик его вопросил:
«Сынок мой, да что испугало тебя? С чего ты лишился сил?»

Разгневался старец: «Что говорит маленький этот наглец?
Сын Брахма с почтеньем внимает мне, ведь я — великий мудрец.

Эй, мальчик, еще молоко на губах, а старшим уже дерзишь?
Сынком посмел обозвать меня, а сам-то ты кто, малыш?»

Тут засмеялся чудо-дитя: «Я — Пуруша *, о пандит **,
Я — тот, кто предков твоих сотворил и будущий род сотворит.

Я — Вишну-Нараяна, жизнь и смерть, начало, расцвет и конец,
Я — разрушитель старых миров и новых миров творец.

Когда весь мир затопила вода, на рыбе громадной всплыл
Ваш праотец Ману ***, — знай: это я той рыбой могучей был!

Я — Рама, что Равану ниспроверг, я — Кришна, пастух святой,
Я — Будда, я — Человеколев, я — Парашурама-герой ****.

Я — вечный Тримурти *****. Творя и борясь, три бога во мне слились:
Я — Брахма, что солнце и землю родил, тысячезвездную высь,

---

* Пуруша — в древнеиндийской мифологии исполинское, изначальное Первосущество, все части тела которого превратились в богов и демонов, небо, землю, воды, всю вселенную.

** Пандит — индийский жрец, знаток священных книг.

*** Ману — великий праведник и мудрец, спасшийся во время легендарного всемирного потопа и ставший родоначальником человечества.

**** Здесь перечисляются многие земные воплощения-аватар бога Вишну.

***** Тримурти — (букв.) «Трехликий» (индуистская троица, объединяющая трех богов — Брахму, Вишну и Шиву).

Я — мощный Вишну, что все миры от гибельных сил бережет,
Я — грозный Шива, что эти миры вдребезги разобьет!

Но жизнь вселенной длинна, длинна, о мудрый среди мудрецов,
То, что для смертного целый век, — один лишь миг для богов.

Что значит двенадцать тысяч таких божественно-долгих лет?
Это для Брахмы один лишь день! — вот что скажу в ответ.

День Брахмы окончится, и тогда ночь Брахмы настать должна:
Рухнет, исчезнет весь этот мир на долгие времена.

Сгинет весь мир под водой, во тьме, ничто не спасется, нет,
Лишь после двенадцати тысяч лет снова блеснет рассвет.

И день придет, и Брахма-творец вселенную вновь сотворит.
Вот так не раз обновлялся мир, знай, о святой пандит.

Благие законы мои соблюдай, скитаясь из края в край,
Ведь я — властелин земли и небес, теперь это твердо знай.

А в красоте лучезарной моей — улыбка вселенной всей,
Но разгадать эту тайну тайн не сможет никто из людей!..»

И старца опять бог Вишну втянул в рот исполинский свой,
И снова себя провидец святой узрел на груди земной.

Глядит — все тот же простор вокруг: реки, поля, хребты,
И снова чудесные дали зовут, купаясь в лучах красоты.

Мираж или явь — этот светлый мир, не может понять старик,
Глаза он закрыл и снова открыл: мир скрылся, опять возник.

Где правда, где истина? Небо, земля — явь или божий сон?
А темное море, где Вишну плывет, — явь или тоже сон?

Во сне ли всевышнего он видал или узрел наяву?
Или он сам — мимолетный сон, снящийся божеству?

«Кто же и где же творец миров?..» И чудится вновь ему,
Что в недра земли опускается он — в необозримую тьму.

И снова сиянье видно вдали, над ширью подземных вод,
И лишь Маркандея святой суть бытия познает.

Как будто гигантское колесо предстало глазам мудреца:
Рожденье и смерть, словно день и ночь, кружатся без конца.

Гибнут миры, возникают миры, сменяясь, как явь и сон:
Вечный круговорот времен — вот жизни вечный закон...

Перевод с узбекского Сергея СЕВЕРЦЕВА

Олег ПЛАТОНОВ

ВРЕМЯ РАЗРУШАТЬ МИФЫ

Нынешние леворадикалы (особенно из числа сторонников межрегиональной депутатской группы), впрочем, как и их предшественники времен гражданской войны, распространяют миф о том, что одной из главных причин российской трагедии XX века является присущее русскому народу стремление к уравнительному распределению, к уравнительности (не работать, а взять да поделить). По их мнению, желание наших соотечественников насадить эту уравнительность привело к массовым репрессиям, автогеноциду русского народа. «Внутри страны, — пишет один из современных леворадикалов, С. Чернышов, в журнале «Знамя» (№ 1, 1989, с. 155), — концентрация и брожение уравнительного начала обернулись ядом репрессий, вытравливанием творческой свободы». Но ведь наша история говорит о другом. Принципы уравнительности в распределении были принесены на нашу землю из-за рубежа леворадикальными публицистами и учеными в форме различных социалистических утопий и ими же начали насаждаться после 1917 года. Русскому же народу, как мы покажем ниже, принцип уравнительности был противен. Ведь именно в противостоянии социалистическим утопиям уравнительного социализма погибло по меньшей мере 50 миллионов русских. Зачем же тогда русскому народу приписываются не свойственные ему черты? Да для того, чтобы переложить на его плечи ответственность за бойню, в которую ввергли страну леворадикально настроенные политики и ученые. Они и сегодня пытаются использовать этот аргумент, чтобы снять с себя ответственность за судьбы перестройки, которой, по их мнению, угрожает «сильное влияние ценностей уравнительности в массах трудящихся» (см., например: Л. Гордон, Э. Клопов, «Правда», 18.1.1990).

В этих высказываниях вся суть леворадикализма, которая объединяет людей, лишенных национального сознания, безнадежно оторванных от корней народной жизни. Леворадикалы 1918 года сулили нам утопический социализм как рай на земле, нынешние леворадикалы с таким же нахрапом обещают утопический капитализм — общество благоденствия и изобилия. И тех, и других роднит одно — отрицание народных основ, традиций и идеалов, стремление уничтожить их во что бы то ни стало, заменив утопическими или заграничными формами жизни.

Умозрительный принцип уравнительности, придуманный западноевропейскими утопистами, объявляется идеалом русского народа. И, конечно, первым (по сути дела, единственным) аргументом леворадикалов являются переделы земли в крестьянской общине. Забывается одно — заново делилась общая земля, а не результаты труда, не имущество, не инвентарь. Да, раз в 10—15—20 лет крестьяне собирались на сходку и в зависимости от изменения семейного положения перераспределяли между собой землю. Если в семье Ивановых народилось несколько детей, а в семье Петровых прибытка не было, то Иванову могли добавить земли. Делалось это для того, чтобы создать всем одинаковые условия приложить свой труд. Создание равных условий для приложения труда — прямая противоположность утопическому уравнительному распределению его результатов, которые внедряли у нас, скажем, Троцкий и другие леворадикалы времен гражданской войны или Сталин с Кагановичем в «коллективизацию».

То, что нынешние леворадикалы называют уравнительным распределением, на самом деле — поставленное с ног на голову в их искаженном сознании стремление русского человека к справедливости. Но не так, чтобы «взять и поделить», а взять и создать равенство в труде. Отсюда и недоверие русского человека к распределению по капиталу.

Один из самых распространенных мифов в истории труда в России — миф о нищенской оплате трудящихся по сравнению с западноевропейскими странами.

Возник он в конце XIX века и усиленно пропагандировался российскими либералами и социалистами как подтверждение их тезиса о вековой культурной и экономической отсталости России. Утверждение о нищенской оплате труда в России стало общим местом, своего рода аксиомой, не требующей доказательств.

В 20-е годы нашего века этот якобы бесспорный исторический факт решил проверить замечательный русский экономист и статистик С. Г. Струмилин. Он поднял архивные материалы, произвел необходимые расчеты и пришел совсем к иным выводам. Оплата труда в России была далеко не нищенской, а ее уровень во многих случаях был даже выше уровня оплаты труда основных западноевропейских стран.

Данные свидетельствовали о том, что еще в древности в России сложился довольно высокий уровень оплаты труда. Митрополит Макарий в своей «Истории русской церкви» приводит историческое предание о Ярославе Мудром, решившем в середине одиннадцатого века построить Георгиевскую церковь в Киеве, но вначале не нашедшем достаточно строителей.

Князь спросил: отчего мало делателей? Ему ответили: люди боятся, что лишены будут платы. Тогда князь приказал возить куны на телегах к месту стройки и объявить на торгу, что каждый получит «за труд по ногате на день». Следует сказать, что за ногату в те времена можно было купить целого барана.

Сколько же получали русские рабочие в XVII веке? Имеющиеся сведения, относящиеся к 1647 году, говорят о том, что средний заработок в день рабочих-металлистов составлял для мастера 57 копеек, для подмастерья — 38 копеек, для работника — около 10 копеек. В год это выражалось, считая 250 рабочих дней в году, для мастера — 145 рублей, для подмастерья — 95 рублей, для работника — 25 рублей. По тем временам, учитывая дешевизну

продуктов, такая плата была достаточно высокой, пожалуй, одной из самых высоких в мире. Ведь на эти деньги даже работник мог купить в день не менее 50 килограммов ржи, а уж мастер был очень зажиточным человеком.

Достаточно высокий и устойчивый уровень оплаты труда (прерываемый, конечно, периодами засух, неурожаев, войн и общественных смут) наблюдался в XVII веке и у сельскохозяйственных рабочих. Так, исследователь С. Тхаржевский определил, что поденная заработная плата наемных крестьянских работников в 1640 году в Курской и Воронежской областях России при пахоте, жнитве и молотьбе составляла 10 денег (5 копеек) в день; а женщина-жнея получала поденно 3 копейки. На эти деньги крестьянин мужчина мог купить 24 килограмма ржи, а женщина — 15 килограммов. Почти через триста лет — в 1909—1913 годах — средняя заработная плата русского сельхозрабочего в этих же местах была 96 копеек в день у мужчин (поднимаясь во время уборки хлеба в Воронежской губернии до 1 рубля 10 копеек) и 61 копейка у женщин. Таким образом, рабочий мужчина мог купить на свой дневной заработок (исходя из цены ржи в 1910—1913 гг. — 68,7 копеек) около 23 килограммов ржи, а женщина — около 14 килограммов. Итак, отмечает С. Тхаржевский, за 300 лет мы почти не видим перемены: поденный корм сельхозработника XVII века приблизительно равен (чуть выше) поденной заработной платы сельхозрабочего начала XX века в тех же самых местах.

А каково было положение крепостных крестьян? Может быть, как раз к ним относилось мнение о нищенской оплате труда в России?

Но и здесь данные свидетельствуют несколько об ином.

Экономическое и имущественное положение русских крепостных крестьян в среднем было лучше положения крепостных крестьян в странах Западной Европы и прежде всего Германии и Франции.

Видный исследователь положения русского крестьянства Семевский провел подробное сопоставление повинностей, которые оплачивали или отрабатывали крепостные крестьяне в России и зарубежных странах, и сделал вывод, что эти повинности были примерно одинаковыми. Однако русские крестьяне имели два важных преимущества — гораздо больше земли и различных угодий на душу сельского населения, а также определенную социальную защищенность в форме крестьянской общины. Как правило, крестьянин не мог быть обезземелен или стать нищим, ибо во многих случаях община помогала своим нуждающимся крестьянам. В России не было такого имущественного расслоения крестьянства, как в Европе, где богатство небольшой части сельского населения покупалось ценой батрачества и обезземеливания абсолютного большинства крестьян.

Русские крестьяне в отличие от западноевропейских имели гораздо больше земли.

В середине XVIII века даже на помещичьих землях средний душевой надел составлял 12 десятин, куда входили пашни, покосы, усадебные земли, лес.

В первой половине XIX века среднедушевой надел крестьян снизился в связи со значительным ростом населения и составлял по нашей оценке не менее 7 десятин. Хотя колебания здесь были огромные. В разных уездах Новгородской губернии на душу приходилось от 5 до 16 десятин. Но в некоторых, даже густонаселен-

ных районах, например, в Тверской губернии, крестьяне некоторых помещиков имели по 15—20 десятин на душу.

Перед отменой крепостного права были собраны подробные сведения о количестве земли, находившейся в распоряжении помещиков и предоставленной в пользование крестьянам. Оказывается, в 1860 году в Европейской России из 105 миллионов десятин земли, принадлежащей помещикам, 36 миллионов десятин было предоставлено крепостным крестьянам, а 69 миллионов десятин находились в распоряжении помещиков. Крепостных крестьян без дворовых считалось 9,8 миллиона душ мужского пола, то есть на душу крепостного крестьянина приходилось в среднем по России 3—4 десятины земли, хотя по отдельным губерниям были и колебания. Так, в Курской губернии на душу крепостного крестьянина имелось 2,3 десятины, в Тульской — 2,4 в Астраханской — 3, в Олонецкой — 7. Приведенные цифры на душу населения следует увеличить в 2—3 раза, и получаем средний размер земельного участка, приходящегося на хозяйство — 6—12 десятин, что значительно превышало средний размер хозяйства, находящегося в личном пользовании у фермеров во Франции того же времени. И это в России середины девятнадцатого века в условиях возрастающей нехватки земель!

Но вернемся в XVIII век. В это время самой высокой оплатой труда в западноевропейских странах славилась Англия. Однако уровень оплаты труда рабочих в ней значительно отставал от оплаты труда российских рабочих. Если в 1767 году рядовой английский рабочий мог купить на свою дневную зарплату 6 килограммов зерна, то русский рабочий — 10—11 килограммов. Говядины на свой заработок английский рабочий мог купить в два раза меньше, чем русский. В целом уровень оплаты труда русского рабочего в XVIII веке был в два раза выше английского и почти в три раза выше французского.

В России сложилось так, что большинство рабочих на городских фабриках и заводах являлось членами сельских общин и имело землю. Фабриканту, чтобы привлечь их к работе на фабрику, нужно было платить больше, чем они могли заработать на земле.

Возьмем, к примеру, Сестрорецкий оружейный завод в Петербурге. Здесь в 1728 году мастера получали 120—240 рублей в год (а иностранные мастера намного больше), подмастерья — 60 рублей, кузнецы — от 12 до 24 рублей. Кроме того, большинство рабочих получало продукты — муку и крупу.

Почти через полтора столетия, в 1860—1867 годах, заработок рабочих-металлистов Сестрорецкого завода составлял для стволоделов — 135 рублей в год (52 коп. в день), для кузнецов — 86—113 рублей в год (32—43 коп. в день), для замочников и литейщиков — 106 рублей в год (40 коп. в день), для шлифовщиков — 128 рублей в год (48 коп. в день), для столяров — 116 рублей в год (44 коп. в день).

Для конца XIX — начала XX века у нас есть сведения о заработках рабочих-металлистов по 17 петербургским заводам. В среднем они составляли на одного рабочего в год в 1891 году 359 рублей (или 1 руб. 25 коп. в день), в 1901 году — 431 рубль (1 руб. 50 коп. в день) и в 1904 году — 471 рубль (1 руб. 60 коп. в день).

В середине XIX века в России путешествовал замечательный немецкий ученый барон Гакстгаузен, посетивший большое количество российских предприятий и изучивший систему оплаты труда на них.

Вывод его был таков: «**Ни в одной стране** заработная плата (фабричных рабочих) не достигает такой высоты, как в России». «Даже денежная заработная плата в России, — писал он, — в общем выше, чем в Германии. Что же касается до реальной платы, то преимущество русского рабочего перед заграничным в этом отношении еще значительнее».

Перед самой революцией в феврале 1917 года Обуховский сталелитейный завод в Петербурге определил минимальный прожиточный минимум среднего рабочего. Он равнялся для рабочего семейства из трех человек 169 рублей, из которых 29 рублей шли на жилье, 42 рубля — на одежду и обувь, остальные 98 рублей — на питание.

Академику Струмилину удалось доказать, что и в начале XX века заработки российских рабочих в крупной и средней промышленности были одни из самых высоких в мире, занимая второе место после заработков американских рабочих. Вот ход его рассуждений: средний годовой заработок в обрабатывающей промышленности США по цензу 1914 года достигал 573 долларов в год, 11,02 доллара в неделю, или 1,84 доллара в день. В перерасчете на русскую валюту дневной заработок американского рабочего составлял 3 руб. 61 коп. золотом. В России, по массовым данным 1913 года, годовой заработок рабочих деньгами и натурой достигал за 257,4 рабочего дня 300 рублей, то есть не превышал 1 руб. 16 коп. в день, не достигая таким образом и трети американской нормы. Отсюда и делались обычно выводы о резком отставании уровня жизни российских рабочих от американских стандартов. Но с учетом сравнительной дороговизны жизни в этих странах выводы получаются другие. При сравнении розничных цен на важнейшие пищевые продукты оказывается, что они стоят в США в три раза дороже, чем в России. Опираясь на эти сравнения, академик Струмилин делает вывод, что уровень реальной оплаты труда в промышленности России следует оценить не ниже 85 процентов американского. Таким образом, уровень оплаты труда в промышленности России был достаточно высок и опережал плату за труд в Англии, Германии, Франции.

Кстати, весьма показательным для понимания экономического положения российских трудящихся является потребление мяса и мясных продуктов, составившее в 1913 году 70,4 килограмма в год (в США — 71,8 кг). Еще более высоким потреблением мяса было в городах Российской империи — в среднем 88 килограммов на душу населения, при этом в Москве — 87, в Петербурге — 94, во Владимире и Вологде — 107, в Воронеже — 147. Еще больше мяса потреблялось в городах Сибири и Дальнего Востока.

Так что же обеспечивало относительно высокий уровень оплаты труда и потребления российских тружеников в течение многих веков?

Ответ на это прост: изобилие земли и природных ресурсов, а главное — трудолюбие народа.

Положение с оплатой труда резко ухудшилось после прихода к власти леворадикалов, начавших с 1918 года насаждать утопические идеи уравнительного распределения, когда стала осуществляться жесткая централизация оплаты труда в сторону всеобщей уравнительности и обезлички.

В 1919 году вводится единая для всей страны тарифная сетка с 35 разрядами и соотношением крайних разрядов 1 : 5. По первым

14 разрядам тарифицировались рабочие, а с 15-го разряда — инженерно-технический персонал.

Следующим шагом, доводящим до абсурда идею всеобщей централизации системы оплаты труда, стало «Общее положение о тарифе», подписанное Лениным в июне 1920 года. Документ устанавливал общие для всей страны нормы выработки, которые исходили из данных о некой средней производительности труда. Декрет подробно расписывал тарифные ставки, нормы и порядок оплаты и премирования труда. Декларируя повышение производительности труда, опираясь на абстрактные утопические посылки, декрет на самом деле способствовал уравниловке, обезличке и дальнейшему падению производительности труда. К концу военного коммунизма зарплата была натурализована. Продукты выдавались рабочим и служащим по карточкам и твердым ценам, а в конце 1920 года — бесплатно. Бесплатно выдавалась также производственная одежда, бесплатными были различные коммунальные услуги и транспорт. По исчислениям С. Г. Струмилина, в 1920 году заработная плата натурой была в 12 раз больше ее денежной части, то есть создалась идеальная уравниловка.

В 20-е и 30-е годы этап за этапом происходит чудовищное — планомерно снижается доля трудящихся во вновь произведенном продукте, в практику входит запланированная недоплата за труд. А. Рабинович в книге «Экономика труда», вышедшей в 1926 году, заявляет, что «высокая зарплата механически снижает норму прибавочной стоимости». Отсюда делается вывод о необходимости повышения прибавочной стоимости за счет снижения заработной платы. Доля оплаты труда в чистом продукте промышленности, составлявшая в 1908 году 55 процентов, в 1928 году — 58 процентов, в 30—40-е годы резко снизилась, а в 1950 году не превышала 33 процентов. Таким образом, на каждые три рубля, заработанных советским рабочим, два отдавалось в казну, тогда как в США из трех произведенных долларов два доллара рабочий оставлял себе. Формирование фонда оплаты труда работников по остаточному принципу становится государственным делом.

В Большой Советской Энциклопедии 30-х годов сообщалось, что «часть совокупного общественного продукта составляет фонд, предназначенный для возмещения израсходованных средств производства, для расширения общественных производственных фондов, для создания резервов... Остальную часть составляет фонд, предназначенный для удовлетворения потребностей социалистического общества в предметах потребления». Кстати говоря, в число первоочередных нужд включались и средства на содержание административного и репрессивного аппарата, что еще больше сужало совокупный фонд оплаты труда. Еще одним принципом объявлялось то, что «индивидуальная зарплата, получаемая рабочими, является лишь формой участия в распределении созданного всем классом продукта». Вот так обосновывалось обезличивание и уравнительность.

Основывающаяся на этих принципах оплата труда работников осуществлялась по тарифам, выработанным на самом верху бюрократического аппарата, и почти не учитывала местные и отраслевые особенности. Более того, оплата рабочих, выполнявших один и тот же труд, могла произвольно устанавливаться центром по-разному для разных отраслей или даже отдельных предприятий, исходя из «высших государственных соображений». Слесарь или токарь

в машиностроении получал значительно больше, чем в пищевой или легкой промышленности. Использование тарифных документов, не отражающих прямой связи между затратами и оплатой труда, свело к абсурду саму идею справедливого вознаграждения, материального стимулирования, обусловливало выводиловку, потолок оплаты, уравниловку.

Огромный вред складыванию системы материального стимулирования нанес сложившийся в 30-е годы неэквивалентный обмен между государством и трудящимися. За счет значительного косвенного налогообложения, по сути дела «дани», за товары ширпотреба рабочим и крестьянам приходилось платить больше, чем они реально стоили. А как известно, в условиях завышенных цен материальные стимулы для большей части населения работают слабо.

Положение российских трудящихся ухудшалось еще и тем, что Россия была поставлена в неравноправное экономическое положение и была вынуждена безвозмездно отдавать часть своих ресурсов для развития других союзных республик. Делалось это через систему дотаций и неравноправных цен на российские продукты. Все это снижало реальную заработную плату российского труженика.

Начиная с конца 20-х годов и без того плохие по сравнению с 1913 годом условия труда рабочих становились все хуже и хуже. Как писал в своих воспоминаниях Хрущев, бывший тогда секретарем МК ВКП(б): «Рабочих вербовали (а точнее, направляли по разнарядке. — **О. П.**) из деревни, селили в бараки, там люди жили в немыслимых условиях: грязь, клопы, тараканы и, главное, плохое питание, плохое обеспечение производственной одеждой. Вообще с одеждой было трудно, не купишь. Все это, естественно, вызывало недовольство. Раздражали людей и пересмотры коллективных договоров, связанные с пересмотром норм выработки, расценок. К примеру, была такая-то норма, а потом, после Нового года, вдруг на 10—15 процентов выше при тех же расценках и даже меньших».

Средняя месячная зарплата рабочего позволяла купить в 1913 году 333 кг черного хлеба, в 1936 году — 241 кг, масла — 21 кг и 13 кг, мяса — 53 кг и 19 кг, сахара — 83 кг и 56 кг. В годы нэпа рабочий тратил на питание около 50 процентов своей заработной платы, а в 1935-м — 67,3 процента.

По официальным данным, заработная плата советского рабочего возросла за 1929—1953 годы почти в 11 раз. Однако эти данные не учитывали гигантского роста стоимости жизни. По расчетам американского ученого Жанет Чепмен, стоимость жизни в СССР по сравнению с 1928 годом возросла в 1937 году в 5 раз, в 1940 году — уже в 7 раз, а в 1952 году — в 11 раз. И эти данные совсем не удивляют, если посмотреть на ценники товаров в разные годы. Цены на печеный ржаной хлеб возросли с 1928 по 1937 год в 10 раз, а к 1952 году — в 19 раз! Цены на говядину 1-го сорта в 16 и 17 раз; на свинину в 10 и 20 раз; на сахар в 6 и 15 раз; на подсолнечное масло в 28 и 34 раза; на яйца в 11 и 19 раз; на картофель в 5 и 11 раз! Вместе с тем увеличивались суммы обязательной подписки на займы и налоги. В результате в 1952 году уровень заработной платы был ниже уровня 1928 года, хотя и превышал уровень зарплаты предвоенных лет.

Ж. Чепмен производит расчет, сколько продуктов может купить рабочий за 1 час работы в СССР и зарубежных странах. Так вот, если в 1928 году советский рабочий мог купить продуктов за 1 час работы в 4 раза меньше, чем американский, и в 2 раза меньше,

чем английский, то в 1950 году — уже в семь раз меньше, чем американский, и в четыре раза меньше, чем английский.

В 1929 году снова вводится карточная система: рабочий, провозглашенный хозяином страны, получает 600 граммов хлеба в день, а члены его семьи по 300 граммов, жиров от 200 граммов до 1 литра, 1 килограмм сахара в месяц. В 1930 и 1931 годах размеры выдачи по карточкам снизились. Мясо по карточкам почти не выдавалось, купить его можно было только на рынке.

Для сравнения скажем: уровень питания в средней русской артели середины XIX века был в 3—5 раз выше, чем советского рабочего на стройках социализма в 1930-е годы. В артелях, например, полагалось на день граммов по 300 мяса, а хлеба и каши сколько съешь, как тогда говорилось — «от пуза».

Десятилетия, которые минули со смерти Сталина, мало что изменили в сложившейся в его время системе вознаграждения за труд. Она по-прежнему остается несправедливой, в большей степени уравнительной, противоречащей народной психологии, вызывая апатию, раздражение и даже пассивный саботаж. Ведь по сей день продолжается практика недоплаты за труд, нарушается право трудящихся получать экономически обоснованную долю во вновь произведенном продукте. Сегодня удельный вес оплаты труда в стоимости чистого продукта промышленности не превышает 37 процентов (в США 80-х годов 60—70 процентов), то есть, как и при Сталине, у рабочего отчуждалось две трети созданного продукта. Да и методы отчуждения были те же самые. Трудящиеся вынуждены платить за промышленные товары в среднем в два раза больше, чем они реально стоят (а по некоторым товарам — во много раз). На полную мощность работает печатный станок, выпуская деньги, не обеспеченные товарами.

Еще больше усилилось экономическое неравноправие РСФСР. Российские ресурсы через систему дотаций и низких цен на российские продукты вывозятся в другие республики, перекачиваются в их пользу (а это около 70 млрд. рублей), сокращая и без того нищенский прожиточный минимум российских тружеников. Из кармана каждого жителя России как минимум изымается около 500 рублей в год.

Еще больше снижение уровня реальной заработной платы трудящихся происходит в результате бурного накопления в руках дельцов теневой экономики баснословных капиталов, украденных у народа путем различных махинаций и спекуляций. Сегодня общий объем воровских капиталов оценивается до 500 миллиардов рублей, а это больше годового фонда потребления всего населения СССР. Сосредоточив в своих руках такую экономическую власть, дельцы теневой экономики контролируют 25—30 процентов нашего народного хозяйства, активно влияя на уровень реальной заработной платы. Ежегодно из кармана каждого труженика уплывает в лапы дельцов и махинаторов не менее тысячи рублей.

В общем, две трети своего рабочего дня простой труженик занят тем, чтобы прокормить ораву бесполезных чиновников и конторских служащих, легионы спекулянтов, махинаторов, дельцов-теневиков и их прожорливое окружение. Как сказано выше, в 1914 году зарплата рабочих в крупной промышленности была в России одна из самых высоких в мире, приближаясь к американской, а сегодня одна из самых низких — составляя не более 15—20 процентов от уровня США. Многие простые труженики остро

ощущают то, что за их счет паразитируют большие слои людей. Специальный опрос, произведенный в Москве, показал, что 51 процент мужчин и 43 процента женщин считали вознаграждение за свой труд не соответствующим трудовому вкладу. По расчетам экономиста А. Зайченко, 86,5 процента населения нашей страны относится к малообеспеченным, а по американским стандартам живут ниже уровня бедности. Остальные 13,5 процента — это богатые и обеспеченные семьи. Однако богатство и обеспеченность многих — результат незаконной деятельности. По оценкам того же экономиста, две трети богатых семей построили свое богатство на незаконных, воровских источниках дохода. А среди обеспеченных семей половина паразитирует на дефицитных товарах, украденных опять же у народа. Неужели труженики могут снисходительно относиться к этим слоям населения? Конечно, нет. Вполне законно их требование провести денежную реформу и ввести декларацию доходов и имущества (существующие, кстати, во всем мире). И не уравнительности требуют трудящиеся, когда выступают за денежную реформу и декларацию доходов, а элементарной справедливости. Богатства, сколоченные на взятках, махинациях, спекуляциях, использовании своего должностного положения в корыстных целях, должны быть ликвидированы. Пока это не произойдет, перестройка будет игрушкой в руках преступных элементов. Денежная реформа, декларирование имущества должны быть проведены как можно раньше. Каждому гражданину по паспорту нужно обменивать до 30 тысяч рублей, а обмен денег выше этой суммы должен производиться после заполнения декларации о доходах, после доказательства честного происхождения этих денег.

Наши леворадикалы, выступающие против денежной реформы, не могут не знать, что подобные меры — не редкость в западных странах. Например, во Франции после второй мировой войны развелось слишком много подпольных миллионеров, разбогатевших незаконным образом. Государство сделало так: «Объявило обмен старых денег на новые. При этом каждый должен был объяснить, каким образом он свои средства заработал. Сумел объяснить — получай в новых деньгах всю сумму. Не сумел — никто ничего не выяснял, просто меняли половину от предъявленной суммы, а другая половина в виде налога изымалась в бюджет. Таким образом теневой экономике пришел конец» («Известия», 26.1.90).

Конечно, ликвидация воровских капиталов еще не восстановит справедливость в вознаграждении за труд. Ибо корни несправедливости уходят гораздо глубже. Следует провести поэтапное повышение доли оплаты труда в национальном доходе до той справедливой меры, которая существовала в нашей стране в начале века, то есть фактически ликвидировать остаточный принцип в формировании фонда зарплаты. Постепенно надо отменить позорную «дань», которую государство взимает от населения при покупке товаров широкого потребления, так называемый налог с оборота, необходимо восстановить экономическое равноправие России, прекратить перекачку российских ресурсов в пользу других союзных республик через систему дотаций и занижения цен на российские продукты, являющуюся фактическим изъятием доходов российских тружеников. Все это позволит увеличить долю оплаты труда, восстановить справедливость в распределении его результатов, обеспечит нормальные условия приложения труда и, следовательно, повысит его качество и производительность.

Сергей ЩЕРБАКОВ

БОЛЬ МОЯ — АЛТАЙ

В коридорах Горноалтайского облисполкома было на удивление пусто. Секретарь объяснила мне, что в конференц-зале проходит сессия народных депутатов и все находятся там. Двери в зал были приоткрыты, и я вскоре понял, что решаются два вопроса: отделение Горноалтайской области от Алтайского края и ускорение строительства Катунской ГЭС. Сама постановка второго вопроса — «ускорить строительство» — несколько меня озадачила. Буквально на днях на заседании Совета Министров РСФСР решено было приостановить строительство Катунской ГЭС до следующего заседания в марте — апреле 1990 года. А из услышанного мной выходило, что решение Совмина республики здесь игнорируется, как и мнение специалистов из Госплана, Госкомприроды, Главгосэкспертизы, проводивших дополнительные экспертизы по проекту Катунских ГЭС и не рекомендовавших его к согласованию из-за целого ряда недостатков. По меньшей мере странно? Да и мнение общественности, широким фронтом вставшей против строительства ГЭС, для Горноалтайского облисполкома, видимо, ничего не значит?

Стоявший рядом со мной мужчина так же удивился: «Интересно, они здесь решают, а мы и знать ничего не знаем, всенародного обсуждения не было». Я сказал ему, что работники облисполкома говорили мне, будто бы в области проведены сходы и на них большинство населения выступило за строительство ГЭС. Он сразу возразил: «Это неправда. У нас большинство против ГЭС. А сходы эти, — он иронически улыбнулся, — вы что, не знаете, как это у нас делается? Соберут во время рабочего дня баб да конторских, а они известно, — что им скажут, то и сделают. А работяги все в это время пашут... А то еще лучше у нас химичат. В сельсовете по указке сверху напишут бумагу, мол, собрали сход, и он решил... Так-то вот. Я убежден, что большая часть населения области против ГЭС».

День подходил к вечеру, а перерыв все не объявляли. Мой товарищ по ожиданию, приехавший получить машину для своей организации, все больше выходил из себя: «У нас в стране теперь больше талонов, чем товаров. По мне, пусть бы еще сто лет застой продолжался». Он дожидался начальника, без подписи которого машину не выдавали. «Расплодили дармоедов на свою голову. Всяких помощников, замов у него полно, а выдать машину никто не может. Зачем они тогда нужны?» Он никак не мог понять, почему из-за одного человека должны терять рабочее время другие люди. Честно сказать, я тоже этого никак понять не могу. Я спросил его, почему местное руководство так стоит за стро-

ительство ГЭС. Он без раздумий ответил: «Начальник с пеленок в город рвется. ГЭС ведь промышленность в области создаст, то есть новые города появятся... Да и любят они чужими руками жар загребать. Попробуй-ка сейчас наше сельское хозяйство поднять, быстро весь жир с тебя сойдет, а промышленный комплекс можно за счет Минэнерго построить, и можно потом государство доить. Мол, нужны средства для развития промышленности, и государство, глядишь, лишний раз раскошелится...»

* * *

Виктора Трифонова я нашел на стройке, в здании будущей камнерезной мастерской, начальником которой он является. Виктор мешал в поддоне раствор, и я, понимая, что раствор может схватиться, задал ему всего один вопрос. Он внимательно выслушал меня, изучающе поглядел в глаза и предложил прийти к нему домой вечером.

В квартире Трифонова я встретился с председателем регионального комитета защиты Катуни Сергеем Ивановичем Кергиловым. Это молодой мужчина с интеллигентным лицом, спокойный, доброжелательный. Он говорил о том, что «алтайский народ всегда очень бережно относился к природе, он ее сын, а Катунь для алтайцев — священная река, и даже поэтому ее нельзя трогать. То, что алтайцы живут убого по сравнению с другими народами нашей страны, — это неправда. Я часто езжу по районам и могу твердо сказать, что там, где сохранилась природа, а значит, и традиционные виды хозяйствования алтайцев — животноводство, таежный промысел, — там люди живут хорошо. А вот в Турочакском районе тайгу вырубили, там действительно люди живут убого во всех смыслах».

Я спросил Кергилова, что будет с комитетом после «победы». Сергей ответил: «Главная наша цель — не только защита Катуни, но сохранение Горного Алтая в первозданном виде, так что дел впереди непочатый край. Надо прекратить варварскую вырубку тайги, уничтожение пастбищ. Мы ведь защитники природы... и человека!»

Кергилов попрощался с нами, а я остался гостем семьи Трифоновых.

Виктор Трифонов с женой Таней и двумя сыновьями жил в роскошном городе Севастополе. Он серьезно занимался самообразованием: изучал философию, корпел над Библией, жадно читал литературу «по Востоку». Члены семьи шли по его стопам. Кажется, все было прекрасно, но русская широкая натура не могла успокоиться. Ему не хватало человеческого мира, и потому временами одолевала тоска, и жизнь казалась ничтожной, душа рвалась куда-то. Однажды ему попалась книга об Алтае. Прочитав ее, он не спал несколько ночей, а затем взял и переехал со всей семьей в Горноалтайск. Он спросил меня: «Знаешь, как переводится Алтай? Алтай — это Родина». То есть Виктор Трифонов не просто уехал от курортной жизни отдыхающих сограждан, но он вернулся на Алтай-Родину...

И здесь-то, на Алтае, началась настоящая жизнь Виктора Трифонова. Здесь наконец-то его знания, ум, талант оказались нужны людям. Виктор стал камнерезом. Правда, его «камушки» я уви-

дел только на слайдах, зато они есть у многих любителей искусства не только в нашей стране, но даже за рубежом.

Начало его настоящей жизни почти совпало с началом перестройки — переехал он в Горноалтайск в конце 1984 года, — и, наверное, поэтому Виктор стоит за нее горой и на всю критику в ее адрес резко возражает: «Главное — людям дали возможность жить активно, а остальное все уже в их руках».

Виктор влюблен в Алтай. Он уже изучил множество легенд и преданий алтайского народа, сам объехал и обошел в поисках драгоценных «камушков» почти весь Горный Алтай, взошел на многие его вершины, сплавлялся на плоту по многим рекам. И это он запечатлел на прекрасных слайдах, которые украсили бы любой центральный журнал. Я не выдержал и сказал, что надо всем показывать эти слайды и тогда всякий, в ком жива душа, поймет, что Алтай нужно сохранить в первозданном его великолепии. Когда я посетовал, что многие наши соотечественники стали совершенно равнодушны к природе, Виктор возразил: «Нет, даже у них (у чиновников-бюрократов) не хватило сил уничтожить в человеке любовь к коню, к дереву».

Потом мы пили чай с вареньем, и Виктор размышлял вслух: «Будущее окажется такое, какое мы себе выберем, потому и идет такая война вокруг Катунской ГЭС. Я уверен, что даже те, кто не понимает этого, борются не против ГЭС, а именно за свое будущее». Я спросил: «Выходит, что технократы, сторонники ГЭС — враги нашего будущего?» Он ответил: «У китайцев есть мудрость: кто хочет добра своему народу, тот никогда не нарушит законов природы». Я согласился с ним. Из заключения экспертов видно, что подготовка к строительству ГЭС велась самая халтурная. До сих пор неизвестно, что будет после с краем. Многие специалисты утверждают, что на Катуни снова хотят получать «голую энергию». То есть неизвестно, куда пойдет электроэнергия и сколько ее будет нужно, потому что нет программы комплексного развития Горного Алтая. Примеров такого подхода мы знаем немало: сибирские ГЭС, целина, БАМ и многое другое. Кроме того, есть опасение, что водохранилище окажется структурной ловушкой для ртути и других вредных веществ, и тогда мы собственными руками создадим «мертвое озеро», о котором в алтайской легенде сказано, что всякий зверь обходит его стороной и птицы облетают кругом.

Людям надоело, что их пытаются таким образом облагодетельствовать сверху, а в результате они никаких благ не получают, и они решили наконец подумать о себе сами. Супруги Трифоновы обошли много домов в Горноалтайске, спрашивали, как люди относятся к строительству ГЭС. Большая часть опрошенных была против строительства, и даже те, кто надеялся на нем работать, говорили: «Как человек я против».

* * *

К встрече со мной Юрий Иванович Тошпоков подготовился капитально. Может быть, потому, что я хоть и не скрывал своих гуманных к природе взглядов, но сразу сказал, что приехал основательно во всем разобраться, понять людей, а через это и главные проблемы строительства Катунской ГЭС.

Когда сел в служебную японскую машину «нисана», он с улыб-

кой сказал: «Вот видите, Тошпоков на импортной машине раскатывает. Так что у вас уже есть зацепка критиковать его». Я ответил, что местные жители в самом деле осуждают руководителей, говорят, мол, в каждом колхозе председатель теперь норовит приобрести именно «нисану», уже по несколько машин есть в каждом районе, а одна «нисана» между тем стóит хорошего крестьянского дома. Юрий Иванович спокойно выслушал меня, подал кулек с грушами: «Угощайтесь, наши, алтайские, из моего сада. Не хуже, чем южные, и арбузы у нас растут — во-о...» А затем добавил: «Насчет «нисаны» скажу так. К сожалению, люди у нас по-прежнему считать не научились. Да, «нисана» стоит дороже «Волги», но она работает на солярке, и резина у нее не то что наша, поэтому в результате она обойдется государству чуть ли не в два раза дешевле, чем «Волга».

Первым делом мы заехали в поселок гидростроителей в Майме (это рядом с Горноалтайском). В основном здесь одно-двухэтажные дома, при них приусадебные участки. Чистота, везде асфальт, возле домов детские площадки оригинальных конструкций. Видя, что мне нравится здесь, Юрий Иванович вдохновился: «Мы еще не то можем. У нас в Минэнерго люди рукастые. Борис Николаевич Ельцин также критиковал нас, а привезли его на одну ГЭС, и у него сразу глаза по шесть копеек стали. Говорит: «Ну, молодцы гидростроители. Я даже не думал, что у нас могут так строить». Нет, руки у нас не хуже, чем у японцев, да и мозги не жиже». Юрий Иванович — за технократическое будущее алтайского народа. Я заметил, что он даже обижается за алтайцев, когда ему говорят, что им нужно оставаться животноводами, охотниками. Я не стал спорить с ним о том, что любой труд, если подходить к нему творчески, уважаем и что чабан может быть ничуть не менее развит, чем инженер, если все у нас поставить на ноги.

Тошпоков продолжал развивать свою мысль: «Но самое главное, что мы, гидростроители, покажем местному населению, как можно сегодня жить и работать. Им будет с чем сравнивать, у кого учиться».

Потом он показывал почти достроенную больницу, не забыв при этом сообщить, что она будет обслуживать и местное население. Возле каркаса домостроительного комбината Тошпоков остановился: «Комбинат нужен Горному Алтаю как воздух. Он решит жилищную проблему, но если строительство ГЭС запретят, тогда мы его достраивать не будем». Я простодушно спросил: «А почему не будете достраивать?» Юрий Иванович твердо ответил: «Это будет не в наших интересах». И я подумал о раздвоении личности. Как человек Тошпоков хочет быть патриотом Горного Алтая, а как специалист — он патриот своего министерства...

Слева от дороги вставали крутые сопки, а справа за деревьями бежала прекрасная вода Катуни. Смотрел на нее, а Юрий Иванович рассказывал о многотрудной работе гидростроителей. Чтобы я не забыл, несколько раз повторил, что относится к «зеленым» с уважением, что благодаря им он серьезно занялся психологией, этикой, социологией, а теперь осваивает азы актерского ремесла: «Современному руководителю оно просто необходимо». Однако, когда я приводил особо крепкие аргументы «зеленых» против строительства, то он сразу «выходил из роли»: «Кудахтают, кудахтают...»

Из разговоров с ним мне показалось, что он мечтает вместе со строительством ГЭС превратить Горный Алтай в этакую маленькую Японию в центре страны и боится упустить этот шанс. Что намерения его серьезны, видно уже потому, что он ни от кого не скрывает, что он вернулся на Алтай-Родину насовсем — поселился в двухквартирном прекрасном доме с большим огородом и все так обустроил, как обустраивают только люди, собравшиеся жить в доме до самой смерти. Настроен он решительно: «Если ГЭС строить не будем, тогда я начну жить для себя. Я и без ГЭС дело себе найду... Суслик, кроме основного входа в нору для всех, всегда роет еще запасной выход только для себя. Так и я». Думаю, что Тошпоков наговаривает на себя, не роет он никакого «второго выхода». Просто он начал сомневаться и понимать всю меру своей ответственности за будущее алтайского народа, какая невольно легла на его плечи. Глаза у него усталые, грустные, даже когда он улыбается. Но он технократ до мозга костей, и в его воображении Алтай не Швейцария, а Япония. Потому для него трудно отказаться от ГЭС. Вот он и говорит: что «здесь, в Горном Алтае, место и ситуация просто уникальные для строительства ГЭС: затопят всего 80 километров непригодной для сельского хозяйства земли, и всего около 500 человек переселят, зато электроэнергия будет чуть ли не самая дешевая в стране». Вот он и убежден: «Если здесь ГЭС не строить, то где тогда строить? А строить все равно будут, энергия Горному Алтаю для развития необходима».

Устав от моих нападок, Тошпоков с горькой обидой сказал: «У нас в стране ситуация, как на стадионе. Двадцать два человека играют, а остальные смотрят, советуют, ругают. А должно быть наоборот». Я возразил ему: «По-моему, на Алтае-то как раз все «на поле вышли», только это почему-то вдруг многим не понравилось». Он не нашел что ответить. Видя, что я не могу оторвать глаз от Катуни, Юрий Иванович выдвинул новый аргумент: «У меня есть замысел создать на берегу Катуни этнографический музей под открытым небом, а рядом, предположим, будет пионерский лагерь, чтобы алтайские ребятишки не просто отдыхали, но и знакомились с традициями, культурой своего народа». Я почему-то сразу представил этот музей, окруженный городскими домами вместо этой дивной красоты, и спросил: «А что, вам лишние деньги для строительства ГЭС дают?» Тошпоков засмеялся: «Это секрет фирмы». Из опыта жизни я хорошо знаю, что означает в нашей стране «секрет фирмы»... Однако благородные цели все же достигаются только благородными средствами...

* * *

В поселке гидростроителей возле села Еланда вокруг директора ГЭС сразу собралась группа рабочих. Их интересовал один вопрос: будем ли строить? Не слышал, что им ответил Тошпоков, видимо, обнадежил, потому что несколько человек громко заявили: «Пусть они («зеленые») орут, а мы все равно будем строить». Настроены люди были воинственно. Уже много месяцев они живут, почти ничего не делая, не зная, что их ожидает завтра. Может, будет команда переезжать в другое место, а у многих уже семьи здесь, другим, наоборот, надоела хуже горькой редьки холостяцкая жизнь и безделье. Понять чувства строителей

можно, но согласиться с тем, что во всем этом виноваты «зеленые», никак нельзя. Виноваты те, кто планировал это строительство спустя рукава и не посоветовавшись с народом. Так что виноваты не «зеленые», а руководители, проектировщики. Да и самим строителям пора перестать быть «работягами», которым все равно, что и где строить, лишь бы платили получше. Пора становиться сознательными гражданами своей Родины...

И вот мы стоим на том самом месте, где планируется перекрытие Катуни. На другом берегу на огромных валунах — палатки, а над ними зеленый флаг. Это который месяц «зеленые» несут здесь вахту, чтобы не прогремели на Катуни взрывы, означающие перекрытие реки. Юрий Иванович заметил, куда я смотрю: «Я их уважаю, но это фанатизм. Живут они здесь по недомыслию. Никто не собирается пока взрывать створ. Мы произвели здесь несколько изыскательских взрывов для изучения состава породы, возможности воздействия на нее. А они раструбили везде, что мы начали перекрытие. Это смешно».

Лично я поверил Тошпокову, но мне было не смешно — я вспомнил, что совсем недавно читал в какой-то газете, как в одном городе уверили жителей, будто строят обыкновенный электроламповый завод, а построили оборонный с очень вредным для здоровья людей производством. Да и сколько раз нас уже обманывали! Так что и захочешь поверить, да не поверишь. Поэтому я за то, чтобы «зеленые» и дальше охраняли Катунь. А какой пример гражданского мужества они подают людям. Это очень важно потому, что слишком много у нас равнодушных людей расплодилось, которым все трын-трава.

На обратном пути мы остановились в Еланде и зашли в первый попавшийся двор. Сразу подошли люди. Юрий Иванович представил меня. Один из молодых мужчин зло сказал: «Надоели вы нам все. И красные, и зеленые. Идите вы все от нас, алтайцев». Я спросил его, как он относится к ГЭС, к тому, что их всех переселят в другое место, а родное село снесут. Он ответил: «Мне теперь все равно, я везде шофером работать буду. Я за ГЭС. По сорок рублей в совхозе зарабатываем». Тут вмешалась в разговор женщина средних лет: «Тебе-то, может, все равно, а мне не все равно. Здесь родные мои похоронены. Считаю, ГЭС нам не нужна. И так мало нас, алтайцев, осталось, а когда ГЭС построят, города, поселки, то мы затеряемся среди пришлых хапуг, наркоманов и пьяниц».

Другие женщины поддержали мою собеседницу. Зато пожилой мужчина, сидя на ступеньках дома, возразил: «У нас совхоз, зовем мы его «Сорок лет без урожая». Здесь нечем заняться. Земля не рожает, пастбищ нету. Я думаю, ГЭС нужна». Женщины сразу взялись доказывать ему, что если поменьше водку пить да с умом за дело взяться, то работы и здесь полно. Тут подошел изрядно выпивший мужчина и крикнул: «Цыц, бабы! Вам никто слова не давал. А ГЭС строить надо». Мне уже приходилось слышать таких, как он, и я отметил, что пьющие люди все здесь были за строительство ГЭС...

Между собравшимися во дворе начался спор, такой же жаркий, как и везде здесь, когда речь заходит о строительстве гидростанции. Так что в облисполкоме меня ввели в заблуждение, заявив, будто все население Горного Алтая — за строительство ГЭС. Более того, даже среди сторонников строительства было

много людей сомневающихся. В Алтайском крайисполкоме, например, начальник отдела координации использования топливно-энергетических ресурсов (один из главных кураторов стройки!) Сергей Геннадиевич Гусев сказал мне: «У меня двоякое отношение к строительству ГЭС. Я этого не скрываю. Причин для этого много. У нас, например, совсем не изучен баланс электрической энергии, а без этого, по-моему, трудно определить, нужна ли Катунская ГЭС...» Да и ведущий специалист того же отдела Виктор Васильевич Ефремов поддержал его: «Если докажут, что от размываемой ртути будет вред природе, людям, то я буду против ГЭС».

Наконец наша «нисана» остановилась возле гостиницы «Турист», где я проживал. Тошпоков вышел попрощаться со мной. Устало глядя в глаза, он сказал: «Не забывайте, что я алтаец, на мне большая ответственность». Я пожал ему руку и, глядя, как он тяжело сел в машину, подумал: «Так получилось, что Юрий Иванович Тошпоков останется в памяти алтайского народа, а чем его будут вспоминать — худым или добрым словом, зависит только от него самого...»

* * *

В село Быстрый Исток, что стоит на Оби между Бийском и Барнаулом, приехал поздно вечером. Проблуждав в потемках часа два, наконец увидел в окнах одного дома свет. На стук в окно вышел мужчина. Услыхав, что мне нужен Геннадий Кузьмич Клепиков, он заспешил на улицу: «Знаю Кузьмича, как же не знать». Толково объяснил мне, как надо идти: «Бери все время правее, вдоль забора, а когда увидишь справа незавидный домик рядом с ветлами, смело стучись в дверь». Я пошел по указанному пути.

Геннадий Кузьмич Клепиков — мой первый литературный наставник и старший товарищ. Он журналист от бога и мог бы в наше время как сыр в масле кататься. Но Кузьмич, когда ему мешали жить и работать честно, всегда говорил всю правду-матку в глаза и бросал на стол заявление об увольнении. Так до сорока пяти лет переходил из одной газеты в другую, а потом вернулся на Алтай-Родину, в свое село Быстрый Исток, где живет уже седьмой год. Работает плотником в бригаде старшего брата Николая. Вечером садится за машинку и пишет отличные рассказы. Читая их, хочется написать в эпиграфе: «Плотнику Василию Белову от плотника Геннадия Клепикова». Кузьмич человек деликатный, никогда не утверждает ничего категорически, не навязывает своего мнения, никогда не спорит и всегда так умудряется разговаривать, что собеседнику обычно кажется, что он сам до всего додумался.

В одном из рассказов Клепикова прочитал притчу о двух плотниках, которые дружно строили баню, а когда дошли до пола, заспорили. Один говорит: надо доски строгать, не то ноги занозишь; другой возражает: не надо строгать, скользко будет. Пошли к старому плотнику. Выслушал он их, хитровато усмехнулся: «Раз вы оба правы, тогда доски строгать надо, но положить струганым вниз». Тогда я понял, почему Кузьмич с иронией относится к сегодняшним реальностям перестройки — строгать-то у нас начали, но кладут пока струганым вниз. Когда я восторженно рассказал ему об одном сельском кооператоре, который построил огромный

дом со всеми удобствами, даже с ванной, Кузьмич скептически выслушал меня и показал рукой за окно:

— Видишь калитку?

— Вижу, новая калитка.

— Ты думаешь, где я доски взял? Украл... Неужели ты думаешь, что я не хочу свой дом отремонтировать или новый поставить? Хочу, но денег нет, лесу нет... Ты вот спроси того хозяина, где он ванну взял, не говоря уж о материалах на строительство дома?

Я сразу вспомнил, что «от трудов праведных — не построишь палат каменных». И правило это пока незыблемо. Тем временем Кузьмич взял со стола книгу Ницше, прочитал из нее несколько выдержек о том, что сильный человек не должен жалеть слабого. Зная, что Кузьмич во всем стремится дойти до самой сути, я догадался, что он, пытаясь разобраться в происходящих в стране событиях, ищет ответов даже у Ницше, ведь у нас сейчас явно делают ставку на сильного человека...

Еще в письме из Москвы я просил Кузьмича подумать о проблемах Катунской ГЭС, но он словно забыл об этом и размышлял в основном о своем деревенском житье-бытье, о сельском хозяйстве, которое тогда только у нас поднимется, когда крестьянин будет жить «в достатке» (слово-то какое хорошее, забытое почти у нас — достаток! — то есть не богатая, не бедная, но достаточная жизнь — нравственная жизнь значит). Он говорил, что сам со стариками живет хорошо. Картошки на весь год накопали, капусту, огурцы, помидоры бочками засолили, всякого варенья наварили предостаточно. К нынешним ноябрьским кабана заколют. Что нам еще надо». Я согласился с ним, что вкусная, чистая от всяких нитратов пища у них есть. Вскоре я убедился, что все это Кузьмич говорил неспроста. У него все взаимосвязано и даже на бытовом уровне жизнь наполнена высшим смыслом.

На другой день он повел меня на Обь. По дороге рассказал, что с каждым годом ее приток — река Быстрый Исток — мелеет, но пока еще можно летом на лодке к его дому подплыть. Перед большой канавой остановился: «Здесь бежала речка Быструшка. Теперь ее нет». Вокруг целыми островами выделялись заросли облепихи. Некоторые ветки были настолько густо усыпаны желтой, словно подпаленной ягодой, что походили на большие кукурузные початки. Мы пересекли сначала одно сухое русло какой-то реки, подошли к другому. Только в самой середине его бежал небольшой ручеек, который мы перепрыгнули, не замочив ног. Кузьмич остановился: «Вот это и есть великая сибирская река Обь». Я недоверчиво посмотрел на него.

— Конечно, это еще не вся Обь, кое-что от нее пока осталось, но раньше здесь был полноводный рукав Оби.

Я сказал: «Что же делать? Ведь прогресс не остановишь...»

Кузьмич непривычно резко ответил: «Прогресс останавливать незачем, но нельзя бесконечно землю доить, надо человеку поститься не только ради спасения своей души, но и ради спасения земли». Я сразу вспомнил его рассуждения о достаточной жизни и подумал, что если человек выработает посты, чтобы природа не истощилась, тогда он не только саму землю спасет, но и сам наконец начнет спасаться. Да, собственно, к чему ведут противники строительства ГЭС? К тому же стремятся: прекратить безумную эксплуатацию земли.

Голос Кузьмича прервал мои размышления: «Если дальше так дело пойдет, тогда вода у нас дороже золота будет».

Потом мы увидели мужика. Он долго приглядывался к нам и, казалось, готов был нырнуть в кусты. Узнав наконец Кузьмича, расслабился. Оказывается, весь страх его был из-за двух стволов белотала, которые он срубил на черенки. Мужик покурил с нами, посетовал, что идет с рыбалки пустой, и на прощанье сказал: «Ладно, чего зря ноги шёркать, еще один ствол срублю». Кузьмич с улыбкой «разрешил» ему срубить еще два-три. Мужик возразил: «Не-е, два мне не нужно». Лишнего такой человек не возьмет, дальше достатка не пойдет... Кузьмич кивнул ему вслед: «Один мыкается. Пенсия маленькая, живет рекой да лесом».

В Быстром Истоке я не встретил ни одного сторонника ГЭС. Многие убежденно говорили: «Уже сейчас от реки одно название осталось, а построят ГЭС — и у нас тут пустыня Сахара будет». Некоторые серьезно подумывают, в какие бы места, куда еще не добрались наши варварские министерства, жить податься. Третьи жалуются, что уже сегодня воду из Оби пить нельзя. Один мужик как-то осенью соблазнился ее прозрачностью, а потом неделю боялся далеко от туалета отходить. Четвертые твердо знали, что строить все равно будут, так как в Монголии рудные месторождения все ближе к нашей границе подходят — им энергия нужна. Но все были против строительства гидростанции.

В последнюю ночь перед отъездом мы не спали до утра. Кузьмич делился со мной своими заботами, планами. Что старикам его уже мало осталось, потому податься ему от них никак нельзя, что потом он отдаст свой дом племянникам: «...Жалко, в хорошем месте он стоит, на берегу Истока...» Я не стал спрашивать: куда же он сам денется. Знал, что скажет: «Да мне много не надо, я не пропаду». Говорили и о Катунской ГЭС. Кузьмич советовал мне обязательно сходить в Минэнерго.

* * *

В Минэнерго я поставил вопрос ребром: целесообразно ли сегодня строительство Катунской ГЭС? Заместитель начальника главного научно-технического управления Владимир Сергеевич Серков ответил: «На этот вопрос однозначно никто сегодня ответить не сможет». Другой собеседник, главный редактор журнала «Гидротехническое строительство», он же заместитель председателя научно-технического совета Минэнерго СССР Николай Алексеевич Лопатин начал разговор так: «У меня вопрос к вашей журналистской братии: думаете ли вы, что если и дальше у прессы будет такое отрицательное отношение к гидроэнергетике, то страна окажется в тяжелейшем положении?» Я возразил ему, что и сегодня у нас положение не из легких, а ведь 70 лет государство прекрасно относилось к гидроэнергетике. Николай Алексеевич согласился, что и у них были ошибки, но продолжал упорно гнуть свою линию: «Дело же будет страдать. Все-таки миром управляют законы объективные, а сейчас хотят все делать по субъективным». С этим его доводом я также не согласился: «Думаю, что раньше наша экономика как раз развивалась по субъективным законам, а теперь здравомыслящие люди, например, противники ГЭС, как раз и пытаются поставить экономику на объективные рельсы». Оба моих собеседника отреагировали на эту реплику усталым молча-

нием. Видимо, они не в первый раз слышали подобный аргумент. Тогда я спросил: уверены ли они, что только ГЭС способна решить все социально-экономические проблемы Горного Алтая, что строительство ее — самый лучший путь к этому? Серков ответил: «Мы не настолько грамотные, чтобы все знать». Уловив мое удивление, он поспешно закончил: «Но строить или не строить ГЭС — это мы знаем, надо строить». Интересная логика, не правда ли? В целесообразности, в единственности пути не уверены, а что строить надо — в этом уверены? А зачем тогда строить?

Когда я рассказал им, что некоторые авторитетные ученые считают, что электроэнергия у нас в стране используется безобразно, что ее у нас даже излишек и поэтому строить новые электростанции нам пока незачем, а нужно научиться экономно, по-хозяйски расходовать электроэнергию, то они согласились с этим, мол, все это так, «однако для перехода на экономное расходование нужна соответствующая база, а у нас ее нет». Серков подытожил: «Думаю, лет через десять мы «пойдем назад», то есть к энергосбережению, а сейчас это невозможно».

Однако есть же выход из этого противостояния сторонников и противников строительства Катунской ГЭС. Его обнародовали в нашем журнале (Спасите Катунь, «МГ», № 1, 1990) ученые Б. Гаврилко, В. Черкашин, В. Шеплев. Они рассказали о нескольких альтернативных вариантах энергоснабжения Алтая. Катунскую ГЭС, по их мнению, «может заменить каскад малых ГЭС по Катуни и другим рекам Горного Алтая с высотой плотины 2—10 метров, которые своими водохранилищами не выйдут за границу ежегодного разлива рек». Могут помочь и «газотурбинные установки (ГТУ) с КПД 40—60 процентов, работающие на газе подземной газификации углей, сланцев или на газе наземной газификации углей». Или «повсеместное использование ветроустановок и солнечных установок с мощными системами аккумулирования энергии в сжатом и жидком воздухе, электролизном водороде и метаноле, в горячем паре высокого давления». Есть и другие, не менее интересные и оригинальные предложения. Но все они либо вовсе не рассматриваются Гидропроектом и экспертной комиссией Президиума СО АН СССР, либо с порога отметаются как неэффективные. Ничего вразумительного не смог услышать об этих проектах от сторонников строительства Катунской ГЭС и я.

Выходит, нам снова предлагают экстенсивный, бесчеловечный путь развития?! Теперь понимаю Виктора Трифонова, Геннадия Клепикова и многих других здравомыслящих людей нашей страны, которые не просто борются против Катунской ГЭС, но уже сегодня, не откладывая на завтра, не то, что на десять лет, хотят жить по-новому. И я поддерживаю их, так как тоже хочу когда-нибудь «вернуться на Алтай-Родину»...

●

Дискуссионная трибуна

ОТ СВОЕГО ИМЕНИ

Из писем в редакцию

«МАЛЕНЬКИЕ ДРАКОНЫ» О «БОЛЬНОМ ГИГАНТЕ»

В апреле 1990 года на Тайване (г. Тайбэй) состоялась конференция на тему: «Проблемы развития экономического сотрудничества в СССР в условиях политических и экономических реформ». В ее работе принимали участие ученые, представители деловых кругов и журналисты из Южной Кореи, Тайваня, Гонконга, Сингапура; выступали также гости — специалисты из стран АСЕАН, Австралии, Новой Зеландии, Канады и Японии. Конференция организована Тайваньским комитетом по развитию торговли, экономического и научно-технического сотрудничества с СССР и странами Советского блока (Комитет основан в 1987 г.) и Южнокорейской корпорацией содействия развитию внешней торговли (КОТРА). Эти две организации содействуют развитию торговли, экономическому и научно-техническому сотрудничеству Южной Кореи и Тайваня с СССР, странами Восточной Европы, КНДР, КНР и Кубой.

О «маленьких индустриальных драконах», точнее — о «Новых Индустриальных Странах» (НИС), в числе которых Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, за последние годы опубликовано в нашей стране и за рубежом немало сборников, книг, статей. В СССР в 1989—1990 годах состоялись торгово-промышленные выставки Южной Кореи и Тайваня, экономические и научно-технические семинары с участием специалистов НИС.

Тем не менее немного информации. НИС, и прежде всего Южная Корея и Тайвань, опережают многие развитые страны по ряду экономических показателей. Так, например, среднегодовые темпы прироста ВНП Южной Кореи и Тайваня в 80-х годах составляли соответственно 10—12 и 9—13 процентов, в то же время в США данный показатель равнялся 2—4 процентам, Японии — 3—5 процентам, ФРГ — 2—5 процентам.

Южная Корея и Тайвань уже в течение 10 лет занимают одно из первых мест в мире по экспорту одежды, обуви, мониторов, кинокамер, суперкомпьютеров, видеомагнитофонов, телевизоров новейших технологий, контейнеров и контейнеровозов, медикаментов, консервированных продуктов и т. п. Стратегия развития НИС, разработанная в 60-х годах национальными пра-

вительствами при содействии специалистов США и Японии, основывается на одной из моделей рыночной экономики и законах свободного транснационального предпринимательства с компетентным государственным регулированием. Важную роль в укреплении стабильности «экономического чуда маленьких драконов» сыграли иностранные инвестиции, способности социально-экономического механизма впитывать новейшие достижения НТР, создавать и расширять собственные сферы превосходства в мировой науке и технике и, следовательно, экономике и торговле.

В мировой истории это первый случай, когда отсталые колониальные территории за 20—30 лет превратились в высокоразвитые государства, имеющие ныне важные экономические и финансовые позиции во всех странах ОЭСР.

Торгово-экономические отношения СССР с Тайванем и Южной Кореей установлены в конце 70-х годов, однако их резкая активизация приходится на период после 1985 года в связи с возросшей заинтересованностью НИС в новых рынках сбыта новейших технологий и товаров, регионах приложения избыточных капиталов. Одновременно и в СССР было положено начало политике «открытых дверей» в отношении иностранных инвестиций, займов, совместного предпринимательства и т. п., в частности в Сибири и на Дальнем Востоке — регионах, наиболее близко расположенных к Тайваню и Южной Корее. Острая необходимость технологического обновления практически всех отраслей экономики страны, стремление руководства Союза получить новые и притом «льготные» кредиты (хотя, что «льготно» для правительства, далеко не всегда «вольготно» для народов страны — работа I Съезда народных депутатов РСФСР четко подтверждает это «несоответствие»...), установить прочные связи с новыми — «многообещающими» банками и компаниями, нажить «дополнительный» политический имидж — эти и им подобные факторы определяют развитие торгово-экономических связей СССР с НИС, как и с ЮАР и Израилем.

До второй половины 80-х годов торговля СССР с Южной Кореей и Тайванем осуществлялась через «посредников» — фирмы Японии, Гонконга, Австрии, Сингапура, ФРГ, США и др. С 1988—1989 годов интенсивно развиваются прямые связи, фактически разрешенные Сеулом и Тайбэем еще в 70-х годах (поскольку правительства этих стран уже в те годы считали СССР «невраждебной коммунистической страной»). Однако нежелание обострять и без того напряженные отношения с КНР и ухудшать политические отношения с КНДР, стремление противодействовать политическому сближению Пхеньяна и Пекина обусловили молчание тогдашнего советского руководства по поводу призывов Тайваня и Южной Кореи к установлению прямых отношений с СССР. Демпинговые цены на большинство экспортных товаров, низкие («льготные») проценты кредитов Тайваня и Южной Кореи, практикуемые ими и в настоящее время, тогда не особо привлекали советское руководство — прежде всего по политическим мотивам.

Сейчас же эйфория «нового мышления», подкрепляемого потоком займов и кредитов из-за рубежа, стала основой современного внутри- и внешнеэкономического курса СССР, «горячо одобряемого» «прорабами перестройки», в числе которых Н. Шмелев

и «Вопросы экономики», Т. Заславская, «околоогоньковские» экономисты, да и все лицедеи «прозападной» масти. Внешняя задолженность СССР в инвалюте странам ОЭСР, «нефтяным монархиям» (Кувейт, ОАЭ, Саудовская Аравия, Катар) и НИС возросла с 1,8 миллиарда в 1971 году до 48 миллиардов долларов в 1989 году. По данным на август 1990 года, размеры задолженности СССР составляют не менее 60 (!) миллиардов долларов, причем половина этой суммы приходится на «эру перестройки» *. «Займы Горбачева», как их окрестили на Западе, по-прежнему продолжаются.

Как говорится, да не оскудеет рука дающего! Но не забыть бы при этом, что следует остерегаться данайцев, дары приносящих.

Продолжающееся падение мировых цен на нефть и природный газ, составляющих 40 процентов общей стоимости советского экспорта, существенно ограничивает возможности увеличения резервов инвалюты в стране и последующего их использования для закупки за рубежом товаров массового спроса, современного оборудования или для выплаты внешней задолженности. Данная тенденция была отмечена на вышеупомянутой конференции в Тайбэе. Ее участники подчеркнули, что наращивание Центром объемов добычи и экспорта нефти и газа (как и других сырьевых ресурсов) в нынешних условиях неизбежно повлечет за собой социально-политический кризис и политические центробежные тенденции, прежде всего в Сибири и на Дальнем Востоке. Ибо эти регионы «превращены в аграрно-сырьевые колонии Центра, прикрывающегося общенациональными интересами» (со слов представителя кафедры «Экономика СССР» университета г. Гаосюон, Тайвань).

Трудно не согласиться с данным выводом, тем более когда в наших газетах, журналах, по радио и телевидению постоянно говорится о кризисном социально-экономическом положении России, особенно ее «экспортных» регионов — Сибири и Дальнего Востока. На I Съезде народных депутатов РСФСР депутаты от этих и других регионов подчеркивали, в частности, что без экономического суверенитета невозможно остановить разграбление центральными ведомствами природных богатств России, ее регионов.

Однако, по мнению тайваньских и южнокорейских экономистов, Центр долгие годы существовал за счет «выкачивания валютного сырья» России — ее нефти и газа, угля и леса, запасов драгоценных материалов и рыбных ресурсов. Непосредственные производители этого сырья были поставлены в положение «заложников» центральной, ведомственной бюрократии и ее наместников. Поэтому обретение Россией, ее регионами и народами суверенных прав угрожает «сверхбезбедному» существованию прежде всего центральной, якобы «общесоюзной» администрации, с 60-х годов наживающейся на нефте-, газо-, лесо- и других долларах. На конференции отмечалось, что подлинный экономический суверенитет России и ее регионов больше всего страшит «вершителей судеб» СССР и их зарубежных спонсоров из ОЭСР, извлекающих баснословные прибыли «благодаря» бесправию российских производителей, превращению природных бо-

* Аргументы и факты, 1990, № 20, с. 6.

гатств страны, ее экспорта в средства политических игр и комбинаций центральных ведомств.

Безусловно, тайваньцев и южнокорейцев навряд ли можно заподозрить в бескорыстных симпатиях по отношению к народам России и их достоянию. Но специалистам НИС нельзя отказать в объективности при изложении вопросов социально-экономического развития СССР и России в частности. И это резко контрастирует с комментариями «Радио Свобода», «Немецкой волны», «Голоса Америки», «Голоса Израиля», в которых любые социально-экономические или политические требования россиян препарируются в основном как «возрождение русского фашизма», «отъявленное русофильство», «угроза демократии и плюрализму», «дамоклов меч над перестройкой» и т. п.

Любопытно в таком случае знать, что же понимают специалисты по СССР и комментаторы из стран «классической» демократии под перестройкой и демократией? Забвение исторических, экономических и политических прав России, ее народов? Сохранение за ними роли бесправных и бессловесных трудяг на ниве благосостояния «отечественной» элиты и ее зарубежных обожателей? Ведь не называют фашизмом русофобский акцент националистических движений в Прибалтике, Грузии, Армении, Азербайджане, ряде районов Средней Азии? А геноцид армян и русских в Карабахе, Баку, Сумгаите — чем это не фашизм? Напротив, то, что происходит в других регионах Союза, — это «плюрализм» и «демократия», и «реальные плоды перестройки». А вот что касается «намека» на российский суверенитет, так это уж точно — «русский фашизм», и никак не меньше... Логика подобных комментариев не только безосновательна и бездарна, но и агрессивна.

Участники конференции не обошли вниманием и роль нынешних русско-японских факторов, влияющих на отношения НИС с СССР. Отмечалось, что Россия является сырьевым придатком японской промышленности: так, если в 1982 году в общей стоимости советского экспорта в Японию на сырьевые товары приходилось 60 процентов, то в 1988 году — 55 процентов, то есть структура экспорта СССР не изменилась. Но при этом доля руд, содержащих драгоценные и редкие металлы (золото, платину, палладий), а также необработаных алмазов в общей стоимости экспорта СССР в Японию составляла: 1982 год — 30 процентов, 1988 год — 28 процентов*. Как видим, и эта доля практически не изменилась. Истекший год не принес каких-либо изменений в структуре экспорта страны (точнее — России) в Японию. Становится ясной «картина» советского экспорта в Японию, справедливо называемого у нас в стране обдираловкой, ограблением недр и других богатств России — в первую очередь Сибири и Дальнего Востока, «привязыванием» их к «динамичной» японской технологии и предприимчивости.

Но японская предприимчивость и «улыбчивость» имеют свои пределы, особенно сегодня, когда появилась возможность, и притом реальная, приобрести кое-что «материально-территориальное» по «договорным ценам»... Согласно мнению большинства участников конференции, Япония намерена уже в ближайшее время потребовать Южно-Курильские острова и Южный Сахалин в ка-

---

* Проблемы Дальнего Востока, 1989, № 5, с. 98.

честве своего рода «платы» за предоставление СССР новых кредитов и увеличение экспорта современных технологий по демпинговым ценам. Токио уже не устраивают заманчивые предложения насчет концессий на нефтегазовые и лесные ресурсы Сахалина. Причем, если Южные Курилы планируется включить в состав Японии, то Южный Сахалин Япония стремится получить в концессию. По мнению директора Центра международных исследований Лю Сер Куана (г. Пусан, Южная Корея), аппетиты японцев распространяются на весь Сахалин и все Курильские острова. При этом Токио, зная о тяжелом валютно-финансовом положении СССР, был бы не против продажи Москвой Южных Курил и Сахалина (по примеру продажи США Аляски и Алеутских островов в XIX в.). Тайваньцы и южнокорейцы отмечают, что нынешнее руководство Союза и России, несмотря на официальную риторику, готово пойти навстречу японским вожделениям, но оно не без оснований опасается резко негативной реакции местного населения и России в целом, а также сопротивления военных.

Лю Сер Куан и другие участники конференции отмечали, что Москва пытается подготовить общественность к «целесообразности» уступок Японии, тем более когда эта «уступчивость» находится в русле оголтелого осуждения внешней политики СССР в период Сталина и Молотова. Генеральный директор Тайваньского комитета по развитию торговли, экономического и научно-технического сотрудничества с СССР и странами Советского блока Люн Вэй обоснованно констатировал, что, осуждая договоры СССР периода 30—40-х годов, московские руководители тем самым ставят под сомнение и государственные границы СССР, сложившиеся после второй мировой войны. Пересмотр последних, будь то в Европе или на Дальнем Востоке, чреват серьезными внутриполитическими осложнениями в СССР.

Участники конференции не прошли мимо неоднократных «откровений» шахматиста-радикала Г. Каспарова по поводу необходимости «продажи» Японии Сахалина и Курил, а Китаю — Монголии. Большинство выступавших отметили, что, хотя МИД СССР отмежевался от этих высказываний, та настойчивость, с которой Каспаров рекламирует явно не свою идею, свидетельствует об организации соответствующей кампании в СССР и за его пределами, цели которой вряд ли ограничиваются «обоснованием» отторжения от России только Сахалина или Курил. Попутно заметим, что Каспаров и его «сподвижники» не предлагают продавать Азербайджан или Туркмению Ирану, Клайпеду (Мемель) или Калининградскую область Германии, Западную Украину с Бессарабией и Закарпатьем Польше, Румынии и Чехословакии и т. п. Речь, как видно, идет об исконно российских землях, что не может не навести на мысль о нацеленности расчленительной кампании «каспаровцев» именно на Росссию. Пока на Россию...

Итак, территориально политиканские «игры» мешают, по мнению южнокорейцев и тайваньцев, развитию японо-советских торгово-экономических отношений. В связи с этим роль «маленьких драконов» — НИС — во внешнеэкономических связях СССР существенно возрастает. В 1989 году объем торговли СССР с Тайванем составил 300 миллионов долларов (1980 г. — 50 миллионов долларов), с Южной Кореей — 600 миллионов долларов (1980 г.—

70 миллионов долларов). Примерно 80 процентов стоимости советского экспорта приходится на энергетическое, промышленное и сельскохозяйственное сырье; в импорте преобладают станки и оборудование, электронные изделия, одежда и обувь. Участники конференции отмечали, что подавляющее большинство экспортируемых из НИС товаров «потребляется» центральной советской номенклатурой и ее наместниками в регионах, оседает на складах, фактически принадлежащих мафиозным группам. Немалая часть этих товаров разворовывается, является предметом «многократной» спекуляции — перепродажи, портится в процессе перевозки, хранения и т. п. Поэтому экспорт НИС практически не доходит до населения СССР, которое, естественно, мало что знает о бурном развитии торговли Союза с НИС.

С этим выводом нельзя не согласиться. Ибо, во-первых, «недопущение» импортных товаров массового спроса до тех, кто этот спрос постоянно предъявляет, стало уже обычным явлением для нашей торговли, которую мало заботят интересы трудящихся, пенсионеров, инвалидов, молодежи — их потребности и запросы. А во-вторых, ряд фирм Южной Кореи, Гонконга и Тайваня получают письма от жителей Сибири, Дальнего Востока, сетующих на невозможность приобрести продукцию данных фирм ввиду засилья торгово-финансовой мафии, воровства, номенклатурного снабжения, «круговой поруки» и др. Хотя основная часть экспорта НИС в СССР направляется на Дальний Восток и в Сибирь *.

Автор этих строк как-то беседовал с аспирантом из Томска. На вопрос о доступности товаров из НИС (да и вообще импортных изделий) для населения ответ был примерно такой: у нас чего только не придумают, чтоб не допустить население к этим товарам. В ход идут и «полузакрытые» распродажи (втридорога по сравнению с номиналом), и «избирательное» предоставление талонов, за которые тоже нужно платить (?!), или же «бесплатное» предоставление талонов в преддверии каких-либо выборов, визитов высокопоставленных чиновников из Центра, и «ускоренная» продажа неисправных, испорченных (наверное, «специально» испорченных?) товаров и т. д. Удалось спросить обо всем этом и сотрудника одного из научно-исследовательских институтов (г. Хабаровск) — ответ аналогичный. Вероятно, такими же будут ответы большинства населения страны, особенно российской глубинки, которое уже не первый год «не допускается» к импортным товарам, в том числе товарам из НИС.

Между прочим, представители многих фирм Южной Кореи на южнокорейской торгово-промышленной выставке в Москве (июль 1989 г.) пытались выяснить у советских торгово-закупочных организаций, «охотно идущих» на контракты, каков механизм доведения советского импорта до населения... Впоследствии делегаты этих фирм, выступавшие на конференции в Тайбэе, четко резюмировали: «нет ни механизма, ни доведения». Торгово-финансовая мафия в Союзе, по их обоснованному мнению, получает гораздо больше прибыли от покупки-реализации импортных товаров, чем страны и фирмы-экспортеры. Некоторые тайваньские делегаты заявили в этой связи, что рост экспорта в СССР в нынешних условиях обогащает центральную, местную элиту и связанные с ними мафиозные группы.

Как отметил Ким Чон Ин, советник президента Южной Ко-

* Trade Altennative, Seoul, 1989, № 8, p. 10—13.

реи по экономическим вопросам, «результатом развития сотрудничества с СССР должен быть большой приток южнокорейских товаров в Советский Союз... Надеюсь, что советские люди увидят наши товары в немалом ассортименте в своих магазинах». Ну и где же эти товары в советских магазинах? Да и что означает сегодня понятие «советский магазин»? Может, по мнению «высших» руководителей отечественной торговли, советский магазин — это исключительно валютная торговая точка? Или кооперативная лавка, в ассортименте которой все большее место отводится импортным товарам, поставляемым в эту лавку государством по «договорным» — спекулятивным — ценам?

Вообще взаимоотношения государственной и кооперативной торговли, особенно в последнее время, заслуживают отдельного и весьма пристального внимания. Хотя бы потому, что организованная высокими инстанциями спекуляция импортными и отечественными товарами через подставные псевдооперативные магазины — одно из новых и «далеко идущих» явлений в экономической жизни страны. И прежде всего — России.

Советская сторона, открывая на Дальнем Востоке «зоны совместного предпринимательства», не только не дает политико-юридических гарантий иностранным вкладчикам и промышленникам, но и, по сути дела, не стремится превратить эти зоны в центры индустриализации региона, не заинтересована в том, чтобы производство и прибыли данных центров «работали» на хронически страдающие от всевозможных дефицитов различные регионы страны, особенно России. Так, правительство Союза ограничивает совместное предпринимательство в Приморье морскими промыслами, на Сахалине — сырьевыми разработками и т. п., отвергая предложения тайваньцев и южнокорейцев о расширении сфер взаимного сотрудничества, об ускоренном строительстве и вводе в действие мощностей по производству современного оборудования и товаров массового спроса, в которых остро нуждаются все регионы страны, о совместном экспорте производимой продукции в другие страны и т. д. (что в свое время успешно осуществлялось и ныне осуществляется фирмами НИС во многих странах Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Северной и Восточной Африки, Центральной и Южной Америки, в КНР, Австралии и Новой Зеландии). По мнению тайваньских и южнокорейских экспертов, советское руководство желает во что бы то ни стало сохранить анклавный характер «совместных зон» и через некоторое время, с помощью инвестиций и технологий НИС, стран ОЭСР вывести эти зоны на рынки тех же НИС, ОЭСР, стран Юго-Восточной Азии. «Москва стремится сделать зоны совместного предпринимательства своими политическими протекторатами и новыми источниками сверхдоходов для центрального руководства, вне контекста реальных внутриэкономических потребностей регионов, где эти зоны функционируют» — такова оценка представителя Тайваньской нефтегазовой корпорации.

Попытки верхов «соблазнить» предпринимателей и инвесторов из НИС и Японии русскими соболями, золотом, платиной, лесом, нефтью и газом, продуктами холодного и горячего копчения (очередная такая попытка была предпринята на встрече «старых» и «новых» советских внешнеторговых организаций с бизнесменами Японии и НИС в апреле 1990 года во Владивостоке) уже набили оскомину и с учетом конкретной социально-экономиче-

ской и политической ситуации в России, прежде всего в Сибири и на Дальнем Востоке, внушают иностранным предпринимателям серьезные опасения. Опасения прежде всего политического порядка: участники тайбэйской конференции считают, что нарастающие противоречия между регионами и центральными ведомствами не могут гарантировать безопасности и сохранности имущества и инвестиций зарубежных фирм. В связи с этим большинство делегатов рекомендовали ввиду тенденций к обретению регионами России суверенитета обращаться с деловыми предложениями непосредственно к региональным (местным) Советам и предприятиям, минуя «наднациональные» (общесоюзные) министерства и ведомства.

Экономисты Южной Кореи и Тайваня, как и многие экономисты в СССР и других странах, весьма скептически оценивают перспективы развития «регулируемого рынка» в СССР. И этот скептицизм основан на желании руководства страны сохранить «наднациональный», государственно-монополистический характер экономики и внешнеэкономических связей, «втиснуть» новые формы хозяйствования и международного сотрудничества в прокрустово ложе некомпетентного директивного планирования и управления — «разрешительства» и «запретительства». Причем, по мнению большинства участников конференции, Центр своими практическими действиями способствует сохранению и углублению региональных диспропорций в экономике СССР, создает препятствия для распределения доходов от общесоюзного экспорта по степени участия каждого региона в экспорте страны. И главное, что отмечали многие выступавшие по тематике «рынок в СССР», — это стремление «верхов» всеми способами не допустить реального экономического суверенитета регионов СССР, прежде всего России, природные ресурсы которой составляют основу общесоюзного экспорта. Данный же экспорт экономисты характеризуют как «типичный экспорт страны «третьего мира» 60-х годов» (!).

Действующий экономический механизм в СССР ориентирован на постоянное увеличение материало- и энергоемкости производства, а следовательно, и на рост оптовых и розничных цен на все виды продукции. Этот механизм не заинтересовывает производителей повышать эффективность производства, но зато стимулирует сознательное, перманентное завышение цен даже при ухудшении качества продукции. В подобной системе расплачиваться за низкую эффективность экономики приходится потребителям, прежде всего трудящимся с фиксированной (директивно установленной) оплатой труда, а также социально не защищенным категориям — молодежи, пенсионерам, инвалидам, многодетным семьям, работникам непроизводственной сферы и т. п. По мнению тайваньцев и южнокорейцев, рост розничных цен в СССР обусловлен не переходом на цивилизованные отношения в стране, а попыткой номенклатуры узаконить этот рост под предлогом «рыночной реанимации» экономики, не меняя характера экономического механизма.

Своеобразный симбиоз конкуренции, роста внешней задолженности, развивающейся инфляции, дальнейшего социально-классового расслоения общества и методов директивного планирования и управления, по-прежнему игнорирующих тенденции регионов страны к экономическому суверенитету, является конечным ре-

зультатом повседневной социально-экономической политики общесоюзного правительства. Такая политика, как считают в Сеуле и Тайбэе, чревата экономико-политическими кризисами с непредсказуемыми последствиями.

Как можно всерьез говорить о рыночной экономике в ближайшие годы и тем более о «регулируемой», когда конвертируемость внутреннего рубля откладывается на годы? Когда отсутствуют и пока не разработаны действенные механизмы государственного регулирования финансов, когда продолжается анархия в ценообразовании, распределении национальных и зарубежных инвестиций? Этими вопросами задавались все участники конференции в Тайбэе, отмечая, что правительственные постановления «эпохи перестройки» не дают ответов на данные и им подобные вопросы.

Тайваньская конференция высветила нынешнее социально-экономическое положение СССР, и России в частности, без прикрас и рекламы охарактеризовала суть экономических и связанных с ними политических проблем страны. Кстати, история и экономика СССР, русский язык изучаются в трех университетах и некоторых институтах Тайваня в течение уже 35 лет*; на острове с 1957 года действуют передатчики «Радио Свобода», вещающие на русском, татарском и киргизском языках. (С 1964 года на русском языке ведет передачи из Тайбэя на Сибирь и Дальний Восток «Радио Свободной Китайской Республики».) Если к этому добавить, в частности, тот факт, что штаб-квартира Антикоммунистической лиги народов Азии, основанной в 1951 году, находится на Тайване, где также расположен «Исследовательский Центр азиатского коммунизма», становится очевидной солидная научная и информационная база советологии на Тайване.

Заинтересованность НИС в развитии торгово-экономических и научно-технических связей с СССР делает весьма актуальным решение многочисленных задач по повышению эффективности экономических отношений НИС с СССР. И, как справедливо констатировали участники конференции в Тайбэе, эффективность данных отношений будет определяться прежде всего сущностью предпринимаемых в СССР реформ, реальной социально-экономической заинтересованностью конкретных предприятий, отраслей и регионов страны.

Нынешний Советский Союз — это «больной гигант», и лечение его болезней должно состоять в постепенном формировании экономико-политической конфедерации равноправных народов и регионов. Не распродажа территории и ресурсов Союза, а их консолидация, рациональное использование в интересах всех народов страны. Не «перекрашивание» бюрократии и мафии в политическую надстройку хаоса, именуемого «рынком», а подготовка квалифицированных кадров для подлинного экономического возрождения страны, в первую очередь России. Не усугубление ее зависимости от транснациональных банков и корпораций, а равноправие в мировой экономике и политике, в международном сотрудничестве. Таковы основные выводы Тайбэйской конференции.

И с ними трудно не согласиться.

А. ЧИЧКИН,
Москва

---

* Foreign market digest, Seoul, 1990, № 58, p. 110—112.

СТРОЧАТ МАШИНКИ, И СКРЕЖЕЩУТ ПЕРЬЯ

Вслед за «инженерами человеческих душ» разъединились и читатели: в одном служебном кабинете, даже в одной семье (!) появились почитатели «своих» журналов и хулители «чужих»... Когда это было?!

Невольно и я занял свою, если хотите, ортодоксальную позицию: мне очень нравятся такие газеты, как «Правда», «Советская Россия», «Красная звезда», журналы «Молодая гвардия», «Наш современник». На страницах этих изданий можно прочитать принципиальные, правдивые, а главное — объективные, не конъюнктурные статьи честных и порядочных авторов, твердо стоящих на гражданских и патриотических позициях.

Поэтому меня глубоко возмущают нападки на эти прогрессивные издания со стороны «прорабов перестройки» в лице редакций таких одиозных изданий, как журналы «Огонек», «Юность», газеты «Московские новости», «Книжное обозрение», «Советская культура», и им подобных, на страницах которых выливаются ушаты помоев и грязи на наше прошлое и вообще на все советское. На страницах этих красочных по оформлению, но пустых по содержанию изданий кипят страсти, амбициозные писатели и критики с непонятной злостью выясняют отношения со своими оппонентами, опускаясь до оскорблений.

Читаешь все это, и становится стыдно за наших литераторов: на что они растрачивают свой талант? Почему эти «застрельщики» и «прорабы» перестройки всех поучают, присваивая лишь себе право на утверждение истины в последней инстанции? Кому это нужно и к чему это в конечном счете приведет? Воистину идет гражданская война с той лишь разницей, что вместо пулеметных очередей раздается стрекот пишущих машинок и скрежет перьев.

Глубоко меня огорчили и возмутили нападки на редакцию журнала «Молодая гвардия» со стороны отдела пропаганды ЦК ВЛКСМ, о чем я узнал из «Обращения коллектива редакции журнала», опубликованного в четвертом номере за 1990 год. И это во время гласности, плюрализма и демократии?! Странно: и это вместо того, чтобы поддержать молодежный журнал!

Не меньшее недоумение вызывает и молчаливое, безразличное отношение, говорящее об отсутствии какой бы то ни было позиции у руководителей ЦК КПСС и Политбюро, отвечающих за идеологию. А жаль, ведь ситуация на идеологическом фронте отнюдь не менее кризисная, чем в экономике, требующая как никогда ранее консолидации творческой интеллигенции, от которой мы, читатели, ждем не только высокохудожественных, но высокоидейных произведений, РАБОТАЮЩИХ НА ПЕРЕСТРОЙКУ, а не на удовлетворение своих амбиций под ее флагом.

Не могу не высказать свое недоумение и опасение и за состояние дел в нашем комсомоле, Центральный Комитет которого, заигрывая с неформалами во имя восстановления своей подмоченной репутации, занялся... коммерческой деятельностью (!) в ущерб своим прямым задачам. Под эгидой ВЛКСМ расплодились никем не контролируемые всевозможные видеотеки, ларьки, молодежные программы и издания, пропагандирующие безнравственность, насилие, пошлость и самую махровую антисоветчину. Достаточно посмотреть нашумевшие фильмы вроде «ЧП районного масштаба» и прочитать хотя бы один номер информационного бюллетеня

рекламного молодежного агентства Свердловского обкома ВЛКСМ «Зеркало», чтобы убедиться в этом.

Б. КИКНАДЗЕ,
ветеран войны и Вооруженных Сил,
член КПСС с 1943 года,
полковник в отставке,
Свердловск

ОТ СВОЕГО ИМЕНИ...

В газете «Московская правда» от 14 июля 1990 года на странице 3 было опубликовано без каких-либо комментариев редакции заявление Попова и Собчака, во вотором абзаце которого содержится клеветнический выпад в адрес советского народа. Я же считаю себя частицей этого народа (в отличие от тех «прорабов», которые, выросши и выучившись на деньги «казарменного» социализма, табунами повалили туда, где еще дозволено за счет чужого горба набивать свой карман «общечеловеческими ценностями»). Следовательно, то, что сказано против народа в целом, сказано и против меня лично, поэтому я настаиваю на полном опубликовании настоящего опровержения.

Попов и Собчак утверждают в своем заявлении, что весь народ якобы уже поддержал «отказ от классовой вражды, приоритет общечеловеческих ценностей, переход к рыночной экономике, к многообразию форм собственности, включая частную собственность граждан, решительную демократизацию партии, отказ от монополии КПСС на средства массовой информации, передачу всей власти Советам, передачу большей части государственной собственности и партийного имущества гражданам».

Первое. Я лично не поддерживаю (да указанные лица меня и не спрашивали, предпочитая, вероятно, выяснить мнение нашего народа в других странах) отказ от классовой борьбы. Считаю, что лозунг «отказа от классовой вражды» (всего-то было заменено одно слово, а звучит совершенно иначе) помогает империализму посадить нам на шею эксплуататоров. Я первый буду требовать отказа от классовой борьбы, как только будет уничтожен эксплуататорский класс в нашем обществе и во всем мире.

Второе. В нынешних условиях не поддерживаю приоритет общечеловеческих ценностей, коль скоро он мыслится между «отказом от классовой вражды» и «переходом к рыночной экономике». Вместе с тем поддерживаю борьбу за общечеловеческие ценности в их марксистском понимании и считаю, что они могут быть реализованы лишь с переходом к бесклассовому обществу, и отметаю мелкобуржуазную демагогию о возможности «приоритета общечеловеческих ценностей» в обществе с частной собственностью.

Третье. Не поддерживаю перехода к рыночной экономике, к которому подталкивают нашу страну искусственным разладом социалистической системы, искусственным дефицитом отнюдь не изысканных товаров, направленным на показ населению «результатов командно-административной системы». Рыночную экономику не поддерживает большое число политически и экономически грамотных людей в нашей стране и за рубежом; такие голоса можно услышать и на партийных, и на депутатских съездах. Уж не вывели ли Попов и Собчак избранников партии и избранников

парода за рамки народа? Другое дело, что тот международный класс, который имеет материальные возможности контроля над средствами массовой информации, не допустит развернутой пропаганды коммунистических мер оздоровления экономики, которые были бы гибельны для кровососов. Однако такие меры все же предлагаются, и Попов и Собчак напрасно считают народ глухонемым. Конечно, тот класс, который заказывает ныне политическую и пропагандистскую музыку, кровно заинтересован в развитии рыночной экономики в нашей стране, ибо это — кратчайший путь к покупке нашей страны (с предварительным разделением ее на части с помощью борцов за «самоопределение наций») транснациональными корпорациями. Не случайно те, кто ратует за рыночную экономику, используют в качестве писаной торбы пример стран-неоколонизаторов, вместо того чтобы показать народу менее привлекательный, но более реальный для нашей страны результат рыночных отношений в странах-неоколониях. Американскому империализму по горло хватает одной Японии, и рыночные отношения в СССР нужны ему отнюдь не для того, чтобы получить на мировом рынке еще одного опасного конкурента.

Четвертое. Отвергаю переход к многообразию форм собственности, включая частную собственность граждан. Там, где узаконена частная собственность, все формы собственности являются исключительно формами частной собственности, которые — номинально — могут принимать и вид коллективной собственности. Но общественная собственность в таких условиях существовать не может, и экономист Г. Попов не может этого не знать. Он, конечно, прекрасно знает, что предлагает. Только пусть он уже сейчас укажет нам (как «мэр» Москвы), где именно в нашем городе будут располагаться магазины, работающие на общественной собственности и, соответственно, реализующие продукцию по ценам времен проклятого застоя и к тому же сталинистского качества? Тогда я, как живущий не чужим трудом, буду покупать товары именно там, а предприниматели, частники пусть покупают у частников... Жаль только, что «многообразие форм» — обычная «плюралистическая» липа, обманный ход для легализации частной собственности, рядом с которой никакая общественная собственность в качестве реальной экономической силы теми, кто стоит за Поповым и Собчаком, не предусматривается.

Пятое. Отвергаю демократизацию партии в том смысле, в каком понимают ее идеологи буржуазии. Разумеется, разоружение Коммунистической партии — необходимое условие их программы. Считаю, напротив, необходимой централизацию партии, жесткую партийную дисциплину, недопущение всякого рода платформ и фракций, не соответствующих идеологии большевизма (впрочем, для гарантии чистоты рядов следовало бы прежде всего решить вопрос о нынешнем партийном руководстве, которое показало пока лишь способность плодить некоммунистические течения). Позор партии, если она не вычищает из своих рядов двурушников, а предоставляет им возможность (хотя давно уже был ясен их антикоммунизм!) по своему соизволению покидать партию под аплодисменты мечтающих о собственной пивной...

Шестое. Возражаю против лозунга отказа от монополии КПСС на средства массовой информации. Этот лозунг попросту прово-

кационен, так как никакой монополии Коммунистической партии на средства массовой информации в нашей стране сейчас нет. Есть некоторое давление руководства КПСС на средства массовой информации, но коммунисты уже даже партийную печать перестали рассматривать как партийную: стало быть, давление на печать со стороны руководства КПСС осуществляется, мягко говоря, не по линии программы КПСС. Кто-кто, а «прорабы» должны бы радоваться такой «монополии» такой КПСС на средства массовой информации. Огорчаться тут следует скорее коммунистам, голос которых в «монополизированной КПСС» печати еле-еле слышен, а отнюдь не тем, кто годами использует содержащуюся на деньги коммунистов печать для антикоммунистической, антипролетарской пропаганды, для проповеди плюрализма по отношению к мистике, шарлатанству, порнографии, да при этом еще и требует подсчитать, сколько кому задолжала партия... Посчитали бы, господа, сколько губительных для партии материалов опубликовано за годы перестройки в нашей «партийной» печати (не говоря уже о «беспартийной»!), и вы увидели бы, что те силы, которые в действительности пришли к власти в партии и в партийной печати, изрядно задолжали действительно коммунистической части партии по печатному листажу. Если бы те листки, которые «не монополизированы» и продаются защитниками плюрализма и гомосексуализма в подземных переходах, печатали такую же долю большевистской пропаганды на своих полосах!

Седьмое. Отвергаю лозунг передачи всей власти Советам. Известно, что в определенный период истории большевистская партия снимала этот лозунг ввиду утраты ею лидерства в Советах. Сегодня, пожалуй, еще необходимее «мораторий» на этот лозунг, ибо передача власти Советам в условиях утраты пролетарской партией авангардной роли — кронштадтский лозунг, равнозначный гибели Советской власти. Не случайно белоэмигрантские вожди крупной буржуазии (в частности, Милюков) поддерживали лозунг «Советы без коммунистов», зная, что достаточно только установить беспартийные Советы, а остальное приложится: свято место пусто не бывает, и Советы, не будучи большевистскими (то есть пролетарскими по программе, по классовой позиции), станут буржуазными. Демагоги, требующие ныне деполитизации всех самых что ни на есть политических институтов, прекрасно знают, чего требуют на самом деле: декоммунизации и обуржуазивания. Поскольку класс грабящий (в отличие от класса ограбляемого) имеет неограниченные возможности обеспечить себе какие угодно результаты на каких угодно выборах (в наше время это вряд ли нуждается в доказательстве), не следует давать ему возможность использовать механизмы демократии и «плюрализма» для внедрения своего влияния в законодательные органы страны. Поэтому, пока партия не стала большевистской и не получила в этом обновленном виде решающего значения в Советах, передача всей власти Советам — катастрофа для Советской власти.

Восьмое. Протестую против передачи большей части государственной собственности и партийного имущества гражданам. Этих «граждан», которых имеют в виду Попов и Собчак, страна знает прекрасно. В трамвае или автобусе их, конечно, не встретишь, но на «монополизированном КПСС» телевидении им сей-

час — благодать, только их лица и видишь. Я против передачи имущества пролетарской партии этим гражданам; хватит уже с них! Из них каждый если не сегодня, то завтра по финансовым возможностям обгонит весь бюджет КПСС. Что касается собственности государства, то она, безусловно, должна быть собственностью народа, но достигается это не раздачей ее в частные предприимчивые ручонки, а усилием общественного контроля за использованием ее в интересах трудящихся, а не любезных Попову и Собчаку «граждан», уже выстроившихся в жаждущую очередь, хвост которой — где-то за океаном.

Из сказанного ясно, что Попов и Собчак погрешили против истины, объявив о согласии всего народа с указанными в их заявлении мерами. Не сомневаюсь, что, помимо меня, найдется множество людей, которые также не согласятся с этими мерами, а кто-то, может быть, признает их антинародными и реакционными. Насколько мне известно, по вопросу о переходе к рыночной экономике до сих пор не проводился референдум (на котором настаивают некоторые коммунисты); откуда же такая уверенность у «мэров» в поддержке этих «мер всем народом»? Не исключено, что референдум они со временем проведут, но пока что они стараются подготовить народное мнение, прежде чем его выяснить. То и дело в печати встречаешь фразы вроде: ну, в необходимости перехода к рыночной экономике никто не сомневается. И вы это знаете, потому и твердите со страниц и экранов про рынок по сто раз на дню. Просто доказать трудящемуся выгоду неоколониальной кабалы — трудная задача, вот вы вместо ее решения и выдаете ее за решенную. Как не вспомнить приход к власти в Германии фашистов — те, как известно, прежде чем выяснить мнение народа голосованием, хорошенько поработали над этим мнением соответствующими средствами...

В заключение прошу Попова и Собчака вплоть до получения стопроцентного положительного результата всенародного референдума ни по какому вопросу не выступать от имени всего народа.

А. Й. ЭЛЕЗ,
преподаватель

СОБРАЛСЯ УЧИТЬ МОРЯКОВ...

Будучи в последние 12 лет непосредственно причастным по роду службы к оперативным вопросам перспективного развития и применения Вооруженных Сил, в частности Военно-Морского Флота, в том числе к разработке и обоснованию доктрин, концепций, проблем конверсии, — поддерживаю Юрия Катасонова, автора статьи «Архитекторы картонных стен» («МГ», № 7, 1990 г.) и считаю его правым по всем позициям. Полагаю, что и большинство офицерского состава Генерального штаба, штабов и управлений видов Вооруженных Сил, занимающееся указанными вопросами, имеет схожую точку зрения.

Действительно, наша армия уже долгое время подвергается целенаправленному и, видимо, неплохо спланированному охаиванию. Одно из тяжелейших последствий этого — резкое па-

дение престижа военной службы на всех ее уровнях, деморализация нашей молодежи, как гражданской, которая «шарахается» от армии, так и военной. Прежде всего молодых офицеров, разочаровывающихся в службе и стремящихся всеми правдами и неправдами уйти на «гражданку». А ведь эти офицеры — наш золотой фонд, будущее и надежда наших Вооруженных Сил. Спрашивается, кому это все выгодно? В какой другой стране правительство и народ потерпели бы такое издевательское отношение к своим защитникам со стороны определенного круга лиц, использующих для этих целей средства массовой информации?

Совершенно прав Ю. Катасонов, утверждая, что вступивший в действие договор по РСМД и готовящиеся нашими дипломатами соглашения по сокращению стратегических наступательных и обычных воооружений принимаются и планируются к принятию на неравноправных для нас условиях. Всем известно, что американцы идут только на те соглашения, которые выгодны им и которые соответственно направлены на ослабление тех или иных компонентов обороноспособности нашей страны. Иначе они бы приняли наши предложения по сокращению военно-морских сил, отказу от баз на чужих территориях, свертыванию военно-морского присутствия в различных районах Мирового океана. Военно-политические круги США и стран НАТО приветствуют наше одностороннее разоружение, а втайне, без всякого сомнения, насмехаются над нашей «простотой», а также «оборонительной доктриной» и «разумной достаточностью», о которых не устают твердить изо дня в день «наша» пресса, телевидение, радио.

Что касается «оборонительной доктрины», то, по моему глубокому убеждению, само это понятие абсурдно, не имеет смысла и права на существование, впрочем, как и понятие «наступательная доктрина». Пусть эти термины останутся политическим деятелям и дипломатам, коли они им удобны в обращении и нравятся. Для профессионалов же — имеется в виду офицерский корпус — существует понятие «военная доктрина» — совокупность взглядов и государственных принципов по защите интересов страны военными силами и средствами. Она реализуется в оперативно-стратегических, мобилизационных и других планах развития и применения Вооруженных Сил, где предусматриваются и оборонительные, и наступательные действия. Заранее уповать только на оборону и «кричать» об этом на всех международных перекрестках — значит заведомо обрекать себя на поражение, что не требует пояснения и известно со времен Пунических войн и завоевательных походов татаро-монголов.

До какого абсурда доходит порою безудержное прославление нашей «оборонительной доктрины» и стремление некоторых военачальников втиснуть отдельные армейские и организационные структуры в искусственные рамки, наглядно видно из репортажа об учениях, напечатанного в «Правде» за 18 августа 1990 года.

В частности, там пишется: «Атакующие — а это флот — ...вводят первую волну десанта — корабли на воздушной подушке. Они выбрасывают на берег бронетранспортеры и самоходные установки. Танки? В соответствии с нашей оборонительной докт-

риной у морской пехоты их теперь нет...» (подчеркнуто мной. — В. З.).

Если это не ошибка корреспондента, то большую нелепость трудно представить. Как можно бросать в бой десант морской пехоты на бронетранспортерах без предварительного танкового удара и подавления обороны противника огнем и гусеницами машин? По всем канонам нашей тактики десант (или пехота) на бронетранспортерах (или в цепи) следует за танками и поддерживает их действия, добивая уцелевшего противника. Здесь же, как это представил корреспондент, десант обречен на неудачу, если не на верную смерть.

То же можно сказать и о принципе «разумной достаточности». Это надуманное понятие, по моему мнению. Кто и как эту «разумность» определит, если в любом случае подавляющее военное превосходство США и НАТО над СССР и СВД, который практически распался, сохраняется и останется таким же в перспективе? Тем более что на международную арену выходят и другие мощные и также противостоящие нам силы.

Правильно Ю. Катасонов констатирует, что понятие «разумной достаточности» появилось в обиходе два-три года назад от тех же «перестройщиков» из окружения академика Г. Арбатова, и вполне возможно, что это понятие любезно подброшено нам американцами. Военным специалистам, имеющим отношение к этим вопросам, совершенно ясно, что в наших условиях вся «разумная» достаточность на практике сводится к тому «куску» ассигнований, промышленных мощностей, материальных средств, которые выделяются Вооруженным Силам на их развитие и содержание.

Совершенно справедливо автор статьи указывает на необоснованную скоропалительность и недостаточную продуманность 500-тысячного сокращения наших Вооруженных Сил. Кому была нужна такая спешка? Ведь затронуты судьбы множества офицеров, как молодых, так и находящихся в расцвете своих сил.

Сам по себе процесс сокращения или численного увеличения армии постоянен, неизбежен и перманентен, поскольку зависит от ряда факторов внешнего и внутреннего характера (политических, экономических, международных...). Но зачем же все делать так поспешно, тем более в условиях одновременного вывода наших воинских контингентов из Афганистана, стран Восточной Европы, Монголии? Ведь в результате сложилась нелепая обстановка. Так, в центральном аппарате Министерства обороны ввиду массового увольнения в запас большого числа опытных офицеров и генералов, — при этом значительная часть офицеров уволена в возрасте 45—53 лет, что явно преждевременно и не вызывалось необходимостью, — образовались вакансии, которые трудно укомплектовать достойными кандидатами из округов и флотов ввиду необеспеченности офицеров жильем (по много лет ждут они очереди на квартиру). С другой стороны, в этих условиях можно наблюдать и совершенно не обоснованные «бешеные» карьеры, когда из-за невозможности назначения достойного, но «бесквартирного» офицера на высокую должность назначается посредственный, но имеющий жилье офицер.

Тяжелейшая обстановка складывается в округах, куда выводятся воинские части, дислоцированные в странах Восточной Европы и Монголии. Прибывающие на новое место службы офи-

церы и их семьи поставлены перед фактом отсутствия для большинства из них вообще какого-либо жилья в ближайшие несколько лет. Опять же, кому нужна и кому на пользу такая спешка с выводом наших войск из этих стран, где мы оставляем построенные за наш счет благоустроенные городки? Только не Вооруженным Силам и их офицерскому корпусу.

Неужели наши дипломаты и политики этого не понимают? И почему так спокойно к этому относится Министерство обороны и Генеральный штаб? Ведь без согласования с ними такие решения не принимались Президентом и правительством? Ну а если правительство в очередной раз не посчиталось с мнением военных, то пусть оно заявит об этом и решает проблемы. А то ведь офицеры и их семьи негодуют на командование Вооруженных Сил, что не прибавляет нам силы.

Наши офицеры пока терпеливы. Они привыкли к невзгодам и ущемлениям своих прав. Но до каких пор защитники Отечества будут терпеть такое наплевательское к себе отношение? Кому опять-таки это надо? Разве не разумнее было бы и 500-тысячное сокращение, и вывод войск провести в более длительные сроки? Учесть естественную убыль офицеров в запас по возрасту, темпы строительства жилого фонда в округах. Мы привыкли сейчас по поводу и без повода кивать на США. Так взяли бы с них пример. Ведь американцы планируют провести сокращение своих Вооруженных Сил на 10 процентов за пять лет (с 1991 по 1995 год).

Ю. Катасонов дает заслуженную отповедь «теплой компании» политиканствующих «застрельщиков» одностороннего разоружения нашей страны во главе с «многолетним советником Кремля» Г. Арбатовым. Да, именно эта «компания» (но и не только она) систематически ведет «огонь» по нашей армии, с легкостью «перестроившись» от обоснования необходимости нашего военного превосходства в «застойные» годы. Этим они не только ослабляют боеспособность армии и флота, но и будоражат народ, вводят в заблуждение правительство.

В угоду кому и в чьих интересах «работает» академик Г. Арбатов? Может быть, в интересах того же бывшего сотрудника ЦРУ США А. Кокса, упоминаемого в статье, с которым Г. Арбатов возглавляет «совместное предприятие»? И тут наш академик успел! Какая завидная работоспособность и целеустремленность! Занимая столько постов и должностей (около 30 одновременно), а значит, не исполняя толком обязанностей нигде, потому что это не под силу даже сверхгениальным личностям, к которым Г. Арбатов, очевидно, не относится, он еще, выходит, и сопредседатель совместного с американцами предприятия. Конечно, конвертируемая валюта и академику не мешает. Интересно узнать: а для сына академика не нашлось случайно местечка в этом или другом совместном предприятии в преддверии перехода страны к рыночной экономике?

С прошлого года Г. Арбатов и его соратники предпринимают яростные атаки против Военно-Морского Флота, используя для этого средства массовой информации (телевидение, журнал «Новое время», «Огонек» и др.). Не нравится, видите ли, уважаемому академику, что наш флот оснащается авианесущими кораблями, или, как их называет Г. Арбатов, — авианосцами. Это, видите ли, не соответствует его арбатовской «разумной» доста-

точности! Однако кто бы говорил... А то ведь учит моряков директор Института США и Канады, который в лучшем случае имеет, как говорится, перед глазами ВМС США.

Что касается главного объекта атак Г. Арбатова — авианосцев, то таких кораблей в нашем флоте, к сожалению, нет. У нас есть авианосные крейсера. Но авианосцы нам необходимы, и они обязательно будут в составе нашего флота, потому что в современных условиях моряки не могут успешно выполнять свои задачи без таких кораблей. Авианосец — это главный элемент флота, обеспечивающий устойчивость любых морских группировок сил, способный действовать в различных условиях войны на море, незаменимый ни при обороне, ни при наступлении. И это, кстати, было доказано еще в операциях тихоокеанской войны между США и Японией в 1941—1945 годах. Авианосцы США, Англии, Франции применялись в локальных войнах и конфликтах и после войны. Последние события на Ближнем Востоке, сосредоточение в Персидском заливе только в августе четырех ударных авианосцев США — еще одно тому наглядное подтверждение.

Тот же факт, что наш флот до сих пор не имеет авианосцев, объясняется в основном экономическими причинами, а не оперативно-стратегическими соображениями. Так что надо не нападать на не существующие в природе корабли, а признать, что мы тут отстали от передовых морских держав лет так на 40—50, и сделать соответствующие выводы. Учесть при этом, что Советский Союз, являясь Великой Морской Державой, протяженность морских границ которой составляет около 40 процентов, не может чувствовать себя в безопасности без современного флота.

Опубликованная статья Ю. Катасонова, возможно, вызовет очередную волну нападок в изданиях типа «Огонек» и «Московские новости» на журнал «Молодая гвардия» и ее автора. Но это полбеды. В итоге важно не допустить, чтобы в угоду субъективным, конъюнктурным, а возможно, и корыстным амбициям некоторых политиканов, монопольно контролирующих вопросы разоружения и тенденциозно освещаемых в печати, была подорвана обороноспособность страны. В результате чего, к примеру, объединенная Германия, не говоря уж о США, будет диктовать свою волю нашей Родине как какой-нибудь заштатной Панаме.

В. ЗАБОРСКИЙ,
капитан I ранга запаса,
Москва

РУМЫНСКАЯ МОЛДОВА?

Президенту Союза ССР Горбачеву М. С.
Председателю Верховного Совета Республики Молдова Снегуру М. И.
ЦК Компартии Молдавии Лучинскому П. К.
В Республиканский Совет ветеранов Дыгаю Г. Г.
В редакцию газеты «Вечерний Кишинев»

ПРОТЕСТ

Мы, ветераны войны, труда, партии, Вооруженных Сил, проживающие в Советском районе г. Кишинева, выражаем свое возмущение по поводу произвола, творящегося в республике и г. Кишиневе при поддержке некоторых руководителей республики.

Будучи кандитами в депутаты, граждане Снегур М. И., Пушкаш В. С., Хадыркэ И. Д., Костин Н. Х. выступали со своими «многообещающими» народу платформами, признавая при этом двуязычие в республике и равноправие всех наций. Придя к власти, они повели политику, направленную не на стабилизацию обстановки и повышение жизненного уровня народа, а на разжигание межнациональной розни, ведущей к расколу республики, что подтверждается выступлениями в местной печати руководителей — Костина Н. Х., Друка М. Г., Пушкаша В. С. и другими выступлениями, полными пропаганды молдавского фашизма и угроз (обещание молдавского «Карабаха», требование вывода советских войск с территории Молдавии, нефинансирование военкоматов, выплата пенсий по новому закону только тем ветеранам войны, кто был призван на территории Молдавии).

В этих действиях просматривается очевидное стремление к власти в корыстных целях. Иначе как можно понимать выступление Друка М. Г., который ведет явно националистическую политику, насаждение румынизации, заявляя, что он говорит и пишет только на румынском языке, хотя владеет и молдавским (газета «Вечерний Кишинев», 20.8.90 г.). Началось массовое увольнение представителей русскоязычного населения из Минфина, радио, телевидения и многих других предприятий и организаций (по «причине» незнания румынского языка). Принимаются закулисные решения об основе исторических памятников, поспешно меняются названия улиц и присваиваются старые названия времен королевской Румынии. В очень короткий срок перешли на румынский язык, который не знают не только «русскоязычные», но и молдаване. Названия магазинов, маршруты городского транспорта написаны только на одном языке — румынском. Упорно ведется пропаганда о принятии гражданства Румынии. Не прекращаются унижения и оскорбления ветеранов, отдавших все силы для освобождения от фашизма, а затем и на строительство республики Молдавии.

В текущем году резко ограничен прием абитуриентов в вузы г. Кишинева: русских, украинцев, гагаузов и других национальностей, проживающих в республике. Закрываются русские школы. И все это происходит без согласия народа.

В сложившейся ситуации все мы, наши дети и внуки оказа-

лись унижены и беззащитны, нависает угроза оказаться беженцами. Люди старшего поколения помнят и рассказывают, какое унизительное и жалкое существование их было в период оккупации Румынией. Обстановка в республике с каждым днем накаляется все сильнее, чем вызывает тревогу населения за завтрашний день, за будущее.

Поэтому народы Приднестровья, гагаузы вынуждены выступать с требованием самостоятельности и выхода из состава республики, чем выражают несогласие с двойной политикой, которую ведут вышеуказанные руководители и их сторонники.

Мы требуем прекратить произвол, принять решительные меры, направленные на создание нормальных условий жизни и работы представителей всех национальностей, населяющих Молдавию.

Выражаем недоверие депутатам Снегуру М. И., Хадыркэ И. Д., Пушкашу В. С., Костину Н. Х., а также Председателю Совета Министров Друку М. Г. Требуем их отзыва из состава Верховного Совета республики и отставки как не оправдавших доверия народа.

Ветераны войны и труда
МИРОШНИЧЕНКО, ОСИПОВ А. М., ОСАПОВ А. М., КИСИЛЕВА, СТАСЮК, БОБКО
(всего 2891 подпись)

Списки с подписями продолжают поступать в адрес редакции.

ТАК КОМУ ЖЕ КРАСНЕТЬ-ТО!

Кандидат исторических наук В. Дашевский опубликовал в газете «Известия» (от 28 августа 1990) очередные свои «откровения» под названием: «...И не краснеют!».

Автор возмущен тем, что журнал «МГ» «занялся выяснением национального состава советских правительств послереволюционного и предвоенного периодов, ответственных за моря пролитой человеческой крови». Ну а посему, как обычно было принято у советских сионистов по отношению к тем, кто глубоко изучает нашу историю, — следует приостановить дальнейшие «раскопки» «МГ», компрометирующие, по их мнению, деятельность евреев-комиссаров на русской земле в начальный период их «царствования» (1917—1937 гг.).

Да, разгадка Октября 1917 года, событий, которые предшествовали октябрьскому перевороту, и последовавшая затем гражданская война многие годы были под запретом. Историческая наука оказалась в руках интер-националистов. Тогда это был Миней Израилевич Губельман (он же Емельян Ярославский), под редакцией которого в 1926—1930 гг. была выпущена пятитомная история ВКП(б). Затем монополистом-историографом стал Исаак Израилевич Минц. Оба на этом деле стали академиками. А сейчас претендует на «истину» такой «историк», как В. Дашевский, заявивший на страницах «Известий» о том, что журнал «МГ» «повторяет зады геббельсовской и черносотенной пропаганды о «еврейской большевистской революции», «жидомасонском заговоре» и т. п.».

Эти ярлыки не новы, и поверить в них могут только те наивные читатели «Известий», которые изучали историю по Губельману и Минцу, пичкавших наше общество дезинформацией о том, что первое советское правительство — чуть ли не сплошь рабочие и крестьяне и что оно было «образовано на 2-м Всероссийском съезде Советов». Это же утверждает и Дашевский.

Но, во-первых, второй съезд фактически провалился (все фракции и партии, боровшиеся за власть, ушли со съезда). Во-вторых, народ это правительство не избирал, да и не знал; ведь большинство членов новоявленного правительства прибыло из-за границы, где они провели по 10—15 лет своей жизни. В-третьих, никто из членов вновь испеченного правительства к своим обязанностям так и не приступал. Некоторых вообще в тот день, когда Каменев оглашал состав первого советского правительства, не было в Петрограде.

Как вспоминал один из участников переворота Г. И. Ломов-Оппоков: «Я помню одну сцену, врезавшуюся мне в память. В далеком коридоре Смольного, на втором этаже, в полумраке Ленин поймал очередную жертву — кажется, это был товарищ Менжинский. Ленин прочно ухватил Менжинского за пуговицу и, несмотря на все попытки выскользнуть, не пускал от себя. Ленин напирал на то, чтобы Менжинский был немедленно назначен народным комиссаром финансов... Ленин энергично искал кандидатов в наркомы и на ответственные посты. И после этого ЦК тут же оформлял очередное назначение... В состав первого Совнаркома ввели и меня, народным комиссаром юстиции» («О Вячеславе Менжинском», 1985, с. 89).

А наркомом финансов значился И. И. Скворцов-Степанов (26 октября 1917-го — 20 января 1918-го), который был в Москве и который не подписал ни одного финансового документа. Сам Менжинский с 1907 по 1917 год жил за границей и приехал в Петроград только в июле 1917 года. Все его отношение к финансам заключалось в том, что когда-то (за рубежом) он служил конторщиком во французском банке. И этот, второй по счету, нарком финансов затем быстро переквалифицировался в карателя. Убивать покоренный народ было проще, чем и занялся Менжинский, став заместителем Ф. Э. Дзержинского. В историю советского финансового дела вошли помимо этих двух несостоявшихся финансистов: И. Э. Гуковский (апрель 1918-го — 16 августа 1918-го), Н. Н. Крестинский (16 августа 1918-го — октябрь 1922-го). Крестинский, кстати, с октября 1921 года был одновременно полпредом в Германии. Так кто же на самом деле был наркомом финансов? Такое же примерно положение было и с другими наркомами.

Через год с небольшим, в марте 1919 года, на 8-м съезде РКП(б) было констатировано: «Единого правительства, которое руководит политикой в целом, у нас не существует» (см. 8-й съезд РКП(б), протоколы, 1959, с. 192). Дашевский подсчитал, что из 15 человек первого, никогда не работавшего и существовавшего в разных вариантах на бумаге, правительства было 13 русских, 1 грузин (Сталин), 1 еврей (Троцкий). «Список» в то время, как и сегодня, играл и играет роль дымовой завесы.

Как можно судить нашей общественности о национальности того или иного наркома, если большинство из них известны по псевдонимам. К тому же следует уточнить, о каком составе

правительства ведет спор Дашевский, ведь Ленин менял наркомов, как перчатки. С наркомами творилась настоящая чехарда. Некоторые путчисты пробовали быть наркомами и тут же слетали с постов из-за своей некомпетентности и просто из-за малограмотности. Достаточно сказать, что первый «президент» России Я. М. Свердлов был с четырьмя классами образования.

В те времена и Ленин не представлял достаточно полно, какие министерства и в каком количестве должны осуществлять нормальное функционирование государства. История «складывалась» так, что некомпетентная, троцкистского толка, власть изгоняла из страны компетентные русские кадры. Вот в чем корень зла! А в 1937 году Сталин стал убирать с государственных и партийных постов троцкистов. Вот почему в нашей прессе уже пять лет обвиняется во всех грехах сталинизм, хотя сорок лет мы живем без «вождя всех времен и народов», а собственного ума как бы и не прибавилось. Правители приходят и уходят, а Сталин «живет»...

В июле 1918 года на бумаге появляется новый наркомат госконтроля во главе с К. И. Ландером. Вопрос к Дашевскому: кто этот Ландер — еврей или русский? Ленин вводит в наркомат юстиции И. З. Штейнберга и его заместителем А. Г. Гойхбарга. Вопрос к Дашевскому: кто они, евреи или русские? В наркомате торговли и промышленности, где числились В. П. Ногин, а затем врио наркома А. Г. Шляпников, Ленин же ведет переписку и дает поручения некоему комиссару М. Г. Бронскому. Кто он, еврей или русский? В наркомпроде орудовали Л. И. Рузер и А. Г. Шлихтер. А эти кто? Более подробные сведения о национальной принадлежности первых советских наркомов Дашевский мог бы почерпнуть у Е. Г. Гимпельсона в его книге «Великий Октябрь и становление советской системы управления народным хозяйством. Ноябрь 1917—1920 гг.» (М., 1977). О предвоенном составе советского правительства Дашевскому следовало бы заглянуть в справочник «Вся Москва», (издательство «Московский рабочий», 1936 г.).

И. Савельев в своей реплике «Куда конь с копытом...» («МГ», № 6, 1990), возмутившей Дашевского, правильно, пофамильно назвал 16 наркомов-евреев. Дашевский якобы «поймал» Савельева на неточности: дескать, вопреки утверждению автора «МГ» в первом составе советского правительства (из 15 человек), 13 человек были русскими. Но ведь это было «бумажное» правительство. Трое русских (Ногин, Шляпников и Рыков) 17 ноября 1917 года выступили сторонниками создания коалиционного правительства с участием меньшевиков и эсеров и вышли из состава Совнаркома. Фактически же первым правительством было то (с ноября 1917-го по март 1918 года), в которое вошли левые эсеры. Новые наркомы, к сожалению Дашевского — евреи, вытеснили 13 русских наркомов.

Состав правительства, образованный на 3-м Всероссийском съезде Советов (январь 1918 года), стал называться постоянным. Национальный состав этого, домартовского (1918 года) советского правительства Дашевский не оспаривает. Крыть ему нечем! Ведь достаточно открыть энциклопедию «Гражданская война и военная интервенция в СССР» (М., 1983), на которую ссылается Дашевский, все эти наркомы там есть.

Так что Дашевскому не следовало бы так показно возмущать-

ся и вводить в заблуждение читателей «Известий» своими подсчетами. Тем более «историку», у которого с арифметикой явно не лады; 16 евреев было не из 15, а из 20 наркомов. Дашевский прав только в одном, заявляя, что «все это настолько элементарные истины, что, казалось бы, и повторять их неловко». Если это «элементарные истины», так зачем же лгать, притом на страницах такого ультраплюралистического органа, как «Известия»? Или это нужно для нагнетания истерии и призывов (как всегда) к общественности для «коллективной» расправы? Что ж, Дашевский дует тут во все трубы гласности: «Но пока в советском обществе безнаказанно действуют политические силы, сознательно и злонамеренно разжигающие национальную вражду, до тех пор необходимо разоблачать эти силы, какой бы маской они ни прикрывались». Дашевский, похоже, вольно или невольно и разжигает национальную вражду, натравливая читателей «Известий» на читателей «Молодой гвардии». Это излюбленный и испытанный прием сионистов — убеждать через печать не фактами, а ложью.

Да, разоблачать поджигателей новой гражданской войны надо! И маски тоже надо срывать. Не только с тех, кто в 1917 году скрывался под маской большевиков, а затем залил страну морем крови, но и с тех, кто после Сталина разлагал наше общество, грабил народ, выкачивая наши ресурсы за рубеж, тех, кто скрывается сейчас под маской демократов и пытается вновь повторить 1917 год. И там и здесь под масками скрываются сионистские прихвостни.

На знамени нынешних революционеров-перестройщиков звучат излюбленные изречения Троцкого: «Движение все, конечная цель — ничто!», «Ни мира, ни войны!». Бумажные портреты этого палача народов России замелькали на страницах газет и журналов, на экранах наших телевизоров. Чьей же это «перестройке» понадобился Троцкий?

Если Дашевский считает себя историком, то он должен знать, что правительства и силы, стоящие у власти, когда надо снять с себя ответственность за развал государства, за грабеж национальных богатств, нередко прибегали к разжиганию межнациональной розни. Сегодня власть фактически в руках прессы. Чьи интересы выражает эта пресса? Крестьян? Трудовой интеллигенции? Рабочих? Или экстремистов, начавших кампанию по натравливанию одних народов на другие?

Кто сейчас правит, скажем, Россией? Неужто русские сами себя грабят, морят голодом, рубят леса и за бесценок вывозят за рубеж? Неужто русские за бесценок вывозят свои бриллианты и черное золото — нефть? Неужто русские сами себя избивают в Прибалтике, Молдавии, в республиках Закавказья и Средней Азии? С кого ныне должен быть спрос? Простому народу разных национальностей делить между собой нечего. Сегодня убивают русских, грузин, армян, азербайджанцев, татар, а пресса наполнена провокационными сообщениями о якобы готовящихся еврейских погромах. Не для того ли, чтобы обеспечить им права беженцев?

Статья Дашевского в газете «Известия» не осталась без внимания читателей «Молодой гвардии». Политкаторжанин, ветеран войны из Воронежа Л. С. Сычев пишет: «...Наркомы — Цюрупа, Шмидт, Курский, Луначарский сильно обиделись бы на Да-

шевского за то, что он их «перекрестил» (видимо, имеется в виду из евреев в русских. — Г. Н.), не моргнув глазом, и сильно усомнились бы в том, что В. Дашевский является историком... Данные Дашевского никакого научного значения не имеют. Более того, подобные подсчеты глубоко безнравственны и... коварны».

Ветеран войны и труда, блокадник, коммунист с 60-летним стажем И. П. Данильцев из Ленинграда отмечает: «Сионисты пытаются уйти от ответственности за то, что они захватили власть в нашей стране, командовали, грабили наше отечество.., а теперь пытаются уйти от справедливого гнева, взвалив всю ответственность только на культ личности Сталина... На их совести гибель миллионов людей и разорение нашей страны». И далее автор письма в «МГ» Данильцев приводит состав Совнаркома образца 1935—1936 гг. (до сталинской чистки 1937—1938 гг.). В основном это были лица еврейской национальности.

Гилашвили из Тбилиси считает, что статья В. Дашевского «...И не краснеют» — «сионистская статья, направленная против редакции... журнала «Молодая гвардия». Он отмечает, что «сионисты выделяются от всей мерзости на земле как раз своей неизмеримой наглостью и чувство краснеть от стыда у сионистов как раз отсутствует».

Инвалид войны, ветеран труда, член партии с 1943 года А. А. Абраменко из Белгорода отмечает, что «у Дашевского и опровергателей из «Известий», поддерживающих его, все поставлено с ног на голову, чтобы затушевать, скрыть истину. Вот только для чего, во имя какой цели? Ведь и без изысканий Генри Форда состав первого СНК у нас хорошо известен не только по количеству, но и поименно».

Читатель С. А. Дубов из Новосибирска откровенно пишет: «В стремлении во что бы то ни стало опорочить «МГ», а заодно все патриотическое движение, доказать недоказуемое — миф о «русском фашизме» и преемственности его от гитлеровского фашизма — авторы «Известий» идут на подлоги, действуя по принципу «лей грязь — авось что-нибудь да прилипнет».

Так кому же, гражданин Дашевский, надо краснеть-то?

Но Дашевский не одинок. Ему вторит писатель, член Европейского сообщества культуры, председатель Казахского комитета защиты мира, народный депутат Казахстана Ануар Алимжанов. Под рубрикой «Национальный вопрос» он опубликовал в «Комсомольской правде» (27 сентября 1990 г.) статью под названием «Народу нужен шанс», в которой прямо пишет, что «40 процентов от всего населения республики составляют казахи, столько же, сколько русских... И по сей день жива в народе память сталинского геноцида — у нас называют его «голощекинским». С 1929 по 1933 год у людей отбирали скот и загнали их в колхозы, вымерли миллионы степняков-кочевников...».

Получается так, что уничтожением казахов занимался русский Голощекин совместно с грузином Сталиным. Вот вам и пример (как и у Дашевского) разжигания межнациональной розни, в результате которой русских стали избивать в Казахстане и изгонять с «казахской территории».

А ведь Алимжанов (борец за мир), как и Дашевский, пишет неправду. В 1929—1933 гг. власть была в руках у троцкистов. Голощекин же (один из организаторов массовых расстре-

лов) был не Филипп Исаевич, а Шая-Ицков Исаакович, и он вместе с наркомом колхозов Яковлевым (Эпштейном) — тоже числившимся русским, за преступления против русского и казахского народов были расстреляны Сталиным в 1938 году.

Кстати, энциклопедисты из издательства «Советская энциклопедия», чтобы не бросалась в глаза читателям дата расстрела Голощекина (ближайшего дружка Свердлова и Троцкого) — 1938 год, заменили ее на 1941 год и таким образом создали впечатление, что он погиб «смертью храбрых».

Герман НАЗАРОВ

ОКРИК ИЗ ПОСОЛЬСТВА

В «Орловской правде» от 22 июня этого года была опубликована статья бывшего узника фашистского лагеря смерти, ветерана войны и труда И. Степанова «Свидетельствую». В ней он пишет, что средства массовой информации шельмуют и оплевывают героическую историю советского народа. Ветеран, в частности, отмечает, что версия о расстреле в Катыни польских офицеров советскими войсками — провокация и клевета. Он указывает на вспышку антисоветизма в Польше и подчеркивает, что антисоветские элементы, муссируя сплетню о расправе советских властей над поляками, в то же время помалкивают о терроре, развязанном боевиками из Армии Крайовой по отношению к советским солдатам и офицерам, освобождавшим Польшу от гитлеровских захватчиков.

В статье упоминается и об инициативе премьер-министра Польши Т. Мазовецкого: победу белополяков над Красной Армией на Висле в 1920 году объявить праздником Войска Польского.

И вот в связи с этой статьей в редакцию из посольства Республики Польша пришло письмо за подписью советника по печати Ереми Чулиньски.

Сообщив о том, каким образом этот номер «Орловской правды» оказался у него в руках, советник попытался дать редакции «взбучку» за публикацию статьи: «Редакция имеет право помещать письма читателей, но письмо, о котором я говорю, даже ввиду своих размеров является чем-то большим, чем письмом. Оно является пространной статьей с таким огромным смешением проблем, с таким большим незнанием вопросов или же с таким огромным отсутствием доброй воли, что хотелось бы спросить — разве так должно быть, что чем дальше от Москвы, от больших центров перестройки, гласности, тем больше отсталости, захолустья, невежества, незнания». (Мы сохраняем авторскую пунктуацию и орфографию. — И. К.)

Кабы знал, где упасть, так бы соломки подстелил, — гласит русская пословица. И если бы ведала редакция, что дело примет такой оборот, то она, очевидно, не преминула бы спросить разрешения у советника: так, мол, и так, пан советник, не соблаговолите ли ознакомиться с этакой большой статьей на предмет ее публикации? Но вот беда: редакция удалена от «больших центров перестройки».

Дело, как видите, наше неважное. Впрочем, нам, невежественным, кажется, что и сам советник не во всем прав: он почему-то понимает гласность как-то уж чересчур однобоко. А нам, от-

сталым, между тем, в апреле 1985 года было объявлено, что гласность включает в себя плюрализм мнений. Так что И. Степанов, повидавший немало на своем веку, имел полное право поделиться с читателями тем, о чем думает и что знает.

Почему это обстоятельство упустил из виду грозный советник? Так как он обретается в «большом центре перестройки», можно сказать даже, в самом ее эпицентре, то у нас нет оснований подозревать его в невежестве. Скорее всего, Ереми Чулиньски горячий человек. По всей вероятности, вследствие своей горячности он забыл, что принялся отчитывать печатный орган, который ему ни по какому праву, в том числе и международному, не подсуден.

Кроме взбучки редакции, в письме содержатся «изобличения» автора статьи в «фальсификации» истории. Советник, например, пишет: «Как же это может быть, что ТАСС в апреле текущего года во время визита Президента Польши дает сообщение, в котором советское правительство признает, что убийство польских офицеров в Катыни было совершено НКВД, а Президент СССР М. С. Горбачев передает документы об убитых офицерах, а два месяца спустя в «Орловской правде» Степанов пишет, что Катынь — это большая ложь, потому, что якобы в этом зловещем лесу на месте преступления НКВД были найдены пули немецкого производства».

Но почему, собственно, мы должны сомневаться, что найдены пули немецкого производства? Ведь не только в «Орловской правде», но и в «Комсомольской правде» от 3 апреля этого года в статье «Сосны вместо обелисков» черным по белому напечатано: «убийство большинства военнопленных было совершено оружием немецкого образца». Таким образом, этот факт установленный. А вот фактов, подтверждавших, что польских офицеров расстреляли советские войска, нет. Советник по печати предлагает нам принять на веру признание советского правительства, но мы и тут должны его несколько разочаровать: история может быть изучена и понята только на основании действительных, конкретных фактов. А если таковых нет, то как можно верить даже правительству! Тем более что, к сожалению, его устами не всегда глаголет истина. Примеров тому — хоть пруд пруди.

Ереми Чулиньски, надо полагать, знаком с тем, как бывший член Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлев сделал свой «виртуозный» доклад о том, что между СССР и Германией в 1939 году якобы был заключен секретный договор о переделе мира. Подлинника же «договора», как оказалось, не было обнаружено ни в архивах ФРГ, ни в архивах СССР. Докладчика это не остановило, и он, сославшись на «фотокопию», тем не менее утверждал: договор должен быть, так как события развивались в точном соответствии с «фотокопией». Любой здравомыслящий человек заметит на это, что всякую «фотокопию» можно «состряпать» и после свершения событий. Так что узаконивать чудовищную клевету на свою державу на основании такого «документа» никак нельзя.

Или вот М. С. Горбачев. В начале перестройки он не уставал повторять, что с ней мы получим больше социализма и демократии. А что же в действительности произошло? В действительности же погром социализма в стране принял уже открытые формы, и сейчас «прорабы перестройки» намереваются восстановить

частную собственность на средства производства, ввергнуть страну в пучину буржуазного по сути рынка. То есть несмотря на заверения Президента и Генсека на повестку для поставлен у нас вопрос о реставрации капитализма.

В начале кампании по борьбе за трезвость М. С. Горбачев, встречаясь с народом, задавал вопрос: довольны ли люди принятыми мерами по искоренению зла? Люди, особенно женщины, как правило, отвечали, что довольны. На что Горбачев замечал, что наконец-то пьяниц поприжали здорово. Но каким образом и надолго ли? Сейчас пьющих стало даже больше, чем было. И будет еще больше.

Построенный у нас социализм Горбачев именовал казарменным и заявлял, что только с «перестройкой» советские люди заживут вольготно и привольно. Однако прошло уже почти шесть лет, как мы перестраиваемся. А улучшений не предвидится. Наоборот, страна сейчас на грани катастрофы: на ее окраинах уже полыхает братоубийственная война, Союз народов фактически распался: общество захлестнули организованная преступность, проституция, наркомания; образовался тотальный дефицит, в том числе и на хлеб!

Подобные примеры мы можем приводить еще долго. Однако и без того очевидно: заявления наших высокопоставленных лиц, мягко говоря, не всегда соответствуют действительности. Так что нам в этой связи остается только посоветовать советнику по печати придерживаться рекомендованного Козьмой Прутковым правила: «Если на клетке слона прочтешь надпись «буйвол», не верь глазам своим».

«Есть тут такие и другие неправды, — продолжает отчитывать автора Ереми Чулиньски, — как та, что будто бы премьер Тадеуш Мазовецкий выступил с предложением признать день 15 августа — праздником Войска Польского в знак победы поляков над Красной Армией в 1920 году... Читатель где-то что-то слышал, прочитал, но ведь редакция должна знать, что это было только лишь предложение Совета по памятникам, борьбе и мученичеству, одно из многих в рамках дискуссии прессы о выборе праздника Войска Польского, причем это предложение было признано в высшей степени дискуссионным. Разве редакция и автор письма тоже не знали, что плюрализм в печати, к счастью, имеющий место в обеих наших странах, допускает свободу взглядов...»

Приятно слышать, что горячий советник по печати является еще и приверженцем плюрализма мнений, но крайне неприятно убедиться в том, как он норовит заткнуть рот человеку, чудом не угодившему в фашистский крематорий, советскому солдату, лишь за то, что тот коснулся «щекотливой» темы. Ереми Чулиньски, конечно же, не хочется того, чтобы об инициативе премьера Тадеуша Мазовецкого знали советские люди. Но что поделаешь — правду скрыть трудно. В Польше выдвинуто не только «в высшей степени дискуссионное» предложение, но уже и состоялось празднование победы войск Пилсудского над Красной Армией под Варшавой в 1920 году. Подробнее об этом антисоветском действии написано в газете «Известия» от 17 августа 1990 года.

По словам советника, автор исказил правду и говоря о террористах из Армии Крайовой: «Об Армии Крайовой автор пись-

ма может только сказать в духе старой сталинской пропаганды... Армия Крайова была распущена в тот момент, когда на территорию Польши вошла Красная Армия... тысячи солдат АК оказались в рядах польской армии, сражающейся рядом с Красной Армией в боевом марше до Берлина... одновременно тысячи их, уже после войны, были убиты НКВД или департированы в лагеря. Разве редакции ничего не известно также и о так называемом процессе 16-ти руководителях АК, которых судили в Москве в 1945 году, а недавно они были реабилитированы... Понятие «реабилитация», наверное, о чем-то говорит; это означает, что руководителей АК несправедливо обвинили в так называемой стрельбе в спину в тылу Красной Армии».

Что можно сказать Ереми Чулиньски в ответ на это?

Во-первых, в статье говорится не вообще об Армии Крайовой, а о тех ее боевиках, которые стреляли именно в спину советских солдат и офицеров. Во-вторых, если к этому боевики из Армии Крайовой не причастны, тогда кто же убивал советских солдат и офицеров в освобожденной ими Польше? Уж не войска ли НКВД? В-третьих, от кого советские войска вместе с воинами Войска Польского охраняли железную дорогу, когда из Германии возвращались на Родину демобилизованные советские солдаты и офицеры?! Так что, как ни крути, а террористы из Армии Крайовой убивали советских бойцов и командиров, и не только их, но и польских коммунистов, рабочих, крестьян.

Официально же Армия Крайова действительно была распущена в январе 1945 года. Но из наиболее ее реакционной части была создана подпольная террористическая организация «Вольность и неподлеглость», которая боролась против народной власти. Эта организация была разгромлена органами госбезопасности Народной Польши в 1947 году.

Мы понимаем: многое зависит от точки зрения на происходившее. Вполне возможно и то, что Ереми Чулиньски этих террористов, поднявших руку на советских и польских людей, считает не преступниками, а борцами со сталинизмом. Но тогда надо так и говорить. Не стесняются же наши прибалтийские «демократы», сообщая, как некоторые из них верой и правдой служили гитлеровским головорезам, заявлять при этом, что они боролись со сталинизмом. Если завтра они даже Гитлера объявят жертвой сталинизма и поставят ему памятник, то это с их точки зрения тоже будет весьма логично.

Убийц из Армии Крайовой советник называет безвинными жертвами сталинизма на том основании, что руководители этой преступной организации были у нас реабилитированы. Но — что поделать, истина дороже! — мы вновь должны разочаровать сурового оппонента советского воина-освободителя И. Степанова. В нашем Отечестве уже около сорока лет идет реабилитация «жертв сталинских репрессий». Но вот какое странное явление: за это время обличителями «культа личности» не приведено ни одного факта, который бы подтверждал, что Сталин развязал в стране террор и дирижировал им, что та или иная «жертва» пострадала безвинно. Хотя если репрессии носили очень уж массовый характер и всех расстреливали ни за что ни про что, чего бы, казалось, проще это сделать!

Шила в мешке не утаишь — говорит русская пословица. И оно уже торчит из мешка. Стоило только обратиться к истории, то

есть к действительным фактам и событиям, как стало ясно: шум и крики обличителей «культа личности» о якобы учиненных Сталиным массовых репрессиях и терроре не что иное, как мыльный пузырь или же злостная, наглая, циничная клевета на историю СССР. Приведу тому подтверждение. Один из наиболее рьяных обличителей «культа личности» доктор философских наук Д. Волкогонов со страниц «Правды» запустил в средства массовой информации «утку» о том, что в 30-е годы было якобы репрессировано 40 тысяч командиров Красной Армии. Но вот что было в действительности: «Если иметь в виду, что на 1 января 1941 года в РККА находилось 580 тысяч офицеров, то арестованные из них 6—8 тысяч составляли менее двух процентов. Но не все из них были расстреляны. Была казнена только верхушка заговорщиков-троцкистов, около двух тысяч человек, из них 620 высших чинов РККА. Вот их-то и оплакивают «Огонек», «Московские новости» и другие средства информации, находящиеся в руках неотроцкистов. Они и раздувают миф о чудовищных жертвах «сталинщины» («Молодая гвардия», № 8, 1990 г., с. 238). Пожелаем же и тут советнику по печати не забывать о мудром изречении Козьмы Пруткова.

Пора сообщить читателям, и каким образом номер «Орловской правды» со статьей, вызвавшей столь бурное негодование Ереми Чулиньски, попал к нему в руки. Автор письма говорит об этом так: «За получение этого экземпляра газеты я обязан Менделевичу Э. С., члену «Мемориала». За это я благодарю его отдельно, и одновременно заслуженный «Мемориал», который, осуждая сталинские злодеяния, не только не обливает грязью историю СССР, как этого хотел бы Степанов, но хочет очистить историю от этой грязи...»

Персона Менделевича сама по себе не представляет какой-либо интерес. Так как нас интересует не личность, а социологический эквивалент ее деятельности, поступков, то есть интересами какого класса, плана, касты или социальной группы продиктованы деятельность личности, ее поступки. Менделевича характеризует с этой стороны то, что он равнодушен и к разгулу антисоветизма в Польше, и к демонтажу и осквернению памятников павшим за ее освобождение советским воинам, и к прочим актам вандализма. В противном случае он послал бы в польское посольство протест по поводу разгула антисоветизма, а не газету «Орловская правда».

Говорят, что в «Мемориале» состоят лишь родственники репрессированных. Это неверно: в антисталинской истерии этой организации принимают участие идейные единомышленники репрессированных, пытавшихся реставрировать в СССР капиталистические порядки. Эти люди были действительными врагами народа, ибо они вознамерились устроить для него наемную каторгу. И кликушествующие сегодня по поводу «преступлений сталинщины» печалятся не столько о «жертвах» как таковых, а о том, что те потерпели поражение. Их главная цель не установление памятников «жертвам», а то, чтобы наконец-то восторжествовало дело этих «жертв».

Но как это сделать?

Вначале нужно одурачить народ, и прежде всего рабочий класс, внушить трудящимся, что Сталин был жестоким деспо-

том, потопившим страну в крови, что именно по вине Сталина у нас сейчас творится содом и гоморра.

Выступление ветерана в защиту исторической правды спутало в какой-то мере карты «Мемориала» и не могло не переполошить таких его активистов, как Менделевич. По этой причине он тут же и отослал газету в посольство. И адресом не ошибся. Выступление не на шутку переполошило и советника по печати...

Свое письмо-окрик Ереми Чулиньски заканчивает так: «Подчеркиваю, что копии этого письма-протеста я посылаю также в некоторые редакции в Москве». Эти слова надо понимать как угрозу натравить на газету «Орловская правда» и ее автора «желтую прессу»: ужо вам будет, если мое письмо не опубликуете! Но кому грозит польский соратник «Мемориала»?..

И. КОМАРОВ,
член Союза журналистов СССР,
г. Орел

* * *

С огромным интересом прочитал выступление инока Псковско-Печерского монастыря Г. Федотова об экуменизме («МГ», № 7, 1990 г.).

Не под прикрытием ли этого экуменизма проникли на нашу Родину сионисты и иезуиты, вытворяющие бог знает что на нашей земле? Подтверждений этому немало. Обратите внимание и на то, что происходит сейчас на Западной Украине. Ведь там уже не столько религия. сколько политика пошла в ход.

В связи с этим возникает целый ряд новых вопросов, на которые смогут ответить только компетентные люди (представители православной церкви, историки и политики). Я неплохо знаком с историей нашего государства, но с понятием экуменизма еще не сталкивался. Вроде не было его ни во времена царского правления, ни при ленинском, ни при сталинском. Может, оно возникло сравнительно недавно? Интересно узнать, и кто был инициатором политики экуменизма в нашей стране?

Г. ГАРМАШОВ,
военнослужащий,
Киев

* * *

На чем спекулируют сегодня враги России? На межнациональных отношениях. И это когда остро встал вопрос о сохранности «российского дома», когда каждый должен быть озабочен одним вопросом: быть ему или не быть? Кому это все на руку? Это на руку несостоявшимся авантюристам-политикам, для кого ничто не свято, кроме гонораров, которые они получают за публикации своих статей, за то, что призывают к разладу и ссоре.

Чем мы можем им противостоять? Я представитель маленького народа — Чечено-Ингушетии, призываю всех живущих в России к примирению. Не теряйте благоразумия и не поддавайтесь на провокации!

М. ПОЧИЕВ,
Поныри

* * *

В Казахстане объявили казахский язык государственным. Уже в школах, вузах, техникумах заставляют всех, независимо от того, хочет кто-либо это делать или нет, изучать его. Но зачем, скажем, мне этот язык нужен, если я русский и считаю свой язык красивее?

Посмотрите казахский, киргизский, узбекский алфавиты. Все буквы почти русские. У узбеков раньше была арабская письменность, а у казахов и киргизов ее вообще не было, да и откуда у кочевых народов она могла быть. И теперь я должен учить то, что во многом у русских позаимствовано. Не вижу здесь никакого смысла.

А. ХМЕЛЕВ,
Джамбул

РЕПЛИКА

КАКИМИ БЫ ЕЩЕ ПРИНЦИПАМИ ПОСТУПИТЬСЯ НАШИМ «ДЕМОКРАТАМ»

Мы уже привыкли к тому, что наша левая пресса (а она почти вся — левая) очень любит поиронизировать и даже поиздеваться над чьей-либо принципиальностью и в особенности над теми, кто своими принципами поступаться не желает... Словно отныне иметь устоявшиеся принципы и тем более во всеуслышание заявлять о них — огромный непростительный грех. Что ж делать, если на дворе такое принципиально-беспринципное время. Бывает и такое в истории.

Потому, наверное, никого уже не удивляет, не шокирует и даже не смешит прямо-таки вопиющая, вызывающая беспринципность наших некоторых политических деятелей. Теперь для них быть беспринципным — значит считаться самым радикальным, самым демократическим, самым прогрессивным.

Почти все спокойно отнеслись к решению Б. Ельцина и Г. Попова выйти из КПСС, хоть и — лишь только после того, как, получив от партии в с е, они дорвались до власти. Что ж, может, это и есть их жизненный *принцип:* отрекаться за не надобностью от бывшей кормилицы, от прошлых своих показных «принципов» и «идеалов», без которых где бы они сейчас были? Однако в жизни не все так просто, она всегда полна неожиданных сюрпризов. От партии теперь отказаться легко, иные это считают даже престижным делом — это, мол, в духе времени и перестройки. Но, оказывается, для некоторых из таких гораздо труднее отказаться от заманчивой возможности в день революционного партийного праздника постоять, покрасоваться перед всем народом на трибуне Мавзолея основателя коммунистической партии... Впрочем, подобная «последовательность» слишком законо-

мерна в цепи поступков современных представителей нынешней «демократической» власти.

Хотелось бы задать вопрос и руководителю КПСС — М. С. Горбачеву. Как же это Вы, Михаил Сергеевич, позволили себе в день праздника Октябрьской революции подняться на трибуну Мавзолея с людьми, публично и картинно отмежевавшимися от ленинской партии, с людьми, отныне не признающими коммунистических идей, перечеркнувшими в своей душе Октябрь? Я говорю о Б. Ельцине и Г. Попове, которые, стоя рядом с Вами и самодовольно улыбаясь, приветствовали праздничные колонны демонстрантов, несущих партийные лозунги и транспаранты. Если кто-то не верит в коммунизм, в идеалы Октября, то с какой стати ему красоваться перед всем народом на трибуне Мавзолея Ленина? Хотя и то сказать — чего ждать от человека, просившего на XIX партконференции политической реабилитации? Интересно, зачем она ему была нужна?.. Или эта просьба Б. Ельцина была, так сказать, впрок? Может, она ему еще понадобится? Скажем, в 1992 году или в 1999-м, когда ситуация в стране резко изменится?..

Хотя Вам, Михаил Сергеевич, не откажешь в остроумии. Как это пришла Вам в голову гениальная мысль сойти с трибуны Мавзолея, выйти на Красную площадь и возглавить демонстрацию, организованную московскими коммунистами? Или Вы просто были уверены, что в своей последовательной беспринципности Ельцин и Попов поплетутся за Вами, что ни у кого из них не хватит ни ума, ни мужества отойти в сторонку?! И ведь действительно — они вместе с Вами пошли во главе этой самой коммунистической демонстрации.

В общем, Президент очень остроумно показал, как можно обращаться с нашими новоявленными демократами, которым ничего не стоит поступиться принципами.

Но последовательная беспринципность Б. Ельцина и Г. Попова в тот день на этом не кончилась. После торжественного шествия по Красной площади впереди коммунистической демонстрации Б. Н. Ельцин и «барин-демократ», как окрестила пресса Г. Х. Попова, отправились возглавлять другую — антикоммунистическую, антиоктябрьскую, так называемую альтернативную демонстрацию. Да-да, сразу после этого Борис Николаевич и Гавриил Харитонович пошли брататься с теми, кто на Старой и Манежной площадях объявлял Октябрьскую революцию преступной. В «Правде» 8 ноября был опубликован снимок, на котором Б. Ельцин и Г. Попов гордо позируют под лозунгом демонстрантов-демократов: «КПСС — чума XX века, а РКП — хуже чумы».

Чушь, чертовщина какая-то, скажет непосвященный читатель. Но ему пора ответить: хватит удивляться. Это и есть отличительная черта нынешнего времени. В этом и есть та самая последовательность новоявленных «демократов», дорвавшихся до власти. Последовательность их беспринципности. А точнее — их жизненный *принцип.*

Ну что ж, наши «демократы» поступались уже всеми мыслимыми и немыслимыми принципами. Осталось ли еще хоть что-нибудь святое, чем бы они не могли поступиться?

Валерий ХАТЮШИН

Ответы чрезвычайного и полномочного посла Иракской Республики в СССР Г. Д. Хуссейна на вопросы «МГ»

«15 ноября 1971 года президент Ирака обнародовал проект Хартии национальных действий. В нем подчеркивается неприемлемость для Ирака капиталистического пути; необходимость создания единого фронта прогрессивных и патриотических сил Ирака на основе усиления борьбы против империализма, сионизма и реакции; необходимость укрепления отношений с социалистическими странами... В 1969—1971 годах между Ираком и Советским Союзом был заключен ряд соглашений об экономическом и техническом сотрудничестве. 9 апреля 1972 года СССР и Ирак заключили Договор о дружбе и сотрудничестве» — так сказано в Большой Советской Энциклопедии (т. 10, с. 397, 398, статья «Ирак»).

— Уважаемый господин посол! Сохраняет ли силу этот договор сегодня и чем вы можете объяснить недружелюбные выпады некоторых органов советской прессы против Ирака?

— Договор о дружбе и сотрудничестве между двумя нашими странами остается в силе. С начала событий в регионе Арабского* залива было проведено несколько встреч между иракским и советским руководством. Обе стороны обменялись мнениями по поводу положения в регионе. 20 августа 1990 года д-р Саадун Хамади, член Совета Революционного командования, заместитель премьер-министра Ирака, посетил Москву, где встретился с Эдуардом Шеварднадзе, министром иностранных дел СССР, и Игорем Белоусовым, заместителем председателя Совета Министров СССР. Кроме того, господин Тарик Азиз посетил Москву в сентябре с. г., где он встретился с Президентом СССР Михаилом Горбачевым. А в августе Михаил Сытенко, посол по особым поручениям, посетил Багдад как представитель советского руководства и провел там консультации с иракским руководством.

Что касается недружественных нападок против Ирака со стороны некоторых советских источников средств массовой информации, то они вызвали удивление с нашей стороны, особенно если учитывать, что они идут в русле западной пропаганды в общем и амери-

* Имеется в виду Персидский залив (прим. ред.).

канской в частности. Дело даже дошло до того, что некоторые советские газеты и журналы стали публиковать статьи американских авторов на главных своих полосах.

— Наша пресса скудно освещает детали конфликта на Ближнем Востоке. Создается впечатление, что от нас, советских граждан, что-то скрывают. Правда, промелькнуло сообщение, что вы выступаете против израильской агрессии, против его захватнической политики, против сионизма. Не кажется ли вам, что некоторые наши печатные органы открыто симпатизируют Израилю и поэтому недодают полной информации о событиях на Ближнем Востоке, создавая при этом негативное отношение к вашей стране?

— Советские средства массовой информации всегда играли большую роль в отражении событий, происходящих в регионе Ближнего Востока. Они играли эффективную роль в правдивом информировании советского общественного мнения и в поддержке справедливой борьбы арабских народов в целом и палестинского в частности, против агрессивных планов американского империализма и сионизма в лице правителей Тель-Авива.

Однако с некоторых пор часть советских средств массовой информации начала призывать к пересмотру информационной политики Советского Союза в отношении Ближнего Востока и занимать более «объективную позицию» к событиям в регионе.

В рамках этой политики некоторые печатные органы начали передавать половинчатые сведения о происходящем на Ближнем Востоке и о сущности конфликта в регионе. Они резко критиковали авторов, которые освещали события в регионе в тот период, который у вас сейчас называется «застоем». Советский читатель наверняка хорошо помнит статью советского журналиста Александра Бовина в газете «Известия», в которой он призывал палестинцев отказаться от борьбы и каменного восстания (интифады), которую они ведут против израильских оккупантов.

— Не могли ли вы, господин посол, коротко рассказать о том, в чем суть конфликта?

— То, что вы называете арабско-израильским конфликтом, — это лишь наглая агрессия против арабской нации и крупное преступление против арабского палестинского народа. Мировой империализм, колониальные государства и сионизм создали на земле Палестины в 1948 году образование, которое они назвали «Израиль». Они перетащили в это образование евреев-сионистов с разных концов мира в то время, как они изгоняли сотни тысяч палестинцев, заставляя их покидать родину и жить в лагерях беженцев в различных странах.

Сионистское образование Израиль не удовлетворилось тем, что оно сделало с арабским палестинским народом, оно продолжало свой экспансионистский курс и начало осуществлять цепь агрессии против других арабских стран. Оно, например, разжигало огонь войны в 1967 году против арабских государств и оккупировало и до сих пор продолжает оккупировать обширную и важную часть арабских земель.

С другой стороны — Израиль отказался выполнить все резолюции, принятые ООН в отношении палестинского вопроса, хотя эти резолюции и не удовлетворяют даже минимальные права палестинского народа.

Таким образом, стала ясной опасность сионистского присутствия и его союз с империализмом самому существованию арабской нации и ее дальнейшей освободительной борьбы ради объединения и социализма.

Израиль сегодня считается стратегическим союзником США на Ближнем Востоке, который эффективно используется Соединенными Штатами в этом жизненно важном для империалистических интересов районе.

— Президент США Буш мечет громы и молнии в адрес Ирака. Угрожает, как всегда, санкциями. Ему-то какое дело до Кувейта? Из сообщений печати известно, что Ирак заблокировал экспорт нефти из Ирака и Кувейта и цены на нефть резко подскочили на мировом рынке. Какие цели, на ваш взгляд, преследует Буш в этом конфликте?

— Президент Буш использует враждебную кампанию против Ирака, чтобы осуществить сугубо эгоистические цели на Ближнем Востоке, направленные на закрепление американского военного присутствия в районе и оккупацию нефтяных месторождений на Арабском полуострове и в Арабском заливе. Кроме того, эти планы направлены на укрепление власти реакционных режимов в регионе и нанесение удара прогрессивным режимам, требующим удалить США и их военное присутствие с Ближнего Востока.

Советский читатель наверняка хорошо знаком с планом Картера оккупировать регион залива, а также с целями американских сил быстрого развертывания, которые были созданы специально для оккупирования данного района и осуществления военных действий в данном районе.

События в Кувейте отнюдь не были единственной причиной, толкавшей президента Буша вести враждебную кампанию против Ирака, а независимая политика Ирака и его стремительные планы в создании национальной промышленности и укрепления его обороной способности, — это то, что толкало президента Буша начать враждебную кампанию против Ирака до событий в Кувейте.

— США и наша печать называют Ирак агрессором. Но почему-то советская печать перестала называть агрессорами США, вероломно вторгшиеся в Гренаду, Панаму, и Израиль, захвативший земли Палестины и изгнавший коренных жителей Палестины со своей земли. Как могло произойти, что СССР выступает вместе с США против Ирака?

Сейчас говорят о переоценке интересов Советского Союза на Ближнем Востоке. В чем вы видите эту переоценку? В том, что к власти в Советском Союзе пришли другие люди? Какие?

— Разговор о переоценке и пересмотре интересов Советского Союза на Ближнем Востоке начался, как известно, в рамках политики перестройки и гласности.

Сначала шло много разговоров на страницах некоторых советских газет и журналов касательно переоценки политики Советского Союза в отношении Ближнего Востока и проведения так называемой «более объективной политики», то есть отказа от односторонней политики поддержки арабов.

Условия, переживаемые Советским Союзом, толкали его на замкнутость и заставили его обратить главное внимание на внутреннее положение, характеризующееся острым экономическим кризи-

сом, межнациональной рознью и стремлением некоторых союзных республик к отделению.

Эти объективные условия привели к тому, что страна уже не уделяет то прежнее внимание, которое она уделяла Ближнему Востоку. К тому же в США стали давить, чтобы Москва отказалась поддержать ее друзей под разными предлогами, среди которых «нарушение прав человека со стороны друзей Москвы или поддержка друзьями Москвы мирового терроризма» и другие предлоги.

Вашингтон, подталкивая Москву отказаться от друзей на Ближнем Востоке, сам ничего не теряет, а выигрывает.

— Журнал «Новое время» (№ 34 от 17 августа 1990 года) заявил, что «у Советского Союза, разумеется, есть собственные интересы на Ближнем Востоке». Не могли бы вы, господин посол, пояснить, о каких интересах идет речь?

— Советский Союз как великая держава имеет большие интересы на Ближнем Востоке. Если США, которые находятся от Ближнего Востока на расстоянии тысяч километров, объявили этот район «зоной своих жизненных интересов», то надо понимать, как к этому относится Советский Союз, южные границы которого идут вдоль Ближнего Востока, а с точки зрения географического месторасположения, СССР имеет большие экономические интересы с государствами региона. СССР, как великая держава, никогда не был колониальным государством. Он имеет договоры о дружбе и сотрудничестве с Ираком, Сирией и Ливией, к тому же он имеет множество торговых и экономических соглашений с большинством стран Ближнего Востока.

— Известно ли что-либо вам о поставках Советским Союзом нефти в Израиль?

— У нас нет данных в отношении этого вопроса, и вы можете поинтересоваться о них у советских компетентных организаций.

— Наша пресса много пишет о том, что Ирак препятствует выезду советских граждан из Кувейта, а также о мародерстве иракских солдат в Кувейте. Правда это или ложь?

— Информация о запрещении выезда советских граждан из Ирака и губернии Эль-Кувейт противоречит правде. Советские граждане на основе крепкой традиционной дружбы между двумя народами всегда встречали особое отношение и пользовались привилегиями. Любому желающему уехать была предоставлена такая возможность. Вам, наверное, известны преднамеренные и неблаговидные цели, прикрытые вымыслами западных средств массовой информации в этом отношении. Да, были случаи мародерства и ограбления в Кувейте. Однако это совершили иностранцы и некоторые арабы, проживающие в Кувейте. Что касается иракской армии, то она старалась навести порядок и наказать тех, кто совершал эти преступления. Власти приняли все необходимые меры, чтобы предотвратить эти случаи. Законодательные органы приняли закон, считающий мародерство и ограбление в губернии Эль-Кувейт преступлением, наказуемым смертной казнью.

— «Комсомольская правда» от 9.9.1990 года со ссылкой на американский журнал «Тайм», а тот, в свою очередь, на «сообщение»

израильских спецслужб рассказала советским читателям, что у руководителя Ирака «тяжелая форма мании величия с ярко выраженными симптомами паранойи». Что-то аналогичное приписывается сейчас и генералиссимусу Советского Союза Сталину, под руководством которого одержана победа над фашистской Германией 45 лет назад. Не кажется ли вам, что это знакомый почерк советских и израильских сионистов?

— Искажение фактов и истории — это одна из черт мирового сионизма. Поэтому это движение всегда старается очернить историю тех наций и народов, которые стоят против экспансионистских замыслов сионистского движения и стараются разоблачить его империалистические способы и цели.

— Говорят, что на президента Ирака не раз совершались покушения. Кто в этом больше всего заинтересован — США или Израиль, или вместе взятые?

— Средства массовой информации, связанные с американским империализмом и мировым сионизмом, время от времени публикуют вымыслы о случаях покушения. Цель этих вымыслов — дестабилизировать положение внутри страны и создать впечатление о якобы существующей оппозиции внутри страны, что является безнадежной попыткой нанести удар внутреннему фронту в стране.

— Нам стало известно о том, что в Багдаде в середине октября состоится суд над американским империализмом и сионизмом. В чем суть обвинений?

— По инициативе Союза юристов Ирака 15 октября с. г. в Багдаде будет суд над американским президентом Джорджем Бушем по обвинению в совершении преступлений против арабского народа и его попытки уничтожить целые человеческие расы во многих районах мира *.

Уже было направлено приглашение почти 150 экспертам международного права, среди которых арабы и иностранцы, для участия в этом судебном процессе.

В судебный корпус не будет входить ни один иракский деятель.

К ВОПРОСУ О СОБЫТИЯХ В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ

(ИНФОРМАЦИЯ ТАСС, КОТОРАЯ НЕ ПОПАЛА НА СТРАНИЦЫ СОВЕТСКОЙ ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРЕССЫ)

* * *

Амман, 25 сентября. Иорданская газета «Саут аш-Шааб» поместила статью под заголовком «Встреча в Хельсинки и признание военного выбора». «Анализ политических событий, происходящих в последнее время, — говорится в статье, — указывает на ничем не оправданную двойственность позиции Советского Союза относительно кризиса в Персидском заливе». Автор статьи пишет, что СССР выступил с заявлениями против «американо-натовской концентрации», против «военного решения кризиса», за «решение в рамках арабских стран», против «введения экономической блокады

* Суд над Д. Бушем состоится в Алжире 10—12 декабря с. г. (Прим.).

в отношении Ирака» и в то же время соглашается на нее на Генеральной Ассамблее и в Совете Безопасности ООН».

«Советская инициатива, объявленная министром иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе, не вышла за пределы инициативы Ирака. Шеварднадзе лишь перевернул инициативу Ирака: последний ее пункт занял место первого». «Все это было накануне встречи в верхах в Хельсинки, которая считается по всем критериям продолжением заговора, целью которого служит разрушение арабского возрождения». Автор считает, что слова совместного советско-американского коммюнике «стороны едины в своей позиции в вопросе Персидского залива» подтверждают неуверенность в эффективности экономической блокады и возможность применения других мер, в частности «военного решения кризиса в Персидском заливе». «Советский Союз быстро ответил на давление США и в ходе встречи в Хельсинки согласился на американские планы во всех их подробностях», — пишет газета. По утверждению автора, «блокада во всех ее формах — это военный выбор». «После Хельсинки Советский Союз предпринял некоторые шаги, осуществление которых созвучно с американской политикой: восстановление дипломатических отношений с Саудовской Аравией, значительное потепление в отношениях с Израилем. Кроме того, министр иностранных дел СССР выразил осуждение и тревогу по поводу призыва исламского Ирана к «священной войне» — джихаду. СССР выразил свою готовность предоставить корабли и самолеты для перевозки солдат США и стран НАТО в Персидский залив», — пишет автор. «Все это подтверждает, что встреча в Хельсинки утвердила военный выбор».

В заключение автор статьи пишет: «Мы знаем, что объявление джихада значительно обеспокоило Советский Союз. Это взорвет советские исламские республики, в которых проживает 70 миллионов мусульман, владеющих большей частью советской нефти. Мы знаем также, что арабское возрождение затрудняет и подрывает не только внешнюю политику нашего друга, но и новое советское мышление, которое предвещает, что человечество будет жить в счастье, безопасности, миролюбии».

* * *

Лондон, 28 сентября. «Больше невозможно считать Москву другом и союзником освободительных сил в мире, включая арабский мир и палестинский народ и его борьбу», — заявил член Исполкома ООП Абдалла аль-Хаурани, пишет ежедневная тунисская газета «Ас-Сабах».

Поведение Москвы, сказал он, «можно рассматривать только как попытку угодить сионистскому движению и получить американские деньги».

«Кто мог бы представить себе, что Москва даст Соединенным Штатам список оружия, проданного ею Ираку?» — сказал он далее.

Москва, которая некогда была главным поставщиком оружия Багдаду, осудила его вторжение в Кувейт и поддерживает экономическое эмбарго, введенное ООН против Ирака.

* * *

Лондон, 29 сентября. Ирак осудил Советский Союз за его все более ужесточающуюся позицию в отношении Багдада в связи с

кризисом в Персидском заливе и заявил, что его бывший главный союзник и поставщик оружия был подкуплен Западом.

Комментируя выдержанную в резких тонах речь министра иностранных дел СССР Эдуарда Шеварднадзе на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, политический обозреватель Иракского информационного агентства (ИНА) заявил: «Угрожающий тон ясно свидетельствовал о подкупе со стороны Америки и ее союзников — нефтяных королей».

Шеварднадзе предупредил Ирак, что ООН согласно своему Уставу имеет право «подавлять акты агрессии». Она осуществит это право, если будет продолжаться незаконная оккупация Кувейта.

«Мы говорим Шеварднадзе, что, если вы не дорожите узами дружбы с арабами и хотите волочиться вслед за американским агрессором, тогда арабы не будут дорожить вами и вашими симпатиями», — сказал этот обозреватель, который, как полагают, является высокопоставленным чиновником.

* * *

Тегеран, 28 сентября. В Иране прошли массовые манифестации в связи с завершающейся «неделей священной обороны». Десятки тысяч жителей столицы собрались на территории Тегеранского университета, где состоялся митинг. Его участники провозглашали лозунги: «Смерть США!», «Смерть Израилю!»

* * *

В столице Иордании прошли демонстрации в поддержку Саддама Хусейна. Ее участники сожгли флаги США и Великобритании. Они призывали иракского президента применить химическое оружие против иностранных войск в Саудовской Аравии.

* * *

Алжир, 30 сентября. Алжирский комитет в поддержку Ирака призвал провести 5 октября пост, а сэкономленное в этот день продовольствие отправить «братскому иракскому народу», который пытается задушить голодом Запад.

Рост проиракских настроений в Алжире, обусловленный рядом экономических, социальных и исторических причин, принимает все больший размах. В иракское посольство поступают сотни заявлений от молодых людей с просьбой отправить их в Ирак, чтобы участвовать в священной войне. Здесь играют свою роль и пресса, и большинство политических партий, пытающихся использовать рост арабского национализма для укрепления своих позиций накануне досрочных выборов в Национальное народное собрание. Подлило масла в огонь выступление бывшего президента Алжира Ахмеда бен Беллы, в котором он призвал отправить на помощь Саддаму Хусейну корпус добровольцев численностью 100 тысяч человек, а военное вмешательство Запада охарактеризовал как новый крестовый поход с целью колонизации арабского мира.

* * *

Бейрут, 3 октября. Ливанская компартия осудила решение Советского Союза о восстановлении консульских отношений с Израилем и возобновлении воздушного сообщения между двумя странами.

* * *

Триполи, 3 октября. М. Каддафи заявил, что иностранное военное присутствие в зоне Персидского залива представляет угрозу мусульманским святыням в Мекке и Медине. Иностранные войска, к помощи которых прибегли правители Саудовской Аравии, состоят из иудеев и христиан, сказал Каддафи. Мы не можем, подчеркнул он, совершать паломничество в святые места в то время, когда близ них находятся американские солдаты. В то же время руководитель ливийской революции подтвердил право Саудовской Аравии обращаться за помощью к любой стороне.

* * *

Тегеран, 3 октября. Установление консульских отношений между Советским Союзом и Израилем широко освещается в иранских средствах массовой информации. В комментариях радио и телевидения, а также в редакционной статье газеты «Техран таймс» проводится мысль, что после этого решения Советский Союз встал в один ряд с пособниками Израиля и США, которые стремятся решить палестинскую проблему в свою пользу. Роль Советского Союза в этом плане видится в размещении, в перспективе, на оккупированных палестинских территориях до одного миллиона советских евреев, что позволит укрепить и расширить сионистское государство.

Газета «Техран таймс» пишет, что Советский Союз, США и Израиль вынашивают общие заговоры против мусульман. Сообщая об истории разрыва отношений между СССР и Израилем, газета пишет о том, что эти связи между двумя странами получили тенденцию к восстановлению с приходом к власти президента Горбачева. Разрешение на массовую эмиграцию советских евреев в оккупированную Палестину, отмечается в статье, является одним из важнейших в нынешнее время заговоров против исламского мира. Этот заговор осуществляется при координации действий США, Израиля и Советского Союза, цель которого — аннексия палестинских земель Тель-Авивом. Заселение евреями оккупированных территорий создает угрозу безопасности многих стран Ближнего Востока.

* * *

Кувейт, 3 октября. «Тысячи американцев и их союзников вернутся на родину в гробах» в случае начала боевых действий в районе Персидского залива, заявило официальное иракское радио. Превосходство в воздухе, как это показал опыт войны во Вьетнаме, не позволит США добиться победы. Таким образом, американские войска будут вынуждены вести войну на суше с отлично вооруженной и закаленной в боях иракской армией, что приведет к огромным потерям, указало радио.

* * *

Кувейт, 4 октября. Президент Ирака Саддам Хусейн посетил территорию Кувейта и встретился с командованием расположенных там иракских войск. Выступая перед высшими иракскими офицерами, С. Хусейн назвал Кувейт неотъемлемой «частью родины». Он заявил, что иракцы не боятся угроз США и готовы защищаться.

●

Марк АПРЕЛИЙ

ЗАТРУДНЕНИЯ НЕИСТОВОГО РОЗГОНОСЦА

Публичные порки в кодексе не предусмотрены. И вот я в затруднении...

Александр Аронов, «Московский комсомолец»

Евгений Евтушенко и Саша Аронов... Два гиганта современной прогрессивной поэзии. Каждый со своей творческой манерой маркетинга. Евгений Евтушенко предпочитает, погрузившись в свои деловые думы, бродить возле навозных куч, иногда читает им, этим навозным кучам, стихи, а иногда и проклинает их громовым голосом. Впрочем, о своей любви к запаху навозца он талантливо рассказал в стихотворении «Вандея». Саша Аронов не склонен предаваться рассеянным мечтам. Его поэзия — свистящий удар розги по мягкому месту провинившегося, по его мнению, или просто зазевавшегося гражданина.

К сожалению, Евгений Евтушенко настолько примелькался на митингах и в кооперативных кафе, что его уже редко принимают за поэта. Кто считает его совладельцем расторана «Макдональдс», кто путает его с Собчаком. Тем отраднее слышать пронзительный свист розги, извините, молодого таланта, идущего на смену Евтушенко. Справедливости ради следует отметить принципиальную близость идеалов Евгения Евтушенко и Саши Аронова. Оба они делят ближних на подобных себе — «избранных» и чернь. Например, Евгений Евтушенко всех остальных пишущих стихи считает просто поэтами, а себя «больше чем поэтом», то есть, видимо, еще и владельцем недвижимого имущества, и политическим дельцом. К тому же он воображает себя французским дворянином XVIII века, ставшим якобинцем, и немножко Казановой. Другие жители страны для него — вандейцы. Этот взгляд Евгения Евтушенко отмечен не очень глубоким знанием истории. Что ж, простим ему, на станции Зима не было гимназии, да и Литинститут в свое время не сумел человек окончить.

Саша Аронов глубже зарылся в историю: чтобы грубо и зримо обозначить свой идеал, он воображает себя не иначе как древнеегипетским богом. Да, так и пишет: «Я Эхнатон» — в цикле стихотворений под общим названием «Голоса». О чем же мечтает Саша, воплотившись в Эхнатона? Да о заветном:

Бог может ржать и прясть ушами,
Потеть, мочиться на порог...

Понятно, почему Саша Аронов ведет себя так: ведь Египет — не его родная страна. Почему же прилетел на крыльях мечты Саша в Египет? Да потому, что в этой стране он может дать волю своим прогрессивным страстям:

Богов в Египте было много,
И сам я уничтожил их...

Как известно, в Египте Эхнатону не дали развернуться. Поэтому Саша грезит о том, чтобы идеалы египетского бога осуществились в другой системе. Устами Эхнатона Александр Аронов заявляет:

Я просветитель и бунтарь,
Хочу пройти в другой системе...

Однако стать Эхнатоном в нашей стране Саше пока не удается. Но он изо всех сил стремится выработать в своем характере отдельные черты обожаемого бога. Мочиться на порог открыто в общественных местах Саша пока опасается, хотя это желание нередко так сильно овладевает им, особенно в командировке, что ему приходится принимать экстренные меры. Об этом глухо свидетельствуют строки:

Как ты сладишь, воочью,
В полвторого в гостинице ночью
Сам с собою наедине...

Естественно, задержание мочеиспускания не остается без последствий для организма Саши. У него что-то происходит с ощущениями: то ему кажется —

Что в ванной спрятан осьминог, —

то будто за стеной в его квартире «топочет» какой-то таинственный ПО. А в последнее время он постоянно видит Смирнова-Осташвили в виде «кровавого паяца», на котором отрабатывает меткую стрельбу из пистолета Евгений Евтушенко.

Потеть — уголовно ненаказуемо, да и хоть как-то снимается напряжение, вызванное длительной задержкой мочеиспускания. Саша с удовольствием потеет:

Пил, и каялся, и потел...

Уничтожать других Саша может пока только в мечтах. Яркими, сочными красками рисует он возможные сценарии расправы в духе Эхнатона:

Соперник твой — уже стоит без глаза,
И без голов сбегаются враги...

О порке розгами Саша предпочитал до поры до времени лишь намекать:

Слово не удар...

Или:

Тому, кто живет, а не нужен,
Известен тот хруст за спиной...

Полностью же указанная идея раскрылась, как и талант Саши, в публицистике. Он четко и ясно сказал: «Публичные порки в кодексе не предусмотрены. И вот я в затруднении».

Однако такие, как Саша, всегда находят выход. С гражданским пафосом он требует от правительства использовать имеющийся в кодексе золотой фонд репрессий, который так помогал розгоносцам в годы застоя. «Есть ведь где-то статья о лишении гражданства», — напоминает он не кому-нибудь, а Президенту. Да, если бы Саша был Президентом! Моментально бы очистил страну от беспокоящих его видений — от осьминога в ванне, от загадочного ПО и «кровавого паяца» вместе с соперником в поэзии Евгением Евтушенко.

Есть еще у Саши мечта — посадить на скамью подсудимых коллектив журнала «Молодая гвардия» во главе с главным редактором... Но генеральный прокурор не внимает его гласу. Не догадывается, поди, что Саша — Эхнатон.

Впрочем, мы слишком увлеклись рассмотрением политических взглядов Саши. Обратимся вновь к его поэзии порки. Какие же особенности личности Саши порождают его творчество? На этот счет его поэзия красноречива.

Саша стремится достичь вершин в любовной лирике, он прямо заявляет: «Наша специальность — любовная лирика». Однако «поэтическая» ли специальность имеется в виду? Ведь созданные им плоды в этой области не воспринимают прежде всего те, кому они предназначены, а именно — женщины. Саша томен, возвышен... Прислушаемся:

Червь дождевой дождевым называется,
Ибо из почвы дождем вызывается...

Кстати, как это актуально именно в наше время, когда свирепствует чума XX века — СПИД! Если бы женщины приняли любовь дождевого червя, СПИД пошел бы быстро на спад. Но, увы, судя по признаниям Саши, они не только отвергают его любовь, но и с «яростью терзают и рвут» нашего поэта. Видимо, поэтому Саша полагает, что женская любовь хуже тюрьмы и войны:

Тюрьмы не знал,
Войны не видывал,
Зато досталось мне любви...

Не знал Саша и порки, иначе его поэзия приобрела бы новые краски! Впрочем, мы отвлеклись. Почему же женщины отвергают Сашу? Неужели из-за того, что он потеет? Нет, разгадка не так проста! Объяснение поэт дает сам:

Уж чего-чего от них ни видел,
Многое успел и позабыть.
И боялся их, и ненавидел,
Если силы не было любить...

Что же значит — «силы не было любить»? Невольно на ум приходит Сашина строка о «без времени падшей плоти». Большое значение этой строки для Саши и для всей его поэзии порки подтверждается другими его мотивами. Например, он не верит в женскую верность:

И потому я видеть не могу
Ту сладенькую ложь про честь и верность...

Саша признается, что удерживает женщин исключительно с помощью слежки:

И стеречь ее много сложней...

А как бы ему хотелось поступать, как его более удачливые приятели:

И тянут эспандер друзья спозаранку,
У синих зеркал примеряют осанку,
Чтоб днем разыскать донну Анну, испанку,
И вывернуть тело ее наизнанку...

Вот именно, «вывернуть наизнанку»! И как до боли обидно Саше, что это делают другие! Горечь, скапливаясь в душе, подталкивает руку Саши к бичу, к розге, чтобы полосовать «мильоны девиц на ножках точеных». Бывают у него, конечно, колебания, когда ему самому хочется стать женщиной. Об этом свидетельствуют строчки:

Я угловата, как мужчина:

Или:

Я боюсь приближаться к большим
и решительным женщинам,
Хоть оно привлекательно, мужество жен...

Все же идеал порки побеждает, и Саша распространяет его и на женщин, и на мужчин.

Поэт сознает, что сказал новое слово в мировой поэзии, слово более весомое, чем даже Евгений Евтушенко. Саша без лишней скромности заявляет:

А я настроен спокойно. Мой индекс войдет
в бессмертье.

Действительно, еще не было, нет и, видимо, никогда не будет большего певца розги! Он один — Саша Аронов! Поэт имеет полное право поставить себя рядом с Шекспиром:

В конце концов, не одному Шекспиру —
Ведь кое-что известно здесь и нам...

Перестройка открыла Саше новые горизонты, но и поставила перед ним новые проблемы. Появилась масса кооперативных организаций по восстановлению мужской силы. Пойдет ли туда Саша? И что станет с его поэзией порки?

Нет сомнения — если лечение будет успешным, то поэзия порки увянет. Однако придет ли к Саше настоящая поэзия? На этот вопрос он провидчески ответил сам:

Она достанется другому,
А я останусь в дураках...

●

Таисия НАПОЛОВА

НЕ ТОЛКАЙТЕ СТРАНУ К ОБРЫВУ

Кажется, никогда еще ложь не обладала столь разрушительной силой, как в наши дни. Ловкие демагоги спекулируют на народных нуждах, рядятся в народные одежды и громче других кричат о «возрождении» России и под этот шумок оплевывают ее прошлое, свергают ее святыни. Что у нас еще осталось неоплеванным?..

В шуме битв, митинговых и журнальных, людям все чаще приходят на ум подобные мысли, все чаще появляется потребность оглянуться на прошлое, разобраться в том, что происходит в настоящем.

ВЕК НЫНЕШНИЙ И «ВЕК СЕРЕБРЯНЫЙ»

«Веком серебряным» критик С. Чупринин называет период с 17 октября 1905 года, когда был обнародован Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», до 7 января 1918 года, когда большевики разогнали Учредительное собрание. В этот период, как пишет критик, «...политическая жизнь России больше, чем когда бы то ни было, напоминала жизнь в условиях «классических» демократий. Частью возникли, частью легализовались политические партии и бесчисленные «неформальные» организации. Права цензуры оказались резко суженными. Развернулись собственно политические, уже не прикрываемые ширмою «эстетики» и «этики» дискуссии в печати, на митингах и собраниях избирателей» («Знамя», 1990, № 1).

В «серебряный век», по мнению критика, литература деполитизировалась, ушла в «художество», ибо «тогда нашлось, кому... передоверить» и ведение дискуссий, и задачи политической агитации. Не то в наши дни. Импульс к демократическому плюрализму хотя и задан, но плюрализм остается плюрализмом мнений, а не организаций. Поэтому и столкновение позиций, мол, часто проявляется как столкновение амбиций. Так ли это?

Прежде чем ответить на этот вопрос, обратимся к характеристике той же эпохи в романе А. Солженицына «Красное колесо» («Наш современник», 1990, № 1). Подлинность рисуемых в этом романе картин не вызывает сомнений. Оценка событий в романе

не декларируется, как это имеет место в статье С. Чупринина, а документируется. Неудивительно, что оценки эти не совпадают. То, что служит предметом хвалы в статье С. Чупринина, в романе «Красное колесо» является поводом для горьких раздумий, беспощадного анализа и не менее горьких пророчеств.

И действительно, многое из «серебряного века» перекочевало в наши дни. С едкой иронией пишет А. Солженицын о «либеральном цвете» интеллигенции, которая зазывала на свою сторону народ «набором буйных свобод» и придерживалась одной тактики: «...нигде не пропускать ни одного удобного случая обострить конфликт. Они и не пытались искать, что из русской действительности и ее учреждений может, преобразовавшись, войти в будущее: все должно было обрубиться и начисто замениться». Ну, совсем как в наши дни. И тот же «сворот головы налево, обязательный для радикалов во всем мире». И те же попытки «разжечь народные массы на аграрном и рабочем вопросе».

И еще одна существенная «перекличка» двух эпох. Опасность радикализма в те далекие десятилетия распространялась и на сферу духовную. Видный представитель земства в России Д. Н. Шипов пророчил в начале века гибельность разрыва между материальной и духовной сторонами народной жизни... Он точно определил, что рационализм радикалов «повышенно внимателен к материальным потребностям человека и пренебрегает его духовной сущностью». А это в конечном счете сводит на нет и материальные цели, ибо материальное и духовное — это как бы два плеча одного рычага. Точно так же истина, природа и правила человеческого общежития уравновешивают этику и право. Не дай бог, если плечо получится кривобоким.

Но именно эту «кривобокость» и провоцировали радикалы, ибо их усилиями разрушались все нравственные барьеры и ценности. Вот почему Шипов, выступая против анархии и террора, поставил вопрос о «моральной солидарности всех», о «соборной совести народа». Что же касается радикалов, то увлечение политической борьбой как таковой лишило их перспективы. Утратив ее, они уже не ведали, что ковали мечи, которые впоследствии поразят их же самих. А миллионные массы народа станут жертвой, отданной ими же на заклание государственному молоху. Не одно десятилетие будет длиться это преступление, породив гражданскую войну, террор, массовые репрессии, уничтожение национальных святынь... Такова роковая сила «преемственности». Таковы в прошлом истоки и корни всех нынешних явлений. Недаром Гоголь, обращаясь к современникам, советовал: «...Отыщи в минувшем событие, подобное настоящему, заставь его выступить ярко и порази его в виду всех, как поражено оно было гневом божиим в свое время, бей в прошедшем настоящее, и в двойную силу облечется твое слово: живей через то выступит прошедшее, и криком закричит настоящее».

«НАШИ» И «НЕ НАШИ»

Так озаглавлен один из разделов статьи С. Чупринина «Ситуация». Тут не просто размежевание с инакомыслящими. Тут перчатка, брошенная «не нашим», прямые и резкие обвинения в их адрес. О «наших» говорится вскользь и суммарно. Зато «не на-

шим» выдается сполна. Один за другим выстраиваются пункты обвинительного приговора, сыплются безжалостные суровые слова. Не ищите здесь фактов, анализа, обоснованных ссылок на тексты. Хлесткие выводы — на то и хлесткие, чтобы оставаться голословными. Судите сами: «...«не наши» — это те, кто на каждой развилке истории, поглядев окрест себя, уязвившись успехами либо бедами других народов, горделиво провозглашает, что они пойдут другим, особым путем: будут, например, биться за православную, «всеславянскую» теократию (?) или строить «первое в мире государство рабочих и крестьян»...»

Во-первых, кто же это «уязвлялся» успехами других народов? Какие такие «не наши»? Заметьте, решению идти другим путем предшествует все же «уязвление» успехами соседей. Каков национальный эгоизм!

Далее. Почему решение «не наших» идти своим путем становится предметом иронии? Без самобытности нет и не может быть народа, тем более великого народа. И что это за «православная», «всеславянская» теократия? Издевательство над возрождающимся православием? Мистический ужас перед ним? Что же касается «первого в мире государства рабочих и крестьян», то его строили общими усилиями.

В столь же плакатном стиле написан и следующий обличительный пассаж: «...«не наши» — это те, кто приоритетными во всех без исключения случаях считает не интересы личности каждого отдельного человека, а интересы некой надличной силы — будь то интересы церкви, государства, класса, партии, нации, коллектива, те, кто твердил и твердит: «Единица — ноль, единица — вздор»... те, кто самозабвенно доказывал и доказывает, что у нас, мол, наперекор всяким там «буржуазным индивидуалистам» по-прежнему должны быть «общие даже слезы из глаз...».

Оставим на совести автора стиль откровенного шаржирования, но коль он касается таких понятий, как «православный», то было бы особенно непростительно обойти молчанием те христианские заповеди, в которых утверждаются высокие чувства человеколюбия и милосердия. А именно в этих чувствах отказывает «не нашим» критик «Знамени». Возвеличивание этих заповедей было одним из важнейших мотивов еще в древнерусской литературе. Русские люди видели в них воплощение нравственных законов человеческого общежития... Опираясь на них, они искали и находили истину. Гимном одной из таких заповедей заканчивается памятник начала XVI века — «Ответ кирилловских старцев»: «...апостол Петр сказал, вопрошая господа: «Господи, если брат мой грешит, прощать ли его на дню по семи раз?» И сказал господь: «Не скажу тебе по семи, но семьдесят раз по семи прости его!» Такова милость твоя, человеколюбец! Слава, господи, бессчетной щедрости твоей, по истинному приговору назван ты милостивым и бесконечно терпеливым к человеческим порокам, ведь праведных ты любишь, а грешных прощаешь — ныне и навечно!»

Разве весь этот высокий строй мыслей и чувств, исповедуемый православными, исключает внимание к интересам личности?

Приписав «не нашим» узость и бездуховность надличного отношения к личности, критик «Знамени» порицает их и за якобы присущую им узость социально-политических воззрений. Конкретизируя, кто же эти «не наши», С. Чупринин пишет: «...И Ша-

фаревич не колеблется: «Единственно возможный выход — перейти от развития, основанного на постоянном росте, к стабильному стилю существования», словно бы позабыв, что «стабильности-то мы с лихвой нахлебались в недавние десятилетия».

Давно известно, что само слово «стабильность» действует на некоторых наших экономистов-радикалов, точно красная тряпка на быка. Таково уж, видно, свойство всех радикалов. Чего они не могут себе представить — это достичь социально-экономических целей «плавной эволюцией» — обстоятельство, отмеченное Солженицыным в романе «Красное колесо». Ускорение для них — это семимильные прыжки. Так было и в начале века. Вот что писал такой тонкий и глубокий наблюдатель своего времени, как Ф. Шаляпин, в книге «Маска и душа» о людях, «сей дух породивших»: «Беда была в том, что наши российские строители никак не могли унизить себя до того, чтобы задумать обыкновенное человеческое здание по разумному человеческому плану, а непременно желали построить «башню до небес», Вавилонскую башню. Не могли они удовлетвориться обыкновенным здоровым и бодрым шагом, каким человек идет на работу, каким он с работы возвращается домой, — они должны рвануться в будущее семимильными шагами... — «отречемся от старого мира». И вот надо сейчас же вымести старый мир так основательно, чтобы не осталось ни корня, ни пылинки...»

Удивительно метко схвачена здесь связь между «Вавилонской башней» и обрубанием корней как факторами, дестабилизирующими положение в стране. И как оно было в начале века, так и теперь всколыхнулось с новой силой. И та же жесткая связь между обрубанием корней и установкой на дестабилизацию в обществе. Критикуя «не наших» и при этом явно шаржируя их взгляды, С. Чупринин пишет: «Дело в том совершенно особом окрасе, повороте, векторе развития национального чувства, при котором оно перерождается в самоценную и самоцельную национальную идею, и тогда (?) Россия и русские оказываются выделенными из сообщества стран, народов и культур, наша историческая судьба — отделенной от судеб мира, а наш путь — отъединенным от пути, по которому движется мировая цивилизация».

Что же это за феномен — «самоценная и самоцельная национальная идея»? Если это национализм, то подобное обвинение нуждается в доказательствах. Что значит быть «выделенным» из «сообщества стран, народов и культур»? И возможно ли это для великого народа? Общеизвестно, что чем самобытнее народ, тем больше его удельный вес в мировом сообществе. И напротив, теряя что-то как нация самобытная, он проигрывает и во мнении мировом. На это неоднократно указывал Достоевский.

Утрируя понятие национальной самобытности, С. Чупринин выводит из него психологию «осажденной крепости». А далее следует новый виток обвинений. «Не наши» — «это те, кому не указ ни пример всего человечества, ни единые, как можно уже, кажется, утверждать, закономерности развития мировой цивилизации...».

И опять непонятно, что это за «пример и указ всего человечества»? Новая форма деспотии? И какое отношение подобные «указы» имеют к национальной самобытности народа? Что же касается закономерностей, то они тоже не навязываются, а состав-

ляют естественную основу любого самобытного пути развития. В том-то и суть, что эта самобытность нуждается в признании и уважении. Там же, где этого нет, и появляется пресловутая нестабильность, и, разумеется, находятся ее апологеты. Недаром иронию С. Чупринина вызывают слова И. Шафаревича о «стабильном стиле существования». Похоже, что кого-то устраивает позиция — все разрушить, желательно «до основания», затем начать с нуля. А заодно и осмеять тех, кто настаивает на стабилизации положения в стране.

Разумеется, это «не наши». «Это те, кто, как В. Распутин, полагает, что сытость русскому человеку не по нутру и что материальное благополучие всенепременно лишит нас духовности», — иронизирует С. Чупринин. Да когда же В. Распутин высказывал подобные несусветные мысли? Где же факты, ссылки, уважаемый критик? Их нет.

На самом же деле Распутин высказывал мысли, близкие Достоевскому. А именно: все материальные обещания, игнорирующие духовные заботы о народе, построены на ложных основаниях. И забота о благах материальных должна быть «уравновешена» заботой о духовном уровне народа. Мысль несомненная, и утрировать ее опасно. Именно на этой почве возникает множество разных «концепций», в которых и взрослым впору бы разобраться. А что говорить о молодежи!

Возьмите, например, запущенное в прессу выражение «миф о стабильности». В обстановке дестабилизации в обществе и обрубания корней оно неплохо срабатывает: стабильности, мол, никогда и не было, а был лишь миф. Чтобы сделать подобный вывод, оснований серьезных не требуется. Так, сделав вначале заявление, что Белоруссия не славилась костюмерами, Виктор Козько пишет в «Хронике несостоявшегося митинга»: «И перестройка это наглядно выявила, сначала поколебав, а потом и вдребезги (?) разбив миф о стабильности положения в республике, миф о самой благополучной республике в стране». («Юность», 1989, № 7, с. 9.) Видите, как немного надо, чтобы «вдребезги» разбить «миф» стабильности?

Подобного же рода заявления, может быть, и не стоили бы серьезного внимания, если бы они не способствовали, в общей массе своей, процессу разрушения национального самосознания народа. В благовидных предлогах недостатка нет: тут и необходимость разрушения «стереотипов», и внедрение «нового мышления», хотя мало кто замечает, как в спешке одни старые штампы заменяются новыми. Штампами становятся и «новые» принципы изображения жизни, и сама «установка» на негативку.

Слабость подобного рода произведений — не в предельной обнаженности зла, а в тех выводах, на которые оно наталкивает доверчивого читателя. Что может быть беспощаднее грустных картин, нарисованных Гоголем в «Мертвых душах» или «Ревизоре». Но сколько в них поэзии, освежающей душу читателя! О душе-то и помнит прежде всего писатель-патриот. Поэтому-то классики так часто обращались к понятию — **душевная** правда.

Об этом всякий раз вспоминаешь, читая некоторые произведения современной прозы. Повесть Геннадия Головина «Чужая сторона» («Юность», 1989, № 10) вначале подкупает острой заявкой на самые больные проблемы времени, полемичностью диалогов.

Читаешь, словно беседуешь с интересным собеседником. Правда, пусть даже грубая, не отталкивает, а заставляет размышлять.

«— Можно ли так жить? Имеем ли право?! Нефть, газ — на Запад. Только ведь этим живем. Мы, милый ты мой, уже сырьевой придаток, а никакая там великая держава! Колония мы вшивая, которая громкими словесами пытается нищету свою прикрыть! Только слепой может не видеть. Для начала разрушили. Посеяли ералаш несусветный во всем: в экономике, в науке, в морали. Довели до грани голода... А теперь, когда довели до ручки, жди: явятся к нам благодетели. Концессии, займы, совместные предприятия».

Когда подобные вещи выкладываются начистоту, важно не только что говорят, но и как говорят. Случайный спутник наших собеседников простой рабочий Иван Чашкин думает: «Как сладко говорит!.. Так говорит, будто бы даже радуется тому, о чем говорит! Как будто ему хорошо оттого, что плохо. А ведь прав: плохо, куда как плохо!»

Но почему же человеку хорошо, когда все плохо? Живет, веря в принцип: «чем хуже, тем лучше»? Но как представляет себе это «лучше» человек, затронувший столь больную тему? Читаем дальше: «— Всю Россию довели. Был Иван Грозный. Будет Иван-дурак. К этому и ведут. Сами виноваты, что именно «ведут». Как корову — на живодерню. А мы идем».

Итак, предполагается какой-то радикальный выход. Какой — приходится лишь догадываться. Но несомненно, что мысль: «был Иван Грозный. Будет Иван-дурак» — в повести концептуальна, Иван Чашкин чувствовал в душе «какую-то ехидную усладу — от того, что вытворяет с ним жизнь». Далее автор пишет о герое: «Русский человек, он ощущал в себе достаточное еще вместилище и для нового страдания, и для нового холода, и для новых обид...» Сам Иван Чашкин разделяет эту авторскую характеристику. Более того, он как бы готов признать грядущую кару за свое многотерпение. Мысль эта акцентирована и в сюжете. Опаздывая на похороны матери, Иван думает: «А нет ли в том, что он не успеет, что мать уйдет в землю, не попрощавшись с ним, — нет ли в этом какой-то справедливости? Высокомерной, жестокой, но справедливости? Ведь и она тоже, безответная и смиренная, в какой-то мере виновата, что он, ее сын, возник на земле именно такой — безответный, смиренный, доступный всякому помыканию».

И хотя Иван отвергает эту странную идею «возмездия», он вновь возвращается к изначальной мысли о «злобной болезни», поразившей страну, и о своей личной вине: «А почему же тебя, парень, нигде не было, когда это происходило?!» Встреча с несчастными детьми вызывает в его душе новый порыв саморазоблачения: «Как в самом деле жить им в этом вонючем мире? Если я в пятьдесят своих лет торкаюсь, как слепой щенок, не могу ничего понять, и бит, и обижен, как только можно, так что же с них-то спрашивать? Они же дети! А эта вонь, это ведь и есть та самая жизнь, в которой мы вынудили их жить. Но можно ли им жить в таком мире!»

Итак, повинна во всех бедах многотерпеливая душа русского Ивана. Но, во-первых, сам сюжет не дает оснований для таких выводов... Герой по причине своей доверчивости становится в дороге жертвой то жуликов, то черствых или циничных людей.

Но чтобы судить героя «судом истории», нужен не один лишь «дорожный сюжет». Поэтому и приговор душе Ивана — «якобы безответной, смиренной, доступной всякому помыканию» — следует считать необоснованным.

Почему, спрашивается, некоторые авторы так повадились вызывать на суд душу Ивана? Русская литература создала образ свободолюбивого, умного и доброго русского народа. Что же касается пресловутого народного «смирения», то даже древнерусские авторы понимали под «смирением» лишь выражение благородного достоинства русского человека. Под терпением же понималось мужество в испытаниях. «Терпение убогих не погибнет до конца», — писал протопоп Аввакум, имея в виду стойкость и силу духа в борьбе с патриархом Никоном. А какими словами напутствовал его народ? «Протопоп, не отступай ты старого благочестия! Велик ты у Христа будешь человек, как до конца претерпишь...» Великое терпение проявил народ в те тяжкие годы, чтобы отстоять самое святое, что у него было, — веру.

В сегодняшней прессе можно встретить беспокойные суждения о молодежи, об утрате ею идеалов и т. д. Вот и в повести «Чужая сторона» один из героев говорит: «...молодежь-то они уже и сейчас убивают! Что в школе творится...» А страницей выше возникает образ Ивана — не сказочного, а дебила, роботизированного дурака. Но разве этот образ не убивает веру в идеал?

Все это единый процесс нигилистического отношения к прошлому. Отозваться с иронией об идеалах стало делом обычным. Снижение ценностей и атрибутов прошлого с помощью пародии — продуманный прием в рассказе А. Гаврилова «В преддверии новой жизни» («Юность», 1989, № 6). Сам прием выражается в сближении разноплановых понятий. Это разноплановое соседство и подчеркивает никчемность высоких устремлений. Например: «Приходится тайком пить яйца в курятнике. Стремиться к прекрасному». Бросается в глаза плакатный примитив высоких слов. «Р. и В. говорят уже не о рукавицах, а о том, что нужно изготовить кастеты из алюминия или эбонита. Опасные устремления! Не есть ли это следствие отсутствия высоких целей и идеалов? Нужно ставить перед собой максимально высокие цели и добиваться их. Куда-то пропала одна из наших кур».

Заканчивается рассказ критической ситуацией. За героем гонятся местные хулиганы с криками «лови юриста». Рассказанная история обрывается печаянным возгласом: «Люди! Помогите! Брат! Где ты? Спаси меня!» Но чувствуется, что героя уже ничто не спасет.

Что ж, смеясь, расставаться со своим прошлым, может быть, и похвально. Тем более что и примеры тому великие есть. Но когда вместе с водой, выплескивают и ребенка, тут не до смеха. Надо ли «выплескивать» идеалы?

Этот вопрос я адресую В. Кондратьеву, написавшему статью «Поговорим об идеалах» («ЛГ» от 17 января 1990 г.). Выдвигая весьма абстрактный идеал «справедливого сообщества», он подчеркивает, что, «как и всякий социальный идеал, он все-таки довольно прагматичен и утилитарен...». Но помилуйте, идеалы испокон веков не имели ничего общего с утилитаризмом. Идеал — это всегда желаемое, это свет в оконце и свет в душе. Он помогает нам подняться над жизнью, таково свойство этого важного компонента душевной жизни людей во все времена. Критик пи-

шет: «У нас коммунистический идеал превратился в своеобразного Молоха...» Действительно, многие наши идеалы были попраны проводниками «всемирной революции». Если же говорить о нравственном идеале народа, то он складывался исторически и, следовательно, вобрал в себя все самое ценное из опыта народной жизни, из его религиозных верований. И не потому ли на нас так безжалостно насели наши беды, что этот ценнейший клад был насильственно унижен. Наряду с причинами социально-экономическими как можно сбрасывать со счета причины духовные?

ДОРОГА К ОБРЫВУ

Вернемся к словам И. Шафаревича о необходимости перейти к стабильному стилю существования, которые иронически парировал С. Чупринин: «...стабильности-то мы с лихвой нахватались и не в минувшие десятилетия, а за какие-нибудь несколько лет — этой нестабильности». Мы не сразу заметили, как эта нестабильность охватила все сферы жизни: политику, экономику, культуру, нравственность. Устои расшатывались и продолжают расшатываться, что называется, по всем параметрам. И причина нестабильности одна — обрыв связей с прошлым — экономических, политических, культурных, этических и др. Метафора «обрыва» нынче многозначна. Это исходная позиция нарушения преемственности. Но это и финал, сулящий гибель.

Именно как предупреждение о грозящей людям опасности следует понимать и выступление И. Шафаревича на страницах «Литературной России» от 8 сентября 1989 года. Речь идет о протесте «исламского мира» против книги Салмана Рушди «Сатанинские стихи», в которой верующие увидели кощунство. И. Шафаревич пишет, что «реальным ответом были грандиозные демонстрации, то, что в столкновениях с полицией сотни людей отдали свои жизни, — и в результате удалось добиться запрета книги во многих странах». С. Чупринин видит в этих словах «немыслимое, кощунственное для христианина... представление о ценности человеческой жизни, когда на одну чашу весов бросается роман, каким бы он ни был, а на другую — сотни трупов, и эта плата за запрещение романа не кажется чудовищно несообразной?»

Но ни о какой «чаше весов», ни о какой «плате за запрещение романа» речь у И. Шафаревича не идет. Так ведь можно дойти и до обвинения в «призыве». Между тем И. Шафаревич акцентировал внимание именно на опасности, какую таит в себе неуважение к национальной святыне. Это неуважение вызывает дестабилизацию в обществе. Разве мало наше общество переживает смуты на национальной и религиозной почве! И выход может быть один — уважение к веками выработанным ценностям. Грандиозные демонстрации, о которых пишет И. Шафаревич, — это факты, с которыми приходится считаться.

Суть в том, что И. Шафаревич пишет о причинах розни и необходимости ее устранения. Вот чего «не понял» С. Чупринин, приписав ему злодейскую «чашу весов». Любое пренебрежение к национальным ценностям грозит бедой. И дело тут даже не в призывах или воззваниях. Это стихийные процессы. Тут сраба-

тывает инстинкт самосохранения, а он рано или поздно просыпается.

С. Чупринин пишет о двух дорогах к одному обрыву, оговариваясь при этом: «Да и две ли это дороги?» Он пишет об антисемитизме, о «самоценной и самоцельной национальной идее». Оставим на совести критика ничем не обоснованные обвинения, а точнее, давно не новые ярлыки. Но как бы ни был велик набор подобного рода эпитетов, они не могут объяснить той чудовищной дестабилизации, которую мы переживаем. Мы действительно на краю обрыва, и привела нас к нему одна дорога — дестабилизация, объяснить которую могут не только исторические корни, но и современные события.

Что же произошло?

Семьдесят лет в нашей стране космополитизированной властью упорно выкорчевывались национальные корни. Геноцид, разрушение экономики и культуры, уничтожение церкви, бюрократизация самой системы, столь возможная в условиях, когда парализована жизнь нации, — вот главные причины того, что происходит нынче. Прибавьте к этому форсированные демарши левых сил, их постоянный «сворот головы налево, налево, налево» (Солженицын), а это практически означает отказ от собирания патриотических сил народа, полный разрыв с его укладом жизни, с его верованиями и достижениями и скорая ориентация на Запад, рассчитанная на окончательное уничтожение России.

Вот она — дорога к обрыву, одна-единственная.

К сожалению, сейчас много неразберихи в умах, сама же обстановка сознательно подогревается левыми силами криком об ухудшении материального положения народа, ложными обещаниями улучшить обстановку в стране. Но далеко не все понимают, что это чистейшей воды демагогия. Недаром же говорят, что нет злее зла, если оно замешено на правде.

Спасти же Россию может только сама Россия, если она не даст обмануть себя левацкой пропаганде, если займет твердую позицию стабилизации положения в стране. Совершенно очевидно, что дальнейшее развитие России должно совершаться на самобытной основе, и это главный камень преткновения в современной полемике. С. Чупринин иронически называет патриотов России «нынешние самобытники». Во всем, что касается эпитетов самых иронических, тут С. Чупринин не скупится. «С. Куняев со товарищи». Или такое понятие с уничижительным оттенком, как «заединщики» (то есть люди, которых объединяет общая платформа). Или обвинение известного уважаемого человека в «идеологическом обосновании бытового антисемитизма». И при этом ни фактов, ни аргументов. Далеко же мы так уйдем в нашей полемике!

Зачем пишутся такие статьи? Обругать своих противников? Но этого добра у нас и без того довольно. Общество нуждается в реальных попытках примирения враждующих сторон, хоть какого-то согласия между ними в интересах общего дела. Но этого-то и нет в статье С. Чупринина. Напротив, он ищет союзника, чтобы сильнее ударить по оппонентам. И находит его у Л. И. Абалкина, цитируя его слова о том, что «нарастающие трудности, ностальгия по прошлому» уже «привели к формированию правоконсервативного блока общественных сил», и «этот блок набира-

ет силу и представляет собой весьма серьезную угрозу перестройке». («Аргументы и факты», 1989, 14—20 окт.).

Уточним, что «консерваторами» и «правыми» наши радикалы называют патриотов, то есть людей, кровно озабоченных бедственным положением своего народа. Но ныне, как отмечает и С. Чупринин, весь мир «поправел», и «консервативность — как психологическая установка — стала популярной». Да, люди во всем мире начинают понимать, что спасение — в опоре на добрые старые устои. Не потому ли наши радикалы так обеспокоены этими процессами во всем мире, особенно в России?

На что, однако, надеются радикалы, отказываясь от всякого союза с инакомыслящими? С. Чупринин пишет: «Возможно ли, нравственно ли, патриотично ли, спрошу, в условиях этой реальности убаюкивать себя словами о «консолидации» и «соборности», высокомерно отворачиваться: «Чума на оба ваши дома!» — или вяло соглашаться с этими и теми, брать что-то «у Шафаревича», что-то «у Сахарова», что-то из листовок «Памяти»...»

Статья заканчивается вопросом: «Куда ж нам плыть?» Вопрос этот, очевидно, следует дополнить другим: куда мы доплывем, если в печати тон будут задавать такие «публицисты», как Чупринин?

У Солженицына есть слова: «Горе той власти, что не слушает оппозиции, горе той оппозиции, что не входит в положение власти». Нынешних радикалов, как мне кажется, характеризует второй вариант. Но слова Солженицына в нынешних условиях можно было бы дополнить: горе той оппозиции, которая не видит ничего разумного в программе своих оппонентов.

И что же, мы у себя на родине не можем найти общего языка между собой в изучении и использовании веками накопленного богатства? Разногласия — не причина. Была бы общая любовь к народу. Но этого-то, как видно, и нет.

●

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» ЗА 1990 ГОД

● ПРОЗА

● ПОЭЗИЯ

● ТРИБУНА ПУБЛИЦИСТА

● РЕПЛИКА И КОММЕНТАРИЙ

● ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

● ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Ф СП-1

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на ~~газету~~ журнал **70544**

(индекс издания)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

(наименование издания)

Количество комплектов:

на 19 ____ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на ~~газету~~ журнал **70544**

(индекс издания)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

(наименование издания)

Стоимость	подписки	____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	____ руб. ____ коп.		

на 19 ____ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

● ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

● ИСКУССТВО

● НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

Художественный редактор Г. Комаров

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 17.10.90. Подп. в печ. 20.11.90
Формат 84X108[1]/32. Бумага кн.-журнальная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 19,4.
Тираж 725 000 экз. Заказ 2222. Цена 80 коп.

Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия», 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресовки издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Союзпечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовке издания, а также клетки «ПВ — МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Союзпечати».

80 коп. Индекс 70544

Трехшатровая церковь Успения Дивная. Город Углич.

Фото М. П. Кудрявцева